

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

В Ы П У С К 63

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

МОСКВА, САМИЗДАТ, 1981

**ПЕРЕИЗДАНО:
НЬЮ-ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1983**

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск 63

31 декабря 1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Преследования Рабочей комиссии: Суды над Гривниной; Серебровым — Дело о журнале "Поиски": Суд над Яковлевым — Арест Ивана Ковалева — Суд над Анатолием Марченко — Суд над Рогинским — Суд над Кувакиным — Аресты — Обыски, допросы — "Беседы" — Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов — События на Украине: Суды над Сокульским и Приходько; Кандыбой, Анцуповым; Раисой Руденко; Камповым — События в Литве — Преследования верующих — Право на выезд: Суды над Чернобыльским; Леиным; Зубко; Парицким — В тюрьмах и лагерях: Суды над Айрияном; Овсиенко; Стрельцовым; Лесивом — В ссылке: Суды над Коставой; Сквирским — В психиатрических больницах — На "обязательном привлечении к труду": Суд над Ермолаевым — После освобождения — Внесудебные преследования — После судов над Лавутом и Осиповой — Разные сообщения — Письма и заявления — Новости Самиздата — Официальные документы — Поправки и дополнения

Год издания четырнадцатый

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этот журнал издается в Москве в Самиздате с 1968 года. За эти годы журнал заслужил репутацию наиболее серьезного и достоверного источника информации о политических репрессиях в СССР.

По поручению московской редакции "Хроника текущих событий" переиздается в Нью-Йорке издательством "Хроника".

По-английски "Хроника текущих событий" издается "Международной Амнистией" в Лондоне (адрес для заказов: Routledge Journals, Broadway House, Newtown Road, Henley on Thames, Oxon, RG9 1EN, England; in the United States – Routledge Journals, 9 Park Street, Boston, Mass. 02108).

Необычайно важно, чтобы этот журнал распространялся как можно шире. Редакция издательства "Хроника" просит всех, кто в состоянии это делать, содействовать переправке выпусков "Хроники текущих событий" в СССР.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любой орган прессы вправе *бесплатно без запроса издательства* публиковать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любые радиостанции вправе *бесплатно без запроса издательства* передавать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" обращается ко всем, кто в состоянии это делать, с просьбой содействовать организации иноязычных изданий "Хроники текущих событий". Авторские права на полное иноязычное издание "Хроники текущих событий" по договоренности с издательством предоставляются *бесплатно*.

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Чалидзе

* * *

Издательство "Хроника" имеет статус некоммерческой организации. Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

* * *

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 63

1981

Корректурa и указатель имен Л. Алексеевой

Copyright 1983 by Khronika Press

Published by:

KHRONIKA PRESS, 505 Eighth Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Преследования Рабочей комиссии	7
Суд над Гривниной	7
Суд над Серебровым	14
Дело о журнале "Поиски"	17
Суд над Яковлевым	17
Арест Ивана Ковалева	18
Суд над Анатолием Марченко	35
Суд над Рогинским	43
Суд над Кувакиным	55
Аресты	61
Арест Иванова-Скуратова	61
Арест Виктора Яценко	62
Арест Репина	62
Арест Козловского	63
Обыски Допросы	63
Обыск у Каллистратовой	63
Дело Болонкина	64
Обыск у Ходоровича	69
Обыск А. Даниэля	69
Новое дело "о распространении заведомо ложных..."	69
Разное	73
"Беседы"	73
Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов	75
События На Украине	79
Суд над Сокульским и Приходько	79
Суд над Кандыбой	79
Суд над Анцуповым	80
Суд над Раисой Руденко	81
Суд над Камповым	82
Арест Плахотнюка	84
Арест Горыня	85
40 лет Бабьему Яру	88
Разное	95
События в Грузии	98

События в Литве	102
Смерть Б. Лауринвичюса	102
Преследования католиков	103
Преследования верующих	109
Адвентисты	109
Суды	109
Арест Конева	109
Обыски	110
Баптисты	110
Суды над Румачиком и Миняковым	110
Аресты Гомона и Лебедевой	110
Разное	110
Пятидесятники	111
Униаты	111
Суд над Есипом и Ковацивом	112
Православные	112
Право на выезд	114
Москва	114
Суд над Чернобыльским	114
Арест Томачинского	119
Разное	121
Ленинград	135
Суд над Леиным	135
Разное	138
Свердловск	139
Арест Шефера и Ельчина	139
Новосибирск	139
Красноярск	141
Киев	144
Суд над Зубко	144
Разное	146
Харьков	149
Суд над Парицким	149
Одесса	151
Черновцы	152
Рига	153
Вильнюс	154
Выезд Елизаветы Алексеевой	154
Уехали	166

В тюрьмах и лагерях	166
Суд над Айриякном	166
Суд над Овсиенко	167
Суд над Стрельцовым	167
Суд над Лесивом	167
Дело Василия Сичко	168
Дело Кукобаки	168
Чистопольская тюрьма	169
Мордовские лагеря	169
Пермские лагеря	174
В других тюрьмах и лагерях	186
Письма и заявления политзаключенных	196
В защиту политзаключенных	199
День политзаключенного	200
Освобождения	201
В ссылке	203
Арест Храмцова	205
Суд над Коставой	206
Суд над Сквирским	207
Освобождения	209
В психиатрических больницах	209
В специальных больницах	209
Биографии (Н.И. Баранов)	210
Освобождения	212
На "обязательном привлечении к труду"	213
Суд над Ермолаевым	213
Освобождения	215
После освобождения	215
Внесудебные преследования	217
После судов над Лавутом и Осиповой	217
Разные сообщения	230
Негласные обыски	235
День прав человека в Москве	236
Письма и заявления	237
Документы Московской группы "Хельсинки"	239

Новости Самиздата	240
Официальные документы	244
Поправки и дополнения	245
Дело Сиденко	246
Дело Якунина	246
Дело Калепа	248
Дело Нийтсоо	250
Указатель имен	251

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РАБОЧЕЙ КОМИССИИ (Хр. 56, 57, 60-62)

Суд над Гривниной

13 июля член Московской группы "Хельсинки" И. Ковалев опубликовал обращение:

Я имею честь называться другом Ирины Гривниной.

Я горжусь тем, что то же могу сказать о многих других узниках совести.

Им выпала нелегкая, но почетная судьба. Всей своей жизнью они доказывают, что правда сильнее лжи, милосердие и сочувствие сильнее равнодушия, добро сильнее зла.

Сегодня эти люди – гордость страны – в тюрьмах, лагерях, ссылке. Они не поняты и не поддержаны безгласным народом, бывает, что и своими же родственниками. Но доброта, честность и отзывчивость этих людей настолько велики, что дают им силы для нравственного противостояния лжи, насилию, произволу в любой обстановке.

Сейчас суд должен определить меру наказания для Ирины Гривниной – женщины, матери, человека открытой души.

Я утверждаю, что Ирина Гривнина никогда не лгала, не клеветала, не стремилась опорочить и подорвать общественное устройство и международный престиж страны. Я утверждаю, что она невиновна.

Я обращаюсь в суд: докажите на деле, что вы – гласный и независимый суд; снимите милицейские кордоны, обеспечьте доступ в зал всем желающим, тщательно и непредвзято взвесьте все обстоятельства дела и вынесите справедливое решение – оправдательный приговор. Проявите благоразумие. Проявите хоть в малой мере те качества, что органично присущи вашей подсудимой.

Я обращаюсь также ко всем честным людям, ко всем людям доброй воли и, в первую очередь, к своим соотечественникам. Мы все в равной мере ответственны за происходящее. Не дайте совершиться несправедливости, не дайте суду превратиться в глухую расправу. Выступите в защиту Ирины Гривниной!

* * *

14 и 15 июля Московский городской суд под председательством В.В. Богданова (он же судил Ю. Гримма – Хр. 58 и А. Лавута – Хр. 60) рассматривал дело члена Рабочей комиссии по расследованию использо-

вания психиатрии в политических целях Ирины Владимировны Гривниной (1945 г.р., арестована 16 сентября 1980 г. – Хр. 60), обвинявшейся по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – помощник прокурора Москвы А.А. Головин, защитник – адвокат А.А. Сарне-Рубанова.

Суд проходил в помещении народного суда Люблинского района Москвы – там же, где судили Ю. Орлова (Хр. 50), Т. Великанову (Хр. 58), Вячеслава Бахмина (Хр. 58), Ю. Гримма (Хр. 58) и Т. Осипову (Хр. 62).

В зале, кроме "спецпублики", присутствовал только муж подсудимой В. Неплехович.

Квартал, в котором находится здание суда, был оцеплен.

* * *

15 сентября 1980 г. прокуратура Москвы выделила из дела Л. Терновского (Хр. 56, 57) дело Гривниной. 22 октября 1980 г. она передала дело Гривниной в Московское УКГБ.

За семь месяцев следствия Гривнину допрашивали 21 раз. Она отказывалась давать показания – за все время в протоколах ее допросов появились лишь несколько строчек. Во время следствия Гривниной дважды становилось плохо, она падала в обморок. Через два часа после одного из этих обмороков ее вызвали на очередной допрос.

В процессе расследования из дела Гривниной были выделены в отдельное производство дела по обвинению Ф. Сереброва (суд – см. ниже) и В. Кувакина (суд – см. ниже). Кроме того, для дополнительной проверки выделены материалы в отношении О. Кислиной, П. Подрабинека, его жены Л. Ивановой и А. Найденович.

* * *

Согласно обвинительному заключению, Гривнина

в период с сентября 1978 г. по апрель 1980 г. в городе Москве совместно с Серебровым Ф.А., Бахминым В.И. (суд – Хр. 58 – Хр.), Подрабинеком А.П. (суд – Хр. 61 – Хр.) и Терновским Л.Б. (суд – Хр. 60 – Хр.) систематически распространяла и изготовляла на территории СССР нелегальные "информационные бюллетени", в которые включала тенденциозно подобранные и обработанные в клеветническом духе материалы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй о якобы планомерно применяемых в Советском Союзе органами власти "психиатрических репрессиях", в преднамеренном помещении в психиатрические больницы заведомо здоровых людей за их политические и религиозные убеждения, и истязаниях этих лиц в психиатрических лечебницах, искажая и дискредитируя тем самым деятельность советских органов государственной власти и медицинских учреждений.

Указанные документы в тот же период с участием Гривниной были размножены, распространены на территории СССР и направлены в тех же целях на Запад, в результате чего они были использованы зарубежными антисоветскими издательствами и средствами империалистической пропаганды в осуществлении акций идеологической диверсии против Советского Союза.

Общественная опасность преступной деятельности Гривниной состоит также и в том, что она, не имея медицинского образования, своими действиями вмешивалась в лечебные процессы, препятствовала нормальной работе советских психиатрических учреждений и в отдельных случаях причиняла вред здоровью психически больных лиц, стимулируя совершение ими антиобщественных действий и используя их болезненное состояние в своих преступных целях.

Всего, как установлено расследованием, за указанный период при непосредственном участии Гривниной было изготовлено, размножено в больших количествах экземпляров, распространено на территории СССР и направлено для массового распространения на Запад шесть выпусков "информационных бюллетеней" – №№ 11, 14, 19, 20, 21 и 22.

В эти документы Гривнина, умышленно прибегая к извращениям, искажениям, подтасовке и явной фальсификации фактов, поместила заведомо ложные измышления о причинах, обстоятельствах госпитализации и условиях содержания в лечебных учреждениях психически больных лиц, в том числе совершивших в состоянии невменяемости различные общественно опасные деяния. Преследуя цель опорочить советский государственный и общественный строй, Гривнина в "информационных бюллетенях" представила указанных лиц в качестве невинно пострадавших жертв якобы существующей в СССР практики "использования психиатрии в политических целях", возвела клевету на органы государственной власти СССР и гуманную деятельность советских психиатрических учреждений.

...

Из материалов дела, кроме того, усматривается, что измышления Гривниной о "немыслимых" условиях содержания больных в различных психиатрических учреждениях СССР, ее утверждения о применении сильнодействующих препаратов в качестве истязаний, об ограничениях и издевательствах, которым будто бы подвергаются пациенты психиатрических больниц, также являются заведомо ложными.

...

Приобщенные к делу официальные материалы свидетельствуют, что оснащенность, условия лечения, содержания и обеспечения больных в психиатрических больницах общего и специального типа в СССР полностью соответствуют существующему законодательству, в них широко используются новейшие лекарственные средства, медицинская техника и различные реабилитационные мероприятия,

направленные на наиболее эффективное лечение психически больных лиц и возвращение их к нормальной жизни.

Допрошенные в качестве свидетелей квалифицированные врачи-психиатры (перечисляются фамилии 34 психиатров, некоторые из них упоминались в "Информационном бюллетене" Рабочей комиссии – Хр.) ... , имевшие непосредственное отношение к лечению лиц, о которых Гривнина сообщала в "информационных бюллетенях", как о пострадавших в результате "психиатрических репрессий", показали, что все эти лица действительно являлись психически больными и обоснованно были направлены для стационарного лечения в психиатрические больницы.

...

Обвиняемая Гривнина в ходе следствия признала свое участие в изготовлении и распространении указанных "информационных бюллетеней". Эти показания Гривниной объективно подтверждаются содержанием машинописного документа, изъятого у жителя Москвы Тольца В.С. (Хр. 56 – Хр.), представляющего собой интервью Гривниной, в котором она заявила о своем непосредственном участии в изготовлении "информационных бюллетеней", составленных после мая 1978 года.

...

О своем непосредственном участии в изготовлении и размножении "информационных бюллетеней" Гривнина упоминает в своем письме к А. Подрабинеку от 12-20 октября 1979 года, в котором она сообщает об изготовлении ею бюллетеня № 11 ...

Допрошенный в качестве свидетеля Кувакин В.Д. показал, что ему известно об участии Гривниной в изготовлении и распространении "информационных бюллетеней", в том числе № 11, с содержанием которого в сентябре-октябре 1978 года он лично ознакомился.

Свидетели Терновский Л.Б., Терновская О.Л., Новиков М.З. и обвиняемый по другому делу Серебров Ф.А. показали, что Гривнина является одним из авторов "информационного бюллетеня" № 22 и участвовала в его изготовлении и распространении.

В результате обысков, проведенных в квартире Гривниной 26 декабря 1979 года, 10 апреля, 12 и 16 сентября 1980 года, у нее изъяты машинописные "информационные бюллетени": № 11 – 5 экземпляров; № 14 – 8 экземпляров; № 19 – 13 экземпляров; № 20 – 16 экземпляров; № 21 – 11 экземпляров; многочисленные машинописные и рукописные заготовки текстов к "информационным бюллетеням" №№ 20, 21 и 22; 15 сопроводительных писем к бюллетеню № 20, предназначенных для широкого распространения этого документа, а также три пишущие машинки марки "Унис" и "Олимпия", и другие материалы, свидетельствующие об активном участии обвиняемой в изготовлении и распространении указанных номеров бюллетеней.

...

... у Гривниной изъяты ... картотека, записные книжки, отдельные записи и письма с данными психически больных лиц, которые

Гривнина включала в "информационные бюллетени" в качестве примеров якобы существующих в СССР "психиатрических репрессий".

...

О массовом распространении изготовленных с участием Гривниной "информационных бюллетеней" ... свидетельствуют ... факты изъятия этих документов у лиц, проживающих не только в Москве, но и в других городах СССР.

...

Участие Гривниной в передаче на Запад изготовленных ею "информационных бюллетеней" и содержащихся в них сведений подтверждается следующими собранными по делу доказательствами.

Допрошенные в качестве свидетелей телефонистки 85 отделения связи г. Москвы Кузнецова Н.А., Поленова В.Г. и Силкина Н.Н. опознали Гривнину по фотокарточкам и показали, что она регулярно звонила зарубежным абонентам. Свидетель Силкина, кроме того, пояснила, что в ходе международных разговоров Гривнина вела речь о публикациях на Западе материалов "информационных бюллетеней" и называла их номера – 19, 20 и 21.

...

Кроме того, к материалам приобщены в качестве вещественного доказательства письма некоего Гуннара на шведском и русском языках от 20 и 21/8–80 г., изъятые при таможенном досмотре у подданного Швеции Тора Класса, въезжавшего в СССР 23 августа 1980 г. поездом "Хельсинки – Москва" через ОКПП "Выборг", в которых Гривнина упоминалась как источник информации по вопросам "использования психиатрии в политических целях".

Эти показания свидетелей объективно подтверждаются изъятиями у Гривниной при обыске записями номеров телефонов московских корреспондентов буржуазных газет и информационных агентств, а также адресов зарубежных антисоветских организаций и отдельных лиц, проживающих за границей и занимающихся враждебной СССР деятельностью.

...

На допросах в качестве обвиняемой Гривнина заявила, что она отвечает за изготовление и распространение "информационных бюллетеней"; вместе с тем виновной себя в совершенном преступлении не признала, в содеянном не раскаялась, на допросах безмотивно отказывалась от дачи показаний и участвовать в производстве следственных действий.

Первый день

Гривнина заявила в суде более 10 ходатайств (они были поддержаны адвокатом) об истребовании из советских учреждений документов и справок. Все ее ходатайства были отклонены. Тогда Гривнина отказалась от адвоката. Это ходатайство было удовлетворено.

После этого Гривнина сделала заявление:

Я считаю вполне естественным существование в законодательстве статей, введенных с целью охраны структуры государства и существующего строя – таких как ст. 70 и 190-1.

Неестественным и противозаконным я считаю любой факт произвольного и расширительного толкования этих норм законодательства, что фактически приводит к преследованиям за политическое инакомыслие. Я не считаю, что нарушила закон, так как никогда не распространяла информацию, в истинности которой не была уверена. Если существовали хоть малейшие сомнения в достоверности – информация не предавалась огласке.

Разбирая случаи, описанные в моем уголовном деле, я убедилась, что большинство наших подопечных с теми же статьями в ПБ также не нарушали закона. Они только высказывали вслух свое мнение и были уверены, что говорят правду.

Отказ в удовлетворении всех моих ходатайств свидетельствует о нежелании суда установить истину по делу. Поэтому я отказываюсь от унижительных попыток доказывать что-либо в таких условиях, отказываюсь отвечать на любые вопросы суда, но сохраняю за собой право на последнее слово.

После того, как Гривнина отказалась давать показания, начался допрос свидетелей.

Кувакин сказал, что не знает, имела ли Гривнина отношение к Рабочей комиссии. От Гривниной никаких материалов он не получал. Откуда Рабочая комиссия брала информацию – не знает. "Могу предположить, что в РК обращались люди, которые нуждались в помощи".

Серебров сказал:

Гривнина арестована по единственной и основной причине – за распространение ею информации среди лиц, проживающих за рубежом, посредством телефонных переговоров. Постановление о прослушивании и записи телефонных разговоров Гривниной в моем уголовном деле отсутствует. Не знаю, есть ли оно в деле по обвинению Гривниной. Сведения, которые я сообщил суду, сообщили мне работники КГБ. У меня нет оснований сомневаться в их истинности. Если копия постановления о прослушивании и записи телефонных переговоров Гривниной в деле № 536 отсутствует, то я считаю это дело ширмой, призванной прикрыть истинную причину ареста. Я не желаю участвовать в этом спектакле. Я не марионетка, чтобы послушно выполнять предписанную мне роль.

По этому сфальсифицированному делу я отказываюсь давать какие-либо ответы.

Затем были допрошены 12 врачей различных психиатрических больниц.

Второй день

В своей речи прокурор сказал:

Объектом этого преступления является престиж, авторитет и достоинство советского государства и общественного строя. ... Противники нашего строя пытаются оживить в сознании отдельных людей отголоски далекого прошлого, ненависть к социалистическому строю.

Он просил, учитывая, что Гривнина "ранее не судима, до ареста занималась общественно полезным трудом, имеет на иждивении малолетнюю дочь", приговорить ее к 5 годам ссылки.

В защитительной речи Гривнина сказала, что телефонисткам, по-видимому, дали прослушать ее разговоры в записи и указали, какие давать показания. Например, Силкина заявила, что Гривнина ходила на переговорный пункт с лета 1977 г., хотя до февраля 1980 г., пока у нее не выключили телефон, она звонила из дома.

В последнем слове Гривнина сказала:

Каждый человек, его внутренний мир – целая вселенная, настолько сложная, что любым неосторожным прикосновением ее можно нарушить невосстановимо. Страшно представить себе, какие потери понесла бы мировая культура, если бы во-время "вылечили" Чаадаева, Достоевского, Ван-Гога, Мопассана... Я сознательно называю только самые яркие случаи, но число талантливых и даже гениальных людей, отмеченных в той или иной степени печатью безумия, значительно выше. Гений часто кажется странным и даже безумным нам, обычным людям.

...

В приобщенном к делу "Информационном бюллетене" № 11 говорится:

"Мы выступаем в защиту не только здоровых людей, помещенных в психиатрические больницы по любому обвинению, но и тех психически больных, которые не представляют истинной опасности для общества. Поскольку, с нашей точки зрения, слово, даже сумасшедшего, не несет угрозы общественному благу..., заключение в специальные психбольницы после предъявления обвинения в инакомыслии представляется нам делом безнравственным и преступным".

Это цитата из книги моего друга Александра Подрабинека. Я полностью разделяю его точку зрения. Данный принцип был положен в основу деятельности Рабочей комиссии, и мы никогда не утверждали, что все без исключения наши подопечные – психически здоровые люди.

...

Я вообще не могу понять, как публикация фактов нарушения отдельными врачами и персоналом больниц своего врачебного долга может опорочить государственный и общественный строй целой страны.

Приговор – 5 лет ссылки. Текст приговора практически повторил текст обвинительного заключения, однако ссылки на показания Серебровы были сняты.

Публика встретила приговор неодобрительно: "Мало дали!"

* * *

31 июля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 175 "Суд над Ириной Гривниной".

В начале октября Гривнина была взята на этап. В конце октября она прибыла на место ссылки: 476110, Казахская ССР, Кокчетавская обл., пос. Красный Яр.

Суд над Серебровым

5 апреля Феликс Серебров написал заявление, смысл которого состоял в том, что он, Серебров, будучи враждебно настроенным к советской власти, занимался изготовлением и распространением документов и материалов, которые использовались западными средствами информации, что наносило ущерб международному престижу СССР.

19 мая Серебров написал еще одно заявление. В нем он осуждал свою деятельность и обещал впредь ничем подобным не заниматься. 21 мая ему переквалифицировали обвинение со ст. 190-1 на ст. 70 УК РСФСР.

* * *

20 и 21 июля Московский городской суд под председательством того же В.В. Богданова рассматривал дело члена Рабочей комиссии Феликса Аркадьевича Сереброва (1930 г.р.; арестован 8 января – Хр. 61), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель – тот же А.А. Головин.

От назначенного судом адвоката Серебров отказался (от Е.А. Резниковой Серебров отказался после того, как закончил знакомство с делом – Хр. 62).

Утром 20 июля жена Сереброва поехала в городской суд, где предполагалось слушание дела. Там ей сказали, что суд будет проходить в народном суде Люблинского р-на. Она отправилась туда и только там узнала, что суд проходит в помещении Бабушкинского р-на гМосквы (там же судили А. Лавута – Хр. 60). Кроме "спецпублики" в зал суда были допущены только его жена и падчерица.

* * *

Сереброву инкриминировалось изготовление, подписание и распространение

- "Информационных бюллетеней" Рабочей комиссии №№ 12-22 (совместно с Вяч. Бахминым, А. Подрабинеком, Л. Терновским и И. Гривниной);
- писем "Слово островитянина архипелага ГУЛаг" (1978 г.) и "Факкультет демократии" (Хр. 54);
- индивидуальных писем в защиту Г. Якунина и Л. Терновского;
- коллективных писем в защиту Т. Великановой, А. Лавута и Т. Осиповой;
- воззвания "К людям, живущим на земле";
- заявления по поводу обыска 10 апреля 1980 г. (Хр. 56);
- Документов Московской группы "Хельсинки" № 138 (Хр. 60) и № 146 (Хр. 60);
- открытого письма "Вместо автобиографии" (Хр. 61), опубликованного после ареста Сереброва.

Сереброву ставилась в вину деятельность с осени 1978 г., когда он освободился после последнего срока (Хр. 51).

Первый день

После оглашения обвинительного заключения было зачитано заявление Сереброва от 5 апреля.

Затем судья спросил, признает ли Серебров себя виновным. Серебров сказал, что признает авторство всех инкриминируемых ему документов, однако отрицает наличие умысла подрыва или ослабления советского государственного или общественного строя. Об одной из фраз оглашенного заявления Серебров сказал, что это – не его фраза, она была продиктована ему следователем. Он заявил, что "не предполагал ранее, что его материалы могут быть использованы во вред престижу СССР". Серебров подтвердил также, что занимался распространением инкриминируемых ему документов. Он дал показания о том, что выступал перед западными корреспондентами на пресс-конференциях "на разных частных квартирах". В ответ на попытки суда детализировать эти показания, Серебров назвал фамилию Ю. Ярым-Агаева (эмигрировал в 1980 г. – Хр. 57).

Допрошенный в качестве свидетеля В. Кувакин подтвердил, что у него на обыске были изъяты два выпуска "Информационного бюллетеня" (№№ 6, 11), но откуда они взялись – не помнит.

Затем были допрошены 6 врачей различных психиатрических больниц. Они говорили о хороших условиях, которые создаются больным, и о том, что содержащиеся в больницах люди в самом деле больны.

* * *

В сообщении ТАСС от 20 июля сказано:

Я осуждаю свою подрывную деятельность, направленную против советской власти, – заявил подсудимый Феликс Серебров. – Я

раскаиваюсь в том, что систематически проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, распространял документы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Серебров полностью признал себя виновным в предъявленном ему обвинении.

Второй день

Отвечая на вопросы суда, Серебров признал себя виновным в изготовлении и распространении антисоветских документов, однако настаивал на том, что не имел умысла подрыва советского строя и не распространял заведомо ложных измышлений. Он признал себя виновным частично. Серебров сказал также, что за время следствия убедился, что в "Информационных бюллетенях" много ошибок. Однако он настаивает на том, что эти ошибки не носят преднамеренного характера. Серебров назвал фамилии нескольких иностранных корреспондентов, которым он передавал на пресс-конференциях свои материалы.

Серебров выразил раскаяние в том, что занимался антисоветской деятельностью, и заявил, что в будущем ею заниматься не намерен.

Прокурор потребовал для Сереброва наказания – 4 года лагерей и 5 лет ссылки.

Защитительная речь Сереброва была посвящена тому, что в его действиях отсутствовал антисоветский умысел, а инкриминируемые ему материалы, несмотря на большое количество ошибок, не содержали заведомой лжи. Он также остановился на том, что суд не разбирает вопроса о действительной социальной опасности госпитализированных больных, констатируя лишь факт их душевной болезни. Не смог он добиться ответа на этот вопрос и от допрошенных в суде свидетелей-врачей. Рабочая комиссия, говоря о принудительных госпитализациях по политическим мотивам, не утверждала, что госпитализируемые здоровы.

От последнего слова Серебров отказался.

(Выглядел Серебров в этот день значительно хуже, чем в предыдущий – перед судом его 2 часа держали в "воронке".)

Приговор: 4 года лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Приговор ссылается на показания И. Гривниной о том, что Серебров являлся активнейшим членом Рабочей комиссии, принимающим живейшее участие в редактировании "Информационных бюллетеней", особенно последних выпусков (показания Гривниной в суде не только не зачитывались, но и не упоминались).

* * *

29 июля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 176 "Осуждение последнего члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Феликса Сереброва".

4 октября в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное разбирательство дела Сереброва. Приговор оставлен без изменения.

Наказание Серебров отбывает в 35 пермском лагере.

ДЕЛО О ЖУРНАЛЕ "ПОИСКИ"

(Хр. 52-58, 60, 62)

Суд над Яковлевым

31 июля народный суд Сокольнического р-на г. Москвы под председательством В.И. Смольнова рассмотрел дело Михаила Юрьевича Яковлева (1949 г.р., арестован 28 мая – Хр. 62), обвинявшегося по ст. 181 УК РСФСР ("Заведомо ложное показание"). Защитник – адвокат О.Н. Ефремов (он защищал также В. Абрамкина – Хр. 58); обвинителя не было.

В ответ на просьбу С. Белановского (Хр. 57) вызвать его в качестве свидетеля судья ответил: "Я знаю все, что вы хотите сказать, и поэтому не вызову".

Согласно приговору, Яковлев,

будучи вызван 8 октября 1980 г. в Московский городской суд, расположенный по адресу: город Москва, ул. Каланчевская, дом 43, для дачи показаний в качестве свидетеля по делу № 28/80 по обвинению Гримма Ю.Л. (на самом деле суд над Гриммом проходил в Люблино, а на Каланчевке судили Абрамкина, куда Яковлева тоже вызывали в качестве свидетеля – Хр.) в распространении заведомо ложных измышлений ... дал заведомо ложные показания: на предварительном следствии 21.11.79 г. ... Яковлев дал правдивые показания об обстоятельствах знакомства с Абрамкиным, одним из редакторов журнала "Поиски", которому передавал свои литературные произведения для опубликования в указанном журнале, а Абрамкин в декабре 1978 г. передал ему журнал "Поиски" № 4, который и был изъят у него на обыске 14.03.79 г. Однако в судебном заседании 8.10.80 г. Яковлев отрицал вышеуказанные факты и обстоятельства, сказав, что Абрамкин журнала ему не дарил, тем самым искажил фактические данные, имеющие доказательное значение по инкриминируемым Гримму эпизодам изготовления и распространения журнала "Поиски".

Подсудимый Яковлев виновным себя ... не признал и показал, что журнал ... ему дал не Абрамкин, а другое лицо, назвать которого он отказывается. Протоколы допроса в качестве свидетеля подписывал сам, но читал невнимательно, бегло. Считает, что его показания неверно были истолкованы. При производстве обыска заявлений не делал, считая, что все правильно. В Московском городском суде сказал правду, отказавшись от показаний, данных на

следствии. От органов прокуратуры не скрывался, а считал необходимым для себя закончить работу над романом.

...

Версию Яковлева о том, что на предварительном следствии он невнимательно читал протоколы, и в них неправильно записаны его показания, а также то, что не скрывался от органов правосудия, – суд находит несостоятельной ...

...

При назначении наказания Яковлеву суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного деяния, данные о личности подсудимого, который не работал, а ранее часто менял места работы, подвергался взысканиям за распитие спиртных напитков (лет 10 назад после сессии Яковлев с сокурсниками выпивали в парке, где были задержаны милицией – Хр.), не занимался воспитанием ребенка и не оказывал ему материальной помощи (бухгалтерия последнего места работы, несмотря на заявление Яковлева, забыла вычитать у него алименты – Хр.) суд находит необходимым ... назначить ... наказание в виде 1 года лишения свободы.

Суд не находит возможным применение к Яковлеву ст. 24-2 УК РСФСР ("Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду" – Хр.) в связи с его отрицательным отношением к общественно полезному труду.

* * *

В августе после кассации, оставившей приговор в силе, Яковлев был взят на этап. С начала сентября он отбывал наказание в Саранске (учр. ЖХ-385/12). 4 декабря его по амнистии освободили.

АРЕСТ ИВАНА КОВАЛЕВА

В начале августа член Московской группы "Хельсинки" Иван Ковалев был проездом в Вильнюсе. Там за ним усиленно следили. В слежке участвовал даже начальник оперативного отдела Вильнюсского УКГБ полковник Чеснавичюс.

* * *

12 августа в Москве "по подозрению в квартирном ограблении" были задержаны И. Ковалев, Виктор Бахмин (Хр. 58, 60) и Алексей Смирнов (Хр. 61, 62). Хотя перед задержанием они были вместе, задержали их так, что Ковалев и Бахмин о задержании Смирнова не знали.

При беглом милицейском "досмотре" содержимого портфелей Ковалева и Бахмина подозрение в ограблении отпало, но были вызваны сотрудники КГБ для более детального обыска. В общей сложности в

обыске участвовало около десятка "комитетчиков", постоянно сменявших друг друга. Милиционер, заполнявший протоколы на Ковалева и Бахмина, все время консультировался с ними по поводу каждого клочка.

Никто из обыскивающих документов не предъявил. В конце обыска пришел сотрудник, предъявивший, по требованию Ковалева, удостоверение МВД на имя Токарева. До этого он руководил обыском Смирнова, проводившимся одновременно в другом помещении. Смирнову он своей фамилии не назвал, заявив, что все уже сказал Ковалеву. Когда протоколы на Ковалева и Бахмина уже переписывались набело, вновь пришедший Токарев провел повторный обыск портфеля Ковалева, однако ничего дополнительно изъято не было.

В начале обыска Ковалеву выкрутили руки и отняли только что полученное им и еще не распечатанное письмо из лагеря от жены Т. Осиповой, которое он не соглашался отдать добровольно. В ходе дальнейшего обыска у Ковалева изъяли еще два письма от жены, также прошедших официальную лагерную цензуру. Старший распорядился: "Берите все!" Ковалеву, в ответ на его протесты, он пояснил, что письма к нему жены и другие изымаемые материалы могут быть идеологически вредного содержания, а потому их следует взять на проверку.

Кроме того, у Ковалева изъяли документ № 136 Московской группы "Хельсинки" (Хр. 57), вып. 58 "Хроники текущих событий", различные тексты информационного содержания, записную книжку, магнитофон (в протоколе 27 пунктов).

У Бахмина изъяли запись шахматной партии с братом Вячеславом, находящимся в лагере, личные письма и несколько фотографий (в том числе собственные – для документов).

У Смирнова изъяли рукописную копию работы Ковалева "Кассация" (изложение кассационного разбирательства по делу Осиповой) машинописную копию Декларации прав человека, "Светлое будущее" Зиновьева, по номеру "Ведомостей Верховного Суда" СССР и РСФСР, "Гутен таг" (на русском языке), диктофон, набор инструментов.

Написать замечания к протоколу обыска Ковалеву не разрешили. Ему объявили, что изъятые материалы будут направлены "по принадлежности", однако отказались сказать, что это значит.

Обыск Смирнова кончился немного раньше, чем Ковалева и Бахмина, однако ему было сказано, что они уже ушли.

* * *

25 августа Ковалева арестовали. Последним из близких, кто его видел, была его бывшая жена Елена. Он ушел из ее дома около 11 часов утра. Она видела, что следом за Ковалевым двинулась автомашина, из которой вышел и побежал за Ковалевым человек.

Ковалева поместили в следственный изолятор КГБ (Лефортово). Ему предъявили обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

* * *

В Самиздате распространяется заявление Ковалева "За что я арестован", написанное им на случай ареста в июне 1980 г. (после ареста жены) :

Я не знаю пока, какое мне будет предъявлено обвинение, не знаю, когда будет решен сам вопрос о моем аресте, но у меня есть все основания предполагать, что когда-нибудь это случится и, возможно, скоро. Я знаю, что в этом случае суд и следствие будут стремиться скрыть или извратить правду о том, что я делал и за что арестован. Я старался помешать этому в случаях арестов и репрессий против других, не стану помогать властям и в своем собственном случае.

Я арестован за участие в информационном журнале "Хроника текущих событий", за участие в Московской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, за личные и совместные с другими письма протеста, за оперативный сбор и распространение правдивой информации о борьбе за права человека в нашей стране и о нарушении этих прав. По существу – это арест за свободную журналистскую деятельность в несвободной стране.

Но кроме действий важны, мне кажется, и их мотивы. ...

...

К нынешним своим взглядам я пришел как-то естественно и совершенно незаметно. Да, собственно, и взгляды-то ничего особенного из себя не представляют. Все просто. К людям надо относиться так, как хотелось бы, чтобы относились к тебе (это воспитание папы и бабушки с его стороны). Думать надо самостоятельно. Ну, а все остальное вытекает из этого. ...

...О "деятельности" отца почти ничего не говорили, толком я и не знал ничего. Это не было запретной темой. Он не стремился рассказать, видимо, не желая даже случайно навязать мне свою позицию... Но вот его нравственный склад, его отношение к общим этическим проблемам, его внутренняя свобода – это очень чувствовалось. И очень хотелось, конечно, быть таким, как он.

К моменту ареста отца я уже знал довольно много. Читал традиционный самиздат ("Реквием", "Доктор Живаго"), иногда слушал радио. Но это были, в общем, довольно безразличные наблюдения со стороны. Я знал уже, что могут быть политические аресты; знал о людях, которые подвергаются репрессиям или могут быть им подвергнуты; знал, что мой отец – один из них. Я понимал, что и он может быть арестован, но в это как-то не верилось, осознать происходящее я не мог. Арест отца был сильнейшим толчком к этому. Но и это не сдвинуло меня с позиции внешнего наблюдателя. Конечно, теперь я стал больше интересоваться происходящим, старался прочитать книги, которые помогли бы мне разобраться в этом, но все еще не хватало второго и, наверное, главного толчка.

Суд над отцом показал мне и заставил понять гораздо больше, чем книги и радио. Лишь после суда постепенно пришло понимание личного участия и ответственности. Тогда же я начал ощущать реальную меру беззакония, тогда я почувствовал, что суд является

расплатой за чистоту и благородство нравственной позиции, за внутреннюю свободу и независимость.

И как-то само собой получилось, что нужно записать процесс, рассказать о том, что происходит в зале, тем, кто не мог туда попасть. Это было настолько очевидно, что я даже не заметил начала своей "деятельности". Так же естественно было тогда подписать собственные письма в его защиту.

Я никогда не решал для себя, заниматься ли мне защитой прав человека. Собственно, я до сих пор и не ощущаю себя правозащитником. Все, что я делал и делаю, вытекает из естественного стремления помочь людям, а единственный, в сущности, способ, которым я могу это сделать – рассказать об их бедах как можно большему числу людей.

Так же я расцениваю и позицию отца и его друзей, с которыми я как-то по-новому, с этой стороны, познакомился после его суда. Я рад, что могу сейчас назвать и своими друзьями ближайших друзей отца – Александра Павловича Лавута и Татьяну Михайловну Великанову. Александр Павлович так попросту заменил мне отца.

Так вот, такая нравственная позиция естественным образом привела меня в конце концов к "Хронике" (о ее существовании, кстати, я впервые узнал на суде отца). Сперва мое участие было очень случайным и периодическим, потом постепенно появились навыки обработки информации (не "тенденциозной", как в лучшем случае будет расцениваться следствием; наоборот, "Хроника" не дает оценок происходящему, а достоверность информации очень скрупулезно проверяется, сверяются разные источники, и, если в сообщениях оказываются расхождения, а проверке они не поддаются, эта информация часто просто не идет в номер. Впрочем, достоверность сообщений "Хроники" хорошо известна и самим следственным органам.) Определился и основной круг интересов – политзаключенные.

Позже я начал понемногу помогать группе "Хельсинки", а в прошлом году стал ее членом. Сейчас основным моим занятием является оперативный сбор и распространение информации.

За эти годы я написал ряд писем в защиту других репрессированных, теперь, к сожалению, мне приходится заступаться и за собственную жену – Татьяну Осипову.

Вот, в общем, и вся "деятельность", а точнее – естественное проявление нравственной позиции. Это – основное, что мне хотелось бы здесь сказать. Важно еще понимать, что этот основной мотив: "Я делаю только то, чего не могу не делать" – является общим и для меня, и для всех моих близких и друзей: жены, отца, Александра Павловича, Татьяны Михайловны. Они не занимались политикой, они не стремились к деятельности ради деятельности, они просто помогали людям, чем могли. И я старался делать то же. Плохо ли, хорошо ли это получалось – не мне судить.

* * *

29 августа Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 181 "Арест члена Московской группы 'Хельсинки' Ивана Ковалева":

...

Судебно-следственные органы, как это стало уже обычным, стараются представить Ивана Ковалева уголовником, но все, кто его знают, понимают, что этот человек не способен на преступление. Бескорыстный и искренний, он всегда говорит и пишет то, что считает правдой. Он любит людей, отзывчив на всякую чужую беду. К нему обращались сотни людей и всегда находили в нем понимание и поддержку.

...

Ковалев никого и никогда не призывал к насилию. Он хотел людям добра и желал его, так же как его отец, жена и друзья-правозащитники; он заключен в тюрьму не за преступление, а только за бесстрашную попытку отстаивать принципы свободы мысли, слова и общественную деятельность.

Иван Ковалев не нарушал советские законы, не ставил перед собой цель подрывать или ослаблять государственную власть и, тем более, не распространял клеветническую информацию.

Сам его арест и предпрешенное осуждение являются не только незаконными, но и преступными.

...

В этот же день в Москве было опубликовано открытое для подписей письмо "В защиту Ивана Ковалева":

Арестован и заключен в тюрьму Ваня Ковалев, 27-летний член Хельсинкской группы.

Лефортовская тюрьма гостеприимно принимает уже третьего члена этой мужественной семьи, преследуемой властями. Сначала, в 1974 г. – отца, Сергея Ковалева, затем, в мае 1981 г. – жену, тоже члена Хельсинкской группы, Татьяну Осипову. Теперь – Ивана.

Что же это за семья такая, которой в нашем обществе нет иного пути, как в тюрьму? Уж не логово ли это профессиональных преступников? Что они совершили? В чем их обвиняют?

Отец – Сергей Ковалев – известный ученый-биолог, повинен только в том, что выступал в защиту свободы слова и убеждений. И сына воспитал такого, который не мирится с несправедливостью, отстаивает, не думая о себе, человеческие права. А сын, выросши, нашел себе такую же жену. Вот так и образовалась эта, по мнению наших властей, "уголовная" семья.

Фантастика? Бред? Пародия на Булгакова?

Нет. Это – наша действительность, наша печальная реальность. Подвергая таких людей, как Ковалевы, уголовному наказанию, предъявляя им обвинения в "антисоветской агитации и пропаганде" (ст. 70 УК РСФСР), их обвинители, по сути, заявляют, что быть человеком, защищать человеческие права, помогать несправдлив-

во осужденным – есть антисоветское деяние. Понимают ли они, как характеризуют этим строй, в защиту которого якобы выступают?

Кому полезно губить этих способных, умных, честных, любящих свою родину людей? Кому нужен этот последний арест, с садистской изощренностью лишаящий отца возможности увидеться с сыном (срок заключения Сергея Ковалева и перехода его на положение ссыльного – декабрь 1981 г.)? Кому нужно разрушать молодую семью, разлучать Таню с Ваней, которые никогда не применяли никакого насилия, не призывали к насилию, не способствовали ему?

Мы – люди, – нравится или не нравится это тем, кто производит такие аресты. И поэтому мы протестуем против произвольного, необоснованного ареста чистого, честного, хорошего человека – Ивана Ковалева.

6 сентября письмо "Против очередного ареста" опубликовала Л. Туманова (Хр. 61):

... Страшное и одновременно жалкое зрелище представляет собой правительство, запускающее в действие громоздкую государственную машину для того, чтобы воспрепятствовать людям следовать голосу своего разума и своей совести. Жалкое, ибо ужас перед любой критикой более общего порядка свидетельствует о нежизнеспособности правительства, о том, что оно боится уже не действий, а образа мыслей. Страшное, ибо такое правительство готово к любым мерам для сохранения власти, поскольку оно движимо страхом перед своей неспособностью управлять страной.

...

"Законы, – говорит Маркс, – которые делают главным критерием не действия, как таковые, а образ мыслей действующего лица – это не что иное, как позитивные санкции беззакония" (Маркс и Энгельс, соч., т. 1, стр. 14). Статьи 70 и 190-1 УК РСФСР – образцы такого беззакония. Их антигражданский смысл является результатом одной антиправовой манипуляции, а именно: эти статьи построены на том, что образ мыслей приравнивается к *действиям* и выдается за них.

...

По этим статьям в самое последнее время были осуждены Татьяна Великанова, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Александр Лавут, Леонард Терновский, Дмитрий Мазур, Виктор Некипелов, Ирина Гривнина и много, много других.

По ним осуждены тысячи людей.

Сейчас по этим антиконституционным статьям будут отвечать перед судом Анатолий Марченко и Иван Ковалев.

...

15 декабря открытое письмо в "Международную Амнистию" направил Лев Кучай (Хр. 31,53):

Я живу в Советском Союзе и, пока я здесь живу, я чувствую себя ответственным за то, что происходит в стране. Я чувствую себя ответственным, пока не выразил своего особого, личного мнения о происходящем.

В данном письме я протестую против арестов И. Ковалева и А. Марченко (людей, которые не совершили никаких преступлений и будут наказаны за то, что осуществляли свободу слова и информации, гарантированную советской Конституцией).

Протестуя против арестов И. Ковалева и А. Марченко, я тем самым снимаю с себя ответственность за содеянное КГБ.

* * *

26 августа по делу Ковалева был проведен обыск в квартире Елены Зверевой (ордер был выписан на имя ее мужа Игоря Приколотина). Кроме Зверевой, в квартире находилась Татьяна Леденева (Хр. 61) с месячным сыном. Обыск по поручению ст. следователя Следственного отдела КГБ майора Ф.Г. Похила проводил ст. следователь того же отдела ст. лейтенант Олешко.

Среди изъятого: Сам- и Тамиздат, Новый Завет (западного издания), две записные книжки, письмо из Вильнюса, пишущая машинка (всего 15 пунктов).

Леденева заявила, что две Тамиздатские книги, Новый Завет, письмо и одна записная книжка принадлежат ей. После этого ее увезли на допрос в Лефортово.

Следователь по имени "Александр Самойлович" спросил, когда и где Леденева познакомилась с Ковалевым ("У Мицкевича, после ареста его жены"), в каких отношениях они состояли и что их связывало ("В дружеских, иногда покупала продукты на рынке для передачи жене"), читала ли она "Хронику текущих событий" ("Да, у тети – Татьяны Сергеевны Ходорович /эмигрировала в 1977 г. – Хр. 47/. А разве она все еще выходит?" – "Да, выходит"), не просил ли Ковалев ее что-либо размножить ("Нет"), нет ли у нее пишущей машинки ("Нет"), не читала ли она документы группы "Хельсинки" ("Нет". – "Ну, как же нет? Ведь читали же!" – "Нет"), не видела ли она газеты "Русская мысль" ("Нет"), что давал читать ей Ковалев ("Художественную литературу". – "Из-за границы?" – "По-моему, нет". – "Что читал сам?" – "Любую фантастику").

В беседе Леденева охарактеризовала Ковалева как доброго, отзывчивого человека, а следователь заявил, что Ковалев работал пожарным, чтобы было много свободного времени для "основного дела" – работы в группе "Хельсинки", а когда работа пожарником стала мешать ему в "основном деле", он ее бросил.

Поскольку в час дня Леденева должна была кормить ребенка, допрос прервали (не успев составить протокол) и ее отправили домой. На следующий день ее вызвали для продолжения допроса.

* * *

26 августа около полудня домой с дачи вместе с женой и ребенком вернулся Валентин Мицкевич (Хр. 62), у которого в последнее время жил Ковалев. Примерно через час к нему пришли с обыском, который по поручению Похила проводил ст. следователь Следственного отдела КГБ СССР капитан Ренев.

Среди изъятого: заметки о положении в лагерях, письма и заявления различных лиц в официальные советские инстанции, наброски Ковалева о поездке в Мордовию на несостоявшееся свидание с женой, записные книжки, "Вести из СССР" (69 шт.), издаваемые в Мюнхене К. Любарским (Хр. 47), три номера газеты "Русская мысль", книги с библиотечными штампами.

Сразу после начала обыска Мицкевича отправили на допрос в Лефортово.

Сначала с Мицкевичем "побеседовал" Похил, осведомившийся, попросился ли Мицкевич с семьей, т.к. "шансов выйти отсюда немного". Похил сказал, что КГБ готово расширить дело Ковалева "на несколько лиц" и Мицкевич – первый кандидат; его судьба будет зависеть от поведения на допросе, и необходимые по отношению к нему меры могут быть приняты уже сегодня к вечеру. После этого Мицкевича начал допрашивать полковник Б.И. Чететкин (допрос продолжался около 7 часов).

Чететкин заявил, что ему "все известно" о знакомстве и общении Ковалева и Мицкевича с иностранцами (он назвал, в частности, секретаря американского посольства), о том, какие разговоры вели Мицкевич и Ковалев, находясь на работе у Мицкевича (при этом он цитировал эти разговоры), о том, что Ковалев неоднократно вел со служебного телефона Мицкевича, уверив его, что этот телефон не прослушивается, разговоры с заграницей (Чететкин назвал даты этих разговоров, прибавив: "Вы же там сами 'на стреме' стояли. Но на самом деле Ковалев говорил не только от Вас"), передавая различную информацию, в частности, Кронида Любарскому.

Мицкевич показал, что знаком с Ковалевым с детства: они учились в одном классе и жили по соседству. Ковалев рос любознательным, добрым и мягким человеком. У них всегда были теплые отношения. (По предложению Чететкина в это место протокола была добавлена примерно следующая фраза: "Забегая вперед, скажу, что эти отношения у нас поддерживаются и по сей день".) Когда Ваня развелся с женой, он и Мицкевич жили в квартире бабушки Ковалева Б.Е. Токаревой. Со слов Ивана он узнал об аресте его отца, который впоследствии был осужден. Ваня занялся деятельностью по защите отца. Ему известно, что Ваня писал прошения в различные инстанции об освобождении отца. Позже Ковалев женился на Т. Осиповой – правозащитнице и члене группы "Хельсинки" – и поселился у нее. Там их посещал широкий круг лиц, разъяснивших Мицкевичу цели Группы и методы ее работы. Из членов Группы он знает Е.Г. Боннэр, С.В. Каллистратову и М.Н. Ланда; видел Ф. Сереброву, с Ю. Орловым не знаком. Он знает, что Ковалев был знаком с рядом иностранцев: Н. Милетичем, Олей Одинец и другими лицами. На квартире Ковалева он видел пишущую машинку, однако никогда не видел, чтобы

что-то печатали на ней. О вступлении Ковалева в Группу узнал от него самого. Когда жена Ковалева была арестована, тот перебрался на жительство к Мицкевичам, а после Нового года перевез и свои личные вещи, среди которых были и вещи, изъятые на обыске 14 апреля (Хр. 62). Имея доступ к местам, отведенным для вещей Ковалева, он "по собственной инициативе имел отрывочное знакомство" с некоторыми принадлежащими Ковалеву книгами: "Архипелаг ГУЛаг", "Карательная медицина", "Технология власти" (при подписании протокола последняя была вычеркнута). Он видел у Ковалева продукты фирмы "Березка", которые Ковалев получил от Фонда помощи политзаключенным "с целью посылки их своей жене". Ковалев часто приходил к Мицкевичу на работу, где тот иногда предоставлял Ковалеву возможность говорить по телефону с разными лицами. Однажды он был свидетелем разговора с "заграницей". В разговоре было упомянуто имя "Кронид". Чететкин интересовался, не знаком ли Мицкевич с "подружками" Ковалева, но когда Мицкевич ответил: "Знаком" и стал перечислять: "Боннэр, Каллистратова, ..." – Чететкин прервал его, сказав, что его интересуют другие – "сожительницы".

9 сентября Чететкин вновь допросил Мицкевича (допрос продолжался более 5 часов).

Чететкин в основном "уточнял детали" первого допроса. (Как и 26 августа, Чететкин убеждал Мицкевича "быть искренним", а когда Мицкевич сказал: "Не кажется ли Вам, что эти предупреждения – способ давления на меня, в результате чего мои показания не могут быть объективными?", Чететкин попросил его "не нервничать".)

Мицкевич сказал, что не помнит, от кого он узнал о вступлении Ковалева в Группу. На вопрос, в каком количестве он видел в доме Ковалева документы Группы (на первом допросе он сказал, что видел "стопки бумаг Группы"), Мицкевич ответил, что "стопка – это предположение; мог быть один документ, а под ним – стопка чистой бумаги". Из знакомых иностранцев Ковалева он знает только Одинец и Милетича, с которыми Ковалева связывают дружеские отношения. "Знакомства Ковалева с другим иностранцами подтвердить не могу; мои ранее данные об этом показания – предположение, основанное на членстве Ковалева в Группе".

Как и на первом допросе, Мицкевич заявил, что брал книги Ковалева без его ведома. На это Чететкин заметил "Но ведь он же знал! Ведь мы же об этом знаем! Вы же и содержание обсуждали". Когда Чететкин попросил Мицкевича назвать круг лиц, посещавших его квартиру, когда там жил Ковалев, Мицкевич заявил, что говорить о третьих лицах с этого момента не будет. Чететкин записал в протокол: "Отказываюсь назвать круг лиц по морально-этическим соображениям".

Чететкин задал также несколько вопросов о Фонде:

– На предыдущем допросе Вы упомянули о так называемом "Фонде помощи политзаключенным". Что вы знаете о Фонде? Распорядитель знаете?

– Распорядителя? Ходоровича, что ли?

– Ну, Ходоровича. Видели ли Вы его? Кто он таков? Как выглядит (приметы, цвет лица, рост)? Где живет?

– Видел один раз: кажется, маленького роста. Вообще, мой ответ о продуктах от Фонда – результат Вашего давления: я бы сам так не сказал. Вообще, большая часть этих продуктов – результат помощи знакомых.

В конце Четкин спросил, знаком ли Мицкевичу Николай Николаевич Овчинников. "Нет", – ответил Мицкевич. Четкин стал настаивать, и тогда Мицкевич сказал: "Никола Овчинников? А что с ним? Он – художник, примерно 22-х лет, мы познакомились с ним в Коктебеле. Контакт с ним Ковалев не имел". "Он работает по найму в кинотеатрах?" – спросил Четкин. "Нет, – профессиональный театральный художник". "Ну, вот, – сказал Четкин, – своими отказами отвечать Вы конспирируете честных людей. А ведь мы могли бы принять по отношению к ним меры".

* * *

9 сентября ст. лейтенант Ларуков допросил Ольгу Курганскую (см. также "Арест Иванова-Скуратова").

Курганская сказала, что познакомилась с Ковалевым у его жены Осиповой.

Следователь стал задавать Курганской вопросы о группе "Хельсинки". Курганская увидела на столе копию протокола ее допроса по делу Осиповой и сказала: все, что она может сказать по этому поводу, изложено в этом протоколе. Следователь занялся переписыванием ее прежних показаний в новый протокол. Это заняло больше трех часов, после чего следователь спросил Курганскую, не замечала ли она каких-либо отклонений или ненормальностей в поведении Ковалева. Курганская ответила, что она крайне удивлена подобным вопросом, т.к. ей никогда раньше его не задавали, хотя и таскают на допросы уже не первый год. В ответ следователь заявил, что теперь они будут задавать его всегда, "а то диссиденты утверждают, что мы здоровых людей отправляем в психбольницы, а больных – в лагерь".

* * *

16 сентября была допрошена теща Мицкевича Капитолина Алексеевна Калугина. Ее допрашивали более 6 часов.

У Калугиной спрашивали о занятиях Ковалева, о ее знакомстве с Осиповой. Много вопросов касалось личной жизни самой Калугиной.

* * *

18 сентября Четкин в третий раз допросил Мицкевича (допрос продолжался 4 часа).

В основном вопросы касались вещей, изъятых на обысках 14 апреля и

26 августа. Кроме того, Четчин опросил Мицкевича по записям в изъятых у него на обысках записных книжках. На эти вопросы Мицкевич отвечал приблизительно так: "Такой-то, знаком давно, обстоятельства знакомства не помню, основы общения человеческие".

Допрос прерывался визитом Похила, сказавшего Мицкевичу о необходимости правильного поведения на следствии в свете внутреннего и внешнего положения СССР. Похил также информировал Мицкевича о моральных аспектах деятельности группы "Хельсинки" и, в частности, Ковалева, и о жестокости западного законодательства по отношению к инакомыслящим.

* * *

21 сентября капитан Е.Н. Куклев допросил одноклассника Ковалева Сергея Пестова (одно время Ковалев у него жил). Допрос продолжался 6 часов.

На вопросы, допускал ли Ковалев клеветнические высказывания и давал ли Пестову "Архипелаг ГУЛаг", "Технологию власти" и "Русскую мысль", тот отказался отвечать по "моральным соображениям". О вступлении Ковалева в Группу Пестов узнал от него самого, с кем из иностранных корреспондентов знаком Ковалев – не знает, ничего печатать Ковалев его не просил. На вопросы, не предлагал ли Ковалев Пестову стать редактором "Хроники текущих событий" и не замечал ли Пестов странностей в поведении Ковалева, тот ответил отрицательно.

* * *

Дважды (первый раз – в начале сентября) Куклев допрашивал соученика Ковалева Андрея Ахутина, с которым Ковалев встречался незадолго до ареста.

По словам Ахутина, ему предъявили фонограмму подслушанного разговора. Ахутин спрашивал следователя, можно ли ему посещать мать и сестру Ковалева, на что получил ответ: "Это дело Вашей совести".

* * *

22 сентября Куклев допросил первую жену Ковалева Елену Ковалеву.

На вопросы, видела ли Ковалева какую-либо литературу у Ивана, знает ли она о его встречах с иностранными корреспондентами, выступал ли он на пресс-конференциях, была ли у него пишущая машинка, привозил ли он после суда над отцом какие-либо материалы о суде, та отвечала отрицательно.

Следователь живо интересовался личной жизнью Ковалевой после развода, проявлял при этом большую осведомленность, говорил, что "тут уже были друзья Ивана ... они все рассказали".

Во время допроса Куклев все время сверялся с лежащим рядом "вопросником".

* * *

24 сентября Куклев допросил восемнадцатилетнюю сестру Ковалева Марию (допрос продолжался более 6 часов).

Следователь спросил, знала ли Маша о том, что ее брат занимался "так называемой правозащитной деятельностью". В протокол был записан ответ, что Ковалева знала об этом – арест брата не был для нее неожиданностью, т.к. она знала о том, что подобная деятельность карается законом. Ковалева возразила, что такого она не говорила, на что следователь сказал: "Но Вы же с этим согласны? Тебя же учили этому в школе?" – "Да, учили". Была ли у брата пишущая машинка и умел ли он печатать, не знает. В квартире, где жили Ковалев и Осипова, была на дне рождения брата, о чем говорили – не помнит, никаких "листков" не видела, там были и молодые и пожилые гости, пили не "за тех, кто не с нами", а "за тех, кто в море"; почти никого из присутствующих не знала. Что такое группа "Хельсинки", она не знает; странностей в поведении брата не замечала.

Следователь проинформировал Ковалеву о личной жизни ее матери, задал несколько вопросов в связи с этим.

* * *

В сентябре майор А.П. Цыганков допросил Михаила Витзона (соседа Мицкевича по его прежней квартире).

Витзон показал, что в конце 1979 г. видел у Ковалева несколько выпусков "Хроники текущих событий", отпечатанных на Западе, сам их не читал, номеров не помнит. То, что Осипова – член группы "Хельсинки", он, Витзон, знает, а об отношении к Группе Ковалева ничего сказать не может. О методах работы Группы Витзон показал следующее (ответ был составлен совместно с Цыганковым): письма в государственные инстанции, материальная помощь заключенным и их семьям, сообщение данных на Запад. Витзон показал, что Ковалев ознакомил его с подборкой материалов "В защиту Т. Осиповой", предназначенной для широкого распространения (в дополнениях Витзон написал, что ему неизвестно о предназначении этих материалов к широкому распространению).

В этот же день Цыганков допросил сестру жены Витзона Ирину Сендерову.

На вопросы: "Что давал читать Ковалев? Видела ли у него пишущую машинку, самиздат? Каковы методы, задачи и членство в группе "Хельсинки"?" – Сендерова ответила отрицательно. Цыганков удивился: "Вы же были на кухне все вместе, и Ковалев давал читать". – "Русскую мысль" посмотрела из рук Ковалева, а на кухне были Мицкевич и Витзон. ..."

* * *

В сентябре были также допрошены соученик Ковалева Петр Омельницкий (допрос продолжался 9 часов) и знакомый Омельницкого Александр Катюшкин.

Катюшкин показал, что "незрелые мысли Ковалева о социалистической действительности ему сообщил Лев Мошарский".

* * *

27 сентября Куклев в течение 3 часов допрашивал Льва Мошарского.

Мошарский сообщил, что познакомился с Ковалевым на квартире Витзонов в начале 1978 г. – Ковалев проживал там из-за каких-то семейных неурядиц. Отношения Мошарского с Ковалевым носили эпизодический характер. Никакой антисоветской литературы Мошарский на квартире Витзонов не видел, разговоры с Ковалевым носили бытовой характер и проходили за спиртными напитками – если Ковалев заходил к Витзонам, то присоединялся к застолью, но уходил сравнительно рано, к кому конкретно в этих случаях приходил Ковалев – к Витзонам или к Мицкевичам – Мошарскому неизвестно. В комнате Мицкевичей Мошарский машинки не видел. По вопросу, кому звонил Ковалев из квартиры и куда затем уходил, Мошарский сообщить ничего не может. Мошарскому известно о членстве Ковалева в группе "Хельсинки", но откуда он об этом узнал – не помнит. Мошарскому известно, что Ковалев женился на Осиповой, однако причины ареста и срок осуждения Осиповой Мошарскому неизвестны.

Квартиру Витзонов в основном посещала молодежь, но с друзьями Ковалева Мошарский не знаком и дома у него не был. Виделся с Ковалевым около 5 раз, в последний раз в августе 1980 г. Иностранцев на квартире Витзонов Мошарский не видел, положение в Афганистане и Польше Ковалев при нем не обсуждал, т.к. эти ситуации возникли позже последней встречи с Ковалевым.

Об аресте Ковалева Мошарский узнал от Витзонов в сентябре 1981 г. Ковалев производил на него впечатление человека задумчивого, молчаливого, но психически здорового. За что Ковалев арестован – Мошарскому неизвестно.

По словам Куклева, Катюшкин показал, что Мошарский говорил ему, что Ковалев ходит на суды с целью их записи и передачи этих записей определенным лицам. Мошарский сказал, что ему известно только о том, что Ковалев был на суде над своей женой.

* * *

28 октября Цыганков вызвал в КГБ для беседы по ее заявлению мать политзаключенного Ю. Федорова П.С. Федорову.

Цыганков пытался допросить ее по делу Ковалева, но она отказалась отвечать, сказав, что с Ковалевым не знакома и пришла по другому делу.

* * *

3 ноября Цыганков допросил жену отца Ковалева Л. Бойцову, а 19 ноября – А. Смирнова.

Как Бойцовой, так и Смирнову следователь показал два рукописных документа, которые он называл "заявлениями Ивана Ковалева". В них Ковалев якобы сначала отказывался принимать участие в следствии, но потом изменил свою позицию, о чем следователь зачитал несколько фраз из "заявлений". Прочсть полностью текст "заявлений" Цыганков не дал ни Бойцовой, ни Смирнову.

Бойцовой задавались вопросы об участии Ковалева в работе Хельсинкской группы, о распространении Ковалевым Самиздата, об интервью, данном якобы ею совместно с Ковалевым для голландского телевидения. Бойцова ответила, что ей ничего неизвестно о подготовке интервью.

При допросе Смирнова Цыганкову некоторое время помогал Похил, убеждавший Смирнова, что "так вести себя нельзя", а надо отвечать "от кого получил, кому передал" и пр. Смирнов договорился с Цыганковым, чтобы в протоколе в виде ответов на вопросы был сформулирован отказ, а ответы типа "ответа нет", "ответа не последовало". Ответил Смирнов лишь о знакомстве с Ковалевым: "знаком". На вопрос о характере взаимоотношений с Ковалевым Смирнов ответил: "Считаю формулировку 'знаком' исчерпывающей".

Смирнову также задавались вопросы о "так называемой правозащитной деятельности" Ковалева. Цыганков предъявил изъятые у Смирнова на обыске в январе 1981 г. (Хр. 61) материалы (точнее – ксерокопии этих материалов): рукопись информационного характера, вып. 57 "Хроники текущих событий" и рукописные правки к ней. Он сообщил, что экспертизой установлено, что писал это Ковалев, и убеждал Смирнова подтвердить это. Следователь обратил особенное внимание на "записку, адресованную неустановленному лицу" в тетради, где была рукопись. По поводу этой записки было задано несколько протокольных вопросов – "К кому адресуется автор записки? Почерк ли это Ковалева? Что можете ответить по существу поставленного впроста?" В записке говорилось о необходимости помещения и изъятия из "архива" некоторых самиздатских материалов, содержались инструкции о печати рукописи и о правке "Хроники" со словами "Учись, учись – уже пора". Цыганков задавал вопросы о местонахождении "архива", о неустановленном лице, к которому адресовался автор записки. На все вопросы "ответов не последовало".

* * *

11 ноября в Киеве была допрошена Любовь Мурженко.

Следователь предъявил Мурженко сборник текстов информационного характера, изъятый, по его словам, на квартире Мицкевича. В этом сборнике, среди прочего, помещены письма Л. Мурженко в защиту ее мужа А. Мурженко и П. Федоровой – в защиту ее сына Ю. Федорова.

Мурженко сказала, что давно пишет письма в защиту мужа, предъяв-

ленные письма она посылала по почте, никому не передавала, с Мицкевичем и Ковалевым не знакома. На вопрос следователя, кто заставлял ее писать эти письма, Мурженко ответила: "Они", показав при этом на спящего ее ребенка (у Мурженко двое детей).

* * *

17 ноября в ссылке Мальва Ланда вручила письменный отказ от дачи показаний ст. следователю Джекказганского УКГБ Цареву:

...

Я ... не могу и не хочу сознательно соучаствовать в деятельности — в данном случае в следствии, — направленной на пресечение, на недопущение реализации права на свободу убеждений, а также на то, чтобы полностью изолировать от общества и подвергнуть жестоким наказаниям и издевательствам того конкретного человека, который решился, несмотря на преследования, несмотря на тяжесть и жестокость наказания, реализовать право на свободу убеждения.

...

* * *

17 и 19 ноября следователь Барнаульского УКГБ майор Зрюмов допрашивал в лагере Валерия Абрамкина. Следователь интересовался психическим состоянием здоровья Ковалева.

24 ноября сотрудник Московского УКГБ капитан Солонин допросил в лагере жену Ковалева Татьяну Осипову. Осипова отказалась отвечать на вопросы..

В лагерях по делу Ковалева были также допрошены Ю. Гримм, Ф. Серебров и Л. Терновский.

* * *

26 ноября Мицкевича допросили в четвертый раз (допрос продолжался 9 часов). Вел допрос Куклев.

Первая часть допроса прошла в выяснении принадлежности Мицкевичу некоторых предметов, изъятых на обысках 14 апреля и 26 августа: японского радиомаягнитофона, кинжала в ножнах, 4 магнитофонных кассет, 4 книжек с библиотечными штампами, записных книжек, "Молитвослова" изд-ва "ИМКА-ПРЕСС". Все эти предметы, кроме одной кассеты, содержащей запись разговора неизвестных лиц и какой-то программы "Голоса Америки", Мицкевич признал своими. По всем вопросам о происхождении предметов он отослал Куклева к протоколу предыдущего допроса, пояснив лишь, что "Молитвослов" был подарен ему Милетичем по его просьбе в весной 1981 г.

На вопрос об остальных предметах Мицкевич сказал, что "утверждать их принадлежность кому-либо не может".

Мицкевич вновь сказал, что знакомился с книгами Ковалева по собственной инициативе. Он также заявил, что жена его этих книг не читала и что он никогда не видел, чтобы Ковалев знакомил кого-либо с этой литературой.

Куклев предъявил Мицкевичу запись на 35-й странице изъятой 26 августа записной книжки, начинающуюся словами: "Полярный круг" и заканчивающуюся словами "перевезли Апатиты ж.д. больница".

– Опознаете ли Вы свою книжку? Кем сделана запись и что она означает?

– Книжка действительно моя, запись сделана моей рукой. Это краткая запись моего телефонного разговора с неизвестной мне женщиной, позвонившей по просьбе моего знакомого Саши с целью сообщения о нападении на него дружинников на станции "Полярный круг", в результате которого он попал в больницу. Эта женщина просила оповестить мать Саши.

– Как фамилия этого Саши?

– Она не успела сообщить, т.к. очень спешила окончить разговор. Но я сам понял, что речь идет о Шатравке, т.к. у меня нет больше знакомых Александров, способных очутиться осенью в Карелии. Адрес матери я не знал и ничего не успел ей сообщить, когда она позвонила сама и сказала, что Саша уже дома.

– Передавали Вы известие о Шатравке Ковалеву?

– Возможно, да, т.к. я спрашивал у многих адрес Шатравки.

– Вам предъявляется газета "Русская мысль", изъятая у Вас на обыске 26 августа. Здесь есть статья Шатравки "Как я встречал XXVI съезд КПСС" (Хр. 62 – Хр.). Часть статьи совпадает с записью в Вашей книжке.

– Наверное, записи и отрывок в газете совпадают, т.к. и там и там описывается одно и то же событие.

– Как эта информация попала в "Русскую мысль"?

– Не знаю.

В конце допроса Мицкевич выдал Куклеву расписку в получении радиоманитофона, кинжала, записной книжки и библиотечных книг.

На следующий день после этого допроса на квартиру Мицкевича пришли в поисках А. Шатравки сотрудники уголовного розыска.

* * *

В ноябре Цыганков допросил отца В. Мицкевича О.В. Мицкевича.

Цыганков рассказал О. Мицкевичу о деятельности его сына по содействию группе "Хельсинки" (прием информации по телефону, правка рукописей). При этом он основывался на показаниях заключенных, допрошенных в лагерях, изъятых на обысках документах и записных книжках В. Мицкевича. Следователь сообщил, что к В. Мицкевичу будут применены меры воздействия, из которых самое мягкое – вынесение предупреждения.

На вопрос о знакомстве В. Мицкевича с иностранцами его отец отве-

тил, что слышал о каком-то Коле, с которым у его сына очень хорошие, дружеские отношения.

* * *

3 декабря Куклев допросил жену В. Мицкевича Наталью Мицкевич.

Н. Мицкевич сказала, что познакомилась с Ковалевым, который приходил к ней с ее будущим мужем, в 1978 г.

Куклев сказал, что имеются свидетельские показания о том, что Н. Мицкевич занималась приемом и передачей информации Ковалеву по телефону. Н. Мицкевич ответила, что этим не занималась. Ковалеву звонили при ней, но кто именно, не помнит, не прислушивалась.

Из иностранцев Н. Мицкевич знакома с Милетичем и Одинец. Характер их отношений с Ковалевым ей неизвестен. Пишущей машинки она у Ковалева не видела и не знает, умеет ли он печатать. Н. Мицкевич известно, что Осипова является членом Группы, названия которой Н. Мицкевич не помнит. Ей известно также, что отец Ковалева осужден по 70-й статье в 1974 году. Н. Мицкевич не знала, что в их доме хранится какая-нибудь интересующая следствие литература – она познакомилась с ней лишь при изъятии ее у них на обыске.

* * *

На 10 декабря к Цыганкову была вызвана С.В. Каллистратова. По семейным обстоятельствам она не смогла явиться на допрос.

11 декабря около 11 часов Цыганков явился к Каллистратовой на квартиру. Каллистратова сказала, что с Ковалевым знакома, а на остальные вопросы ответить отказалась. Она также отказалась мотивировать свой отказ, сказав, что уже давала мотивировку отказа от участия в следствии по делу Осиповой, а это попало в обвинительное заключение. Цыганков заверил Каллистратову, что на этот раз в обвинительном заключении она "фигурировать не будет". Он также предупредил Каллистратову об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний.

* * *

По делу Ковалева были допрошены также Т. Хлюпина (22 сентября), мать Ковалева Елена Токарева (4 ноября), Н. Овчинников и М. Хургина.

На 2 ноября была вызвана на допрос Е. Сиротенко (Хр. 60), но она не пошла.

* * *

В конце декабря Ковалев вместе с адвокатом В.Я. Швейским (он защищал также Осипову – Хр. 62) начал знакомиться с делом.

СУД НАД АНАТОЛИЕМ МАРЧЕНКО

18 марта, на следующий день после ареста (Хр. 62), Марченко заявил об отказе от участия в следствии, мотивируя его тем, что, по его убеждению, КГБ – преступная организация. Позже он дополнил заявление об отказе: так как органами КГБ руководит КПСС, он обе эти организации считает преступными.

Во время следствия начальник Следственного отдела Владимирского УКГБ Н.А. Плешков говорил Марченко, что из лагеря он "не выйдет". Ему угрожали также арестом жены Л. Богораз.

* * *

С 2 по 4 сентября Владимирский областной суд под председательством заместителя председателя суда Н.Н. Колосова рассматривал дело Анатолия Тихоновича Марченко (1938 г.р.), обвинявшегося по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель – заместитель прокурора области С.Я. Сальнов, защитник – адвокат Л.Д. Фрадкин. (Колосов и Сальнов в 1980 г. судили В. Некипелова – Хр. 57.)

* * *

Утром 2 сентября в здании областного суда Колосов заявил Ларисе Богораз, что не скажет ей, где будет слушаться дело: "Вы вызваны свидетелем – приходите завтра и Вас отведут куда надо".

Секретарь суда спросила у Богораз, принесла ли та слуховой аппарат для Марченко. Та ответила, что ей неизвестно, где будет проходить суд. Адвокат также не знал, где начнется разбирательство. Только при отъезде Колосова из здания областного суда Фрадкин успел сказать Богораз, где состоится процесс, после чего уехал туда вместе с судьей.

Адвокату было отдано заявление от родственников и знакомых Марченко с просьбой пропустить их в зал. Однако он передал Марченко, что на суд пришла только жена.

Разбирательство проходило в клубе им. Фрунзе, в комнате на 25-30 человек, заполненной "спецпубликой".

Первый день

Марченко отказался от защитника и неоднократно возобновлял это ходатайство в ходе процесса. Ему отказывали.

Заседание продолжалось не более трех часов. В этот день никто из родных и знакомых Марченко в зал суда допущен не был.

Второй день

Заседание началось допросом свидетелей.

И. Смоленский (командир роты в Чуне, где служил С. Некипелов – Хр. 62) показал, что Марченко обрабатывал его в антисоветском духе, советовал слушать иностранные радиопередачи. Кроме того, Марченко содействовал С. Некипелову в распространении враждебной информации среди военнослужащих.

Хазин (рабочий лесозаготовительного комбината в Чуне) показал, что читал "От Тарусы до Чуны".

В. Сидоров (шофер лесозаготовительного комбината в Чуне) показал, что брал у Марченко "Архипелаг ГУЛаг", но Марченко книг ему не навязывал – он, Сидоров, сам интересовался. (В речи прокурора и в приговоре сказано: "Сидоров брал у Марченко книгу "От Тарусы до Чуны"").

С. Демина (работница лесозаготовительного комбината в Чуне) показала, что работал Марченко хорошо, однако отказывался выходить на работу в выходные дни.

Назин-Распутин (зубной врач из Чуны) показал, что Марченко говорил, что за издание своих книг на Западе получал деньги. (Через два месяца после знакомства в Чуне с Марченко Назина арестовали. Во время следствия ему предложили дать показания на Марченко об их совместном участии в групповом изнасиловании. Назин отказался. Тогда стали требовать, чтобы он показал, что Марченко просил вставить ему золотые зубы. Назин вновь отказался. Тогда ему дали условно три года "с обязательным привлечением к труду". Марченко написал о шантаже Назина заявление. Вскоре того вызвали в КГБ, поговорили о заявлении Марченко и потребовали дать показания о том, что Марченко вербовал Назина в антисоветскую организацию. Назин опять отказался, рассказал об этом Марченко и написал заявление.)

Н. Михайлова (соседка Марченко в Карабаново) сказала, что у Марченко "было много денег": однажды он сказал ей, что может прожить не работая – "знакомые прокормят".

Орлов (механик газовой котельной) показал, что Марченко – хороший работник, но не перерабатывал – приходил и уходил точно во-время. Однажды Марченко попросил своего сменщика выйти за него в смену, а потом заплатил ему за этот выход. Марченко объяснил Орлову, что отдал сменщику-кочегару заработанные им таким образом деньги.

С. Некипелов (перед входом в зал был обыскан) кратко изложил содержание своего заявления Плешкову (Хр. 62). На вопрос, пользовался ли он библиотекой Марченко, ответил, что читал, например, Герцена.

Л. Богораз (перед входом в зал у нее отобрали сумку) заявила, что ей ничего неизвестно по данному делу – ей не сообщили, в чем обвиняют мужа.

На вопрос, читала ли она книгу "От Тарусы до Чуны", отвечать отказалась, мотивируя это тем, что считает уголовное преследование по идеологическим мотивам опасным для общества и что судят ее мужа за литературу.

– Здесь за литературу не судят. Это не литературное произведение, это – пасквиль.

– В свое время и "Тихий Дон" считался пасквилем.

Несколько свидетелей не явилось. Прокурор предложил зачитать их показания, данные на предварительном следствии. Суд согласился, но показания зачитаны так и не были. Были лишь ссылки на них в течение дальнейшего разбирательства.

Суд постановил "считать оглашенными следующие документы" и не читать их в суде ввиду их "антисоветского содержания" (следует перечисление работ Марченко, написанных им с 1975 г.):

- "От Тарусы до Чуны";
- "Публичный ответ газете 'Известия' " (машинописный экземпляр статьи, полученный следствием из редакции "Известий");
- "Третье дано" (Хр. 39);
- Прошение к Верховному Совету;
- Обращение к советским гражданам за рубежом;
- Обращение к американскому народу и Конгрессу;
- Открытое письмо президенту Форду;
- Открытое письмо председателю АФТ-КПП Дж. Мини;
- Черновые записи в записной книжке, начинающиеся со слов: "Войдут ли советские танки в Польшу?";
- Черновые записи в записной книжке на трех страницах, начинающиеся со слов: "Процессы, демонстрации";
- Открытое письмо к академику Капице (Хр. 56);
- Подборка документов "Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики" (часть книги "От Тарусы до Чуны" – в основном, переписка с официальными советскими инстанциями);
- Отрывок из работы Марченко "Живи как все" (в сборнике "Память", вып. 3);
- Обращение к русскоязычным радиостанциям США.

По настоянию Марченко были зачитаны его показания по делу Ю. Орлова: "Я являюсь соавтором работы 'Третье дано'. Больше отвечать не буду, так как все это не имеет отношения к делу Орлова".

Заявление Марченко, сделанное им после ареста, зачитали частично.

Марченко требовал оглашения заявления, сделанного им при знакомстве с делом. Адвокат воспротивился. Заявление не зачитали.

Прокурор задал Марченко несколько вопросов:

- Писателем какой страны Вы себя считаете?
- Я русский и, значит, русский писатель. Русский, не советский.
- А что из Ваших произведений опубликовано в России?
- Я отдавал книгу "Мои показания" в журнал "Москва" в 1968 году. Там ее перепечатывали для Правления Союза писателей, оттуда ее передали в Прокуратуру.
- Может быть, Вы состоите членом Союза писателей?
- Я считал бы для себя позором состоять в организации, которая убила Мандельштама, Бабея, Артема Веселого. (Судья: "Этого не было".)

- Если Вы писатель, то должны быть членом Союза писателей.
- Гоголь не был членом вашего Союза писателей, но писателем он был.

Затем вопросы захотел задать адвокат.

- Марченко, встаньте – я с Вами разговариваю.
- Я не буду вставать – я же отказался от Ваших услуг.

Адвокат попросил удовлетворить ходатайство Марченко. Судья отказал, указав при этом на слуховой аппарат Марченко, который был предоставлен ему уже перед судом. Марченко сказал, что с момента ареста требовал адвоката в связи с глухотой, написал об этом заявление, а теперь ему навязывают адвоката, хотя он в нем больше не нуждается.

Прокурор ответил, что такого заявления в деле нет.

Третий день

В своей речи прокурор сказал, что зарубежные центры и издательства публикуют пасквилы эмигрантов, но "для них предпочтительнее", чтобы эти люди были здесь. "Данный суд далеко выходит за рамки уголовного процесса... Здесь судят антисоветчика ... Марченко хорошо знал, что надо жить здесь, чтобы нанести больше вреда..."

Работы Марченко прокурор охарактеризовал как "антисоветские произведения, написанные с целью подрыва и ослабления советской власти... извращающие ход исторического развития нашей страны... призывающие вражеские государства усилить враждебные акции против СССР ... , порочащие советский образ жизни ...". В "Публичном ответе..." прокурор усмотрел желание Марченко заниматься "антисоветской деятельностью" и вред, в письме к Капице – призывы к террору (Марченко писал там, что если нравственное сопротивление не будет поддержано такими людьми, как Капица, то придут такие, как Кибальчич – Хр.), в черновиках – прославление фашизма, призыв к вооруженной борьбе, удовлетворение "вторжением гитлеровских полчищ в СССР".

Отягчающими вину Марченко обстоятельствами прокурор назвал школьные характеристики ("плохо учился... мог организовать учеников на срыв уроков"), характеристику на Марченко из КарЛага ("19 раз сидел в ШИЗО"), характеристику, написанную комендантом в ссылке Корзуном (Хр. 43) – ("был груб и невежлив").

Прокурор потребовал признать Марченко особо опасным рецидивистом и назначить ему наказание – 10 лет лишения свободы с последующей ссылкой на 5 лет.

Когда слово для защитительной речи было предоставлено адвокату, Марченко вновь заявил об отказе от защитника. После 20-минутного совещания суд заслушал мнение сторон. Ни прокурор, ни адвокат не возражали. Марченко сказал, что адвокат – коммунист и не может быть защитником, так как сам Марченко считает КПСС преступной организацией. Суд снова совещался 20 минут и отказал в ходатайстве.

”Преступность, – сказал адвокат, – от пережитков прошлого. Почему же не все преступники? Потому что пережитки прошлого действуют на каждого человека индивидуально: один может их преодолеть, другой – нет”.

Адвокат считает правильной квалификацию преступления по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР. Он просит учесть, что в случае Марченко пережитки прошлого попали на благодатную почву. Адвокат сказал, что отец Марченко – участник войны, что надо учесть личность подсудимого, его хорошее отношение к труду (со ссылкой на показания свидетелей Деминой и Орлова), что назначение Марченко минимального срока по данной статье поможет ему скорее осознать свою вину и исправиться, так как он оценит это проявление гуманизма.

Последнее слово Марченко произносил более часа. Он, в частности, сказал:

В шестой раз мне приходится сидеть на этой скамье, но в этот раз я доволен, так как впервые меня судят не по фальшивому обвинению, судят за то, что я действительно сделал. Вон они, на столе – книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал.. Только коммунистический и фашистский режимы защищают себя таким образом – вместо того, чтобы бить по идеям, бьют по черепам... Казалось бы, даже смешно такому сильному государству с такой сильной машиной массовой пропаганды, государству, которому принадлежит вся пресса, радио, телевидение, бороться с идеями такими способами – лагерями, тюрьмами. Но, значит, коммунистическая идеология не находит других аргументов... Что такое статья 70-я, по которой меня судят? Эта статья нужна для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов... Мы, которых судят и сажают, по сути дела не осужденные, а военнопленные – гражданская война продолжается... Когда-то пленников съедали, потом обращали в рабов, вот и для меня приготовлены исправительно-грудовые...

Затем Марченко подробно остановился на инкриминируемых ему произведениях. Он сказал, что его цель – показать, что в них нет клеветы. На следствии его спрашивали, с какой целью он в соавторстве написал статью ”Третье дано”. Цель видна из текста статьи, где говорится, что эта работа есть выражение одной из точек зрения на советскую внешнюю политику и положение страны в мире. В книге ”От Тарусы до Чуны” также нет клеветы: ”Разве я не был арестован? Не голодал? Не отправили меня голодающим в этап?”

Марченко вместе с письмом Капице упомянул не фигурировавшее в обвинении письмо Бондарчуку. Он выразил недоумение, почему на эти письма отвечает приговором суд. Может быть, Капица и Бондарчук неграмотны? Скорее всего, им нечего было ответить, сказал Марченко.

Касаясь инкриминируемых ему черновиков, Марченко отметил, что в обычном человеческом обществе считается неприличным даже загляды-

вать в чужие черновики, а здесь ими наполнили тома дела..Следователь говорил Марченко, что черновики позволяют заглянуть в его душу, так как человек пишет в данном случае без оглядки. ”Правда, – сказал Марченко, – бывает, что и черновики публикуются. Это касается черновиков покойников. Значит, в них можно заглянуть, увидеть душу и сослаться на них. Ну, что ж, в одном из последних томов сочинений Ленина есть специальный раздел – ‘подготовительные материалы’. Они написаны в конце жизни и деятельности Владимира Ильича, когда он подводил итоги. Что же мы можем найти в этих черновиках? Там есть такая запись: ‘Советская власть – говно’. А на всех учреждениях в городах мы видим чистовой лозунг того же автора: ‘Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны’. Значит, в душе Владимир Ильич держал: ‘Социализм есть говно плюс электрификация всей страны’ ” (в зале ошеломление, но судья спокоен).

Сегодня судят меня здесь люди старшего поколения, чем мое. Защитив Европу от фашизма, они вернулись на родину, звеня орденами и медалями. И тут же погнали друг друга в лагеря. Где же было их мужество под родной палкой? Теперь признают, что это была ошибка, а тогда люди этого поколения, когда их арестовывали, только недоумевали: ”За что?”... Я горжусь, что не принадлежу этому поколению! У меня вообще большое преимущество перед теми, кто находится в этом зале, – я не держу кукиш в кармане, я говорю и говорю то, что думаю...

... Если этот государственный строй считает, что единственный способ опровергнуть таких как я – это держать их за решеткой, у меня нет тогда возражений. Значит, я буду вечно, до конца дней, за решеткой, буду вечный ваш арестант...

Приговор: 10 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. В приговоре указывалось на плохое состояние здоровья и слуха Марченко. В связи с этим суд не постановил считать Марченко особо опасным рецидивистом.

”Спецпублика” встретила приговор аплодисментами.

После зачитания приговора Марченко крикнул: ”Я не буду подавать на кассацию!” Жена сделала шаг к нему, но сзади ее сразу же схватил за локти ”штатский” и бросил на стул, приговаривая: ”Сидите, сидите, Лариса Иосифовна”. Затем Богораз удерживали трое, а Марченко пытался сказать ей что-то о необходимой ему одежде, но его пинками вытолкали из зала.

После суда

На другой день после приговора у Марченко отобрали все бумаги по делу и одежду (взамен выдали тюремную). Его обрили и посадили на тюремный паек (с пониженной нормой питания) как осужденного, хотя приговор в законную силу еще не вступил.

Л. Богораз дали разрешение на полагающееся по закону свидание с мужем, но в тюрьме свидания ей не дали: "Карантин!" Вещевую передачу у нее не взяли: "Он осужден – ему передачи не положены". На возражения Богораз, что еще не истек срок подачи кассации, отвечали: "Какая разница! Все равно осужден".

* * *

6 сентября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 183 "Суд над Анатолием Марченко".

8 сентября Т. Трусова (Хр. 56) написала письмо Андропову:

...

Абсолютная величина человеческой личности, ее масштаб не зависит ни от взглядов человека, ни от мелких бытовых черт характера. Она определяется самостоятельностью и мужеством мысли, надежностью в дружбе, верностью избранному пути. Людей, абсолютная величина личности которых выше среднестатистической нормы современников, не так уж много. Мы говорим о таких: это – личность, это – человек крупного масштаба. И чем больше в истории народа и в его сиюминутной жизни таких людей – тем выше нравственный и просто человеческий потенциал страны.

...

Когда я услышала о суде и приговоре – я ощутила и себя прикованной к тому позорному столбу, к которому Вы и руководимое Вами учреждение приковываете подобными судами мою страну.

Мне стыдно называться гражданином государства, где судят за мысль и слово. Мне стыдно быть на свободе, когда слово и мысль обречены на пребывание за колючей проволокой.

Неужели Вы сами не понимаете, что диссидентов плодите Вы и ваши судебные процессы?

12 сентября письмо Андропову написал В. Гринев (Хр. 56):

...

То, о чем говорил и писал Марченко, – думают в нашей стране многие. Не у всех хватает мужества высказать это достаточно гласно. Каждый по-настоящему честный и обладающий свободной мыслью человек может в условиях нашего общества только восхищаться А. Марченко и завидовать его судьбе.

* * *

25 сентября, хотя приговор еще не вступил в законную силу, Марченко взяли на этап. Он был отправлен в 35 пермский лагерь. Приблизительно через месяц его вернули назад во Владимирскую тюрьму.

В тюрьме у Марченко была встреча с прокурором областной прокуратуры Образцовым, признавшим незаконность действий тюремного начальства.

* * *

7 октября А. Сахаров написал письмо "Спасти Анатолия Марченко":

Среди всех жестокостей и несправедливостей, с которыми сталкивает нас жизнь, ужасны повторные осуждения узников совести. Принятая советской юстицией практика особо суровых наказаний при повторных судимостях часто приводит к предвзятости и при обычных уголовных делах, превращая людей в вечных заключенных. Применение же этой системы к людям, преследуемым за убеждения, за ненасильственные действия, а чаще всего – просто за внутреннюю независимость и верность самому себе – чудовишно. За последние годы повторно осуждены Тихий, Лукьяненко, Стус, Пяткус, Никлус, Гаяускас, Айрикан и другие. И вот Анатолий Марченко, писатель и рабочий, наш Толя. Шестой приговор – после одиннадцати лет лишения свободы по четырем предыдущим – десять лет заключения и пять лет ссылки. В куцем обвинении – участие в коллективных правозащитных обращениях, черновик из записной книжки, полемическая статья о проблемах разрядки пятилетней давности, автобиографическая книга "От Тарусы до Чуны". И еще – открытое письмо академику Петру Леонидовичу Капице – горький и справедливый упрек высшей советской интеллигенции, одним из представителей которой является Капица, и одновременно – призыв распрячься, отбросить губительную и позорную пассивность, отбросить мелочный эгоизм. Капица никак не реагировал на это письмо, прореагировали органы КГБ. Может, сейчас Капица и его коллеги наконец сделают что-то для Толи.

Приговор Марченко – неприкрытая месть, откровенная расправа за замечательные книги о современном ГУЛаге (о котором он рассказал одним из первых), за стойкость, честность и независимость ума и характера. Особая ненависть к нему проявилась и в лишении после суда полагающегося по закону свидания с близкими – с женой и сыном. Можно опасаться, что и в лагере администрация тоже найдет поводы не дать свидания.

Пройдут годы, и наша страна будет гордиться Анатолием Марченко. Сегодня же он – на грани гибели, его убивают духовно и физически.

И спасти его надо сегодня!

* * *

В начале ноября Л. Богораз дали двухчасовое свидание с мужем – через двойное стекло.

В середине ноября в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное рассмотрение дела Марченко (по просьбе Л. Богораз кассационную жалобу написал адвокат Фрадкин), оставившее приговор без изменения (кассация проходила без адвоката, т.к. Богораз ни с кем не смогла заключить договор).

4 декабря Л. Богораз снова дали двухчасовое свидание с мужем.

5 декабря Марченко взяли на этап. 17 декабря он вновь прибыл в 35 пермский лагерь (см. "В тюрьмах и лагерях").

СУД НАД РОГИНСКИМ

В апреле Арсения Рогинского (Хр. 53) пригласили в Ленинградский ОВИР. Ему сказали, что из Израиля пришло письмо, авторы которого требуют, чтобы просьба Рогинского о выезде была удовлетворена, а у них, в ОВИР'е, никакой его просьбы о выезде нет; если он хочет уехать, то он должен в короткий срок подать необходимые документы (аналогичные заявления были сделаны в Ленинградском ОВИР'е Г. Давыдову – Хр. 56, Н. Лесниченко – Хр. 56 и С. Дедюлину – Хр. 61).

Рогинский документы подавать не стал.

* * *

В июне зав. отделом рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина И.Н. Курбатова, выступая на партийном собрании, сказала, что один из хранящихся в ее отделе документов опубликован в "зарубежном антисоветском издании". По словам Курбатовой, в свое время с этим документом ознакомился Рогинский, и, хотя она и не может доказать, что именно он способствовал публикации документа, она считает, что Рогинского следует лишить читательского билета. После этого Рогинский был лишен права пользоваться библиотекой. Приказ об этом в качестве причины такой меры называл "подделку отношения" и публикацию документа в "зарубежном журнале".

В начале августа Рогинского вызывали повесткой на допрос. Поскольку он не был в это время в городе, он не получил повестки.

12 августа Рогинского арестовали на даче в Усть-Нарве. На даче и в его ленинградской квартире были произведены обыски. Среди изъятого – пишущая машинка и несколько "тамиздатских" книг.

Жена Рогинского Наталья Фрумкина обратилась к прокурору Октябрьского р-на Ленинграда с просьбой изменить ее мужу меру пресечения – выдать ей мужа на поруки. Прокурор ответил: "Станем мы отпускать на поруки всяких мерзавцев, занимающихся антисоветской деятельностью". Фрумкина подала на него жалобу.

* * *

С 25 ноября по 4 декабря народный суд Октябрьского р-на г. Ленинграда под председательством председателя суда Ю.В. Барышева рассматривал дело Арсения Борисовича Рогинского (1946 г.р.), обвинявшегося по ч. 2 ст. 196 УК РСФСР (систематическая "подделка... документа, предоставляющего права...") и ч. 3 ст. 196 УК РСФСР ("использование заве-

домо подложного документа”). Обвинитель – прокурор И.В. Горский, защитник – адвокат И.Н. Денисов.

Первый день (25 ноября)

Небольшой зал заполнен родственниками и друзьями подсудимого. “Сотрудников” в зале только двое – сидят в противоположных углах зала.

Рогинский обвиняется в том, что он в 1974-1978 гг. на 7 ходатайствах о допуске в различные архивы подделал подписи зав. отделом редакции журнала “Нева” С.А. Лурье, ответственного секретаря редакции этого журнала В.И. Сашонко и (на 5 ходатайствах) декана исторического факультета Саратовского университета Г.А. Герасименко, а также в том, что в 1971-1978 гг. он использовал эти 7 “заведомо подложных” ходатайств и еще 3 аналогичных “заведомо подложных” ходатайства (в них указано, что Рогинский является соискателем по кафедре истории СССР). В обвинительном заключении также сказано, что письма Т.П. Семенова и В.О. Левницкого к Л.Г. Дейчу, с которыми знакомился в архиве Рогинский (и, согласно “листу использования”, только Рогинский!), опубликованы в вышедшем в 1978 г. в Нью-Йорке историческом сборнике “Память” (Хр. 42, 51, 52). В обвинительном заключении указано, что на обыске в феврале 1977 г. (Хр. 45) у Рогинского был изъят машинописный текст, являющийся первоначальным вариантом вступительной статьи к сборнику “Память”.

Рогинский заявил, что не признает себя виновным, но отказывается отвечать на конкретные вопросы по делу, а о мотивах своего отказа говорить тоже не хочет. Исключение он сделал только для вопроса, его ли подпись стоит на двух “листах использования” из архива “Дома Плеханова” при Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Свое отступление от избранной позиции Рогинский объяснил тем, что “названный архив слишком дорог его сердцу, чтобы он мог позволить своими словами бросить тень подозрения в подлоге на его сотрудников”.

В этот день были допрошены 6 свидетелей: В.И. Сашонко, зав. архивом Всесоюзного географического общества Т.Д. Матвеева, главный библиотекарь отдела рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Л.И. Бучина, зав. спецотделом Публичной библиотеки В.А. Фейгин, ученый секретарь Всесоюзного географического общества Л.И. Сенчура и доктор исторических наук профессор В.В. Пугачев (бывший профессор Саратовского университета).

Сенчура показал, что, будучи в Публичной библиотеке, случайно познакомился с приказом об исключении Рогинского из числа читателей библиотеки за подделку отношений и публикацию в зарубежном издании материалов отдела рукописей. Приказ об исключении, прикрепленный к дверям, он помнит отчетливо. Вернувшись из Публичной библиотеки в Географическое общество, он вспомнил, что Рогинский является читателем Географического общества. Обратившись к его документам, Сенчу-

ра увидел, что Рогинский, с одной стороны, значился аспирантом-филологом, а с другой –соискателем исторического факультета. Сенчура послал запрос в Саратовский университет и получил ответ, что отношение, предъявленное Рогинским, – подложное. После этого Сенчура от имени Географического общества возбудил против Рогинского дело в прокуратуре.

Рогинский. Скажите, пожалуйста, Вы являетесь читателем отдела рукописей Публичной библиотеки?

Сенчура. Нет, но два сотрудника Публичной библиотеки являются ответственными членами Географического общества. Именно их я искал в Публичной библиотеке, когда, проходя по библиотеке через отдел рукописей, прочел приказ.

Рогинский. Куда можно пройти через отдел рукописей? На каких дверях висел приказ о моем исключении?

Сенчура. Я не помню, на каких дверях висел приказ, – может быть, я его прочел на каких-то других дверях... Я не знаю, куда можно пройти через отдел рукописей – может быть, я через него не проходил...

Рогинский. В каком здании Вы читали приказ? В "Доме Плеханова" или На Садовой?

Сенчура. Не помню.

Рогинский. Приказ висел только на одних дверях – на внутренней стороне входных дверей в отдел рукописей, а Вы сказали, что через этот отдел Вы, может быть, и не проходили. Как же Вы могли видеть приказ?

Пугачев сказал, что знает Рогинского с 1965 г. как талантливого историка: Рогинский является его диссертантом, представившим план работы и все необходимые для осуществления статуса соискателя документы. Относительно выданного в 1977 г. отношения в архив за его подписью Пугачев заявил: "На предварительном следствии я показал... , что подпись под отношением не моя. Теперь я припоминаю, что давал указание выдать Рогинскому такое отношение. Подпись моя, но похоже или нет установить нет возможности, т.к. у меня очень неустойчивый почерк; ... даже если подпись не моя, она сделана с моего ведома и санкции".

Второй день (26 ноября)

В этот день были допрошены два свидетеля: зам. главного редактора серии "Литературные памятники" доктор филологических наук Б.Ф. Егоров и ст. научный сотрудник Института русской литературы АН СССР ("Пушкинского дома) доктор филологических наук Я.С. Лурье.

Егоров показал, что уже на первом курсе Рогинский заявил о себе как о способном, перспективном ученом. Он принимал активное участие в организации студенческой научной работы и студенческих межвузовских конференций, печатал свои работы в студенческих научных сборниках, редактировал эти сборники. Егоров сказал, что знает работы Рогинского после университета; он считает Рогинского прирожденным ученым, способности которого вместе с громадным трудолюбием должны прино-

сильно значительные плоды. Отвечая на вопрос адвоката, Егоров сказал, что вход в архивы определен правилами – бывают случаи, когда, несмотря на отношение, дирекция архива отказывает исследователю.

Я.С. Лурье высоко оценил работы Рогинского, его научные способности, архивную эрудицию и трудолюбие. "Когда года два назад я подал заявку... на издание работ замечательного историка М.Д. Приселкова, я решил привлечь Рогинского к этой работе. Чтобы он мог этим заниматься, я оформил его к себе литературным секретарем, обозначив ему регулярную плату, т.к. он никогда не получал гонораров за свои работы, опубликованные в научных изданиях... Для меня было особенно важно умение Рогинского работать с архивами, и это умение проявилось – Рогинскому принадлежит замечательная находка – он обнаружил ранее не печатавшуюся работу Приселкова". Отвечая на вопрос адвоката, Я.С. Лурье сказал: "Допуск к работе осуществляется администрацией архива или рукописного отдела после предъявления ходатайства. Очень просто может случиться, что дирекция такого разрешения не дает, хотя отношение предъявляется".

Прокурор заявил ходатайство: "В связи с тем, что не доказано, кем произведены подписи, а подсудимый отказывается помогать суду, я прошу назначить дополнительную комиссионную экспертизу".

Адвокат возразил: "По поводу двух отношений из 'Невы' экспертиза показала, что подписи Сашонко и С.А. Лурье подделаны Рогинским. Считаю, что это заключение может быть использовано и нужды в повторной экспертизе нет. По поводу пяти бланков СГУ от Герасименко экспертиза установила, что ... почерковедческого материала не хватает для точного определения подделки подписи именно Рогинским. По поводу трех отношений точно доказано, что это – не подделка Рогинского... Поэтому ввиду оснований для повторной экспертизы".

После двухчасового перерыва судья сообщил, что суд решил удовлетворить ходатайство прокурора.

Третий день (1 декабря)

В этот день были допрошены 2 свидетеля: С.А. Лурье и Г.А. Герасименко.

С.А. Лурье сказал, что не помнит, выдавал ли он Рогинскому бланк от имени редакции журнала "Нева". "Я не думаю, что Рогинский подделал мою подпись. Если бы ему понадобилась моя подпись, я бы и так подписал ему отношение в архив". Отвечая на вопрос Рогинского, С.А. Лурье сказал, что человек вполне мог прийти в отдел и попросить отношение без переговоров с руководством журнала.

Герасименко, отвечая на вопрос судьи, знал ли он соискателя Рогинского, сказал: "Откровенно говоря, декан направления в архив соискателям не дает. Вообще, на факультете бывают ситуации, когда соискатель известен только научному руководителю". Отвечая на вопрос прокурора, был ли он доволен Пугачевым, Герасименко сказал: "Как научным ра-

ботником – да, а как к организатору – были нарекания”. Отвечая на вопрос адвоката, знал ли он, что у Пугачева были документы соискателя Рогинского, сказал: ”По правилам соискатель оформляется в отделе аспирантуры, но какое-то время документы могут быть у профессора”.

В суде был оглашен список материалов, просмотренных Рогинским в архивах.

Судья. Вы согласны с тем, что работали над этими документами?

Рогинский. Сама ситуация, что архивы присылают списки использованных мною в научной работе документов в следственные органы, кажется мне чудовищной. Я отказываюсь комментировать этот список.

Судья. Есть ли здесь документы, которые Вы изучали в ”Доме Плеханова”?

Рогинский. Я уже пояснил, что к ”Дому Плеханова” у меня особое отношение. Поэтому отвечаю на вопрос: да, с названными документами я ознакомился в ”Доме Плеханова”.

Четвертый день (3 декабря)

Суд оглашает результаты дополнительной экспертизы: ”Все семь бланков отношений подписаны рукой Рогинского; на одном из бланков дата тоже написана рукой Рогинского”. На предложение ознакомиться с результатами экспертизы Рогинский ответил: ”Я как человек, много занимавшийся рукописями, всегда очень скептически относился к почерковедческим экспертизам. Данные трех экспертиз в деле лишний раз утверждают меня в этом мнении”.

Адвокат заявил ходатайство о перенесении слушания дела, чтобы он смог ознакомиться с вновь поступившими документами (ему дали их на 10 минут здесь же, в ходе судебного заседания). Суд отклонил его ходатайство.

Судья объявил, что поступили 4 международные телеграммы, и не зачитывая, приобщил их к делу.

По ходатайству адвоката суд приобщает к делу ”справку-ходатайство” из 154 вечерней школы Московского р-на г. Ленинграда о прикреплении Рогинского соискателем в Саратовский университет, план диссертации, справки об оформлении Рогинского по договору на работу в качестве личного секретаря у Н.Г. Долининой и Я.С. Лурье, справку о присуждении Рогинскому медали за лучшую студенческую работу в 1969 г., газету ”Известия” от 17 апреля 1967 г. со статьей ”Иди со мной”, в которой Рогинский упоминается как проблемный исследователь русской истории, письма Ю. Давыдова и Н. Эйдельмана, характеризующие Рогинского как перспективного ученого.

Прокурор в своей речи повторил все пункты обвинительного заключения и просил приговорить Рогинского к 4 годам лагерей общего режима.

Из речи адвоката:

Товарищи! Сегодня мы разбираем дело, которое, я уверен, не залежится на полках архивов, не запылится, к нему часто и долго еще будут обращаться, изучать его; но и потом, когда оно наконец ляжет на архивную полку, когда-нибудь молодой историк (жест в сторону подсудимого) обратится к нему, и многое ему в этом деле будет непонятно...

Я думаю, что его многое будет в этом деле удивлять при оценке обстоятельств, при оценке обоснованности доказательств дела.

Подсудимый – молодой человек, который работал, приносил пользу обществу. Какое нам дело, какое дело суду до того, где опубликованы те или иные факты? Думаю, что мы будем исходить из существа дела, а не из того, где опубликованы эти документы, т.к. это не должно определять нашего отношения к этому делу.

...

... я хотел бы сразу указать, что дело Рогинского не может квалифицироваться по 196-й статье потому, что по ст. 196 гражданин отвечает не за подделку *любого* документа, а лишь того документа, который сам непосредственно *предоставляет* право...

Адвокат, ссылаясь на правила работы в архивах и на показания свидетелей, объяснил, что "отношение" само по себе еще не предоставляет права работать в архиве.

... И потом – какую выгоду предоставляет этот документ – "отношение"? Ведь даже пропуск предоставляет только право на допуск в архив для работы. Тем более нельзя "отношение" считать документом, который дает выгоду, благо, льготу. "Отношение" ничего не предоставляет, то есть не предоставляет права работать с материалами, знакомиться с ними. И ни в коем случае не предоставляет материальных выгод.

Поэтому я считаю, что подделка этого документа ("отношения"), подписание его за кого-то не является уголовным преступлением. А чем же? Во всех этих архивных правилах сказано, что невыполнение этих правил – а я считаю, что здесь и было невыполнение этих правил – нарушение этих правил влечет за собой наказание административное, которое заключается в том, что исследователь исключается из числа читателей архива.

Подтверждением этого является приказ по ГПБ, на основании которого Рогинский был лишен права доступа в ОР ГПБ. Он и явился наказанием за то, что подписи в отношении были признаны поддельными – в течение года человек лишается права работы в архиве.

Я мог бы этим ограничиться и не касаться вопроса доказанности подлогов. Потому что если этот документ не является документом, подделка которого карается по закону, то подделка его не

влечет уголовной ответственности. Поэтому можно было бы сразу просить об оправдании подсудимого. Но я хотел бы остановиться на доказанности эпизодов в отдельных частях.

Если говорить о доказанности, то, исходя из материалов дела, с которыми я ознакомился, 17-ти эпизодов преступления не было. В деле 7 эпизодов подделки, 10 – предъявления подложных документов. Рогинский мог просто не знать, что это подделки. Из этих семи эпизодов – эпизод с ”Ознакомлением и публикацией” выходит за рамки обвинения по статье 196, а 3 других эпизода – в любом случае не могут быть доказаны, как ”предъявление заведомо подложных документов”. На основании чего считается доказанным предъявление Рогинским *заведомо* подложных документов?

Обычно в юридической практике по 196-й статье (подделка больничных листов, ордеров, дипломов) в большинстве случаев подделыватель и не имеет прав на права и льготы, которые дают эти документы. А Рогинский имеет все права на пользование архивами. Он человек, который ”со стороны” стремится войти в архив для научной работы, в этом нет ничего предвзятого. К тому же он действительно связан с Саратовским университетом.

...

Мы должны быть экономны не только в экономике, мы должны ценить способных людей. Может быть, именно этот человек, которого сегодня судят, натолкнется на пути выяснения тайн нашего прошлого, настоящего и будущего.

Я прошу суд вынести оправдательный приговор.

Пятый день (4 декабря)

Из последнего слова Рогинского:

В ”последнем слове” я считаю необходимым коснуться некоторых моментов, которые, хотя уже и возникали в судебном заседании, но возникали, с моей точки зрения, недостаточно, от случая к случаю. Между тем, без ясного о них представления вряд ли возможно дать более или менее объективную и объемную оценку моему ”уголовному делу”.

Формальные вопросы, например, вопрос о том, подпадают ли вменяемые мне в вину поступки под какую-либо статью УК РСФСР, я сейчас затрагивать не буду – здесь моя позиция полностью совпадает с позицией моей защиты. Равным образом я считаю излишним объяснять мотивы, по которым я воздержался от дачи показаний на следствии и в суде – такие объяснения неминуемо заставили бы меня высказывать предположения и о причинах моего ареста, и о том, почему против меня были выдвинуты обвинения по 196-й, а не любой другой статье УК, и о многом другом, связанном с механизмом возникновения настоящего процесса. Не буду я возражать

и на обвинительную речь прокурора; логика его рассуждений, система доказательств напоминает мне логику обвинений тех лет, когда он формировался как юрист, т.е. тех лет, когда в советской юриспруденции господствовали идеи тогдашнего генпрокурора СССР Вышинского. Все это увело бы нас далеко в сторону от вопросов куда более важных и для многих, может быть, менее очевидных.

Вопросы эти лежат в основании разбираемого дела и в узком смысле могут быть сведены к проблеме взаимоотношения исследователя и архива, к тому – как попадает исследователь в архив и каковы условия его работы там.

Прежде всего – одно предупреждение. Архив для меня (я, конечно, имею в виду только литературные и исторические архивы) – естественное продолжение библиотеки, а архивные, неопубликованные источники ничем принципиально не отличаются от опубликованных, их можно рассматривать как *случайно* неопубликованные или *пока* неопубликованные. Я считаю нужным объяснить это сейчас, потому что среди людей, далеких от исторической науки, мне нередко встречалось немало искренне убежденных в том, что в архивах хранятся обязательно или сверхсекретные или кого-то, а может быть что-то, порочащие документы. И что поэтому в архив пускают только избранных, облеченных "особым доверием", и что так и должно быть.

Такое представление об архивах, конечно, совершенно ошибочно. Так же как прозвучавшая попытка подразделить документы на *более* важные или *менее* важные, более ценные и менее ценные. Каждый документ важен, каждый документ драгоценен как свидетельство нашего прошлого.

С необходимостью обращаться к архивам сталкивается каждый серьезный исследователь русского прошлого. И не обязательно профессионал, а часто и любитель, которому неопубликованные документы могут понадобиться и для самостоятельных изысканий и, например, как подспорье при работе над воспоминаниями. Допустим, какой-нибудь житель города захочет узнать историю своего дома. Он обратится к напечатанному, а потом захочет узнать подробнее в архиве, но как же ему туда попасть? То есть как же могут они – и профессионал, и любитель – получить доступ к этим документам?

Установления на этот счет более или менее одинаковы во всех хранилищах. Воспользуюсь поэтому находящимися в "деле" "Правилами для читателей ОРиРК ГПБ". Кроме читательского билета в библиотеку, чтобы получить право на занятия в отделе, требуется "ходатайство научных учреждений и организаций, в штате которых исследователь состоит или *по заданию* которых он работает, с указанием темы занятий". Значит, если вы не состоите в штате какого-либо исследовательского института или вуза и если к тому же эти учреждения не давали вам никаких "заданий" (странный

термин "задание" в применении к научному учреждению) – то доступ в архив закрыт для вас.

Под эту категорию "не имеющих права" заведомо подпадает большинство историков и филологов с высшим гуманитарным специальным образованием. Что же делать им, работающим в школах, техникумах, экскурсионных бюро, районных библиотеках, технических издательствах? Или – точнее – тем из них, кто после окончания вуза хочет продолжать занятия наукой, если для их исследований необходимо изучение архивных документов.

Тут два выхода: или сразу позабыть об этой необходимости (так, увы, и приходится поступать многим), или попытаться *выклянчить* (пожалуй, наиболее точное слово) ходатайство для доступа в архив в инстанциях, которые могут такое ходатайство выдать.

Но инстанции эти, как правило, отказывают. "Научные учреждения" – по той причине, что ваша тема не соответствует уже утвержденным его планам, да и почему, собственно говоря, оно должно просить за незнакомого или малознакомого человека, не имеющего к данному учреждению никакого отношения. К вузу, который вы в свое время закончили, вы теперь формально тоже не имеете отношения, и даже если вас там помнят и сочувствуют вашему положению, – и думать нечего получить ходатайство оттуда. Остаются, правда редакции. Но в специальных, академических редакциях действуют те же пружины, что и в "научных учреждениях". А популярным изданиям ваша тема, скорее всего, неинтересна: она для них либо не актуальна, либо слишком академична. И только изредка среди ответственных сотрудников таких редакций вам повезет встретить человека, вроде, например, ныне покойного заведующего отделом "Невы" В.Н. Кривцова (мне дорога его память), т.е. человека, интересующегося историей широко и бескорыстно, а не применительно к планам своего журнала, и который, может быть, даже захочет вам как-нибудь, на свой страх и риск, помочь. Но это – везение, а обычно вам отвечают, что соответствующим (историческим или историко-литературным) материалом редакция "обеспечена надолго вперед" (есть и такая формула у редакции). И, пройдя весь этот круг, испытав при этом массу малоприятных ощущений, – вы вновь оказываетесь перед выбором: или оставить мысль об архивах и обойтись опубликованными источниками, или бросить свою старую тему и начать новую, более соответствующую плану "научных учреждений", или прибегнуть к окольным путям, чтобы все-таки выполнить поставленную перед собой задачу. Например, попытаться получить ходатайство по теме, которая интересует какую-нибудь редакцию, и действительно этой темой заняться, надеясь параллельно познакомиться в архиве хотя бы с частью материала по вашей собственной теме. Конечно, такой способ сильно тормозит ваше исследование, но все же не исключено, что рано или поздно вам удастся его закончить. Ну, а если и

окольные пути не помогли, если вам не удалось завязать никаких отношений с "научными учреждениями", журналами, издательствами? Тогда вы оказываетесь в тупике.

Я сейчас говорил о таких, как я, т.е. получивших высшее гуманитарное образование и, может быть, даже успешных в студенческие годы напечатать одну-две небольших статьи. Им все-таки удается иногда обосновать свое стремление попасть в архив. А как быть человеку, у которого специального образования нет, или – хуже того – у которого вообще нет никакого диплома? А занимается он, между тем, той же русской историей и знает ее, бывает, не хуже специалистов. И не для того ему нужны архивные материалы, чтобы писать диссертацию или статью в какой-нибудь журнал, а "просто так", чтобы прояснить что-то для себя. Пожалуй, что шансов попасть в архив у такого человека нет никаких.

Но, предположим, ходатайство вы получили и работа в архиве вам разрешена. Значит ли это, что теперь вам удастся изучить все необходимые документы? К сожалению, нет. В цитированных уже мною "Правилах" говорится: "Рукописи не выдаются, в случаях несоответствия их теме, над которой работает исследователь". Реализуется этот пункт так: каждое поданное вами требование рассматривается кем-либо из руководства архива, кто и решает, то ли на основании неведомых вам инструкций, то ли по собственному разумению, – выдать вам или нет просимый документ.

В моей архивной практике были, наверное, сотни случаев, когда мне отказывали в выдаче материалов.

...

В нынешнем судебном заседании вряд ли имеет смысл обсуждать, для чего понадобилось создание искусственной и часто непреодолимой преграды между исследователем и документом, чем вызвана эта засекреченность (иначе не скажешь) документов русской истории, но одно, мне кажется, очевидно: следствием системы "ходатайств", системы "специального хранения", "особого хранения", "ограниченного пользования", системы произвольного решения архивными администраторами, что выдавать, а что не выдавать исследователю – следствием всего этого является и сокращение работ, основанных на неопубликованных документах, и сужение круга изучаемых проблем, и отталкивание от науки людей, занимающихся ею независимо от утвержденных какими-либо инстанциями планов. И в конечном счете вся эта система мер по ограничению доступа к первоисточникам, к подлинной исторической информации создает удобную почву для неверного и даже намеренно извращенного истолкования русского исторического процесса. Система эта нуждается в изменении.

Я, конечно, не считаю, что в архив следует пускать каждого случайного человека или что рукописи следует выдавать человеку, не обладающему навыками работы с ними. Но это препятствие легко устранимо.

Ходатайства можно заменить собеседованиями, в которых легко выяснится компетентность желающего попасть в архив.

Умению обращаться с рукописями также обучить не трудно – для этого при архивах могут быть организованы специальные курсы. Кстати, это было бы полезно и 60 процентам профессиональных исследователей, с которыми я сталкивался в архивах.

Но что должно быть отменено решительно – это какие бы то ни было ограничения в выдаче материалов (кроме, конечно, особых случаев, перечислять которые сейчас нет нужды).

Ну, а применительно к разбираемому уголовному делу – только эти перемены создадут условия, в которых не будет места ни ухищрениям при унижительном выпрашивании ходатайств для доступа в архивы, ни попыткам получить этот доступ при помощи подложных ходатайств. Исчезнет, следовательно, сама возможность выдвижения обвинений, аналогичных тем, которые предъявлены сейчас мне.

Мне кажется, что по этой последней причине именно данный суд должен обратить внимание Главного Архивного Управления и Министерства культуры. АН СССР, которым подчинено большинство архивов и рукописных отделов библиотек, на необходимость пересмотра некоторых пунктов правил, разработанных хранилищами рукописей для читателей. С просьбой сделать соответствующее представление я и обращаюсь к суду.

...

Наконец, последнее. В приказе по Публичной библиотеке одним из мотивов лишения меня читательских прав была названа публикация без ведома отдела рукописей нескольких писем из архива Дома Плеханова в "иностранном издании". Я не припомню случая, да вряд ли и был таковой, чтобы аналогичная мера была применена к какому-нибудь автору несанкционированной публикации в советском журнале. Но такова логика дирекции Публичной библиотеки.

С такой же логикой я столкнулся на следствии. Хотя, казалось бы, для обвинения по 196-й статье УК РСФСР должны быть равно безразличны (или, может быть, равно интересны) и советские, и и зарубежные публикации, но было очевидно, что именно зарубежные имеют для следствия какое-то особое значение. И вот еще раз я столкнулся с этой же логикой на суде, где свидетель Сенчура прямо указал, что ценность документа зависит от того, где он опубликован.

Достаточно сказать, что в предъявленном мне 10.11, при закрытии дела, обвинении цель моих архивных занятий была определена, как – цитирую – "публикация архивных документов в зарубежных изданиях", и только после моего замечания в формуле появилась вставка "и советских", перешедшая затем и в обвинительное заключение. Но при этом в Постановлении о передаче из моего "дела" в КГБ для – цитирую – "рассмотрения и принятия соответ-

ствующих мер” части материалов (сборника ”Память”, изданного в Нью-Йорке, и переданного следствию Управлением по охране гос. тайн в печати, тетради с выписками и несколько книг) формула сохранилась в прежнем виде – только ”зарубежные издания”. Попытке обосновать мою причастность к ним была, как известно, посвящена специальная экспертиза, да и на допросах этот сюжет был едва ли не основным.

Я не буду здесь, как, впрочем, и в любом другом месте, обсуждать вопрос имел или нет я отношение к каким-либо публикациям исторических документов за рубежом. Я не стану говорить об этом вовсе не из-за стремления что-то скрыть. Просто для меня публикации в отечественных изданиях не противопоставлены публикациям за границей. Документ, точно воспроизведенный и беспристрастно откомментированный, остается документом вне зависимости от того, где и кем он опубликован, потому что существует единая русская культура, существуют исторические и литературные архивы, являющиеся достоянием этой культуры. И только свободное изучение этих архивов и свободная их публикация помогут нам узнать правду о нашем прошлом.

Таково мое отношение к основным вопросам, поднятым на суде.

Последнее. Мне хочется выразить чувство глубокой неловкости перед прошедшими в этом ”деле” свидетелями, уважаемыми учеными и коллегами В.В. Пугачевым, Я.С. Лурье, Б.Ф. Егоровым, Л.И. Бучиной, Т.П. Матвеевой, С.А. Лурье.

Мне также больно за все то, что пришлось пережить в связи с этим делом человеку, которого я мало знаю лично, но очень уважаю, бывшей заведующей ОР ГПБ И.Н. Курбатовой, которой я приношу, прошу ей это передать, свои глубочайшие сожаления.

Далее, благодарности друзьям, близким. Эти дни были праздником для меня, потому что я видел не праздную толпу, пришедшую на спектакль, а по-настоящему близкий мне круг людей.

Я прошу простить мне мою, возможно, не вполне вразумительную речь, но условия жизни, в которых я нахожусь в последнее время, – 9 человек на 8 квадратных метров, – не способствуют сосредоточению мыслей.

Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Скоро мы сможем писать друг другу письма. И вообще, время быстро летит...

Суд признал Рогинского виновным по всем ”эпизодам” обвинения и приговорил его к 4 годам лагерей общего режима.

В конце декабря Ленинградский городской суд, рассмотрев кассационную жалобу, оставил приговор без изменения.

СУД НАД КУВАКИНЫМ

22 и 23 декабря Московский городской суд под председательством зам. председателя суда В.Г. Романова (он же судил Т. Великанову – Хр. 58) рассматривал дело Всеволода Дмитриевича Кувакина (1942 г.р., по образованию юрист; арестован 14 апреля – Хр. 62), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор Головин (он же обвинял Гривнину и Сереброву – см. выше), защитник – адвокат В.Я. Швейский (он же защищал А. Амальрика – Хр. 17, В. Буковского – Хр. 23, А. Мясникова – Хр. 61 и Т. Осипову – Хр. 62).

Суд проходил в помещении народного суда Люблинского р-на г. Москвы – там же, где судили Ю. Орлова (Хр. 50), Т. Великанову, В. Бахмина (Хр. 58), Ю. Гримма (Хр. 58), Т. Осипову и И. Гривнину.

Здание суда было оцеплено так, что даже в квартал, расположенный перед зданием суда, никого не пускали. В суд не впускали и по другим делам, несмотря на предъявляемые повестки и ссылки на договоренность о встрече.

В первый день в зале суда были жена подсудимого Анна Кувакина и наблюдающий за ней "сотрудник" (при входе в зал Кувакину обыскали). Больше никого, в том числе и "спецпублики", в зале не было. Несмотря на это знакомых Кувакина в зал не пустили: "Нет мест!".

"Штатский", назвавшись помощником милиционера, в его присутствии проверил документы у В. Шепелева (Хр. 61, 62), А. Смирнова (Хр. 61, 62), М. Соловова (Хр. 56, 60) и С. Белова (Хр. 51, 54).

Геннадий Гуреев отказался предъявить документы, пока милиционер не предъявит ему свое удостоверение. После препирательств Гуреева задержали и за "неповиновение" дали "15 суток".

Ю. Денисова (Хр. 62) привезли к зданию суда сотрудники КГБ на черной "Волге". По его словам, повестки свидетеля он не получал и, когда его утром вывели из дома, не знал, куда его повезут.

Когда А. Готовцев (Хр. 62) предъявил на "кордоне" повестку свидетеля, сотрудники КГБ нашли в ней сделанные от руки, не заверенные исправления, и отказались пропустить его. Готовцев поехал домой. На Пл. Ногина "лица в штатском" задержали его, объяснили, что произошло недоразумение, и на своей машине доставили его обратно в суд.

Кувакина в зале суда охраняли капитан и лейтенант КГБ.

* * *

Кувакин заявил 3 ходатайства:

– направить дело на следствие в связи с тем, что следствие было проведено неполно, без выяснения причин и мотивов совершения инкриминируемых деяний; 14 октября он уже обращался с просьбой приобщить к делу письма, направленные им в ЦК КПСС в 1976-1977 гг.;

– приобрести к делу брошюру "СССР. 100 вопросов и ответов", журнал "Наш современник", 1979 г., № 9 и конвенции международных организаций, так как в инкриминируемых ему документах он использовал выдержки из этих работ;

– изъять из уголовного дела его записную книжку и "ежедневник", так как они не имеют никакого отношения к рассматриваемому уголовному делу, а ему нужны.

Адвокат поддержал все ходатайства, прокурор возразил, суд отклонил два первых ходатайства, а рассмотрение третьего отложил до зачитания приговора.

* * *

Кувакину инкриминировали следующее:

1. Летом 1980 г. Кувакин получил от жителя Рязани Ивана Данилюка (Хр. 46, 47, 56) написанное последним "Обращение к Генеральному секретарю ООН", содержащее "выпады, направленные на дискредитацию коммунистической партии и советской демократии". Несколько экземпляров были изъяты при обыске 2 апреля в квартире Кувакина (Хр. 62), один – в портфеле, "добровольно выданном" М. Баженовой (Хр. 62), один – при обыске на квартире Ю. Денисова.

2. Осенью 1980 г. Кувакин получил от И. Данилюка сокращенный вариант того же обращения, внес в него свои поправки, размножил его и ознакомил с ним В. Шепелева, М. Иконникова (Хр. 62) и Ю. Денисова. Один экземпляр Кувакин передал французскому корреспонденту А. Бирюкову. Один экземпляр был изъят на обыске у Кувакина, один – в портфеле, выданном Баженовой.

3. В конце 1980 г. Кувакин изготовил "Воззвание к гражданам Советского Союза", содержащее "призывы к массовым выступлениям и забастовкам". На основании этого документа Кувакин 13 декабря 1980 г. изготовил документ, начинающийся словами "Как нам хорошо известно", "содержащий клеветнические измышления в адрес советского общества жизни". Оба документа были найдены в портфеле, выданном Баженовой.

4. В декабре 1980 г. Кувакин получил от неустановленного лица журнал "Левый поворот", а в нем – "Программу экономической борьбы рабочего класса", содержащую "призывы к массовым выступлениям и забастовкам", и размножил ее. Один экземпляр был обнаружен при обыске на квартире Денисова, один – в пакете, адресованном В. Файнбергу (Хр. 62), найденном в портфеле, выданном Баженовой.

5. В июне 1980 г. Кувакин передал гражданину Бельгии Бени копии трех документов, полученных от В. Новодворской (Хр. 51) и подписанных псевдонимами "Алла Подмосковная" ("Венок лжецов", "Немного музыки и танцев", "Если б все овечки знали, что такое серый волк"). По

одному экземпляру этих документов Кувакин вложил в пакет, адресованный Файнбергу.

6. Кувакин участвовал в разработке документа, начинающегося словами: "10 марта 1980 года", содержащего "клеветнические измышления о якобы преднамеренном убийстве М. Морозова". Кувакин подписал его и размножил. Один экземпляр этого документа был найден на квартире Л. Вуля (Хр. 61), другой – в пакете, адресованном Файнбергу.

7. Кувакин намеревался послать Файнбергу конверт, в который были вложены 2 экземпляра документа "Пусть всегда преследуют". На конверте было указано, что он адресуется изд-ву "Посев" и что его отправитель – С. Белов.

8. Кувакин намеревался послать Файнбергу изготовленные им копии документов "Кому на Руси жить хорошо", "Еще раз о троянском коне", "... Сибирин".

9. Все упомянутые документы Кувакин упаковал в пакет, на котором был указан адрес Файнберга. Кувакин обратился к Александру Готовцеву с просьбой отправить пакет, т.к. тот сказал, что у него есть такая возможность.

10. В марте 1981 г. Кувакин изготовил и размножил "Заявление для печати" (Хр. 62), в котором "не скрывает, что все его усилия были направлены на подрыв и ослабление советской власти". Это заявление он передал американскому корреспонденту Остину. Оно было опубликовано в журнале "Посев" и передавалось по радиостанции "Свобода".

Согласно обвинительному заключению, Денисов показал, что Кувакин ознакомил его с полным и сокращенным вариантами "Обращения к Генеральному секретарю ООН" и с "Заявлением для печати"; "Заявление для печати" Кувакин в его присутствии передал Остину.

Иконников показал, что Кувакин ознакомил его, В. Шепелева и Денисова с сокращенным вариантом "Обращения к Генеральному секретарю ООН"; Кувакин ознакомил его с "Заявлением для печати" и в его присутствии передал это "Заявление" Остину.

Готовцев показал, что Кувакин передал ему пакет для отправки Файнбергу.

* * *

Кувакин не признал себя виновным.

По эпизодам обвинения он показал следующее:

1. "Примерно в июле-августе прошлого года Иван Данилюк принес написанный им текст 'Обращения'. Ознакомившись с ним, я сказал Данилюку, что обращение содержит грубые выпады против советской действительности, с которыми я не согласен. Поэтому я отказался его подписать и посоветовал Данилюку его переделать. Несколько копий Данилюк мне все-таки оставил".

Прокурор. Почему Вы хотели отправить его Файнбергу?
Кувакин. Просто для ознакомления.

2. "Через некоторое время Данилюк принес другой вариант 'Обращения' – то, что в ходе предварительного следствия получило название 'Сокращенного варианта'. На этот раз 'Обращение' было сдержанным, не содержало ничего криминального. Я согласился с его содержанием, сделал три незначительные поправки, перепечатал его и подписал".

3. "В конце прошлого года у меня возникло желание написать этот документ. Написав его за один вечер, я утром увидел, что 'Воззвание' – слишком резкое и эмоциональное. Позднее я на его основе написал статью, начинающуюся словами 'Как нам хорошо известно'. Мысль о статье возникла у меня после прочтения очерка 'Хозяйская душа' из журнала 'Наш современник' (этот журнал я просил в своем ходатайстве приобщить к делу). Мне инкриминируют призывы к массовым выступлениям и забастовкам. В своей статье я руководствовался также международными конвенциями и брошюрой 'СССР. 100 вопросов и ответов'. В конвенциях говорится, что все трудящиеся имеют право на забастовку. Советский Союз эти конвенции подписал. В брошюре на вопрос 'Почему в СССР запрещены забастовки?' дается ответ, что забастовки у нас не запрещены – просто в Советском Союзе нет почвы для возникновения ситуаций, заставляющих трудящихся бастовать. Мне кажется, и мое мнение поддерживается автором очерка 'Хозяйская душа', что такая почва у нас есть. Именно эти мысли были высказаны мною в статье и ничего криминального в них, на мой взгляд, нет".

4. "Программа экономической борьбы' была напечатана в журнале 'Левый поворот' и я ее просто переписал из него".

Прокурор. Почему Вы переписали не в одном экземпляре?

Кувакин. Потому что я все, иногда даже письма, пишу под копиручку. Привычка.

Судья. Каким образом одна копия оказалась в квартире Денисова?

Кувакин. Случайно. Наверное, вложил экземпляр в журнал "Левый поворот", который дал почитать Денисову.

Прокурор. С какой целью Вы решили передать его Файнбергу?

Кувакин. Я знаю, что социальные проблемы его интересуют.

5. "Эти документы я получил от Новодворской еще осенью 1979 г. и с тех пор они лежали без какого-либо применения до осени 1980 г. (Они были изъяты на обыске у Кувакина 19 сентября 1980 г. – Хр.) На предварительном следствии я дал не совсем верные показания. Я вспомнил, что никак не мог передать Бени копии этих документов – Бени выехал из Советского Союза в июле 1980 г., а копии с этих очерков я сделал только осенью прошлого года; кроме того, акт таможенного досмотра Львовской таможни не указывает, что данные документы были обнаружены у Бени".

6. "В разработке письма в защиту М. Морозова я почти не участвовал, но считал возможным его подписать, т.к., по моему мнению, оно не содержит никаких антисоветских выпадов... Подписал его из чисто гуманных соображений".

Судья. При обысках обнаружено 2 экземпляра этого документа. Один подписан Вами и Гершуни, другой – несколькими лицами, среди которых есть и Вы. Вы подтверждаете, что подписали оба экземпляра?

Кувакин. Подтверждаю.

7. "Конверт с письмом С. Белова для НТС был передан мне для отправки на Запад осенью прошлого года. О содержании конверта мне не было ничего известно. Я просто взялся выполнить поручение".

Судья. А почему Вы взялись выполнить это поручение? У Вас были возможности передавать материалы на Запад?

Кувакин. В то время были.

8. "Эти документы попали ко мне еще в 1978 г. Они предназначались для библиотеки СМОТ, но не попали в нее, просто лежали у меня. Копий с них я не изготовлял".

9. "Я обратился к нескольким людям с просьбой переправить этот пакет Файнбергу нелегальным путем. На просьбу откликнулся Александр Готовцев, сказав, что такая возможность у него есть. 23 января 1981 г. я передал пакет Готовцеву. 1 апреля он мне его вернул, сказав, что, к сожалению, у него теперь нет возможности передать его адресату. А утром 2 апреля начался обыск".

Прокурор. Вы все материалы передавали с целью их публикации в западной печати?

Кувакин. Нет, только часть.

Судья. А зачем Вы хотели их опубликования?

Кувакин. Предполагал, что они вызовут у западных читателей интерес и найдут отклик.

10. "Весной нынешнего года мне стало ясно, что меня арестуют. И в соответствии с традициями правозащитного движения я написал свое предарестное заявление. Признаю – несколько эмоциональное... После обыска, проведенного у меня дома, факт предстоящего ареста стал для меня очевиден, и я передал заявление для опубликования в западной печати".

Прокурор. Вы передавали его для опубликования именно в "Посеве"?

Кувакин. Я передавал его для опубликования в серьезных изданиях – "Вашингтон Пост", например. Почему оно было опубликовано в "Посеве", я не знаю. Мое отношение к НТС и "Посеву" нельзя назвать враждебным (это слишком сильно сказано), но и не дружеским.

Прокурор. Зачем Вам вообще нужно было добиваться его публикации?

Кувакин. Чтобы вызвать реакцию на мой арест.

* * *

В тот же день были допрошены свидетели М. Баженова, Ю. Денисов, М. Иконников и А. Готовцев.

Денисов на вопрос судьи, передавал ли Кувакин в его присутствии "Заявление для печати" иностранным корреспондентам, ответил: "Я не помню. В тот вечер я был совершенно пьян". Судья зачитал подробные показания, данные Денисовым об этом эпизоде на предварительном следствии.

Судья. Под Вашими показаниями стоит Ваша подпись. Вы подписывали протокол допроса?

Денисов. Да, подписывал. Но все, что сейчас прочитали, неправильно. Я утверждаю, что был пьян и ничего не помню.

Судья. Свидетель, Вы дали подписку об ответственности за дачу ложных показаний. Вы подтверждаете свои показания?

Денисов. В основном, подтверждаю. Но про "Заявление" я ничего не говорил. Я еще на допросе говорил, что был пьян.

Иконников на вопрос судьи, знакомил ли его Кувакин с "Заявлением для печати", ответил: "Да, вроде бы что-то Всеволод Дмитриевич давал мне читать, но что именно – не помню".

Судья. Что Вас связывало с подсудимым? Часто ли Вы у него бывали?

Иконников. Нет, не часто. Я познакомился с Всеволодом Дмитриевичем через Юру Денисова. Мы хотели создать бюллетень "Гласность" – Всеволод Дмитриевич, я и Гена Гуреев. ...

Судья. На допросе Вы также говорили, что Кувакин ознакомил Вас с "Обращением к Генеральному секретарю ООН". Расскажите об этом.

Иконников. Не помню.

Судья. Напоминаю Вам Ваши показания: "На квартире Денисова Всеволод Дмитриевич зачитал текст 'Обращения', и мы все решили, что его можно подписать".

Иконников. Да, потому что Всеволод Дмитриевич сказал, что такое "Обращение" не содержит ничего антисоветского.

Готовцев на вопрос суда, передавал ли ему Кувакин пакет, ответил: "На предварительном следствии я говорил, что, возможно, существовал какой-то пакет или конверт, но с января прошло столько времени, что все обстоятельства, связанные с этим пакетом, я забыл". Отвечая на вопрос, Готовцев сказал, что не знаком с Файнбергом.

Судья. Зачем же Вы взяли пакет? У Вас была возможность передать его на Запад?

Готовцев. Нет, таких возможностей у меня не было.

Судья. С какой же Вы все-таки целью взяли пакет?

Готовцев ответил что-то вроде "Если Всеволод Дмитриевич говорит об этом, мне ничего не остается, как подтвердить его показания".

Во второй день Анну Кувакину не пустили в зал – судья заявил, что далее слушание будет закрытым. (На чтение приговора ее пустили.)

Приговор инкриминировал Кувакину эпизоды 3, 4, 6, 7, 9, 10.

Подсудимый Кувакин В.Д. в ходе предварительного следствия и в судебном заседании вину свою в совершении преступления не признал, но признал фактические обстоятельства рассматриваемого уголовного дела.

Как во время предварительного следствия, так и в суде подсудимый Кувакин В.Д. не препятствовал расследованию, дал показания по всем указанным эпизодам, помогал правильному ведению следствия и установлению истины.

При назначении меры наказания Кувакину В.Д. суд учитывает общественную опасность и характер совершенного им преступления, личность подсудимого, тот факт, что он долгое время занимался общественно полезным трудом, имеет на иждивении жену и ребенка ...

Суд приговорил Кувакина к 1 году лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Кувакин и Швейский подали в Верховный суд РСФСР кассационную жалобу.

* * *

Готовцев, Денисов, Данилюк выражали недовольство показаниями о них Кувакина, данными на предварительном следствии. На свидании с женой Кувакин выразил недовольство показаниями Данилюка.

АРЕСТЫ

Арест Иванова-Скуратова

11 августа в Москве был арестован историк Анатолий Михайлович Иванов (1935 г.р.). Он обвиняется по ст. 70 УК РСФСР, его дело ведет КГБ СССР.

Иванов – автор ряда самиздатских работ, публиковался в журналах русского национального направления "Вече" и "Земля" под псевдонимом "Скуратов" (Хр. 32, 34, 35, 37, 38).

* * *

13 августа майор Рябов провел по делу Иванова обыск у Леонида Бородин (Хр. 1, 34). Изъяты изданные и неизданные работы Бородин, Сам-и Тамиздат (всего в протоколе 102 пункта).

14 августа Рябов допросил Бородин. Бородин сказал, что с Ивановым знаком, а о связях Иванова с иностранцами ничего не знает.

* * *

26 августа майор Губинский и старший лейтенант Круглов допросили Ольгу Курганскую. Ее спрашивали о деятельности Иванова за последние два года, о его политических взглядах. Курганская сказала, что познакомилась с Ивановым у В. Репникова (эмигрировал в 1980 г. – Хр. 57). Она охарактеризовала Иванова как человека "крайне злобного", а его политические взгляды – как фашистские. Она возразила следователю, когда тот попытался записать в протоколе, что Иванов – "русский националист", и сказала, что, по ее мнению, он – нацист, а это – не одно и то же. По поводу его деятельности за последнее время Курганская сказала, что ничего о ней не знает, т.к. Иванов уже давно не общался с русским национальным движением, и русские националисты не доверяли Иванову, считая его провокатором.

Следователи задали Курганской вопросы относительно связей Иванова с художником Ильей Глазуновым, а также перечислили ряд фамилий, упоминавшихся в деле и показаниях самого Иванова. Курганская ответила, что ни с кем из них не знакома.

* * *

По делу Иванова была также допрошена В. Машкова (Хр. 57).

Арест Виктора Яценко

22 октября в Ростове-на-Дону дома после обыска был арестован студент техникума Виктор Яценко (1961 г.р.). Ему предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

В те же часы, когда проходил обыск в Ростове, были проведены обыски в Москве – у сестры Виктора Марии и его брата Николая. Дома у Николая Яценко изъяты Сам- и Тамиздат. Затем у него провели обыск на работе, но ничего не изъяли. После обысков Марию и Николая Яценко допросили в Московском УКГБ.

В начале ноября в г. Новочеркасске (Ростовская обл.) прошел обыск у знакомого Николая Яценко Леопольда Эпштейна (изъяли "Технологию власти" Авторханова, Библию западного издания, пишущую машинку). Эпштейна несколько раз допрашивали в Ростовском УКГБ (хотя с Виктором Яценко он не знаком).

Арест Репина

Рано утром 7 декабря домой к работнику редакции газеты "Ленинградский рабочий" Валерию Репину (Хр. 53) пришел неизвестный человек и передал ему от Анатолия Иванова (Хр. 48, 52, 56) пакет, в котором были "Архипелаг ГУЛаг", "Хроника текущих событий" и записка:

”Валера! Возвращаю тебе твои книги. К сожалению, размножить их не удалось”.

Сразу же вслед за неизвестным в комнату с постановлением на обыск по делу № 78 вошли сотрудники КГБ. Они спросили принесшего пакет, знает ли он Репина. Тот ответил отрицательно – его сразу же увели.

У Репина на обыске нашли и забрали 1000 рублей.

После обыска его арестовали. Ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

Жена Репина Елена позвонила знакомому и рассказала об обыске – в тот же вечер пришли с обыском к этому знакомому; ничего не нашли.

По делу Репина – делу № 91 – проводятся допросы.

У Репина месячная дочь.

Анатолий Иванов приходил к Елене Репиной объясняться и извиняться. Он сказал, что с человеком, принесшим пакет, познакомился в тюрьме.

Арест Козловского

8 декабря в Москве арестовали поэта Евгения Антоновича Козловского (Хр. 60). Ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

По делу Козловского были проведены обыски у Бахыта Кенжеева, Владислава Лена и Николая Климантовича.

ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Обыск у Каллистратовой

4 сентября у члена Московской группы ”Хельсинки” С.В. Каллистратовой были проведены обыски на даче и на московской квартире. Постановление на обыск – по делу № 7 – было выписано следователем Московского УКГБ Поповым. Обыски проводили ст. лейтенант В.Ю. Тимофеев при участии сотрудника КГБ А.И. Белова.

Обыскивающие приехали днем на квартиру дочери Каллистратовой, где в это время жила Каллистратова, и отвезли ее на дачу.

В протоколе было сказано, что Каллистратовой ”было предложено выдать машинописные брошюры и множительную технику”, однако ”предметов и документов, имеющих значение для дела, обнаружено не было и ничего не изымалось”.

После этого Каллистратову отвезли на ее московскую квартиру. Среди изъятого: документы группы ”Хельсинки” (некоторые в нескольких экземплярах), черновики документов Группы, тексты информационного характера, правозащитные письма, Самиздат, 31 письмо к Каллистратовой от политзаключенных (все письма прошли цензуру), брелок с шестиконечной звездой, чистая и использованная копирка.

По поводу письма Щелокову за подписью Ковалева, Каллистратовой и Кизелова один из обыскивающих сказал: ”Что, теперь трое осталось в

Группе?" Каллистратова ответила: "Ковалева вы уже арестовали, а Кизелов – не член Группы". – "А этот документ?" – "Это не хельсинкский документ".

Во время обыска следователь спросил: "А какой же будет документ 182? По поводу обыска?" Каллистратова: "Нет – по Марченко". – "Когда же Вы будете его писать?" – "Так я вам и сказала – придете и не дадите писать". – "Почему же? Мы подождем".

В конце следователь под диктовку Каллистратовой записал в протокол: "Все перечисленные в протоколе документы, письма и предметы никакого отношения ни к какому делу не имеют, и их изъятие считаю неправомерным".

Дело Болонкина (Хр. 62)

4 сентября по постановлению старшего следователя по особо важным делам КГБ Бурятской АССР капитана В.А. Кожевина в Москве были проведены обыски по делу А. Болонкина у Н. Лисовской (Хр. 54), Ю. Шихановича (Хр. 60-62) и А. Романовой (Хр. 56, 62).

* * *

Днем 4 сентября Н. Лисовскую на работе вызвал к себе зам. директора института В. Береговых. В его кабинете сотрудники Московского УКГБ вручили Лисовской повестку на допрос по делу № 10, возбужденному Бурятским КГБ. Сказав Лисовской, что надо забрать паспорт, они отвезли Лисовскую домой, где предъявили постановление о производстве обыска по тому же делу. Обыском руководил сотрудник Московского УКГБ капитан Титов.

В 18 час. в дверь квартиры позвонили. Лисовская крикнула через дверь: "Ко мне нельзя! У меня обыск!" Ее оттолкнули и открыли дверь. Пришедшему Б. Румшискому (Хр. 57, 58) сделали личный обыск, но ничего не нашли.

В 19 час. 35 мин. пришел С. Ходорович. У него изъяли брошюру Мельгунова "Красный террор в России", лист бумаги с телефонами, записями и адресами, "Список политзаключенных СССР" (издан К. Любарским в Мюнхене) и 2 листа бумаги с текстом, начинающимся словами "Забастовки в Киеве и области".

После 21 час. пришли Е. Гайдамачук (Хр. 58) и И. Чапковский (Хр. 56). Их также обыскали, но ничего не изъяли.

Среди изъятого у Лисовской – письма, записи с телефонами и адресами, пишущая машинка, сборник "Сумма", 2 номера "Русской мысли", тамиздат. В конце протокола обыска написано:

В квартире Лисовской обнаружено большое количество консервов и пищевых концентратов, а также медикаментов импортного производства, которые не изымались.

* * *

Днем 4 сентября, когда Ю. Шиханович был на работе, к нему домой явились сотрудники КГБ. Обманув его дочь Е. Шиханович, они вошли в квартиру. В 17 час. 15 мин. домой пришел Шиханович, через час – его жена. Во время обыска пришли также И. Бурмистрович (Хр. 60), Л. Вуль (Хр. 60-62) и соседи Ю. Вайсберг и Ж. Янкельсон. У некоторых из них провели обыски, но ничего не изъяли.

Обыском руководил сотрудник Московского УКГБ капитан Лентин.

Изъяли "алфавитную тетрадь" с иностранными адресами, старые счета за междугородние телефонные разговоры (у Шихановича телефон выключен еще в 1978 г.), почтовые квитанции, письма, записную книжку. Под плитой нашли выпуски 60 и 61 "Хроники текущих событий", машинописные "Суд над Александром Лавутом" и "Конспект общественного аспекта автобиографии А.Д. Сахарова", лист из парижской газеты "Русская мысль" и книгу А. Галича "Поколение обреченных" (изд-ва "Посев").

Шихановичу не дали записать замечания в протокол. Сначала Лентин потребовал, чтобы Шиханович сказал, какие именно замечания он хочет записать, а потом сказал, что эти замечания записать не даст. Шиханович сказал, что тогда он не подпишет протокол. В протоколе обыска написано:

Замечаний по поводу обыска и содержания протокола от лиц, участвовавших в обыске и присутствующих при нем, не поступило.

Шиханович Ю.А. отказался подписать протокол обыска безмотивно.

* * *

К А. Романовой тоже пришли днем, когда она была на работе. Дома была только ее пожилая мать Р.Ю. Таран. Обыск проводил "сам" Кожевин.

Изъяли самиздатские "Собачье сердце" Булгакова и "Как быть свидетелем" Альбрехта (Хр. 44-47), тамиздатские "Бухарин" Коэна и "Свет во тьме" С. Франка, доверенности на ведение судебных дел Романовой на имя матери и Т. Хромовой (Хр. 57) и 9 записных книжек. В конце протокола обыска написано:

Гражданка Таран заявила, что все изъятое принадлежит ее дочери, Романовой Августе Яковлевне, кроме двух записных книжек, которые принадлежат Таран Р.Ю.

На кухне обнаружено большое количество продуктов: свыше ста банок мясных и фруктовых консервов, свыше пятисот пачек бульонного концентрата и другие продукты. В комнате в нижней части платяного шкафа обнаружено четырнадцать пар мужского и

детского белья. Продукты и вещи не изымались, и гражданка Таран пояснила, что продукты и вещи принадлежат Романовой Августе Яковлевне (дочери) и предназначались для посылки политическим заключенным и их семьям. На какие средства приобретала дочь продукты и вещи, мне неизвестно.

* * *

7 сентября Кожевин допросил Романову и ее мать.

Р.Я. Таран Кожевин спросил, знакома ли она с Д. Леонтьевым (Хр. 50-52, 55), Лисовской, Е. Сиротенко (Хр. 60) и Болонкиным, кому ее дочь посылала посылки; говорил о "спекуляции".

Романовой Кожевин задал несколько вопросов о Болонкине. Кроме того, он спросил:

– Поддерживаете ли Вы отношения с лицами, проживающими за границей, и направляли ли Вы материалы клеветнического и другого негативного характера за границу?

– На обыске 4 сентября у Вас обнаружено большое количество продуктов, мужские и детские вещи. Для каких целей предназначались указанные продукты и вещи?

Романова на вопросы не отвечала.

8 сентября Кожевин допросил Шихановича и Бурмистровича.

На вопрос, кому принадлежат изъятые у него документы, Шиханович ответил, что записная книжка принадлежит его дочери, часть изъятых, например, адресная тетрадь, письма и квитанции принадлежат ему, а про большую часть он отвечать отказывается, так как не желает участвовать в ущемлении свободы информационного обмена. На отдельный вопрос Кожевина о листе из газеты "Русская мысль" и о книге Галича он сказал, что вопрос о стихах и газете считает неприличным для могущественной советской державы на седьмом десятке лет ее существования.

Бурмистрович отказался даже от подписания анкетной страницы протокола, сказав, что будет отвечать не раньше, чем ему вернут вещи, изъятые у него на обыске в сентябре 1980 г. (Хр. 60). Кожевин выразил сомнение в психической полноценности Бурмистровича, грозил, что дозвонится до дежурного городского психиатра, что Бурмистрович проведет остаток отпуска в психбольнице. Бурмистрович спросил, как ему будет компенсироваться время допроса, если он сейчас находится в отпуске – деньгами или прибавлением к отпуску времени допроса. Кожевин не смог внятно ответить и на прощание посоветовал Бурмистровичу узнать, где расположен ближайший от его места жительства психдиспансер.

9 сентября Кожевин допросил вторично Романову и Шихановича, а также Ходоровича.

Допрос Романовой кончился тем, что Кожевин пообещал ей "15 суток".

Шиханович после первого же вопроса (о знакомстве с Болонкиным) заявил, что "сегодня" не будет отвечать ни на один вопрос в знак протеста против грубого, недопустимого поведения Кожевина на допросе Бурмистровича. Кожевин отказался записать в протокол эту мотивировку отказа и просто написал "Отказывается отвечать". Допрос продолжался полчаса.

Ходоровичу, среди прочих, Кожевин задал вопрос:

Среди изъятых у Вас материалов есть такие, в которых содержатся сведения о высылке денег различным лицам. (Ходорович – распорядитель Фонда помощи политзаключенным – Хр.) Кому и с какой целью выплачивались деньги?

Ходорович ни на один вопрос не ответил.

10 сентября Кожевин допросил Е. Костерину. В качестве ответа на все вопросы Костерина подала заявление:

В связи с тем, что я вызвана на М. Лубянку, 12 следователем Кожевиным, а у нашей семьи есть большой и горький опыт, связанный с вмешательством в нашу жизнь следственных органов госбезопасности, сообщаю:

А.Е. Костерин – мой отец, арестован в 1937 г., провел 10 лет в лагерях и 7 лет в ссылке, реабилитирован после XX съезда КПСС.

М.Е. Костерин – брат отца, арестован в середине 30-х годов, погиб в лагерях, реабилитирован посмертно.

А.С. Королева – жена М.Е. Костерина, арестована как жена, провела в лагерях 10 лет, затем много лет в ссылке, реабилитирована.

И.М. Королева – их дочь, отдана властями в детприемник НКВД.

В.Е. Костерин – брат отца, исключен из партии в конце 40-х годов; имея плохое сердце, вскоре умер.

В. Языков – мой родственник по линии матери, арестован в 1937 г., реабилитирован.

И.М. Ворожев – родственник по линии матери, арестован в 1937 г., реабилитирован.

Итак, ни у кого из моих родственников, ранее репрессированных, не существовало состава преступления, о чем свидетельствует их реабилитация.

Вышеизложенное является для меня основанием для того, чтобы категорически отказаться от участия в следствии, когда осуждаются и наказываются убеждения, письменные и устные высказывания, чтение литературы, распространение информации, т.е. действия, узаконенные Конституцией СССР, Декларацией прав, Пактами о правах и Хельсинкским соглашением.

Кожевин показал Костериной протокол допроса Болонкина, в кото-

ром тот показывает, что направлял письма о своем осуждении, в частности, Костериной.

11 сентября Кожевин допросил И. Корсунскую (Хр. 56), Румшиско-го и Лисовскую.

Корсунская на все вопросы отвечала: "Отказываюсь давать показания, так как никогда Болонкина не видела". Кожевин зачитал Корсунской отрывок из протокола допроса Болонкина:

С Корсунской познакомился заочно, по письмам. Она узнала мой адрес ... она относится к диссидентским кругам ... Корсунской я направил только один документ – "Памятка родственникам политзаключенных" ... я просил осужденных писать письма и открытки Корсунской, между строк вставлял тайнопись и направлял по своим связям ... Корсунской ... я прибыл на ссылку без средств существования и дал телеграмму Корсунской, которая направила мне 65 руб.

В ходе допроса Кожевин сказал: "Вот у Вас болит голова. Почему бы Вам не уехать куда подальше?" Корсунская ответила, что это вопрос сложный, т.к. у нее семья, а в конце протокола дописала: "Прошу впредь ни по этому, ни по какому другому поводу не вызывать, т.к. у меня постоянные мигрени из-за спазмов сосудов, диагноз: шейный остеохондроз".

Румшицкий ответил, что с Болонкиным и с материалами, изъятыми у Лисовской на обыске, не знаком. О людях, которые пришли, как и он, на обыск у Лисовской, он отвечать отказался.

Лисовская ответила только на вопрос о знакомстве с Болонкиным: "Не знакома".

12 сентября Кожевин допросил П. Старчика (Хр. 42). Старчик тоже сказал, что Болонкина не знает.

15 сентября Кожевин пришел домой к Гайдамачук (он уже вызывал Гайдамачук на 10 сентября, но она не явилась): "Надо бы встретиться. Когда бы Вы хотели? Завтра? Когда Вам удобно?"

16 сентября Кожевин допросил Леонтьева и Гайдамачук.

Леонтьев отказался отвечать на вопросы о Болонкине – его допрос продолжался менее часа.

Гайдамачук Кожевин спросил: Где и когда Вы познакомились с Лисовской? Как попали к Лисовской материалы, изъятые у нее на обыске? За чем Ходорович принес к Лисовской изъятые у него материалы? Кожевин отказался приобщить к делу письменный отказ Гайдамачук от дачи показаний.

17 сентября Кожевин допросил жену П.А. Подрабинека (Хр. 61) Л. Иванову. Иванова сказала, что с Болонкиным она не знакома и не переписывалась с ним; на имя ее мужа письма от Болонкина приходили – она их, естественно, не читала. Кожевин, неожиданно для Ивановой, без всякого внешнего повода сказал ей: "У вас тут ходят слухи, что я Болонкину руку сломал, – ничего я ему не ломал".

Кожевин допросил также Вуля, бывшего начальника Болонкина по работе в Москве А.А. Борина, жену Болонкина (он приезжал к ней в больницу, где она лечилась) и его сестру.

Кожевин через участкового вызывал на допрос Чапковского, но тот не пошел.

Обыск у Ходоровича

24 ноября по постановлению ст. следователя прокуратуры г. Москвы Ю.А. Бурцева (Хр. 62) у Сергея Ходоровича был проведен обыск.

Среди изъятого: список политзаключенных, квитанции на отправку переводов и бандеролей, Самиздат и Тамиздат.

Во время обыска у Ходоровича создалось впечатление, что обыскивающие заранее знали где что лежит (см. "Негласные обыски" в разделе "Разные сообщения").

Допрос А. Даниэля

В конце ноября – начале декабря Бурцев допросил Александра Даниэля (Хр. 57).

Даниэлю задавались вопросы по материалам обыска, проведенного у него в 1979 г. (Хр. 53), а также по материалам обыска у Вуля (Хр. 61). Бурцева, в частности, интересовало, узнает ли Даниэль почерк на изъятых бумагах. "Опознание почерка – дело следствия", – сказал Даниэль.

Бурцев заявил, что "деятельность" Даниэля является криминальной: в случае ее продолжения Даниэлю не будут выносить официального предупреждения – "меры" наступят сразу.

Новое дело "о распространении заведомо ложных ..."

24 декабря прокуратура Москвы провела четыре обыска по делу № 49129/65-81 "О распространении заведомо ложных измышлений, порочащих..." – у С.В. Каллистратовой (два обыска), Ф. Кизелова (в Хр. 56 фамилия с ошибкой) и Олега Попова (Хр. 62). После обысков всех троих допросили.

* * *

На обыске в квартире дочери Каллистратовой были изъяты две пишущие машинки (с русским и латинским шрифтами). После этого Каллистратову повезли в ее квартиру. Среди изъятого: документы группы "Хельсинки", материалы к 60-летию со дня рождения А.Д. Сахарова, личные записи, письма (137 штук), два альбома с фотографиями, несколько номеров газеты "Русская мысль", протокол сентябрьского обыска (см. выше).

В приложении к протоколу Каллистратова написала:

1. В нарушение ст.ст. 169 и 176 УПК РСФСР в протоколе обыска не указаны два человека, принимавших активное участие в производстве обыска. Следователь Воробьев сказал мне, что это – инспекторы МУР'а, и назвать их фамилии отказался. Документов своих они мне не предъявляли.

2. В нарушение ст. 171 УПК РСФСР при обыске изъяты многочисленные бумаги, не имеющие и не могущие иметь отношения ни к какому уголовному делу, в том числе фотографии моих друзей, личные письма и, в частности, поздравительные открытки.

Протокол обыска Каллистратова подписала.

Ю.А. Воробьев, руководивший обыском, предложил Каллистратовой поехать в прокуратуру для допроса. Каллистратова ответила, что ей трудно ехать, а отвечать она все равно не будет, но Воробьев настоял на допросе именно в прокуратуре.

На допросе Воробьев предъявил Каллистратовой изъятый у нее черновик документа Группы, написанный ее рукой, и спросил, участвовала ли она в составлении этого документа. Каллистратова сказала: "Отвечать не буду" и отказалась мотивировать отказ, т.к. она "не чувствует себя свидетелем по этому делу" и ей даже не сообщили, по какому делу ее допрашивают. Воробьев сказал, что дело может быть возбуждено не только против конкретного лица, но и по факту признака преступления. Он сообщил также, что это дело – новое и поручено ему. Затем Воробьев предъявил Каллистратовой еще два рукописных документа, сказав: во время обыска Каллистратова заявила, что это ее почерк, и ему интересно узнать, так ли это. Каллистратова ответила: "Мало ли что мне интересно" и вновь отказалась отвечать на вопросы и объяснить причины отказа. Воробьев сказал, что экспертиза все равно установит авторство. Он просил Каллистратову не думать, что он ей угрожает, после чего прекратил допрос.

Выйдя из прокуратуры, Каллистратова почувствовала себя плохо.

* * *

Обыск у Кизелова проводил ст. следователь прокуратуры г. Москвы С. Андреев (постановление на обыск подписано Воробьевым). Изъято: подборка документов на иностранном языке "Группа национальных меньшинств", подборка документов "Некоторые рекомендации и предложения о Международной Амнистии", документы и материалы группы "Хельсинки", рукопись информационного характера с инструкцией по ее перепечатке, информационные и судебные материалы по делам Айрикяна, Миллера, Чернобыльского, Марсала, Рауша, Ленина с инструкцией по их перепечатке, три записные книжки, служебная переписка, больничный лист, пишущая машинка.

Кизелов заявил в протоколе:

1. Все изъятое на обыске не может иметь отношения ни к какому уголовному делу.

2. Изъятие служебных писем крайне затруднило мне выполнение служебных обязанностей. То же относится и к пишущей машинке, работа на которой в редакциях является основным моим источником существования.

3. В описи изъятого не указано — от кого именно изъяты письма и их содержание.

4. Среди изъятых писем два конверта от писем из США. Самих писем в конвертах не было и их не изымали.

5. Изъятые машинописные тексты в протоколе охарактеризованы недостаточно точно.

В остальном претензий к проведению обыска не имею.

После обыска Кизелова доставили в прокуратуру Бауманского р-на Москвы, где Андреев в присутствии ст. инспекторов 6-го отделения РОВД Москвы Белова и Михайлова (также участвовавших в обыске) допросил его.

Следователь сказал, что Кизелов допрашивается "по делу Каллистратовой, обвиняемой по ст. 190-1 УК РСФСР". Тогда Кизелов сделал заявление:

Считаю возбуждение уголовного дела против Каллистратовой С.В. незаконным и считаю, что действия следственных органов подпадают под диспозицию статьи 176 УК РСФСР ("Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности"), поэтому отказываюсь принимать участие в беззаконии.

Следователь также спросил, знаком ли Кизелов с О. Поповым, В. Гриневым (Хр. 56) и Т. Трусовой.

Кизелов отказался подписать часть протокола с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний.

25 декабря Кизелов направил прокурору Москвы Мальцеву "Жалобу на действия оперативной бригады ...", проводившей у него обыск.

* * *

Обыск у Олега Попова проводил ст. следователь прокуратуры Москвы А.В. Бизякин и три "сотрудника". Около дома в это время стояли две легковые машины с пятью людьми.

В 8.10 в квартиру Попова позвонил человек, назвался участковым и потребовал открыть дверь. Жена Попова отказалась это сделать. Дверь была взломана.

Среди изъятого: один документ группы "Хельсинки", тексты информационного характера, список политзаключенных, Сам- и Тамиздат, записные книжки, письма.

В замечаниях к обыску Попов написал:

1. Ни я, ни жена Попова Наталия Михайловна, не расцениваем ни один материал (лист, рукопись, книгу, письма и т.д.) как клеветнический.

2. Мы категорически возражаем и оформим свой протест в виде жалобы прокурору против изъятия у нас писем из-за границы, Библии, стихов О. Мандельштама, фотографии А.Д. Сахарова.

3. Мы протестуем против насильного, со взламыванием двери, вторжения лиц, из которых только один представил свой документ.

4. Изъятые листы и документы не оформлены должным образом, т.е. нет первых слов и последних слов изымаемого документа, письма и т.д.

На 25 декабря Попов был вызван на допрос к Бизякину.

25-го в прокуратуре Москвы Бизякин сказал Попову, что допрашивать его будет Воробьев, который ведет это дело и по поручению которого он, Бизякин, проводил обыск.

Попов вручил Воробьеву "Заявление":

Как мне стало известно, уголовное дело № 49129/65-81 возбуждено против Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Я расцениваю деятельность этой Группы как достойную всяческого уважения, как благородную и не противоречащую советским законам.

Поэтому я отказываюсь давать показания по этому делу.

После того, как Воробьев прочитал это заявление, Попов пытался уйти из кабинета, однако Воробьев преградил ему дорогу, затем запер дверь на ключ и заявил, что до тех пор, пока не будет произведен допрос, он Попова не отпустит. Попов сказал, что следователь может оформить отказ от дачи показаний и без него. Воробьев возразил, что намерен оформить отказ в присутствии Попова и стал заполнять протокол допроса. Попов отказался предъявить паспорт, и Воробьев вынужден был вызвать милиционера, через которого и получил паспорт от Попова. Следователь уговаривал подписать анкетную часть протокола и предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Попов либо молчал, либо отвечал, что все, что он хотел сказать, он уже изложил в поданном заявлении. Воробьев сказал Попову, что тот ошибается, полагая, что это дело возбуждено против группы "Хельсинки", а затем стал задавать вопросы.

Воробьева интересовала Московская группа "Международной Амнистии", членом которой является Попов. Он также спросил Попова, какие материалы тот передавал в группу "Хельсинки" ("Это теперь ведь не секрет!").

Затем Воробьев вызвал двух понятых. Они поочередно зачитали содержание протокола, где вместо ответов стояло: "Попов отвечать на вопрос отказался".

Попов просил приобщить его заявление к делу, после чего Воробьев выпустил его из кабинета.

Разное

31 декабря следователь УКГБ Тимофеев допросил дочь Л. Терновского (Хр. 60) Ольгу Терновскую.

Допрос проводился по поручению Курского УКГБ по делу Острогляда, который, по сообщению следователя, находится под следствием, а в его записной книжке был обнаружен адрес Терновских. Терновская сказала, что Острогляда не знает и никаких объяснений по этому делу дать не может.

”БЕСЕДЫ”

В декабре 1980 г. сотрудники КГБ предлагали отцу Олега Курганского (Хр. 56, 58) провести психиатрическое обследование сына. Тот отказался.

4 августа 1981 г. с О. Курганским в 127 отделении милиции Москвы ”беседовл” инспектор А.В. Шурупов. На следующий день ”беседа” продолжалась, но уже в МУР’е.

Задавались вопросы об участии Курганского и П. Цапенко в СМОТ’е. Курганский объяснил, что Цапенко представляет ”либерально-демократическое крыло СМОТ’а” в отличие от Владимира Борисова, представляющего ”радикальное крыло”.

Шурупов интересовали также знакомые Курганского. ”Тримму может быть еще хуже, чем сейчас”, — сказал Шурупов. ”Георгий Шепелев (Хр. 62) — вор, его брат Владимир любит красиво выпить... Серебров раскаялся, но мы были вынуждены его посадить... С Денисовым (Хр. 62 и ”Суд над Кувакиным” в наст. вып.) не стоит поддерживать отношений... Вот Вы занимаетесь так называемой профсоюзной деятельностью, а знаете, что Файнберг (уехал из СССР в 1974 г. — Хр. 32) прислал инструкции? Об этом сказал Касаткин (Хр. 58)”.

Шурупов сказал: ”Ранее мы судили только за деятельность, теперь будем и за подготовку, и за содействие”.

Во время ”бесед” Курганского предупредили, чтобы он ”не встречался с диссидентами, иначе будет плохо”. ”Я встречаюсь, с кем хочу и когда хочу”, — ответил Курганский.

(20 августа Курганского допрашивали в Главном управлении ОБХСС МВД СССР по делу Цапенко. Вопросы задавались о работе Цапенко по договорам-подрядам в Калмыкии. Известно, что Цапенко работал там, во всяком случае, до мая 1981 г. Сейчас от него нет известий.)

* * *

18 августа Федор Финкель был приведен в 29 отделение милиции Москвы якобы в паспортный стол. Там его избили, после чего с ним бесе-

давал сотрудник КГБ, который сообщил Финкелю, что все, что здесь происходило, – дело КГБ, а не милиции. Выяснив нежелание Финкеля беседовать, угрожал ему уже не "беседой", а допросом в Лефортово и тюрьмой.

Вопросы сотрудника КГБ касались того, когда были у Финкеля А. Якорева (Хр. 51-54), Н. Лесниченко (Хр.56, 57), в каких отношениях он с В. Сквирским (см. "В ссылке").

* * *

19 августа на работу к Владимиру Шепелеву (Хр. 60-62) явились сотрудники КГБ и пригласили его на "беседу".

Во время "беседы", продолжавшейся около двух часов, двое сотрудников КГБ заявили В. Шепелеву, что с 1978 г. он занимается деятельностью, носящей антиобщественный, антисоветский характер, и наносит ущерб интересам государственной безопасности. Они показали Шепелеву папку, в которой находились письма и заявления, подписанные им в разное время (в основном, документы группы "Право на эмиграцию"). В. Шепелеву сказали, что, если он будет продолжать эту деятельность, он будет привлечен к уголовной ответственности, а имеющиеся в его "деле" документы будут приобщены к уголовному делу.

В. Шепелеву предлагали отказаться от подобной деятельности, приводя в пример известные случаи публичных "покаяний", намекали на положение брата Георгия (Хр. 62 и "В тюрьмах и лагерях" в наст. вып.).

В заключение В. Шепелеву вынесли предупреждение "по Указу". От подписи В. Шепелев отказался.

* * *

В сентябре или октябре на работу к Сергею Стабровскому явился сотрудник КГБ, представившийся как "Олег Михайлович". Он хотел поговорить со Стабровским "по делу Смирнова" (Хр. 62). "Олега Михайловича" интересовало, где и когда познакомились Стабровский и Смирнов, какие у них взаимоотношения, не рассказывал ли Смирнов анекдотов, не предлагал ли что-либо почитать, что говорил о своих знакомых.

Стабровский сказал, что знаком со Смирновым давно, в свое время (до 1971 г.) играли в одной рок-группе. Отношения свои со Смирновым охарактеризовал как хорошие. Стабровский сообщил "Олегу Михайловичу", что ему известно о том, что Смирнов "проходит" по их ведомству. Смирнов рассказывал анекдоты о польских событиях, но точного их содержания Стабровский не помнит. Кроме того, Стабровскому известно, что Смирнов встречался с Григоренко и Солженицыным, а Буковский перед отъездом подарил ему свитер и ботинки (ни с Буковским, ни с Солженицыным Смирнов не знаком – Хр.). Смирнов давал понять, что имеет возможность достать "литературу". Не предлагая прямо, он высказывал это в виде формулы – "всякому мыслящему человеку надо разви-

ваться”, но Стабровский отказывался. Смирнов также рассказывал о проводившихся у него обысках.

Стабровский выразил мнение, что взгляды Смирнова сформировались под влиянием его деда А.Е. Костерина (Хр. 5). ”Жена Люба его не поддерживает, – заявил ’Олег Михайлович’, – это мать его так настраивает”.

В конце ”Олег Михайлович” попросил Стабровского написать ”заявление” по содержанию их беседы. После напоминаний Стабровскому, что он работает в ”почтовом ящике”, имеет ”допуск”, тот написал ”заявление” на 6 листах, где с активной помощью ”Олега Михайловича” рассказал об истории знакомства со Смирновым, о том, как в дружеских беседах с ним Смирнов порочил советский строй, говорил, что партия и правительство неправильно управляют страной, основной оппозиции являются диссиденты и религиозники. В конце ”заявления” Стабровский выразил мнение, что Смирнов является антисоветчиком, в связи с чем он просит принять к Смирнову ”определенные меры”.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

В 1980-1981 гг. КГБ провел цикл бесед-запугиваний с инвалидами, вступавшими в контакт с членами Инициативной группы по защите прав инвалидов в СССР. Известно о проведении более 10 таких бесед в Москве, Одессе, Черниговской области, Молдавии и Казахстане.

Беседы проходили по одной схеме. Посторонним сотрудники КГБ представлялись работниками СОБЕС’а или органов здравоохранения, собеседнику же, разговор с которым велся наедине, предъявляли настоящее удостоверение, но предостерегали от разглашения не только темы предстоящей беседы, но и самого ее факта. Затем, после короткого допроса о знакомствах с членами Инициативной группы и о том, не присылали ли они каких-либо материалов, сотрудник начинал сам рассказывать о них. Говорилось что-нибудь вроде того, что все они – сотрудники ЦРУ, получают ”большие деньги”, на которые устраивают пьяные оргии. Иногда говорили даже, что сами члены Инициативной группы (например, В. Фефелов) и не инвалиды вовсе, а здоровые люди. После этого инвалиду обещали путевку в санаторий, а он за это должен был написать заявление о том, что члены Инициативной группы вели среди инвалидов антисоветскую агитацию. Некоторых просили написать в Инициативную группу, чтобы оттуда выслали материалы Группы, которые затем должны были быть сданы в КГБ с соответствующим заявлением. Если посулы не помогали, прибегали к угрозам и запугиванию. На некоторых инвалидов пытались воздействовать через их родственников. В результате большинство инвалидов, с которыми проводились подобные беседы, оказались запуганными. Рассказывая об этих беседах членам Инициативной группы, они просили не оглашать их фамилий. В ”сложных” случаях подобные беседы повторялись по несколько раз.

В сентябре 1980 года у Ю. Киселева был на обыске изъят листок с сообщением о подобных многочисленных беседах с одним из инвалидов. Фамилия в этом сообщении не называлась. Тем не менее, вскоре этот листок был предъявлен тому инвалиду, о котором шла речь. Сотрудники КГБ активно выразили свое недовольство. Однако на этом его "обработка" была прекращена.

* * *

В ночь с 4 на 5 марта в Коктебеле сгорел дома члена Инициативной группы Ю. Киселева (Хр. 61). Соседи видели, как незадолго до пожара двое взломали окно и влезли в дом. Перед этим они спрашивали у соседей бензин или керосин.

16 июня следователь прокуратуры Ворошиловского р-на г. Москвы по поручению Судакской прокуратуры допросил Киселева. Его интересовало, когда был выстроен дом, в течение какого срока, по какому проекту, на какие средства. Особенно его интересовало, какие документы, подтверждающие законность строительства, сохранились у Киселева.

Киселев получил телеграмму, что на 17 июля в Судакском горисполкоме назначено рассмотрение его права на владение участком, на котором стоял дом; в телеграмме сообщалось, что при неявке вопрос будет решен в его отсутствие. Киселев попросил отложить рассмотрение на более поздний срок, однако оно состоялось; было принято решение о лишении его права на участок, и дом был снесен. Перед этим по Коктебелю распространялись слухи, что Киселев "связался с бандой, бандиты из мести сожгли дом, а сам он посажен за пьянство, разврат и торговлю наркотиками".

19 августа Ю. Киселев направил Генеральному прокурору СССР Рекункову заявление. В заявлении он описал преследования, которым подвергался с декабря 1980 г. (Хр. 60, 61).

...

1. Я требую привлечения к судебной ответственности Вашего сотрудника, угрожавшего мне убийством 22 февраля 1981 г., по соответствующей статье УК РСФСР.

2. Я требую привлечения к ответственности начальника, санкционировавшего решение посадить меня под домашний арест 22 февраля 1981 г., чем было унижено мое человеческое достоинство, антиконституционно ограничено мое право на передвижение, нарушены также соответствующие статьи Конституции СССР и УК РСФСР о неприкосновенности жилища.

...

4. Кроме этого, я требую привлечения к судебной ответственности за дискредитацию и оскорбление меня полковника УКГБ г. Владимира Шибаева, заявившего В. Фефелову, что "Киселев – пьяница и наркоман". Никогда ни в одном вытрезвителе за всю свою жизнь я не был и пьяным меня никто не видел. Никто не мо-

жет обвинить меня и в наркомании – только гебисты могут подбросить мне что-нибудь специально. По этому поводу я еще раз заранее заявляю: никакого отношения к этому не имею.

* * *

5 мая член Инициативной группы Ольга Зайцева обратилась в нотариальную контору г. Юрьева-Польского с просьбой дать ей доверенность на управление автомобилем, принадлежащим брату ее мужа Валерия Фефелова. Нотариус Шалашов отказал ей.

- Почему?
- У меня есть на то основания.
- Какие основания?
- Я не могу их сейчас Вам сказать, но они есть.
- Значит, только по каким-то своим надуманным соображениям Вы отказываетесь дать мне эту доверенность? На каком основании Вы нарушаете закон?
- Есть все основания предполагать, что машина будет использована не по назначению.
- Как это понимать?
- У меня была консультация с одним высоким начальством, которое объяснило мне, что машина Вами будет использована в ущерб интересам государства.

* * *

В начале июля сотрудники ГАИ г. Юрьева-Польского Шекк и Попков пришли домой к Фефелову и попытались снять номерной знак с его инвалидной машины. Фефелов слез со своей коляски, подполз к машине и закрыл номерной знак телом: "Можете хоть убивать меня, но снимать номер не дам!" На глазах у собравшихся соседей Шекк и Попков не стали оттаскивать Фефелова и уехали.

В июле следователь Зотов допросил Зайцеву по делу Анатолия Марченко. В допросе участвовали еще двое следователей, постоянно входивших и выходивших. Они все время кричали на Зайцеву.

Зайцевой сказали, что у Марченко на обысках изъяли 8 и 10 выпуски "Бюллетеня" Инициативной группы, и спросили, как они к нему попали, для какой цели, кем они напечатаны, кто входит в состав Инициативной группы. Зайцева отказалась давать показания.

Зайцевой грозили арестом мужа и ее самой, предлагали начать хлопоты о выезде.

* * *

В начале августа с Зайцевой провел беседу начальник районного отдела Владимирского УКГБ Маликов. Он сообщил ей, что КГБ известно о намерении Группы пригласить в Москву инвалидов из других городов,

чтобы показать им город. Дело это, по мнению Маликова, хорошее, однако этим могут воспользоваться иностранные корреспонденты, и поэтому осуществить эту затею КГБ не даст. На вопрос Зайцевой, каким же образом, Маликов пояснил, что приехавшим инвалидам не оформят гостевую прописку.

Маликов также сообщил Зайцевой, что на нее давно уже "набралось материала на статью 70".

* * *

25 августа Фефелов направил в прокуратуру Владимирской обл., а также первому заместителю председателя КГБ СССР Цвигуну заявление:

Я – инвалид I группы трудового увечья, имею автомобиль "Запорожец" с ручным управлением. 4 и 5 июля 1981 г. сотрудники ГАИ г. Юрьев-Польского Владимирской области пытались снять с моей машины номерные знаки, без разрешения, обманом зайдя в мой гараж. И только то обстоятельство, что я слез с коляски (я парализован и пользуюсь креслом-коляской), подполз к номеру и закрыл его своим телом, заставило сотрудников ГАИ отказаться от своих намерений. Прокуратура г. Юрьев-Польского, куда я обратился, тоже считает, что такие действия работников ГАИ в СССР являются вполне законными ...

... Я вот уже несколько лет добиваюсь во Владимирском областном отделе содействия продажи мне нового автомобиля. Однако собес не продает мне автомобиль, хотя я уже давно прошел комиссию ВТЭК'а, а положенный 7-летний срок пользования старым автомобилем истек.

Единственное, на что ссылается собес, – это на административное лишение меня права вождения до середины следующего года якобы за управление мною транспортом в пьяном виде (Хр. 51- – Хр.). Это постановление было вынесено по специально сфальсифицированным экспертизам. Но даже в этом случае управлять машиной может моя жена, имеющая водительские права.

... В начале августа 1981 г. зам. начальника милиции г. Юрьев-Польского Владимирской области Шовылин в присутствии полковника УКГБ г. Владимира Шибаева и начальника КГБ г. Кольчугино Маликова сказал моей жене: "Если номера не удалось нам снять – мы мотор снимем; ездить на машине вашему мужу все равно не дадим".

Я хочу уведомить Прокуратуру Владимирской области и КГБ СССР, что если при моем появлении в г. Юрьев-Польском власти будут продолжать по отношению ко мне новые формы давления, ... это будет считаться новым выражением антигуманности советских властей и очередными позорными действиями репрессивных органов по отношению ко мне за мою правозащитную деятельность, направленную на улучшение жизни инвалидов в СССР и их право на

свое объединение. Это снова будет означать, как выразился в беседе с моей женой 2 мая 1981 г. уже упомянутый милиционер Шовылин, – "... нам плевать и на ваши свободы и на Хельсинкские соглашения...".

СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ

Суд над Сокульским и Приходько

С 7 по 13 января в Днепропетровске проходил суд над Иваном Григорьевичем Сокульским (1940 г.р.; арестован 11 апреля 1980 г. – Хр. 56) и Григорием Андреевичем Приходько (1937 г.р.; арестован в июле 1980 г. – Хр. 57), обвинявшимися по ч. 2 ст. 62 УК УССР (аналог ст. 70 УК РСФСР).

Никто из родственников на суде не присутствовал, т.к. о суде им сообщили лишь после его окончания.

Известно, что отказываясь от назначенных адвокатов, Сокульский и Приходько держали четырехдневную голодовку.

Приговор: 10 лет лагерей особого режима (из них первые пять лет в тюрьме) и 5 лет ссылки каждому.

Наказание они начали отбывать в Чистопольской тюрьме.

В 1969-1973 гг. Сокульский отбыл 4,5 года по ч. 1 ст. 62 УК УССР (Хр. 8, 10, 12). В 1973-1978 гг. Приходько (Хр. 52) отбыл 5 лет по той же статье.

Суд над Кандыбой

По делу Ивана Кандыбы у Михаила Горыня Львовским УКГБ было проведено два обыска: в день ареста Кандыбы 24 марта и 25 марта (во время этого обыска к Горыню пришла жена Сокульского, у которой при личном досмотре изъяли материалы о суде над мужем и Г. Приходько). Обыски проводил ст. лейтенант Попов с пятью работниками КГБ и тремя понятными; фактически руководил обыском майор Сенкевич.

8 и 19 мая Горыня допрашивали в качестве свидетеля, но он отказался давать показания "по морально-этическим соображениям".

* * *

С 20 по 24 июля во Львове проходил суд над членом Украинской группы "Хельсинки" Иваном Алексеевичем Кандыбой (1930 г.р.; арестован 24 марта – Хр. 62), обвинявшимся по ч. 2 ст. 62 УК УССР (аналог ст. 70 УК РСФСР).

Кандыбе инкриминировалось распространение 18 документов Украинской группы "Хельсинки", а также авторство заявления, изъятого на

обыске у М. Горыня 12 марта 1980 г. (Хр. 56), и машинописного документа, изъятого на обыске у Горыня 24 марта 1981 г. (по поводу последнего документа было сказано: экспертизой установлено, что он отпечатан на машинке предприятия, где работает Горынь).

На суде Кандыба не отрицал, что подписал заявление и упомянутые документы Группы, но заявил, что не имеет никакого отношения к документу, изъятому у Горыня, и, хотя понимает, что для его дела этот материал существенной роли не играет, он, тем не менее, просит суд исключить этот пункт из обвинения.

Приговор: 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

В 1961-1976 гг. Кандыба отсидел 15 лет (Хр. 48).

Суд над Анцуповым

В сообщении об аресте Евгения Анцупова в Хр. 62 имеются небольшие неточности.

Заявление прокурору Харьковской области по поводу действий Харьковского ОВИР'а Анцупов и его жена Е. Семянникова отправили 24 марта. В начале апреля Анцупов уехал в Пензенскую область на сезонную работу по договору. 24 апреля он был арестован, о чем Семянниковой сообщили работавшие вместе с Анцуповым люди 25 апреля. Только 27 апреля Семянниковой сообщил об этом письменно следователь прокуратуры Харьковской области С.М. Стороженко. Заявление от 28 апреля, которое цитируется в Хр. 62, Семянникова направила Генеральному прокурору СССР, а прокурору Харьковской области она в тот же день послала другое заявление:

Оперативная бригада прибыла в совхоз из Харькова и в день ареста увезла моего мужа в Харьков. Обо всем этом мне сообщили посторонние люди, а не официальные органы. Где находится мой муж и в каком положении, мне и сейчас, по прошествии четырех дней с момента ареста, неизвестно. Несколько раз обращалась я с этими вопросами в УВД Харькова и УКГБ Харьковской области, но ответов так и не получила.

Требую прекратить это безобразие.

...

* * *

С 12 по 14 августа Харьковский областной суд под председательством Навального (он же судил А. Корягина – Хр. 62) рассматривал дело Евгения Михайловича Анцупова (1940 г.р.), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (аналог ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель – ст. помощник прокурора Харьковской области В.И. Попов (он же обвинял Корягина – Хр. 62); от защитника Анцупов отказался.

Анцупову инкриминировались две его исторические работы (одна из них – Книга "Западные культуры в таблицах Шпенглера" – 447 стр.), заявления и жалобы, написанные им об обыске и выезде из СССР, а также фотография, на которой он изображен вместе с А. Зинченко (суд – Хр. 61) и Ю. Дзюбой с плакатом "Отпустите наши семьи".

Были зачитаны большие показания Зинченко против Анцупова (в деле Анцупова имеются показания Зинченко на Анцупова, Г. Алтуяна /суд – Хр. 62/, Дзюбу, В. Недобору /Хр. 61, 62/, А. Здорового /Хр. 60, 61/ и И. Ковалева).

Прокурор потребовал 7 лет лагерей и 5 лет ссылки.

Анцупов в защитительной речи доказывал несостоятельность обвинения, а в последнем слове сказал лишь о своем идейном противостоянии марксистско-ленинской идеологии и основанному на ней общественному строю.

Приговор: 6 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки.

(Во время процесса прокурор угрожал родственникам Анцупова: если они будут продолжать добиваться выезда, то "и для них всех места хватит".)

* * *

Евгений Михайлович Анцупов в 1957 г. поступил в Московский историко-архивный институт. В 1959 г. за распространение собственноручно изготовленной листовки он был исключен из ВЛКСМ, после чего был вынужден уйти из института. В 1968 г. он закончил исторический факультет Харьковского университета. В 1968-1972 гг., учась заочно в аспирантуре Ленинградского университета, Анцупов написал диссертацию "Марксистская методология истории: роль, место, объем и задачи"; к защите ее не приняли, т.к. в ней доказывалась невозможность наступления коммунизма в ближайшие 250-270 лет. В 1974 г. на основе диссертации Анцупов написал работу "О сроках ближайшей войны, театре и вероятном количестве участников", в которой утверждал, что третья мировая война начнется в 1987 г. +– 6 лет, СССР в этой войне утратит роль великой державы. Эту работу он направил в различные официальные органы (Министерство обороны, ЦК КПСС).

* * *

Наказание Анцупов отбывает в 3-м мордовском лагере.

Суд над Раисой Руденко

С 17 по 20 августа в Киевском городском суде проходил суд над Раисой Афанасьевной Руденко (1939 г.р.; арестована 15 апреля – Хр. 62), обвинявшейся по ст. 62 УК УССР (аналог ст. 70 УК РСФСР).

Р. Руденко инкриминировалось

- печатание и хранение произведений ее мужа Н. Руденко;
- выступления в защиту мужа;
- хранение произведений О. Бердника;
- распространение сведений об аресте А. Шевченко и В. Шевченко (суд – Хр. 60) и "Открытого письма русским и украинским историкам" Ю. Бадзьо, изъятого у Р. Руденко в Москве на Киевском вокзале (Хр. 57);

– общение с врагами советской власти за границей (в деле фигурировало письмо М. Макаренко /уехал из СССР в 1978 г. – Хр. 51/ из ФРГ с изложением рекомендаций по сбору сведений о политзаключенных и их семьях; с Макаренко Р. Руденко не знакома и это письмо не получала.)

От адвоката Р. Руденко отказалась (она хотела заключить договор с Немеринской /Хр. 58/, но из Ворошиловграда пришла телеграмма, что та в отпуске до 15 августа; на суде Р. Руденко снова просила Немеринскую – пришла телеграмма, что она занята в другом процессе).

Р. Руденко признала факт хранения произведений мужа. То, что дома хранятся чужие бумаги, не знала.

Прокурор потребовал 7 лет лагерей и 5 лет ссылки.

Приговор: 5 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки.

* * *

Р. Руденко отбывает наказание в 3-м мордовском лагере.

Суд над Камповым

В 1977 г. Павел Кампов (1929 г.р.) досрочно – как инвалид 2-й группы – освобожден из ссылки и вернулся в Ужгород (Хр. 33, 42, 45).

На работу он устроиться не мог (Хр. 47) – поэтому стал просить разрешения уехать из СССР.

Его вызывали на допросы после ареста Гинзбурга, Лукьяненко (Хр. 48) Мешко и Кандыбы.

* * *

22-23 апреля 1981 г. 6 сотрудников КГБ провели у Кампова обыск. Изъяли записные книжки, письма, фотографию Сахарова, ответ посольства Канады на просьбу о выезде в Канаду и ответ губернатора штата Пенсильвания США, рукопись книги "Воспитывайте людей добрыми" (на украинском языке) и рецензию на нее из изд-ва "Карпаты", рукописи научных статей.

13 июля 6 милиционеров провели у Кампова обыск и арестовали его (в это время он был инвалидом 1-й группы).

Кампову устроили медицинскую экспертизу. Комиссия под руковод-

ством проф. Котелянского дала Кампову 2-ю группу инвалидности. После этого Кампова отвезли в Днепропетровск – там с него сняли и 2-ю группу.

После этого Кампова обвинили в том, что инвалидность он получил обманным путем, и осудили по ч. 3 ст. 83 УК УССР (“Хищение государственного ... имущества, совершенное путем мошенничества”) на 10 лет лагерей строгого режима и 3 года высылки.

В письме в ООН Кампов пишет:

...

Я остановлюсь на моей болезни.

Левый глаз у меня заболел еще в 1944 году и сейчас он полностью слепой. Правый глаз по врачебным свидетельствам днепропетровских врачей видит 10%, а по данным проф. Котелянского – 7%.

Впервые я начал плохо видеть на правый глаз в 1968 г.

В тюрьме КГБ г. Ужгорода следователь Белоцерковский меня неоднократно избивал по голове и глазам. Однажды после избивания у меня из груди пошла кровь. Врачи тубдиспансера констатировали, что это – от удара, о чем должна быть запись в журнале тюрьмы.

На протяжении 13 месяцев пребывания в одиночке в тюрьме КГБ в 1970 г. в камере все время днем и ночью горела лампочка 200 ватт. У меня болели глаза, но врачей не вызывали. Ограничились тем, что не давали мне книг читать.

В 1971 г. в Мордовских лагерях при поднятии тяжести у меня появилась трещина в позвоночнике и очень заболел правый глаз. Меня отвезли в больницу. Позвоночник лечили, а глаз – никто. Только “фельдшер”, по специальности – шофер, Панахидин, закапывал мне в глаз. Глаз перестал видеть.

В 1973 г. в Пермских лагерях врач Нестеренко выписала мне курс лечения, но само лечение не проводилось. В этом же году врач из Пермского мединститута дала мне инвалидность 2-й группы.

С 1973 г. я почти три года пролежал больной пневмонией. Все 3 года у меня была повышенная температура.

В 1977 г. областная специальная экспертная трудовая комиссия по глазам установила мне инвалидность 2-й группы.

Никогда я не просил ни у кого инвалидности, ибо отношение ко мне было страшное.

В 1977 г. я пролежал в Ужгородской больнице более 4 месяцев и больным был выписан.

В 1978 г. я лежал в Ужгородской областной клинике Ужгородского университета, у проф. Котелянского. После этого Ужгородская комиссия определила мне инвалидность 1-й группы. Диагноз: хроническая пневмония, склероз аорты, полная атрофия левого глаза, частичная – правого.

...

13 июля 1981 г. следователь Райко спросил начальника Ужго-

родской городской милиции Метенко, что со мной делать. Метенко ответил – арестовать; ему звонил начальник областного управления МВД Сирик, который сказал, что КГБ согласовало вопрос с прокурором Кравченко и с работником обкома КПСС Бандровским. Об этом знает начальник тюрьмы Барашников.

...

Когда меня вывезли из тюрьмы в Днепропетровск, врач спросил у Райко, почему он требует, чтобы с Кампова снять инвалидность. Тот ответил, что это – особый случай. Я спросил Райко, не боится ли он Бога так делать. Он ответил, что все делает КГБ – он ни при чем тут.

(См. далее "В тюрьмах и лагерях").

Арест Плахотнюка

В результате избиения 8 апреля в Киеве (Хр. 62) Николай Плахотнюк около месяца провел в больнице (у него оказались сломаны ребра и отломаны поперечные отростки тазовых позвонков). При выписке его предупредили, что последствия побоев могут проявляться в любое время сильными болями, невозможностью свободно передвигаться и ревматическими осложнениями.

В Киеве и Киевской обл. устроиться на работу Плахотнюку не удалось. Наконец, после долгих хождений по разным инстанциям, Министерство здравоохранения направило его в Черкасский облздрав, откуда его послали в Лашковский противотуберкулезный диспансер (хотя незадолго до этого он получил из этого диспансера письменный отказ в связи с отсутствием вакансий). Из диспансера Плахотнюка направили на курсы повышения квалификации в стационар областного противотуберкулезного диспансера в Черкассах. Курсов фактически не оказалось. Плахотнюк был оформлен как проходящий интернатуру и получал зарплату на треть меньше, чем врач. Он поселился в общежитии в пригороде Черкасс. Поскольку возможностей для повышения профессионального уровня здесь не оказалось, Плахотнюк обратился к начальству с просьбой направить его на постоянно действующие курсы в Киев, Львов, Житомир или в один из городов РСФСР. Главный врач диспансера отказал. Тем временем ближайшие коллеги пробовали завести с ним беседы на политические темы, которые он не поддерживал.

В самом начале сентября Плахотнюк столкнулся с В.И. Соколовым, знакомым ему по Смоленской областной психиатрической больнице, где Плахотнюк часами выслушивал рассказы Соколова, но прервал с ним отношения после того, как тот украл у него часы. Теперь Соколов горячо просил извинить его за "слабость" и настаивал на новой встрече и на том, чтобы Плахотнюк написал записку начальству Соколова, чтобы его отпустили на субботу и воскресенье в гости (за совершение преступления Соколов – ему 25 лет – отбывал "обязательное привлечение к труду" в Черкассах).

4 сентября, в пятницу, в общежитии появились люди, выдавшие себя за строителей; он заняли пустую комнату напротив комнаты Плахотнюка. 5 сентября Плахотнюк как обычно уехал на субботу и воскресенье к своей невесте Валентине Черновол (сестре Вячеслава Черновола). Вечером 6 сентября Плахотнюк вернулся. У общежития его поджидал Соколов. Поскольку время было позднее, Плахотнюк разрешил ему остаться ночевать.

Около 23 часов один из "строителей" спустился на первый этаж к телефону коменданта и вызвал милицию. Двое других "строителей" в это время взломали дверь в комнату Плахотнюка.

Прибывшая милиция арестовала Плахотнюка. Ему предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 122 УК УССР ("Мужеложство").

Свидетелем по делу Плахотнюка является также некий Е.В. Зекунов (ранее условно осужденный за изготовление наркотиков и находившийся на экспертизе и лечении в Смелянской областной психиатрической больнице). С помощью Зекунова Плахотнюка обвиняют в том, что он "спайвал несовершеннолетнего".

Следствие ведет следователь районной прокуратуры В.П. Ищенко.

Плахотнюк виновным себя не признает и пишет жалобы в надзорные инстанции.

Ищенко угрожал Валентине Черновол возбуждением против нее дела за отказ от дачи показаний. Черновол послала жалобу с подробным изложением обстоятельств дела Генеральному прокурору СССР.

30 сентября Плахотнюка доставили в Черкасскую областную психиатрическую больницу на экспертизу. Он был признан вменяемым. После этого его отправили на повторную экспертизу в Институт им. Сербского в Москву, куда он прибыл 30 декабря.

Арест Горыня

26 марта Михаил Горынь направил начальнику Львовского УКГБ М.П. Черлаку заявление, в котором, рассказав, как во время обыска 24 марта ему подбросили заклеенный конверт с машинописным текстом (Хр. 62), он пишет:

Если меня наказывают за написанную статью или публичное выступление, то я могу протестовать против квалификации поступка или вынужден признать, что такой случай был. И, если я не хочу идти на конфликт с властями, я, учитывая обстоятельства, могу регулировать свое поведение. Тут я выступаю как субъект дела, в другом случае я становлюсь объектом чьей-то злой воли, а, следовательно, целиком беззащитным, безоружным, так как речь идет не о деятельности, которая нарушает закон или еще узаконенную установку власти, а об имитации (подделке) такой деятельности. Наказание за такой документ уже не будет наказанием, а будет чем-то крайне безобразным и в нормальном Конституционном государстве абсолютно недопустимым.

Я обращаюсь к Вам с просьбой ... установить, кто из ваших работников допустил беспрецедентный на Львовщине поступок, целиком аморальный и преступный, что является большой бедой для меня и не меньшей драмой для учреждения, которым Вы руководите.

Ведь достаточно прецедента, которого никто не пресек, чтобы колесо борьбы за правопорядок и безопасность в стране начало с большим ускорением вращаться в обратную сторону. Мы все пережили такое положение и хорошо помним, как дорого за это заплатил народ.

8 и 19 мая на следствии по делу Кандыбы и 24 июля на суде над ним (см. выше) Горынь отказался давать показания, в связи с чем 11 сентября против него было возбуждено уголовное дело по ст. 179 УК УССР ("Отказ ... свидетеля от дачи показаний ..."). Дело вел следователь прокуратуры Железнодорожного р-на Львова В.Г. Пацюкевич.

Во время допроса по этому делу Горынь заявил:

Как на предварительном следствии, так и во время судебного заседания я отказался давать показания, мотивируя свой отказ морально-этическими соображениями, хотя меня предупреждали об уголовной ответственности за отказ давать показания.

Я считаю, что в моих действиях нет состава преступления, т.к. в действительности я не имел с Кандыбой постоянных или частых контактов в последние годы; кроме того, Кандыба был моим близким знакомым и другом еще со времен обучения в университете, и я нахожу неэтичным принимать участие в судебном процессе как свидетель обвинения.

4 ноября Пацюкевич провел у Горыня обыск. Ничего изъято не было.

5 ноября Горыню было предъявлено обвинение по ст. 179 и взята подписка о невыезде.

26 ноября к Горыням пришла дворничиха и сказала, что на дверь их подвала надо поставить номер квартиры. Жена Горыня согласилась. Горынь удивился этому требованию, т.к. они живут в доме около двадцати лет и никогда этого не было. В тот же вечер он пошел в подвал и внимательно просмотрел находившиеся там старые газеты и журналы, но ничего постороннего не обнаружил. Вечером 27-го он снова внимательно осмотрел подвал.

28 ноября инспектор уголовного розыска Красноармейского р-на Львова лейтенант Трикалец провел у Горыня обыск "в связи с ограблением квартиры". Не осматривая квартиры, обыскивающие отправились в подвал, где сразу обнаружили целлофановый пакет, в котором оказались три экземпляра машинописного текста (15 стр.), озаглавленного

”Социальные исследования механизма русификации на Украине”, и записка: ”М.Н., ознакомился, надо доделать, а потом пустить в свет”. Горынь тут же заявил, что это – провокация.

29 ноября Горынь отправил Черпаку заявление:

...

За последние 8 месяцев я пережил 4 обыска. Во время обыска 24 марта 1981 г. был изъят документ, который не принадлежит мне, а подкинут майором Сенкевичем во время оформления протокола обыска. Хотя провокация ему не вполне удалась, но тем не менее вызвала во мне глубокую тревогу. ...

С этого часа я находился под усиленным контролем майора Сенкевича. Он вызывал на беседы моих друзей, знакомых, родных. При этом речь шла не только о том, что я думаю, говорю, делаю, какие вопросы мне поставить, какие разговоры со мной завести, но некоторым из них предлагалось написать что-либо против меня или моей семьи. Эта постоянная направленность сделать какую-нибудь пакость, а не только добросовестно выполнять служебный долг, лишила меня уверенности в завтрашнем дне.

Рассказав об обыске 28 ноября и предшествующих ему событиях, Горынь пишет:

Я обращаюсь к Вашему разуму. Я обращаюсь к Вашему чувству ответственности за то, что с нами происходит теперь и что будет завтра. Рассмотрите мое заявление объективно. Не допустите совершиться преступлению под покрывалом закона! Ибо тот, кто преступными способами защищает интересы государства, живет только сегодняшним днем. Он не понимает, что, подрывая правовые и нравственные устои общества, наносит ему тяжелый удар, лишает перспективы. Не может нормально жить общество без веры, что справедливость и правопорядок победят. С утратой веры в это мы утрачиваем смысл жизни.

Горынь приводит несколько доводов в свою пользу (нумерация подвала, связанная с необходимостью точно знать, куда подложить сфабрикованный материал; обыск в субботу без санкции прокурора; пакет брошен прямо на полу, а не спрятан среди бумаг; неграмотность заголовка – ”социальные” вместо ”социологические”; текст, который успел прочитать Горынь, ”имеет вид наспех сшитой эклектики без какого бы то ни было стиля хотя бы слегка опытного в писании человека”; записка ”криминального” содержания, хранящаяся вместе с текстом; зачем-то на рецензию отданы сразу три экземпляра) и кончает следующими словами:

Если все это не переубеждает Вас, если Вы не выявите желанная расследовать это дело, значит, пришел час, когда меня ждет

тюрьма и, по сути, вечное заключение за не совершенное преступление, а за подлую фабрикацию преступления, которая тяжким грузом ляжет на плечи тех, кто ее организовал и осуществил.

1 декабря Горынь послал заявление первому секретарю Львовского обкома КПУ В.Ф. Добрику:

...

Я надеюсь на Ваше вмешательство, тем более, что последнее время так много говорится про моральное здоровье людей как залог движения вперед. Я надеюсь на Ваше вмешательство, ибо должен быть человек, который скажет принципиальное "нет" подобным действиям.

...

3 декабря в 7.45 утра к Горыню снова пришли с обыском. Обыск, проводившийся "по делу М. Горыня, обвиняемого по ст. 62, ч. 2 УК УССР", продолжался более 13 часов (изъято 34 наименования). После обыска Горыня увезли.

4 декабря ст. помощник прокурора Львовской обл. В.М. Дорош официально известил жену Горыня Ольгу Горынь, что ее муж арестован и находится в Львовском изоляторе УКГБ.

Принять продовольственную передачу у О. Горынь отказались.

* * *

Михаил Николаевич Горынь (1930 г.р.) в 1965-1971 гг. отсидел 6 лет по ч. 1 ст. 62 УК УССР (Хр. 7, 11, 15, 21).

После выхода из лагеря работал кочегаром. В последнее время работал психологом лаборатории экономики ВО "Кинескоп".

40 лет Бабьему Яру

20 сентября евреи-отказники из Киева (21 человек) направили в ПВС СССР письмо:

40 лет назад, 29 сентября, Бабий Яр в г. Киеве стал сценой трагедии, которая потрясла мир. Тысячи стариков, женщин и детей были уничтожены только потому, что они евреи. Эта трагедия стала возможной в результате идеологических, философских и социальных извращений, которые восторжествовали в Германии после прихода к власти национал-социалистов. Причем все это начиналось с незначительных и постепенно нарастающих правовых ограничений, которые впоследствии привели к откровенному геноциду.

Конечно, не обязательно, чтобы незначительные поначалу нарушения законности вели к трагедии Бабьего Яра. Однако, сознавая,

что какая-то возможность подобного развития все же существует, мы обращаемся к вам с призывом немедленно пресечь те нарушения закона, которые в нарастающем порядке происходят в Киеве на протяжении вот уже двух лет.

Нас, членов еврейских семей, вначале лишили работы и вынудили порвать все социальные связи, прежде чем мы смогли, пользуясь законным правом выбора места жительства, обратиться с ходатайством о выезде в Израиль. Затем многим из нас незаконно отказали в этом праве, большинству – под предлогом отсутствия в Израиле прямых родственников. Как показывает опыт, ярлык отказника никогда не позволит нам обрести работу, соответствующую образованию и уровню квалификации, нашим детям – получить образование в соответствии с их способностями, а людям пенсионного возраста – получить соответствующее социальное обеспечение. Более того, почти невозможно стало найти даже неквалифицированную работу. С другой стороны, этот ярлык вселяет подозрительность и недоверие к нам местных властей, о чем свидетельствует постоянный надзор органов милиции и госбезопасности. Фактически нас подвергли остракизму. И это не все. Время от времени с некоторых из нас снимают ярлык отказника и наделяют ярлыком мелкого хулигана, сквернословя, уголовника, наркомана, хранителя оружия или туеядца. Именно такие ярлыки были использованы властями г. Киева для осуждения отказников Валерия Пильникова (5 лет), Кима Фридмана (1 год), Владимира Кислика (3 года), Станислава Зубко (4 года), не считая многочисленных административных арестов. Несомненно, ярлыков бесчисленное множество, и поэтому не исключено, что кто-то из нас еще будет сделан антисоветчиком, валютчиком, фарцовщиком, насильником или вором, если беззаконию не будет положен конец.

О размерах нашего бесправия и униженности можно судить хотя бы по тому, что не всем в Киеве теперь позволено чтить память жертв Бабьего Яра. 31 мая прошлого года сотрудники милиции и госбезопасности во главе с капитаном КГБ Новиковым Р.М. попросту разогнали собравшихся в Бабьем Яру отказников, а 29 сентября того же года в районном отделении милиции Ленинского р-на г. Киева, где собрались отказники в связи с попыткой ареста одного из них, майор КГБ Одинцов В.Г. заявил: "Если кто-нибудь из вас сегодня появится в Бабьем Яру, можете считать себя вечными отказниками".

ВЕЧНЫЙ ОТКАЗНИК – ЗЛОВЕЩИЙ ПРИЗНАК ВЕЧНОЙ ОБРЕЧЕННОСТИ !

Не обязательно уничтожать людей физически. Моральный непрекращающийся погром не менее страшен.

Какую цель преследуют советские власти?

К чему они придут?

* * *

24 сентября киевские отказники Светлана Ефанова, Валерий Каневский (Хр. 57, 62) и Владимир Терещенко (Хр. 62) получили по 15 суток за "мелкое хулиганство".

* * *

Вечером 22 сентября в Москве дружинник принес в квартиру Олега Попова повестку, в которой Попову предлагалось явиться 23 сентября в 18 час. в опорный пункт милиции. Поскольку в указанное время Попов не пришел, в 18 час. 30 мин. к дверям квартиры Поповых пришел участковый с кем-то еще и в течение 15 минут уговаривал открыть дверь, т.к. ему необходимо "срочно" побеседовать с Поповым О.А. Дверь ему не открыли.

На другой день, в 7 час. утра, в дверь позвонил человек, назвавшийся начальником отделения милиции. Он сообщил, что у него есть дело к Попову. Это оказался лейтенант милиции, который принес листок, на котором было написано, что Попову О.А. предлагается явиться в 54 отделение милиции в 7 час. Причина лейтенанту была, по его словам, неизвестна. "Машина ждет Вас внизу, у подъезда". – "Передайте, что я приду ... в 9 час". Лейтенант удалился. Около 9 час. утра Попов пришел в 54 отделение милиции, нашел начальника отделения и спросил, в чем дело. "С Вами хочет побеседовать один человек". – "А как его имя-отчество?" – "Я не знаю. Это наш начальник", – начальник отделения показал пальцем куда-то вверх. – "Вы, Олег Алексеевич, подождите, пожалуйста, он придет через 20 минут. Я ему только что позвонил". Через минут сорок приехало двое солидных, одетых в штатское мужчин. "Садитесь, пожалуйста. Мы отнимем у Вас не более 10 мин". – "А вы откуда будете? И по какому поводу хотите со мной говорить?" – "Это не важно. Какая Вам разница, откуда мы? Мы вам сообщим, что необходимо, и все". – "Ну, ладно, раз уж вас начальник отделения милиции начальством называет, то вы, конечно, из КГБ". – "Почему обязательно из КГБ? Может, мы из прокуратуры или с завода им. Лихачева?" – "Хорошо, говорите, что вы хотели, а то мне надо на суд идти свидетелем. А суд в 11 часов".

Неизвестный. Если Вы хотите уехать, чтоб Вашей ноги не было в Киеве. Понятно?

Попов. Ничего не понимаю. Почему я не должен быть в Киеве?

Неизвестный. Вы все прекрасно понимаете! У Вас уже все приготовлено... Еще раз повторяю: если Вы или кто из Ваших друзей будет собираться у Бабьего Яра – Тесменицкий, Магарик, Бродский и проч. – то учтите, Киев – это не Москва. Там с Вами по-другому поступят. В другие – холодные – края все поедете.

Вы все прекрасно понимаете. Уж и венки приготовили. И речь, небось, подготовили? И желтые звезды пришили!

Попов. Теперь я Вас, конечно, понимаю. Вы не хотите, чтоб отмечали годовщину расстрела нацистами евреев в Бабьем Яру. Кстати, а почему

нельзя возложить венки на памятник в Бабьем Яру? Это что, противозаконно?

Неизвестный. Честные советские граждане могут. А националистам мы не позволим.

Попов. А разве евреи – не советские граждане? Как это так: кому-то можно, а кому-то нельзя!

Неизвестный. А почему Вы о евреях только говорите! Весь советский народ во время войны пострадал, а Вы только евреев отмечаете. Так и венки они принесут не простые, а с лентой. А на ленте надпись: "Мы будем помнить вас на нашей исторической родине". Кто дал право националистам считать Израиль исторической родиной евреев? Принципиально – не КУДА несут венки, а КТО возлагает венки! Воц, неофашисты несут венки на могилы Геринга и Геббельса!

Попов. Вы, выходит, приравниваете евреев, расстрелянных нацистами, к Геббельсу и Герингу?! А советских евреев – к фашистам?..

Неизвестный. Я говорю, что мы не позволим пропагандировать национализм! В общем, так. Я Вас очень серьезно предупреждаю. Времена изменились. Так и передайте Вашим. А то будет очень плохо. Чернобыльский свои 7 лет получит! Вы меня поняли?

Попов. Нет, не понимаю. Что значит, другие времена?

Неизвестный. Плохо, что не понимаете. Вот Лернер умнее Вас оказался. Семинар свой распустил. А Вы все продолжаете мешать работать советским людям! Так что подумайте! Бабий Яр – это не Опалиха!.. Что Вы смеетесь?!

Попов. Да Вы не обращайтесь внимания. Вы говорите, что хотели. Я с большим интересом слушаю Вас! Кстати, чем же я мешаю советским людям работать? Я законы не нарушаю.

Неизвестный. Нарушаете. Вы проповедуете национализм. А этого мы не позволим!

Попов. Ну, что Вы заладили "национализм", "национализм"! Где тут нарушение закона?

Неизвестный. Не понимаете? Ну, я Вам объясню. Пропаганда национализма подрывает интернационализм. Понятно? Нет? А подрыв интернационализма – это подрыв нашей идеологии. Опять непонятно? А подрыв нашей идеологии – это подрыв нашего строя. А это укрепит наших врагов. Вы читали выступление товарища Громыко? Вы не улыбайтесь. Я Вам скажу прямо: к лету будущего года в Москве не останется ни одного демократа и националиста. Мы ведь делаем Москву коммунистическим городом! Должен Вам сказать, Олег Алексеевич, что за последнее время с Вами произошли странные превращения. Мне они непонятны. То Вы считались демократом, затем переметнулись к сионистам. И сейчас мечетесь между ними. Националистом стали.

Попов (смеясь). Ну, какой я националист!

Неизвестный. Есть такая пословица: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты". А Ваши друзья – Тесменицкий, Магарик, Бродский, Чернобыльский – ярые националисты. В общем, если хотите уехать, то перестаньте мешать людям жить. Вы – еврей?

Попов. Какое это имеет значение?

Неизвестный. Но Вы, конечно, едете в США?

Попов. Нет, в Израиль, а что?

Неизвестный. А родственники у Вас в Израиле есть? Близкие, дальние?

Попов. Есть. Средние.

Неизвестный. Ну, так теперь у Вас будет отказ по дальности родства. Надо сходить в ОВИР. Пусть там пересмотрят его дело и дадут отказ по дальности родства.

Попов (улыбаясь). Ну, товарищи с завода Лихачева, это уже просто шантаж. Несолидно! Дескать, не будешь вести себя как "надо", – накажем.

Неизвестный. Нет, это не шантаж. Вы, видимо, не очень хотите ехать. Тогда окажетесь в других, холодных, местах.

Второй. Кислик и Олейник уже своего добились. Вам, наверно, не хочется там быть?

Попов (улыбаясь). Не хочется.

Неизвестный. В общем, если хотите уехать, не появляйтесь в Киеве. И передайте Вашим друзьям – Магарику, Тесменицкому и т.д. Чтоб ноги их в Киеве не было! Иначе, вместо Израйля они поедут в другую сторону. У Вас ведь дети есть?

Попов. Да, двое.

Неизвестный. Подумайте о детях! О жене! Отнеситесь серьезно к нашим словам. Больше мы не позволим мутить воду! Смеетесь?! Напрасно! Ну, мы Вас предупредили. Чтоб не вздумали в Киев собираться. Скажу честно – не в моих интересах, чтобы новые демократы или националисты уезжали в "дальние края". Лучше пусть в Израиль или куда еще уезжают.

Попов. Ну, я вижу, Вы информированы: столько фамилий знаете – Бродский, Чернобыльский, так что Вы, конечно, из КГБ. У Вас есть что-нибудь еще мне сообщить? Если нет, то я пошел. (Попов встал и направился к выходу.)

Неизвестный. По дороге подумайте о том, что мы Вам сказали! Привет семье!

25 сентября зам. начальника Московского УВиР'а Зинченко пригрозил В. Магарику (Хр. 62) не выдать выездные визы и посадить за "организацию поездки в Киев".

* * *

27 сентября в течение всего дня в районе памятника жертвам Бабьего Яра находилось не менее 100 сотрудников милиции и "штатских". Неподалеку стояли 4 больших пустых автобуса. Все улицы, ведущие к Бабьему Яру, контролировались машинами милиции и КГБ.

Большое количество милиции и "штатских" было на железнодорожном вокзале и в аэропорту.

Приехавших из Москвы Моисея Равича, Евгению Нартову и Алексея Лоренсона (Хр. 60, 62) задержали на вокзале. Равича (ему 70 лет, он – участник Великой Отечественной войны) и Нартову посадили на поезд и в сопровождении милиции доставили в Москву, а Лоренсону судья народного суда Железнодорожного р-на Власенко “за нецензурную брань”, даже не поглядев на него, дал 15 суток.

Ленинградцы Павел Астрахан и Михаил Эльман, приехав в Киев, добрались до Бабьего Яра на такси. Они пошли к памятнику с венком, обвитым черной лентой, на которой было написано: “ВЕЧНАЯ ВАМ ПАМЯТЬ, Ленинград, 1981 г.” К ним подошли человек 10 милиционеров и “штатских” и заявили, что у ленты не тот цвет. Ленту сняли, тем не менее к памятнику их не пустили. Астрахана отвели в находящийся неподалеку пункт милиции, вскоре туда же доставили и Эльмана. На следующий день оба получили по 10 суток.

Одесситы Александр Кушнир, Ян Мещ, Валерий Певзнер и Юлий Шварц были задержаны в районе Бабьего Яра и отправлены в аэропорт. Однако позднее им удалось вернуться назад с цветами и им позволили парами (каждую пару охраняло 8 человек) подойти к памятнику и возложить цветы. После этого их посадили в машины и отвезли на вокзал. Все время до отхода поезда и в самом поезде их сопровождали милиционеры.

29 сентября четверо “штатских”, отказавшихся предъявить свои удостоверения, схватили киевского отказника Григория Островского, когда он вышел с работы, и отвезли его в РОВД Железнодорожного р-на. (Островский узнал сотрудника КГБ В.Г. Одинцова – Хр. 56, 57 и “своего” куратора из КГБ). Островскому сказали, что он подозревается в квартирной краже. Составить протокол задержания отказались.

Утром 30 сентября его жене сказали в милиции, что среди задержанных накануне ее мужа не было.

* * *

29 сентября по украинскому телевидению был показан фильм “Бабий Яр – уроки истории”. Сценарий фильма был написан киевским драматургом и кинорежиссером Александром Шлаеном. Студия “Украинфильм” приняла сценарий, и Шлаен сделал по нему фильм. Затем по поручению директора студии писатель Виталий Коротич, редактор Хэм Салганик и режиссер Владимир Георгиенко перемонтировали фильм, изменив смысл сценария. Шлаен протестовал против этого – его уволили. Накануне показа фильма он дал телеграмму Генеральному прокурору СССР с требованием запретить показ, но ответа не получил.

* * *

29 сентября 38 московских евреев-отказников направили “Открытое письмо” в Министерство юстиции СССР (копии: министру МВД СССР, прокурору Киева, Комиссии ООН по правам человека):

... Мы знаем Лоренсона как глубоко верующего человека, не способного ни на какие хулиганские действия.

Мы выражаем протест против незаконного задержания Лоренсона А.В. органами внутренних дел г. Киева. Мы требуем немедленного освобождения Лоренсона Алексея Владимировича из-под ареста.

3 октября 29 московских евреев-отказников направили "Открытое письмо" в ЦК КПСС. Рассказав о событиях в Москве и Киеве с 24 по 27 сентября, они пишут:

Что же общее у всех этих людей? Почему лишь за одно намерение почтить память жертв нацистского геноцида, память своих дедов и отцов, они подвергаются преследованиям и репрессиям, угрозам и оскорблениям?

Ответ дали сами работники КГБ: "Мы не позволим националистам возложить венки в Бабьем Яре!" А "националисты" – это, на языке КГБ, евреи, желающие выехать в Израиль. То есть все мы. И это нас сравнивают с неонацистами. И это нам под страхом наказания запрещают приходить на могилы своих близких.

...Мы ничего не просим у вас, ничего не требуем. Мы лишь ставим вас в известность о случившемся. Для нас оно – не открытие. Оно – еще одно подтверждение того, что мы, евреи, желающие уехать из СССР в Израиль, поставлены в н е з а к о н а .

В этот же день 75 москвичей и 5 одесситов написали письмо Брежневу:

... в течение многих лет Бабий Яр так и оставался пустырем. Всего лишь пять лет тому назад там был поставлен памятник, надпись над которым умалчивает о том, что это – место еврейских страданий. Тем не менее, евреи СССР и других стран всегда приходили туда в день 29 сентября почтить память безымянных жертв. Кошунственной была бы любая попытка воспрепятствовать желанию почтить память погибших.

И тем не менее такое кошунство совершилось...

Произошедшее в Киеве чудовищно. Это оскорбляет память жертв войны, оскорбляет советских евреев, оскорбляет всех, кто боролся и борется против фашизма.

Мы требуем, чтобы Вы вмешались, защитили невинно пострадавших людей и пресекли возмутительное надругательство над святой памятью жертв войны.

* * *

10 октября москвичка Беатриса Элькина и киевляне Игорь Герашенко, Ирина Ратушинская, Леонид Варвак, Марк Михлин и Давид Черный

обратились к прокурору Киева с просьбой привлечь к уголовной ответственности лиц, ответственных за арест Лоренсона.

В 11 часов утра 12 октября Лоренсона должны были выпустить из-под стражи. Его встречали приехавшая из Москвы мать, Ирина Ратушинская (Хр. 62), Анна Зубко и Галина Дмитриева. В 11 часов к ним вышел дежурный Голубенко и предложил "немедленно убраться", пригрозив наравить на них овчарку. Он даже начал это делать, но прекратил, т.к. сбежались люди. В положенное время Лоренсона не освободили.

Вечером его в закрытой машине отвезли на вокзал и заставили сесть в московский поезд. Деньги на оплату его проезда изымали дважды – у Равича и самого Лоренсона. На прощание сотрудник КГБ сказал ему: "Запомните: Киев – это вам не Москва! Тут еще крепка советская власть! Так что сами усвойте и другим передайте: с венками сюда лучше не ездить".

Председатель народного суда Железнодорожного р-на Киева З.Ф. Андреева отказалась выдать копию постановления судьи как самому Лоренсону, так и его матери.

* * *

Разное

Харьков

29 июля народный суд Червонозаводского р-на под председательством Ю.В. Шостко за отказ от дачи показаний на суде над А. Корягиным (Хр. 62) приговорил Юрия Дзюбу к трем месяцам исправительных работ по месту работы "с отчислением в доход государства 20% из заработной платы".

Одесса

30 июня в Одессе был проведен обыск у Петра Бутова. После этого его трижды допрашивали; говорили, что это – дело о журнале "Поиски". У него также интересовались, не является ли он корреспондентом "Хроники текущих событий".

Киев

Наталью Пархоменко (Хр. 61, 62) исключили из ВЛКСМ и из университета (ей осталось защитить диплом). "Мы не дадим вам стать советской журналисткой", – сказал ей ректор.

В начале августа в республиканском КГБ непредставившийся капитан вынес ей предупреждение "по Указу": "...разделяла антисоветские убеждения мужа (С. Набоки – Хр.), принимала участие в изготовлении и распространении антисоветских документов". Предупреждение Пархоменко подписала.

Предупреждение "по Указу" было вынесено также жене Л. Милявского Ирине.

На работе у Милявского было проведено собрание, на котором сотрудник КГБ сказал, что Милявский принимал участие в изготовлении порнографического журнала, "от которого и у мужчин волосы дыбом встают, а он показывал это женщинам".

Предупреждение "по Указу" было вынесено также Андрею и Татьяне Горбань и Сергею Калининченко (они были на суде свидетелями).

* * *

В июле у жены политзаключенного Ю. Бадзьо Светланы Кириченко (Хр. 62) отключили телефон.

* * *

27 июля Валерий Марченко (освободился из ссылки в мае – Хр. 62) направил Председателю СМ УССР Ляшко заявление:

... я возвратился домой, где прописался, и вот уже продолжительное время пытаюсь найти работу. И, хотя все попытки успехом не увенчались не из-за моего нежелания, мне угрожают привлечением к уголовной ответственности за так называемое тунеядство.

24 июня Марченко написал заявление заведующему Киевским гороно А.И. Гымчику с просьбой устроить его на работу учителем украинского языка и литературы. Получив отказ ("хотя адвокат из юрисконсультства уверял... , что я имею полное право работать учителем"), Марченко решил "устроиться в учреждении, находящемся в стороне от политики и декретом отделенном от государства".

Я пошел в резиденцию Митрополита Киевского, где на приеме у архиепископа Макария предложил свои услуги на вакантное место литработника в периодическое издание "Православный висник". Заместитель Митрополита сказал буквально следующее "С Вашей биографией мы Вас взять к себе не можем". Когда же я настоял, чтобы с делом ознакомили Владыку, мне был передан его ответ: "Это нереально".

В организации "Киевлифт" главный инженер Сергейчук, узнав, что Марченко отбывал наказание за антисоветскую деятельность, направил его на участок с тяжелым физическим трудом. Все, что Марченко предлагали в бюро по трудоустройству Радянского р-на, не подходило "или по состоянию здоровья, или отсутствию квалификации, или из-за ограничений, наложенных райотделом милиции". В библиотеке АН УССР его сначала хотели взять, но, увидев документы, отказались. В конце заявления Марченко пишет:

В связи со всем вышеизложенным, я прошу Вас расприядиться,

чтобы мне предоставили место музейного зрителя в Киево-Печерском государственном заповеднике. Не рассказывая своей биографии, я побывал в отделе кадров, и мне сказали, что эта должность свободна и я вполне могу работать там. Я еще не обращался к директору Кибальнику Ю.Д. (тел. 97-41-47), чтобы не натолкнуться на отказ, и потому, надеюсь, Ваше вмешательство наконец остановит эту цепь отказов в работе при наличии свободных мест.

Это заявление было из СМ УССР переслано Кибальнику, после чего последовал ответ, что Марченко могут предоставить место дворника или подсобного рабочего.

* * *

В начале ноября Марченко позвонил человек, представившийся солдагерником-уголовником. Он угрожал Марченко (избить, зарезать и т.п.).

* * *

30 октября у жены политзаключенного А. Мурженко Любови Мурженко был проведен обыск. 11 ноября ее допросили по делу И. Ковалева (см. "Арест Ивана Ковалева").

* * *

В Киевском университете на лекциях по научному коммунизму проф. Хижняк говорил, что Советский Союз использует опыт 1956 года и применит его к Польше; что советские войска войдут в Польшу, т.к. там поставлено под угрозу существование Рабочей Партии. "Особенно безобразно, – утверждал он, – ведут себя польские студенты".

Львовская область

В конце 1981 г. в Львовском УКГБ Дмитрию Басарабу в присутствии прокурора было вынесено предупреждение "по Указу", в котором Басараба предостерегали от антисоветской деятельности.

Басараб отбыл в лагерях 25 лет. В 1972 г. в зоне перенес инфаркт. Освободился не раньше апреля 1978 г. (Хр. 52). В настоящее время живет у сестры в г. Стрый Львовской области.

* * *

См. также "Преследования верующих" и "Право на выезд".

СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ

30 марта, в день открытия съезда грузинских писателей, в Тбилиси, перед Домом правительства состоялась демонстрация с лозунгами "Прекратить преследования грузин в Абхазской АССР", "Соблюдать 75-ю статью Конституции ГССР" (о грузинском языке – Хр.49), "Свободу А. Маркозиа", "Солидарность с молодыми грузинскими писателями", "Установить в Тбилиси памятники царю Давиду Строителю, царице Тамаре, Цотне Дадиани".

Из зала съезда к демонстрантам вышел Шеварднадзе. Он обещал для обсуждения требований демонстрантов устроить в университете публичную дискуссию и пригласить на нее их представителей.

20 апреля в актовом зале университета Шеварднадзе встретился с сотрудниками университета. В зал сумело попасть лишь несколько участников демонстрации.

18 мая во дворе университета собрались люди для передачи Шеварднадзе "Требований", однако студентки Тамара Чхеидзе, Маринэ Кошкадзе, Нана Кабакадзе и абитуриентка Марика Багдавадзе, несшие в университет текст "Требований", были задержаны на пути в университет. Их отвезли в Телави и 6 дней продержали в гостинице "Интурист". Люди, собравшиеся во дворе университета, были разогнаны.

20 мая Звиад Гамсахурдиа (Хр. 50, 61) передал в приемную ЦК КП Грузии экземпляр "Требований" и следующее письмо Шеварднадзе:

Поскольку Вы обещали представителям нашей молодежи и интеллигенции, что примете от них устные и письменные требования в связи с национальными проблемами и ответите на их вопросы, на основе опроса общественности составлены требования, которые одобряет абсолютное большинство нашего народа, что в случае необходимости будет подтверждено массовыми подписями. Текст требования передаю Вам на русском языке, чтобы Вы ознакомили с ними Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева.

* * *

"Требования грузинского народа" (6 стр.) состоят из 5 разделов. Раздел "В связи с грузинским языком" содержит 6 пунктов:

1. Выполнить все требования письма грузинского народа от 10 июня 1980 года относительно грузинского языка и обучения истории в грузинских школах и вузах Груз. ССР.
2. Провести в жизнь 75-ю статью Конституции Груз. ССР, согласно которой грузинский язык является государственным языком.

ком в Груз. ССР. Во всех учреждениях делопроизводство, собрания и митинги вести на грузинском языке, параллельно усматривая интересы русского языка. На территории Груз. ССР всюду установить грузинские надписи.

3. Обеспечить снабжение издательств Груз. ССР достаточным количеством бумаги (особенно для учебников высших и средних учебных заведений).

4. Увеличить удельный вес (количество часов) радио- и телепередач на грузинском языке, улучшить их качество с точки зрения освещения злободневных национальных проблем. Построить новый усиленный ретранслятор, который улучшит слышимость радиопередач во всех районах Грузии (включая Саингило).

5. В тбилисском топографическом техникуме на грузинском секторе упразднить обучение геодезии на русском языке. Увеличить грузинские секторы в политехническом и других институтах. Пресечь намерение уменьшения грузинских секторов в институтах, как это предусматривают некоторые проекты.

6. В Груз. ССР создать специальный завод или производственную мастерскую для выпуска машин с грузинским шрифтом.

Раздел "В связи с Абхазской АССР" содержит 9 пунктов:

1. Выполнить все требования, изложенные в письме грузинского народа от января 1981 года относительно Абх. ССР.

...

3. В Абхазской ССР упразднить фактически существующий паспортный режим против грузин, который запрещает прописку грузин на территории Абх. ССР. На территории автономной республики, в особенности в Гагрском и Гудаутском районах, жителям грузинской национальности предоставить право на разделение семей, строительство новых домов.

4. В Гудаутском районе семье Б. Чаладзе, убитого провокаторами-сепаратистами, назначить государственную помощь в виде увеличенной пенсии, построить дом, поскольку убийца отказывается выплачивать алименты. Также назначить пенсию и построить дом семье искалеченного провокаторами-сепаратистами бульдозериста Р. Модебадзе, так как он лишен трудоспособности. Объективно расследовать дела относительно убийств Джеджелава и братьев Чихрадзе.

5. В нынешнем году занести в титульный список управления охраны памятников культуры Груз. ССР все те памятники культуры Грузии на территории АССР, которые лишь формально взяты государством под охрану и нуждаются в серьезном уходе (приблизительно пятьдесят памятников, на самом деле в титульный список занесено лишь три памятника).

Раздел "В связи с Саингило" (часть Восточной Грузии, ныне входящая в состав Азербайджанской ССР) содержит 21 пункт:

1. Необходимо, чтобы комиссия, выделенная правительством СССР для изучения вопроса о Саингило, встретила и беседовала бы с теми ингилойцами-грузинами, которые отсылают письма и заявления в официальные инстанции СССР, а не только с теми лицами, которые занимают официальные должности. Работа комиссии должна принять характер опроса населения.

2. Прекратить притеснение и дискриминацию грузинского населения Саингило. Прекратить уничтожение садов и виноградников грузин, снесение их домов с целью искусственного заселения освобожденных участков азербайджанцами и дагестанцами. Пресечь такое заселение, запланированное в ближайшее время на территории деревни Кешхутан, на участке, где прежде были сады и виноградники грузин.

3. Грузинам-ингилойцам предоставить право на разделение семей, предоставить им годные земельные участки для поселения в Кахском районе.

4. Вернуть национальность и настоящие фамилии тем грузинам-мусульманам, которые в Кахском, Закатальском и Белоканском районах паспортизированы и статистикой обозначены как азербайджанцы.

5. В указанных районах учредить активный и постоянный контроль с целью пресечения террора, жертвой которого являются грузины-ингилойцы, провести объективное расследование уже совершенных преступлений.

...

10. Предоставить населению Кахского района грузинскую газету, выделить грузинский столбец в закатальских и белоканских районных газетах.

11. Населению Саингило предоставить возможность смотреть грузинские телепередачи. Без отсрочки принять постановление о строительстве телевизионной вышки в Цителцкаро. Телефонную линию Саингило присоединить непосредственно к Груз. ССР, поскольку связь с Грузией через Баку требует много времени, а иногда и невозможна.

12. Грузинским художественным и научным коллективам предоставить право на посещение Саингило.

13. Восстановить шефскую комиссию Саингило в АН Груз. ССР, закрытую грузинским правительством в 1973 году.

...

21. Прекратить повреждение и уничтожение памятников грузинской культуры на территории Саингило. Узаконить участие гру-

зинских специалистов в археологических раскопках на территории Саингило.

Раздел "В отношении Месхети и Джавахети" содержит 5 пунктов:

1. Ускорить строительство автомобильной дороги Батуми — Адигени, аджарцам предоставить возможность поселяться в Месхети и Джавахети.

...

5. Проживающим и работающим в совхозе Насакирали месхам А. Курадзе и М. Хозреванидзе предоставить официальные полномочия для организации переселения месхов в Грузию (из различных республик СССР). Делу переселения месхов уделить официальный ход.

Раздел "Общие национальные проблемы" содержит 10 пунктов:

1. Установить в Тбилиси памятники царю Давиду Строителю, царице Тамаре, герою грузинской истории Цотне Дадвани, основоположнику грузинской литературы Якову Цуртавели, великому грузинскому писателю и педагогу Якову Гогешавили.

2. С территории монастырского комплекса Давид-Гареджа (Хр. 38, 42 — Хр.) перенести артиллерийский полигон, который уничтожает уникальный памятник культуры.

3. Осуществить в СССР 50-ю статью Конституции о свободе совести, законодательство о культах, указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1977 года об удовлетворении требований верующих в связи с открытием церквей. Прекратить преследование тех верующих, которые требуют открытия церквей.

...

8. По болезни и преклонному возрасту освободить из заключения Н. Самхарадзе (Хр. 61 — Хр.).

9. Упразднить общую отметку аттестата, как причину всякого рода протекционизма и взяточничества в средних школах.

10. Устроить всенародное обсуждение вышеизложенных требований.

* * *

14 октября, во время религиозного грузинского праздника, в Мцхете милиция не пустила в храм Свети-Цхавели группу людей. Одного задержали. Несколько человек отправились в милицию, чтобы выяснить, что с ним. Милиционеры вырвали из этой группы З. Гамсахурдиа, посадили в машину и увезли. Выпустили его в 3 часа ночи.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

(В основном – по материалам "Хроники ЛКЦ" №№ 48-50)

В феврале в Вильнюсе сотрудники КГБ пытались завербовать архитектора Ясюкявичюса.

В июне они допросили жену В. Пяткуса (суд – Хр. 50) Н. Буцевичюте, в августе – Я. Симинскайте.

29 сентября в г. Шяуляй был проведен обыск у священника Ф. Балюнаса. Изъяли пишущую машинку, "Тесос Кяляс" № 12, 2 экземпляра "Истории Литвы" Ивинскаса и 35 магнитофонных кассет. После обыска Балюнаса отвезли на допрос.

В г. Пренай 2 милиционера и один "в штатском" под предлогом проверки электричества проникли в дом Казимираса Бузаса, сына Повила-са Бузаса (суд – Хр. 60), и провели обыск.

В Вильнюсе у Йонаса Садунаса, брата Нийоле Садунайте (Хр. 57), ограбили подвал. Кроме вещей унесли все письма сестры из лагеря. Вызванная милиция пришла только на третий день.

Нийоле Садунайте и Йонас Садунас обратились в Министерство связи с жалобой на то, что к ним не доходят письма.

Осенью неизвестные неоднократно звонили на работу жене Балиса Гаяускаса (суд – Хр. 49) Ирене Гаяускене (Хр. 51) и требовали, чтобы она "в две недели" уехала из Каунаса; в противном случае ей угрожали убийством.

10 ноября у ее сестры Лаймы Шульскене провели обыск.

Вышли:

"Хроника ЛКЦ" № 48 (29 июня 1981 г.), № 49 (8 сентября 1981 г.), № 50 (8 декабря 1981 г.).

"Аушра" № 28 (сентябрь 1981 г.).

"Тесос Кяляс" № 20.

"Девас ир Тевиня" № 19 (17 июля 1981 г.).

"Рупинтоелис" № 17.

Смерть Б. Лауринавичюса

21 ноября в газете "Тiesa" опять (Хр. 60) была напечатана статья с резкими нападками на члена Литовской группы "Хельсинки" священника Б. Лауринавичюса.

После этого его кто-то вызвал в Вильнюс (его приход – в гор. Адутишкас). 24 ноября в 20 час. 20 мин. Лауринавичюса (1913 г.р.) задавил грузовик. На месте наезда какая-то пьяная женщина энергично рассказы-

вала, что "старик был пьян, шел на красный свет и сам полез под колеса". Милиция разогнала собирающихся, но эту женщину не трогали.

Женщина, фамилию которой "Хроника ЛКЦ" 50 не называет, пошла в милицию и рассказала, что видела, как к человеку в шляпе, стоящему на тротуаре, подошли несколько мужчин, взяли его за руки и что-то начали говорить ему; человек, по-видимому, не хотел разговаривать с ними; внезапно они толкнули человека в шляпе под проезжавший грузовик. Женщину спросили, смогла ли бы она опознать этих мужчин. Когда она ответила отрицательно, ей приказали убираться.

Юноша, фамилию которого "Хроника ЛКЦ" 50 тоже не называет, рассказал, что видел, как четверо молодых мужчин толкнули старика под грузовик.

Водитель грузовика Лазуткин, вернувшись в гараж, сказал, что наказан не будет, так как старика толкнули под колеса какие-то мужчины. Позже он рассказал близким Лауринавичюса, что, проехав перекресток, внезапно увидел на расстоянии 3-4 метров перед машиной человека, которого машина сбила. Как только он остановил машину, к ней подбежали двое молодых мужчин и крикнули: "Что ты сделал?" Прибывшая автоинспекция записала фамилию одного из этих мужчин, а второй свободно ушел.

Прибывшие на место несчастья медики также говорили, что мужчину, похоже, толкнули под колеса.

Дело о гибели Б. Лауринавичюса ведет следователь МВД Вайтекунас.

В своем завещании Лауринавичюс просил похоронить его у костела Швенченеляй, построенного его стараниями. Райисполком запретил это. В похоронах Лауринавичюса, состоявшихся 27 ноября, участвовали сосланные епископы Сладкявичюс и Степонавичюс.

После гибели Лауринавичюса в Литовской группе "Хельсинки" осталась только престарелая Она Лукаускайте-Пошкене.

Преследования католиков

23 августа должно было состояться традиционное шествие из Титувеная в Шилуву (Хр. 48, 62).

В начале августа священники Сваринскас, Тамкявичюс, Кейна, Стакенас (все – члены Католического комитета защиты прав верующих – Хр. 51, 60) и Крикшюкайтис были вызваны в свой райисполком. Им зачитали предупреждение уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Литовской ССР Анилениса:

Райисполкомы Расейняй и Кельше на основании "Положения о религиозных объединениях" отказались выдать разрешение на организацию 23 августа религиозного шествия из Титувеная в Шилуву.

Поэтому предупреждаю вас, что организаторы такого шествия могут быть наказаны как административно, так и уголовно.

В учреждениях и на заводах представители администрации убеждали людей, что участвовать в шествии не надо. Руководителям учреждений и заводов было приказано до 23 августа машины в направлении Шилувы в командировки не посылать. Секретарь Юрбаркасского райкома КПСС приказал председателям колхозов до 27 августа людям транспортных средств не давать.

Республиканское ветеринарное управление приказало своим работникам найти в совхозе Жайгинис (8 км от Шилувы) вирусное заболевание свиней и объявить по этому поводу карантин. 13 августа расейняйская районная газета объявила:

В связи с появлением острого заразного заболевания свиней в совхозе Жайгинис, в Жайгинис и граничащих колхозах вводится карантин.

Въезд любых средств транспорта и вход посторонних лиц на территорию упомянутых хозяйств запрещается.

В прокуратуры разных городов вызывали католиков и делали им предупреждения. Сотрудник прокуратуры г. Шяуляй, оправдываясь, говорил, что вся "профилактика" придумана не местными властями – текст "предупреждения" прислан из Москвы.

18 августа группа учащихся из г. Кибартай в сопровождении 2 взрослых девушек отправилась на экскурсию. Милиция задержала их, обыскала, допрашивала, не в Шилуву ли они собрались. Взрослых девушек продержали в милиции до 15 часов 23 августа.

19 августа сотрудники КГБ допросили в Каунасе инженера З. Миштатаса. Ему предложили, чтобы он помог сорвать шествие в Шилуву.

20 августа на автобусной станции в Кельме вывесили объявление:

21-22 августа в Титувенной автобусов не будет. Курсировать они начнут с 12 часов 23 августа.

Карантин.

Объявление на автобусной станции в г. Шяуляй сообщало, что маршруты в Шилуву и Каунас закрываются. На железнодорожном вокзале сообщалось, что билеты в Титувенной и Лидувенной не продаются.

Поезда на этих станциях не останавливались. В каждом вагоне около дверей стояло по несколько милиционеров. Даже на ст. Видукле сходить разрешали только местным жителям.

Через каждые 5 км Жемайтійское шоссе перегородил барьер, охраняемый милицией и ветработниками. На помощь прибыли автоинспекторы из Латвии и Грузии.

Из Титувенная убрали пионерлагерь.

С 20 до вечера 23 августа машины КГБ круглосуточно сопровождали Сваринскаса, Тамкявичюса и Кауняцкаса (тоже член Католического комитета).

22 августа во многих местах на дороге проверялись все машины. Автоинспекторы имели список машин, с которых следовало снять номера.

В эти же дни были заблокированы все дороги, ведущие в Мешкуйчай, возле которого находится Крестовая гора. Сама гора была оцеплена тремя кольцами солдат.

* * *

19 августа группа молодежи из Вильнюса со священником Р. Черняускасом поехала в деревню. Милиция задержала их, допросила, отвезла в Вильнюс. Черняускаса продержали под арестом неделю. Когда его освободили, на его службу в костеле Св. Михаила пришло много людей. Черняускас рассказал с амвона историю своего ареста и призвал молодежь не бояться жертв ради Христа. Ему бурно аплодировали, его забросали цветами.

Около 700 верующих из Вильнюса обратились в ЦК КП Литвы с просьбой разрешить ссыльному епископу Ю. Степонавичусу вернуться в Вильнюс и исполнять свои обязанности.

28 июля в Кретинге лейтенант КГБ вызвал библиотечаршу Ирену Пельоните и спросил ее, читает ли кто-нибудь в Кретинге "Хронику ЛКЦ". 14 августа начальник местного отдела КГБ угрожал ей, что, если она не перестанет ходить в церковь, ее убьют.

В августе были ограблены церкви в Паланге, Таураге и Лаукуве. 30 октября были изъяты украшения и витражи из часовни в Лиелплауке.

В марте в Акмяне был разрушен крест – памятник священнику Кожакаускасу.

15 июля в Райняйском лесу, на месте расстрела 24 июня 1941 г. 73 литовцев, появился художественно сделанный крест. Через два дня его разрезали на куски и разбросали по лесу. Кто-то собрал эти куски и опять сделал из них крест. К 11 августа там уже стояли 3 креста. Вечером 11 августа солдаты взорвали кресты.

4 сентября в Велебутае был разрушен крест.

Жительница Кретинги Лялюнайте написала первому секретарю ЦК КП Литвы Гришкявичусу заявление по поводу разрушенного возле ее дома каплицы-креста (под заявлением подписались еще 136 верующих):

... Каплицу разрушали ночью, словно чувствуя черноту своего дела, как грабители. Этим показали, что Конституция в противоречии с действительностью, ибо религия разрушается, а атеизм навязывается насильно. Атеистам плевать на Конституцию, на права людей. Они фанатически разрушают все, что связано с религией. Об этом говорят много раз разоренная Крестовая гора, варварски

уничтоженные кресты и религиозные памятники у дорог, в Плунге, Паюрис, на кладбище в Кельме и по всей Литве сожженные и в склады превращенные костелы...

* * *

В сентябре верующие в Гаргждай добились разрешения на постройку памятника-креста.

* * *

7 октября "за поведение, не соответствующее облику советского студента" (участие в собрании верующей молодежи) из Вильнюсского университета были исключены студентка 3 курса математического факультета Аудроне Гинкуте и студент 2 курса экономического факультета Альфонсас Винуловас.

24 октября член Католического комитета защиты прав верующих свящ. Кауныцкас был задержан сотрудником КГБ Норкунасом в связи с организацией богослужения в Шилуве.

25 октября студент техникума гидромелиорации Варякойис был задержан около церкви в Шилуве; несколько часов его продержали в милиции.

Ночью 25 октября 10 человек, отправившихся из Кельме в Шилуву, были задержаны милицией.

25 октября А. Шенавичюс с семьей отправились в Шилуву и были задержаны милицией.

В церкви с. Жаренай отключили электричество. 23 сентября свящ. А. Придоткас послал в управление энергетики Литовской ССР протест.

В Пильвишкяй, Пагиряй, Кибартай, Вилкавишкас, Медингенай, Шилуте, Вейсейяй и Пренай родителей, чьи дети поют в церковном хоре, вызывали в школу.

В сентябре в г. Кракес детей верующих вызывали в районную прокуратуру. У них спрашивали, кто им давал религиозную литературу.

22 октября в Кретинге вызывали в райисполком Ядвигу Жилюте, бывшую учительницу. От нее потребовали, чтобы она прекратила религиозную пропаганду среди молодежи.

Верующие в г. Кедайняй (491 подпись) отправили Гришкявичюсу заявление с просьбой оставить в покое детей верующих, подвергающихся преследованиям за религиозные убеждения; в этом же заявлении они просили закрыть винный киоск.

В марте в селе Дамбравес разобрали часовню. Верующие (46 подписей) послали Гришкявичюсу требование, чтобы ее вернули на место.

В Плунге внезапно умер свящ. А. Милериус. Его не разрешили хоро-

нить на церковном дворе. 20 октября на похоронах было более 10 тысяч человек, из них 100 священников.

1 ноября в День праздника всех святых в г. Тельшяй председатель райисполкома Янкус запретил священнику А. Вайчюсу проводить службу на кладбище. Службу пытались все-таки провести – возникли стычки с милицией.

3 мая 60 священников, члены Советов епархий, послали в ЦК КП, ПВС и СМ Литвы заявление. В заявлении говорится, что Положение о религиозных объединениях, утвержденное ПВС Лит. ССР 28 июня 1976 г., несовместимо с каноническим правом и епархической структурой католической церкви. Заявление заканчивается так:

Мы еще раз заявляем, что священники и верующие Литвы никогда не согласятся с теми требованиями, которые противоречат епархической структуре Церкви и Ее канонам. Мы желаем обратить внимание на тот изъян, который, – если вовремя не устранить, – может привести Церковь к конфликту с государством. А это обеим сторонам нежелательно и не нужно.

* * *

В Каунасе власти запретили К. Гражулису, С. Кейпшасу, Ю. Яквичюсу, А. Тарясису, К. Жемайчюсу и Р. Иванаускасу обучаться в местной семинарии. Иванаускаса, после подачи заявления в семинарию, вызвали в КГБ – предлагали стать стукачом.

14 мая уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Литовской ССР Аниленис выступил перед деканами Каунасской и Вилкавишской епархий. Он сказал, что просьбу епископов и управляющих епархиями об увеличении лимита поступающих в духовную семинарию власти будут рассматривать лишь тогда, когда никто из настоятелей не будет принимать к себе в костелы священников-выпускников подпольной духовной семинарии, которых в Литве становится все больше. Аниленис выразил сожаление, что каждый четвертый священник, выпускник Каунасской духовной семинарии, является "экстремистом". "Никто не допустит, чтобы семинария готовила антисоветчиков", – сказал Аниленис.

25 мая его заместитель Юозенас встретился с воспитанниками последнего курса Каунасской духовной семинарии. Он сказал, что среди священников образовалась группа "экстремистов", которую власти могли бы скрутить, но пока не хотят, ибо советские законы очень гуманны. Уговаривал будущих священников к этой группе не примыкать.

В заявлении первому секретарю ЦК КП Литвы, СМ Литвы и епископам ЛКЦ, подписанном примерно 10000 верующих, говорится:

Вмешательство советской власти в дела Каунасской духовной семинарии невозможно ни скрыть, ни оправдать. Поэтому мы требуем:

1. С 1981 года снять всякие ограничения, чтобы в духовную семинарию могли поступать все желающие стать священниками.

2. Не препятствовать епископам назначать в духовной семинарии достойное руководство и профессиуру.

3. Приказать органам власти не шантажировать кандидатов и воспитанников духовной семинарии и не вынуждать их работать против собственной совести и вопреки интересам Церкви.

В заявлении верующих председателю Конференции епископов Литвы епископу Л. Павилонису говорится:

Мы, верующие, на свои средства содержим духовную семинарию. Наши семьи дают ей кандидатов. Мы не можем равнодушно смотреть на то, как она притесняется. Кроме того, все больше приходов остается без настоятелей. Но это не из-за нехватки кандидатов в священники.

Поэтому просим и смеем требовать, чтобы Вы, наши пастыри, сделали все, чтобы все желающие и достойные кандидаты смогли учиться в духовной семинарии.

Мы, верующие, Вас и духовную семинарию всегда поддержим!

В заявлении первому секретарю ЦК КП Литвы, подписанном 133 священниками Паневежисской епархии, говорится:

1. "Церковь отделена от государства" ... (ст. 50 Конституции ЛССР), поэтому разрешить епископам и управляющим епархиями, а также руководству духовной семинарией свободно распоряжаться в духовной семинарии и принимать всех достойных кандидатов, без ограничения количества и без отбора и утверждения их уполномоченным Советом по делам религий. 38-я статья Конституции ЛССР предоставляет право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профподготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Верующим каждого прихода обязательно нужен священник. Желающим стать священниками ставятся препятствия. Это дискриминация, унижение, оскорбление верующих, вызывающее законное возмущение... Уполномоченный Совет по делам религий Аниленис публично заявляет, что вопрос принятия новых кандидатов свободно решает руководство семинарии. Так пусть это будут не пустые слова, а действительность. Духовную семинарию – в руки Церкви!

2. Дать указание сотрудникам КГБ не шантажировать кандидатов и иными способами не препятствовать им поступать в семинарию, а уже обучающихся не вербовать, ибо это не совместимо с воспитанием в семинарии. Деятельность сотрудников КГБ в семинарии очевидна. Воспитанники семинарии должны подчиняться и руководствоваться порядками и духом семинарии без всякого вмешательства извне.

3. Как принятие новых кандидатов, так и исключение воспитанников в случае несоответствия, оставить в ведении епископов, управляющих и руководства духовной семинарии. Поэтому просим приказать уполномоченному Совету по делам религий отменить запрет воспитаннику семинарии А. Вольскису (Хр. 60 - Хр.) продолжать обучение в духовной семинарии, так как он исключен из семинарии по его приказу.

4. Разрешить епископам и управляющим епархиями свободно подбирать руководство и профессуру духовной семинарии.

5. Просим вернуть Каунасской духовной семинарии права высшей школы и освободить воспитанников от службы в армии.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Адвентисты

Суды

Юрий Алексеевич Грачиков (1962 г.р.; арест – 9 июля 1980 г., ст.190-1 УК РСФСР, срок – 3 года); Людмила Эйнеровна Тансканен (1944 г.р.; арест – 21 августа 1980 г., срок – 1,5 года); Василий Давидович Осипенко (1943 г.р.; арест – 5 сентября 1980 г., срок – 2,5 года); Любомир Давидович Осипенко (1931 г.р.; арест – 5 сентября 1980 г., срок – 2 года); Павел Васильевич Волков (1927 г.р.; арест – 12 сентября 1980 г., суд – 26 декабря 1980 г., срок – 2,5 года); Анатолий Васильевич Ратушный (1947 г.р.; арест – 13 апреля 1981 г., суд – 30 июня, срок – 5 лет); Мария Ивановна Данко (1963 г.р.; арест – 13 апреля 1981 г., суд – 30 июня, срок – 2 года).

Иван Гаврилович (или Георгиевич) Данко (1933 г.р.; суд – июнь 1981 г., срок – 1 год); Олег Иосипович Ковалев (1953 г.р.; суд – 30 декабря 1980 г., срок – 2 года).

Феодора Родионовна Пазюк (1909 г.р.; суд – 4 мая 1981 г., срок – 1,5 года); Акулина Арсентьевна Ярмолевич (1911 г.р.; суд – 4 мая 1981 г., срок – 1,5 года); Татьяна Васильевна Таранюк (1954 г.р.; ст. 190-1 УК РСФСР, суд – 12-14 мая 1981 г., срок – 2,5 года); Ольга Федоровна Харитоновна (1957 г.р.; ст. 190-1 УК РСФСР, суд – 12-14 мая 1981 г., срок – 2,5 года); Евгений Терентьевич Черчик (1941 г.р.; суд – 19-22 июня 1981 г., срок – 1,5 года).

Арест Конева

7 июля в Свердловске был арестован служитель ВЦ ВСАСД Иван Александрович Конев (1927 г.р.). 10 июля у его жены был проведен обыск.

Обыски

С июля 1980 по октябрь 1981 гг. у адвентистов было проведено не менее 100 обысков в РСФСР (от Москвы до Перми), на Украине, в Латвии, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане.

Баптисты

Суды над Румачиком и Миняковым

Петр Васильевич Румачик (1931 г.р.; арест – 15 августа 1980 г., в Хр. 60 – ошибка; 5 лет строгого режима), Дмитрий Васильевич Миняков (1922 г.р.; арест – 21 января 1981 г. – Хр. 61; 5 лет строгого режима).

Аресты Гомона и Лебедевой

15 октября в Киеве проведено 9 обысков. Арестован Виталий Александрович Гомон. Ему предъявлено обвинение по ст. 138 УК УССР ("Нарушение законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви").

* * *

22 октября в Киеве после обыска, в результате которого были изъяты Библия, сборник духовных песен и три приглашения из-за границы, арестована Надежда Васильевна Лебедева.

Разное

В июне Святошинская община баптистов совершала на одном из озер района крещение новых членов. Место крещения было оцеплено милицией; присутствовал председатель райисполкома.

Община была оштрафована в общей сложности на 1000 рублей (некоторым прямо в роще вручили акт об административном нарушении и квитанцию на денежный штраф).

30 ноября член Киевской общины ЕХБ Г.Ф. Холоденков направил "Открытое письмо" в Комитет защиты прав человека при ООН (копия – Брежневу).

Холоденков, в частности, пишет, что его вызывали свидетелем на суд над О. Мешко (Хр. 61):

5 января 1981 г. состоялся закрытый для граждан, тайный для родных суд над правозащитницей О. Мешко... На суде я как свидетель подтвердил ее непоколебимую причастность к делу справедливости, ее любовь к людям, в частности, к Литвину Ю., которого мы совместно посещали, когда он находился в Васильковской больнице по случаю тяжелой операции.

Холоденков рассказывает о гонениях, которым подвергаются баптисты (25 октября в г. Дергачи Харьковской обл. разогнано собрание верующих, 8 человек осуждены на 5-15 суток; 5 августа в Киеве проведено 5 обысков, в том числе у Холоденкова). Сам Холоденков в 1981 г. два раза получал по 15 суток.

В конце письма Холоденков выдвигает ряд положений, исполнения которых необходимо требовать, по его мнению, от советского правительства:

1. Обеспечить полное равноправие граждан СССР перед законом, сделать первый шаг на пути к суверенному государству.
2. Исключить неправомерный акт – "Законодательство о религиозных культах".
3. Обеспечить нейтральность школы по отношению к атеизму и религии.
4. Освободить всех правозащитников и предоставить свободу народному контролю за исполнением международных пактов.
5. Освободить всех заключенных за Слово Божие. Признать Совет Церквей ЕХБ духовным центром.
6. Предоставить легальные условия для издательства "Христианин".
7. Возвратить верующим изъятые у них Библии, духовную литературу, а также все конфискованные частные дома, в которых проводилось богослужение ЕХБ.

Пятидесятники

14 июля в праздник Троицы около 100 верующих собрались для богослужения в лесу недалеко от ст. Белки (под Киевом).

Вскоре в лесу появилось большое количество людей под командованием подполковника милиции. Они стали разгонять верующих – били, заламывали руки, женщин хватили за волосы. Было задержано 30 человек; их отвезли в г. Фастов, где всех оштрафовали, а семерым, кроме того, дали по 15 суток "за хулиганство".

Через некоторое время на предприятиях, где работают задержанные, были устроены осуждающие собрания.

Униаты

Анонимный текст "Из жизни Украинской Католической Церкви" (январь 1980 г., 18 стр.) кратко излагает историю Украинской Католической Церкви ("унии") в 1596 г. (католической по существу, православной по терминологии), разгон ее в 1946 г. (на "Львовском сборе", провозгласившем ликвидацию унии 1596 г., присутствовали один протоиерей и несколько священников; 7 католических украинских епископов, отказавшихся "подписать православие", были арестованы), преследования, которым подвергаются украинцы-католики в настоящее время.

С 1946 г. все монастыри (около 200) были закрыты. Около 2000 священников, отказавшихся "подписать православие", попали в лагерь. Около 5000 храмов и часовен было осквернено. Глава церкви кардинал Иосиф Слипый провел в заключении 17 лет; в 1963 г., после долгих ходейств Ватикана, его выпустили за границу.

В настоящее время Церковь находится на полулегальном положении. Ни один из священников не имеет официальной регистрации, поэтому все они вынуждены работать в государственных учреждениях (в основном, сторожами, кочегарами, дворниками).

7 декабря 1977 г. милиция совершила налет на храм в с. Мшана Городокского р-на Львовской области (в храме все было поломано или вывезено). Верующие обратились в Совет по делам религий при СМ СССР с просьбой зарегистрировать их общину (были посланы данные "двадцати верующих", необходимые для регистрации). С тех пор было написано более 100 различных писем, 11 делегаций побывало в различных официальных инстанциях, тем не менее вопрос до сих пор не решен. ("Надо отказать от юрисдикции Слипого, потому что он – враг Советского государства, т.к. сотрудничал с немецкими фашистами, и вообще Католическая церковь враждебна Советскому государству".) За это время многих верующих штрафовали (на суммы от 10 до 50 руб.). Ольга Дуда и Анна Олиарник в 1979 г. получили по 15 суток "за хулиганство". В 1979 г. храм превратили в склад.

В с. Надорожная Тлумачевского р-на Ивано-Франковской обл. в январе 1979 г. (на Рождество) милиция окружила храм, не давая совершать богослужение. В апреле 1979 г. (на Пасху) верующих вылавливали на дорогах, отнимали куличи и крашеные яйца.

В апреле 1979 г. в с. Вильшаница Яворовского р-на Львовской обл. около церкви была устроена засада (около 20 человек) на свящ. Иосафата Ковацива. Только случайно ему удалось избежать ее. В с. Градовка Городокского р-на Львовской обл. (свящ. Роман Есип) милиция не пукала в храм в течение недели.

Суд над Есипом и Ковацивом

Священники Украинской Католической Церкви Роман Есип (1951 г. рождения; пос. Зимна-Вода Львовской обл.) и Василь (Иосафат) Ковацив (1934 г.р.; Львов), арестованные 18 сентября, были осуждены по ст. 138 УК УССР ("Нарушение законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви") и ст. 209 УК УССР ("Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов") на 5 лет лагерей общего режима и 3 года ссылки каждый.

Православные

13 августа в Киеве были проведены обыски у священника Вознесенского храма Петра Здрилюка и у бывшего чтеца того же храма Сергея Конабаса.

Постановление на обыск у Здрилюка было выписано 15 мая прокуратурой Тернопольской обл. с целью "отыскания религиозной литературы антисоветского содержания". Обыск проводил ст. следователь прокуратуры Днепропетровского р-на Киева И. Орлюк и неназванный следователь из Тернополя. Среди изъятого: Новый Завет западного издания, Библия, изданная в Англии сто лет назад, книги Э. Светлова и Д. Лудко. "Открытое пи сьмо № 9" изд-ва "Верный свидетель", 200 машинописных экземпляров молитвенного "Правила Серафима Саровского", личная переписка, записная книжка, квитанции за денежные переводы (всего в протоколе 57 наименований).

У Конабаса обыск проходил в его отсутствие. Изъято большое количество молитвословов. В настоящее время Конабас скрывается.

14 августа Орлюк допросил Здрилюка. Его интересовало, откуда у Здрилюка изъятые книги. Задавал вопросы и об о. Амвросии, с которым Здрилюк не знаком (дело, по которому у Здрилюка прошел обыск, по-видимому, является уголовным делом, возбужденным прокуратурой Тернопольской обл. против монаха Почаевской Лавры о. Амвросия).

После этого с Здрилюком "беседовали" сотрудники КГБ, угрожая оказать давление на митрополита с целью отправить Здрилюка в провинцию.

24 ноября Орлюк снова допросил Здрилюка. Он зачитал выдержки из аннотации на изъятую на обыске литературу (составил аннотацию некий кандидат философских наук, фамилию которого Здрилюку отказались сообщить). Орлюк требовал назвать имена тех, кто давал Здрилюку книги.

Во время допроса в кабинет вошел человек, представившийся прокурором (прокурор Днепропетровского р-на – женщина). Улыбаясь, он сказал: "А мы вас посадим на 3 года!" "Впрочем, если пойдете на приход в район, оставим в покое", – добавил он.

Здрилюк внес в протокол допроса протест против огульного обвинения его в "антисоветизме" и выразил несогласие с аннотацией на изъятую у него духовную литературу.

Во время допроса в кабинете присутствовал сотрудник КГБ.

* * *

14 октября, в праздник Покрова, в киевский Покровский женский монастырь, во время традиционного обеда для мирян и странников, пришла милиция. Был составлен акт об административном нарушении.

Настоятельницу монастыря игуменью Маргариту часто подвергают административным взысканиям (в частности, штрафам), грозят удалить из монастыря.

В монастырь по ночам приезжала милиция – ходят по кельям, проверяя, нет ли странников.

ПРАВО НА ВЫЕЗД

Москва

Суд над Чернобыльским

Суд над Борисом Чернобыльским (Хр. 62) был назначен на 23 июля.

С 7 часов утра зал Красногорского городского суда (Московская обл.) был заполнен "спецпубликой". Подходы к зданию охраняли дружинники и милиция; у всех проверяли документы.

В начале заседания судья Кулалаев потребовал, чтобы Л. Тесменицкий, не подчинившийся требованию снять головной убор, покинул зал. Затем судья ознакомил присутствующих с существом дела и попросил подсудимого встать. Никто не поднялся. Один из свидетелей, лейтенант милиции Ю. Емельянов, показал на Олега Попова: "Вот он". На вопрос судьи, подтверждает ли Емельянов личность Чернобыльского, тот вторично ответил утвердительно. Когда же выяснилось, что это – не Чернобыльский, судья спросил у "потерпевшего", лейтенанта милиции А. Бречко, видел ли тот у здания суда Чернобыльского. Тот ответил утвердительно. Затем Бречко вышел в коридор и что-то сказал сидевшему там дружиннику, указывая пальцем на Тесменицкого. Дружинник подошел к Тесменицкому и сказал: "Чернобыльский, почему вы не идете в зал? Вас там ждут". Когда же выяснилось, что Чернобыльского нигде нет, судья спросил у жены Чернобыльского, где ее муж. Та ответила, что это ей неизвестно. Чернобыльская вручила суду ходатайство московского адвоката В.И. Петрова о перенесении даты суда ввиду того, что он занят в другом деле.

Прокурор Вилькович потребовала объявить розыск и задержать Чернобыльского, поскольку тот уклоняется от явки в суд.

Суд удалился на совещание и через 1,5 часа вынес определение перенести суд на 28 июля.

* * *

28 июля состоялось новое заседание суда. На этот раз председательствовала судья Г.С. Чернобай, прокурор – Вилькович, адвокат отсутствовал.

Когда выяснилось, что среди присутствующих обвиняемого нет, судья спросила свидетелей, известно ли им, где Чернобыльский. Получив отрицательный ответ, суд, после полуторачасового совещания, вынес определение – объявить розыск Чернобыльского и изменить меру пресечения на заключение под стражу; суд отложить до задержания обвиняемого.

* * *

Чернобыльского арестовали 26 ноября в его квартире.

* * *

9 декабря Красногорский народный суд под председательством Чернобай рассматривал дело Бориса Моисеевича Чернобыльского (1944 г. рождения), обвинявшегося по ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР ("Сопrotивление работнику милиции ..."). Обвинитель – прокурор Покровская, защитник – адвокат В.И. Петров.

* * *

Зал суда был заполнен с 7 часов утра, в основном – рабочими и служащими красногорских предприятий.

Около суда было около 50 дружинников, носивших красные повязки с аббревиатурой "КМЗ" (Красногорский механический завод), милиционеров и "штатских" (некоторые из них также с повязкой "КМЗ", но были известны собравшимся друзьям Чернобыльского по разгoнам научных семинаров, праздника еврейской песни и т.п.). У всех находившихся около суда переписывали паспортные данные. Жену Н. Меймана, не имевшую паспорта, отвели в отделение милиции и предложили ехать в Москву. Приехавших на суд из Тбилиси братьев Гольдштейнов (Хр. 49, 51, 53, 62) также отвели в отделение милиции, где предложили немедленно уезжать в Тбилиси; Гольдштейны, однако, вернулись к суду. (На следующий день – 10 декабря – Гольдштейнов задержали в Москве и посадили в самолет).

В зал пустили жену и родителей Чернобыльского.

* * *

Чернобыльский обвинялся в том, что 10 мая он обозвал Бречко "гадом" и "фашистом", отказался предъявить тому документы, затем отказался проследовать в отделение милиции и, наконец, ударил Бречко по руке, когда тот взял его за руку.

Чернобыльский сказал, что слово "гады" он не говорил, документов у него никто не требовал, сопротивления он не оказывал, а слова "Что с ними, с фашистами, разговаривать!" действительно произнес – это была реакция на поведение Бречко, выгонявшего евреев из леса, где они почтили память евреев, погибших от рук нацистов, со словами: "Шнель, шнель!"

Бречко повторил свои показания, данные им 11 июня во время предварительного следствия. Он сказал, что, проводя обычный обход участка с милиционером и тремя дружинниками, обнаружил в лесу большую группу людей – они пили, ели и ломали зеленые насаждения. Он пытался объяснить собравшимся, что без разрешения соответствующих вла-

стей в зеленой зоне Москвы запрещено отдыхать большими группами, но Чернобыльский сказал "Нечего с ними, с гадами, с фашистами разговаривать!". Он, Бречко, потребовал у собравшихся документы, а когда их показать отказались, потребовал пройти в отделение и взял Чернобыльского за руку. Чернобыльский руку вырвал и сильно ударил Бречко по руке. Вокруг собралась толпа из женщин и детей, и Бречко, решив не обострять обстановку, "отошел".

На вопрос адвоката, как "потерпевший" может объяснить тот факт, что в его рапорте нет ни слова о сопротивлении Чернобыльского, ни об ударе, Бречко ответил, что тогда не придавал этому значения.

Затем были допрошены свидетели.

Емельянов в целом подтвердил показания Бречко. На вопрос адвоката, почему в докладной, подписанной им вместе с дружинниками В. Михеичевым, В. Поярковым и А. Шабровым, нет никакого упоминания об ударе, Емельянов ответил, что писавший докладную дружинник не считал существенным или забыл этот факт, а он, Емельянов, не захотел переписывать докладную заново.

Поярков и Шабров подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, но на вопросы, был ли удар и как все происходило, точных ответов дать не смогли. На вопрос адвоката, почему их показания отличаются от докладной и не было ли на них оказано давление, один из дружинников ответил, что с ним беседовали и неоднократно.

Михеичев, давший на предварительном следствии показания, в которых удара не было, на суд не явился.

По ходатайству Чернобыльского на суд были вызваны Радин, Тесменицкий и О. Попов. Радин сказал, что был рядом с Чернобыльским, когда к тому подошел Бречко. На "фашисты" Бречко ответил: "Я тебе это припомню!" После этого Радин, опасаясь провокации в отношении Чернобыльского, от того не отходил.

Тесменицкий сказал, что от дома до леса его "проводжали" сотрудники КГБ. Лейтенант милиции, назвавшийся "министром обороны Гречко", вел себя грубо, несколько раз повторял: "Шнель!" Тесменицкий не видел, чтобы у Чернобыльского требовали документы и тот сопротивлялся. Самого Тесменицкого "проводили" до дома.

Магарик сказал, что милиционеры и дружинники вели себя очень возбужденно и агрессивно, особенно Бречко. Он, Магарик, "шнель" не слышал, но слышал, как многие из собравшихся в лесу с возмущением говорили об этом.

Попов сказал, что Бречко потребовал от собравшихся покинуть лес в течение получаса, иначе к ним будут применены физические меры воздействия. Попов сказал Бречко, что в лесу есть и другие группы людей, но милиция им почему-то замечаний не делает. Тогда Бречко подошел к одной из групп, потребовал погасить костер и ушел, не посмотрев, выполняется ли его распоряжение. Когда евреи шли из леса, Бречко бегал вдоль дорожки, погоняя их: "Шнель, шнель!"

Затем, по ходатайству адвоката, был допрошен отец Чернобыльского. Он рассказал о сыне, его труде и учебе и вручил адвокату медаль, полученную сыном в студенческие годы за работу на целине.

Судья спросила Чернобыльского, почему он уклонялся от явки в суд и где жил в это время. "На следствии я понял, – сказал Чернобыльский, – что против меня сознательно фабрикуется дело". Он направил телеграмму Брежневу и Генеральному прокурору СССР с просьбой разобраться, а до той поры решил в суд не являться. Чернобыльский также сказал, что последние месяцы перед арестом жил дома, несколько раз встречал своего участкового милиционера, но никто задерживать его не пытался.

Затем были зачитаны характеристики Чернобыльского. В характеристике из ЖЭК'а, в частности, сказано:

"... квартиру Чернобыльского ... часто посещали граждане еврейской национальности с иностранными лицами".

Прокурор Покровская сказала, что имеются сомнения, умышленно ли Чернобыльский ударил Бречко. Более того, нет доказательств, был ли удар вообще. Поэтому по ч. 2 ст. 191-1 состава преступления нет. Показания друзей Чернобыльского, отрицавшие факты сопротивления, не объективны. Надо учесть, что, с одной стороны, Чернобыльский длительное время не работал и уклонялся от явки в суд, с другой – на его иждивении двое несовершеннолетних детей. Прокурор потребовала приговорить Чернобыльского по ч. 1 ст. 191-1 к 1 году лагерей (максимум по этой части).

Адвокат Петров обратил внимание суда на вопиющее нарушение закона: в деле цифра "1" (т.е. ч. 1 статьи) переправлена на цифру "2", в то время как для изменений такого рода требуется специальная процедура.

"За 30 лет работы, – сказал адвокат, – я впервые сталкиваюсь с таким неправым делом". (Он настолько резко отозвался о предварительном следствии, что судья сделала ему замечание, заявив, что он "дискредитирует советские следственные органы". "Я готов повторить свою оценку действиям и методам следствия по делу Чернобыльского в любом месте; я – член партии и отвечаю за свои слова".)

"Объяснения Бречко, что он не придал значения факту удара и потому не описал его в рапорте от 10 мая, не выдерживает никакой критики. Очевидно, что на следствии и здесь Бречко говорил неправду. Точно так же говорят неправду свидетели-дружинники". Адвокат выразил сожаление, что молодые люди начинают свою жизнь со лжи.

Не случайно, что Михеичев в суд не явился. Очевидно, что на дружинников было оказано давление с целью получения нужных для следствия показаний. Такой метод ведения следствия был осужден в свое время партией и правительством. Следствие не имело оснований не доверять показаниям друзей Чернобыльского. Все указывает на то, что следствие сознательно сфабриковало дело. Очевидна недоказанность и невиновность Чернобыльского и по ч. 1 и по ч. 2 ст. 191-1. Чернобыльского можно привлечь к ответственным

ности по статье, связанной с оскорблением работника милиции; он и сам не отрицает, что назвал Бречко "фашистом". Попробуем понять, почему Чернобыльский совершил этот несомненно недозволенный и недопустимый проступок – назвать работника советской милиции "фашистом". Он вместе с группой евреев приехал в лес, чтобы отметить День Победы и почтить память погибших от рук нацистов и их прихвостней 6 миллионов евреев. Разве есть что-нибудь в этом предосудительное? Я – участник войны и я знаю, что такое война. И то, что я говорю, полезно знать и напомнить молодежи, которая сидит в зале и знает ее по книжкам и по рассказам... И у кого поднимется рука в такой день оскорблять память погибших – разогнать людей, пришедших в лес почтить память своих близких, родственников... Да, действительно, большими группами собираться в зеленой зоне Москвы без специального разрешения запрещено. Но что должен был сделать лейтенант милиции Бречко? Он должен был предложить собравшимся разбиться на маленькие группы – по 3-5 человек... Но никто не давал права работнику милиции выгонять людей из леса... И в такой день!.. Самое мягкое слово, каким можно назвать поступок Бречко, это – неуместность... Самое мягкое... И это в то время, когда все собравшиеся видят, что другие группы, собравшиеся в лесу, жгут костры, пьют спиртное, ломают зеленые насаждения, – и их из леса не выгоняют! Даже замечаний не делают. А если делают, то лишь после того, как на них указывают милиции... Нельзя, защищая закон, нарушать его. А нарушение закона со стороны Бречко, работника милиции, более серьезно, чем невыполнение постановления Мособлисполкома. И пусть Бречко не говорил сакраментальных слов... Глядя, как милиционер выгоняет евреев из леса, можно понять, что заставило обвиняемого произнести эти самые слова...

В последнем слове Чернобыльский сказал, что не расканивается в том, что назвал Бречко фашистом; в будущем в подобных обстоятельствах сделает то же самое. "Вещи надо называть своими именами", – сказал Чернобыльский.

Приговор: 1 год лагерей общего режима (обвинение по ч. 2 было снято; показания друзей Чернобыльского признаны "не заслуживающими полного доверия"). Приговор был встречен полным молчанием зала.

* * *

Чернобыльский – по специальности радиоинженер. С 1975 г. "в откате" по секретности. Последние годы работал электриком.

В 1976 г. Чернобыльский около месяца находился под стражей по обвинению в "злом хулиганстве". Затем дело было прекращено (Хр. 43). Один раз отбывал 15 суток.

* * *

* * *

21 декабря Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 189 "Суд над Борисом Чернобыльским".

Арест Томачинского

11 февраля Виктор Томачинский (Хр. 60) направил в Государственный департамент США "Прошение о предоставлении политического убежища".

... В пятнадцати-шестнадцатилетнем возрасте (Томачинский родился в 1945 г. – Хр.) я начал осознавать несовместимость моего естества с коммунистической идеологией и практикой советского образа жизни. В восемнадцати-двадцатилетнем возрасте я излагал свои взгляды в коротких рассказах и публицистике путем самиздата. В 1965 году ко мне в дом впервые пожаловали сотрудники госбезопасности... С 1975 года начался период моего активного сопротивления натиску госбезопасности, каковой продолжался вплоть до 15 января 1981 года, когда официальные представители КГБ и МВД сообщили мне, что компетентные советские органы не возражают против моего выезда из СССР.

Впервые я официально известил КГБ о своем желании покинуть СССР по религиозным мотивам в июле 1975 года.

В 1979 году я просил Комитет государственной безопасности СССР разрешить мне покинуть СССР по религиозным и политическим мотивам. И вот теперь такое разрешение дано.

Но мне сообщено, что, поскольку я не имею приглашения из США от частного лица, ОВИР МВД СССР может оформить мой выезд только в Израиль.

Между тем за долгие годы общения с государственной властью, я никогда не вводил власть в заблуждение относительно моих намерений. Не хочу этого делать и теперь по отношению к государству Израиль, куда я фактически ехать не намереваюсь.

Я хотел бы получить убежище по религиозным и политическим мотивам (которые готов в случае надобности разъяснить более обстоятельно) в Соединенных Штатах Америки – о чем и прошу Госдепартамент США.

(Копию "Прошения..." вместе с соответствующим заявлением Томачинский передал в ОВИР.)

В апреле Томачинский, получив заверения, что в течение ближайших двух недель ему дадут выездную визу, уволился с работы (жена была вынуждена уволиться еще при подаче документов).

27 июля Томачинский направил письмо "Компетентному руководству МВД СССР":

...
... За период с апреля по июль сего года мне пришлось трижды побывать в 5-м (по месту жительства) о/м, причем все три раза я, не совершив никаких противоправных действий, был объектом активного наступления со стороны представителей власти.

Так, 11 апреля с.г. я подвергся нападению и насилию со стороны сотрудников 122-го о/м. Как разъяснил мне 27 мая 1981 года и.о. начальника УВД Киевского райисполкома В.П. Пономарев, "поводом доставления послужило превышение Вами (мною – В.Т.) скорости при управлении автомобилем и создание аварийной обстановки". Жаль, что Пономарев не разъяснил, как мне удалось такое создать, сидя на заднем сидении чужого автомобиля, стоящего во дворе дома, где я живу ...

30 апреля с.г. милиционер Закиров, сотрудник 5-го о/м, избил моего товарища Маркина О.И., а собутыльник Закирова Алешин пытался избить меня, чем помешал мне защитить Маркина, инвалида труда 2-й группы. Копию моего энергичного заявления по этому поводу я прилагаю к настоящему для вашего сведения. Никаким ответом ни я, ни пострадавший Маркин удостоены не были. Ответом на заявление, удостоверенное свидетелем Абориным, явилось принудительное водворение Аборина 5-м о/м в психбольницу. Эту меру, как средство террора против своего соседа по квартире Аборина, сотрудник 5-го отделения Закиров использует систематически, добываясь от Аборина, человека не вполне психически здорового, полного подчинения своей воле.

В качестве мести за поданное заявление мне Закиров инспирировал доносы на меня в райфинотдел и в милицию, суть которых сводилась к тому, что я живу на нетрудовые доходы.

Сегодня, 27 июля 1981 г., я был вызван повесткой в 5 о/м, где инспектор уголовного розыска Гурьянов Г.Г. пытался допрашивать меня (не ставя, впрочем, в известность в качестве кого) на тему: а на какие доходы я живу? Я отказался отвечать на вопросы Гурьянова.

В октябре Томачинского пригласили в УКГБ и пообещали решить его вопрос в недалеком будущем.

В ноябре Томачинский попытался подать в народный суд гражданский иск к МВД СССР как к должнику, нарушившему договор (семья осталась без средств к существованию, т.к. он уволился, поверив обещаниям сотрудников МВД), о взыскании денег, которые он получил бы, работая по минимальной ставке по своей специальности (он – автослесарь) в США (ср. Хр. 61). Суд отказался принять иск к рассмотрению.

8 декабря Московский городской суд подтвердил отказ. Вечером того же дня Томачинского арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму.

9 декабря ему предъявили обвинение по ст. 209 УК РСФСР ("тунеядство").

Разное

В 1980 г. аспирант Института генетики АН СССР Юрий Бугайчук женился на англичанке (она – член коммунистической партии). В начале 1981 г. он подал документы на выезд к жене в Англию на постоянное жительство. После этого он стал подвергаться преследованиям со стороны администрации, в результате чего был вынужден уйти из аспирантуры.

В июле Бугайчук получил отказ "в связи с несоответствием выезда текущим интересам СССР".

* * *

5 мая Валерий Курносов (Хр. 62) направил Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму письмо "В борьбе за мои человеческие права", в котором рассказывает о преследованиях его властями за политические убеждения и желание эмигрировать в США.

8 мая Курносов направил в посольство США "Прошение" с просьбой о политическом убежище. В этот же день он направил в ПВС СССР "Заявление", в котором напомнил о своем отказе от гражданства (1979 г.) и "требовал решить вопрос о ... выезде в США".

* * *

30 июня Владимир Магарик (Хр. 62), работающий старшим инженером Института Физики Земли АН СССР, направил "Заявление по факту беседы" первому секретарю МГК КПСС Гришину:

4 июня 1981 года секретарь партбюро Института Г.А. Соболев рассказал мне по моей просьбе об отношении партийной организации Института к лицам, ходатайствующим о выезде в Израиль (таких в Институте работают трое).

Хотя намерение выехать в другую страну в правовом порядке безусловно, сказал Г.А. Соболев, тем не менее следует относиться к ним как к осужденным. Поэтому партийная организация будет стремиться совместно с администрацией к проведению для них ограничительных мер.

Будут ограничиваться деловые и личные контакты с ними, особенно со стороны младших коллег и подчиненных. Идеиная закалка сотрудников, пояснил Г.А. Соболев, не всегда достаточна для такого общения. (От себя добавлю, что, действительно, большинство моих коллег не порвало со мной дружеских отношений и относится к моему положению с ясно выраженным сочувствием.)

Будут продолжены ограничения в отношении публикации работ с их участием. Делается это для того, сказал Г.А. Соболев, чтобы уберечь соавторов, редакторов и рецензентов от моральной трав-

мы, возникающей, когда сообщают, что один из авторов намерен выехать в Израиль.

Продуктивность научных сотрудников объективно оценивается обычно по количеству опубликованных работ. Если же количество публикаций падает, то, естественно, лица, намеренные выехать в Израиль, не могут быть избранными по конкурсу на их прежние должности. Г.А. Соболев рекомендовал в таких случаях другим членам их семей искать дополнительный заработок, чтобы средний доход на члена семьи не упал ниже необходимого.

Как лицо, заинтересованное в понимании происходящего (в сентябре 1979 г. я обратился в органы МВД СССР с мотивированным заявлением о выезде в Израиль и в мае 1981 г. был извещен об отказе "ввиду отсутствия мотивов"), я обращаюсь с просьбой, чтобы партийные инстанции уточнили, насколько предложенная Г.А. Соболевым производственная программа (многие понимают ее как санкционированный саботаж) соответствует установкам партийных органов по этому вопросу.

* * *

13 августа Леонид Тесменицкий (Хр. 62) направил в ГУВД "Жалобу" (копии: в МВД СССР и в прокуратуру Москвы):

5 августа 1981 года я пришел в 25-е отделение милиции города Москвы, куда был вызван повесткой в качестве свидетеля к зам. начальника по профилактике капитану Шалычеву. ... Шалычев сказал, что у них есть сведения о том, что я не работаю более 4-х месяцев, и поэтому они обязаны это выяснить, и если это так, то принять меры (сделать мне официальное предупреждение).

Естественно, я был обескуражен таким объяснением, поскольку такие вопросы милиция в состоянии выяснить и без моей помощи.

Я стал пытаться узнать, вызван ли я на допрос как свидетель (как указано было в повестке) и если так, то по какому делу, если же я был вызван на беседу, то в таком случае я имел бы возможность отказаться от беседы.

На все подобные вопросы и замечания капитан Шалычев кричал на меня и требовал, чтобы я отвечал на все его вопросы, раз я нахожусь в милиции и передо мной представитель власти.

Такая постановка вопроса меня возмутила, и я отказался беседовать с капитаном.

Хочу сразу объяснить, что отказ сообщить свое место работы не принципиален, поскольку неделей раньше, когда меня попросили заполнить анкету в УВИРе ГУВД, я, естественно, указал и последнее место работы. Принципиален подход и поведение работника милиции.

Итак, после всех угроз и не добившись от меня того, чего он хотел, капитан Шалычев вынес свое решение: "Тогда будешь сидеть у нас до прихода начальника".

Забрав у меня паспорт, он привел меня в дежурную часть и сдал под стражу.

Через час в дежурную часть приходит человек в гражданском и забирает меня к себе в кабинет. После знакомства выясняется, что он инспектор уголовного розыска тов. Вернега. При чем тут уголовный розыск?!

Не сумев мне этого объяснить и поняв, что беседы у нас не получится, тов. Вернега снова привел меня в дежурную часть.

Прошло три часа. А я все находился под стражей.

Через некоторое время кто-то пришел и сказал, что начальник приехал.

...

... я вызван в кабинет начальника, где все снова повторяется. "Мы знаем законы", "Вы нас не учите", "Вы находитесь в отделе милиции и обязаны отвечать на все вопросы".

...

Сотрудники 25-го отделения милиции ... от упоминания законов и некоторых статей из УПК ... просто звереют. Заключение начальника милиции, когда он не узнал мое место работы, было следующим: "Что с ним возиться, веди его и оформляй неповиновение!".

...

Итак, меня продержали 7 часов без официального предъявления оснований на это. ... Нарушений законов с моей стороны не было. А вот действия работников милиции попадают под грубейшие нарушения законов и показывают их неуважение законов.

Между прочим, когда в какой-то момент, находясь за барьером, я сказал, что буду жаловаться, один из сотрудников 25-го отделения, уже преклонного возраста, заявил: "Не надо, не советую, все это только нервы трепать. Вот раньше, при Сталине, можно было жаловаться, а сейчас всюду несправедливость".

Отправляя эту жалобу, я все-таки думаю и надеюсь, что этот сотрудник милиции был неправ.

* * *

25 сентября Магарику позвонили из УВИРа Москвы и попросили срочно явиться "для оформления выездных виз".

Заместитель начальника УВИРа Зинченко в присутствии "штатского" сказал Магарику, что его хотели выпустить, но теперь решили подождать. "Вы включились в еврейское эмигрантское движение ... Выбиваетесь в лидеры ... Вы организовали сионистское собрание в Битцевском лесу (речь идет о спортивных играх 'Маккабиада', проведенных в июне группой московских евреев). ... Вы организовали поездку в Опалихинский лес" и т.п. Магарику угрожали, что он никогда не получит визы.

* * *

1 октября Тесменицкому вручили повестку с вызовом на беседу в КГБ СССР на 5 октября к Казаманову.

5 октября невнятно представившийся полковник КГБ в присутствии Казаманова заявил Тесменицкому, что, поскольку тот продолжает заниматься антиобщественной деятельностью и после проведенной с ним 20 февраля беседы (Хр. 62), ему выносится предупреждение по Указу ПВС СССР от 25 декабря 1972 г. Тесменицкому вменялось в вину изготовление клеветнических писем, в которых искажается "национальная и эмиграционная политика" СССР, и "передача этих писем на Запад".

Тесменицкий отказался подписать предупреждение, а также ознакомиться со "своим делом".

* * *

15 октября у Тесменицкого было проведено два обыска (один – по месту его прописки, где живет его мать, второй – по месту его проживания). Ордера на обыск по делу № 50611/14-79 (Хр. 62) были подписаны старшим следователем прокуратуры г. Москвы Ю.А. Бурцевым.

У матери Тесменицкого обыск проводил следователь прокуратуры Москвы Титов (Хр. 60). Среди изъятого: Сам- и Тамиздат, подборка документов по проблеме выезда евреев из СССР, письма, три записные книжки, трудовая книжка Тесменицкого. В обыске участвовало два сотрудника КГБ.

У Тесменицкого обыск проводил следователь прокуратуры Москвы А.И. Сазонов. Среди изъятого: Сам- и Тамиздат, фотопленки, магнитофонные кассеты, словари на иврите, несколько записных книжек. У присутствующих на обыске Магарика и Е. Кернер изъяли записные книжки и перевод книги Мак-Дональда "Принцесса и гоблин". В обыске участвовало три сотрудника КГБ.

* * *

15 ноября Магарик и Тесменицкий отправили на имя начальника УВИР ГУВД Мосгорисполкома следующее письмо:

Ставим Вас в известность, что с 23 ноября 1981 г. мы начинаем голодовку до выезда в Израиль.

25 ноября Магарик и Тесменицкий направили заявление в ПВС СССР:

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем о том, что больше не считаем себя гражданами СССР и просим ПВС СССР лишить нас гражданства юридически. Ниже следует изложение мотивов нашего решения.

Около 2-х лет тому назад каждый из нас обратился в соответствующие учреждения с заявлением о выезде в Израиль. Мы не ожидали, что осуществление нашего желания, не противоречащего

советскому праву, встретит такие трудности. Нас пугали тем, что мы никогда не сможем выехать в Израиль, нам угрожали судебными репрессиями. Одному из нас было сделано предупреждение в КГБ СССР за якобы искажение эмигрантской политики, другому – в УВИРе г. Москвы с вымышленными и вздорными обоснованиями. Само слово "эмиграционная политика" ужасно. Чиновники, которые занимаются нашими делами, не скрывают, что наша судьба зависит не от законов СССР, а от урожая зерновых, положения в Африке или другом месте земного шара.

Многолетнее ожидание, посулы (нам обоим было уже обещано разрешение на выезд), запугивание, предпринимаемое и в отношении нас и многих людей, мы рассматриваем как род психологической пытки, предназначенной для того, чтобы евреи сами отказались от права жить в своей собственной стране, поскольку кто-то считает, что политический климат неблагоприятен для еврейской эмиграции.

Для нас настал момент выбора. 15 ноября мы предупредили, а 23 ноября начали голодовку, которую будем продолжать до момента выезда в Израиль. Мы хотим поставить вопрос: неужели кому-то нужны бессмысленные жертвоприношения?

Мы не противники Советской власти. Евреи обязаны уважать законы страны пребывания – это их религиозная обязанность. Мы рассчитываем, что наш поступок будет правильно понят в Верховном Совете СССР. Законы, которые там принимаются, очень хороши, и нужно только, чтобы они распространялись на всех граждан.

Мы рассчитываем на поддержку всей мировой общественности, не исключая советской, и обращаемся за помощью к еврейским общинам во всем мире.

28 ноября Магарик и Тесменицкий сделали заявление для печати:

Мы не считаем возможным для себя продолжать голодовку с требованием разрешения на наш выезд в Израиль и привлекать внимание общественного мнения к нашим судьбам в тот момент, когда голодовка Андрея Сахарова и Елены Боннэр (см. ниже – Хр.) затягивается, и в Москве арестован Борис Чернобыльский.

2 сентября около 30 евреев-отказников в приемной УВИРа МВД СССР вручили секретарю начальника УВИРа К.И. Зотова В.И. Анничкиной заявление (под ним стоит около 40 подписей; направлено в отдел административных органов ЦК КПСС и МВД СССР):

Мы, нижеподписавшиеся, констатируем, что за последние два года значительно возросли трудности для евреев, желающих эмигрировать из СССР.

В частности:

1. Резко возросло количество отказов без каких-либо мотивов или по надуманным мотивам, например, по недостаточной степени родства с приславшими приглашение из Израиля.

2. Значительно увеличились сроки рассмотрения заявления об эмиграции; нередки случаи ожидания ответа от ОВИРа в течение более двух лет.

3. Массово не вручаются приглашения из Израиля при достоверной информации об их отправке.

4. Усилились преследования евреев, активно добывающихся разрешения на выезд; несколько активистов еврейского эмиграционного движения в разных городах СССР осуждены или ожидают суда по обвинению в преступлениях, которые они не совершали.

5. Практически не выдаются разрешения на выезд отказникам, длительное время удерживаемым в СССР; имеются десятки семей, которые впервые обратились за выездными визами более десяти лет назад.

Мы просим, чтобы руководители отдела административных органов ЦК КПСС и Министерства внутренних дел приняли нас для обсуждения перечисленных выше вопросов и разъяснения политики СССР в проблеме эмиграции евреев в Израиль.

Трое из пришедших (Ирина Сапиро, Екатерина Уманская и Арон Рахленко) были приняты и.о. начальника ОВИРа полковником Р.А. Кузнецовым.

В беседе, продолжавшейся два часа, Кузнецов сказал: "Распустили слух, что после Олимпиады-80 не будут выпускать ... Евреи подали ... ОВИР завален, а штат нам не позволили расширить". На вопрос, касающийся сроков нахождения в отказе, Кузнецов ответил: "Каждый отдельный случай решается индивидуально ... Подавайте каждые полгода. Соображения госбезопасности не позволяют мне сообщить причины". – "Почему?" – "Меня посадят". На вопрос об Указе ПВС СССР 1968 г. о сроках рассмотрения заявлений (максимальный срок – 3 месяца) Кузнецов ответил: "Тут особое дело! Каждый, кто пришел, пусть отдаст бумаги – всех рассмотрим". На вопрос "Почему не доходят вызовы, преследуются отказники?", он ответил: "Не наше дело; обращайтесь в Верховный Совет, Министерство связи".

В конце Кузнецов предложил обратиться в МВД СССР к куратору ОВИРа Борисенко.

12 октября около 80 евреев пришли в приемную ПВС СССР, где Сапиро, Владимир Розин и Борис Клоц вручили работнику приемной следующее письмо:

К сожалению, не в первый раз обращаемся мы к Вам с вопросами, поднятыми в этом письме. Продиктованы они тем странным и прискорбным положением, в котором оказались мы, евреи, желающие выехать в Израиль.

Почему, имея право на выезд из СССР, мы выделены в особую категорию лиц, поставленных вне закона?

На протяжении всей истории наши предки по традиции уважали законы страны, в которой они проживали. Эта заповедь не нарушалась даже тогда, когда ее соблюдение вело их к гибели. Но они точно знали границу между дозволенным и недозволенным!

В наши дни провести границу оказалось невозможным.

Мы ездили по выходным в лес отдыхать и отмечать еврейские праздники. А нас обвинили в организации "сионистских сборищ", в разжигании национальной розни.

Мы организовали кружки, дибурь для изучения иврита. А нам говорят: "Никаких кружков, никаких дибуров!"

Маленькая горстка религиозных евреев собирается на частной квартире читать Тору. И ее обвиняют в сектантстве.

Мы пытались поддерживать свой профессиональный уровень, организуя семинары по специальности. Нас обвинили в антисоветской деятельности, обещали даже рассматривать эту (чисто научную) деятельность как шпионаж.

И вот результат – за последний год шестеро евреев-отказников арестованы и осуждены на длительные сроки лишения свободы, а четверо других ожидают суда.

Совсем недавно несколько человек пытались возложить венки к памятнику Бабьего Яра в Киеве. Все они были задержаны, а некоторые из них были подвергнуты административному аресту.

Мы чтим традиции наших предков – мы хотим уважать законы страны, в которой мы живем. Так дайте нам эти законы!

Пусть Закон ответит нам на вопрос, можем ли мы уезжать из СССР. Если да, то где Закон, который регламентирует порядок рассмотрения "выездных дел"? Где Закон, который "решает", кому можно ехать, а кому нельзя?

Пусть Закон предоставит нам средство для устранения различного рода препятствий, возникающих при подаче документов на выезд из СССР.

Пусть Закон определит сроки рассмотрения наших ходатайств, которые из 2-3 месяцев в 70-х годах возросли до 2-3 лет в настоящее время.

Пусть Закон поможет вызовам родственникам из Израиля вовремя доходить до адресата, а не странствовать долгие месяцы по неизвестным каналам связи, чтобы в конце концов "осесть" в неизвестных учреждениях.

Пусть Закон поможет нам оценить положение, в котором мы оказываемся, когда получаем отказ в выезде из СССР.

Каждого из подписавших это письмо тем или иным образом коснулись поставленные здесь проблемы.

Нет сомнений, что в компетенции Президиума Верховного Совета СССР дать четкие и недвусмысленные ответы на поставленные нами вопросы.

Через час представителей группы принял заведующий отделом приема Совков. Он сказал: "Никто из членов Президиума с Вами беседовать не будет – ни сегодня, ни завтра". На все вопросы, поставленные в письме, Совков отвечал: "Идите в ОВИР".

В этот же день Брежневу, Генеральному прокурору СССР Рекункову и министру юстиции СССР Теребилову была направлена жалоба на действия работников приемной ПВС (ее подписали 83 человека) :

...

Из текста нашего заявления было очевидно, что мы пришли не по вопросам выезда из СССР. ...

... каждого из нас непосредственно касаются вопросы, поднятые в этом заявлении. ... А такой ответ нам в состоянии дать только Президиум Верховного Совета СССР, которому по Конституции (ст. 121 п. 5) принадлежит право толкования законов.

...

Но и в том случае, если бы мы пришли по вопросам выезда из СССР, гр. Совков не имел бы права отсылать нас в УВИР МВД СССР. Мы в этом учреждении уже были. В Президиум Верховного Совета СССР мы пришли с целью обжаловать его действия, а в силу Указа ПВС от 4 марта 1980 года "О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан" (п. 5) запрещается направлять жалобы граждан тем органам или должностным лицам, действия которых обжалуются.

Таким образом, возможны два случая. Или гр. Совков, отказывая нам в приеме, не пожелал разобраться в существе нашего заявления, нарушив тем самым п. 7 упомянутого Указа, или же он отказал нам в приеме только потому, что мы обратились в свое время с ходатайством о выезде из СССР.

Но тогда он нарушил ст. 34 Конституции СССР, гарантирующую нам равные права с прочими гражданами.

Учитывая сказанное выше, мы, нижеподписавшиеся :

1. НАСТАИВАЕМ на том, чтобы тех из нас, кому это поручат остальные, принял по поводу нашего заявления кто-либо из членов Президиума Верховного Совета СССР;

2. ПРОСИМ разъяснить гр. Совкову те положения Конституции СССР и упомянутого в этой жалобе Указа Президиума Верховного Совета СССР, на которые мы ссылались в этой жалобе.

Мы надеемся, что нам будет дан ответ в соответствии с нормами Советского законодательства, и оставляем за собой право получить этот ответ в Президиуме Верховного Совета СССР в сроки, предусмотренные законом.

* * *

3 сентября некоторых участников московских научных семинаров (Хр. 60) повестками вызывали в районные отделения КГБ.

Жене В. Браиловского (суд – Хр. 62) Ирине сказали, что если она будет продолжать устраивать семинары, ее выселят из Москвы, а положение ее мужа ухудшится.

А. Лернера предупредили, чтобы он более не проводил свой семинар – проведение семинара будет рассматриваться "как уголовно наказуемое деяние".

Вызывались также Я. Альперт, С. Альперт, Я. Гречаник, А. Иоффе, А. Леонов, Г. Розенштейн, Ю. Черняк, С. Янтовский.

5 сентября Н. Мейману дважды приносили повестку к районному прокурору. Он идти отказался. В устной беседе доставивший повестку сообщил, что с Мейманом хотят поговорить о семинарах.

В воскресенье 6 сентября квартира Браиловских была блокирована милиционером и несколькими сотрудниками КГБ. На улице стояла черная "Волга" с двумя "штатскими".

Подходящим к подъезду участникам семинара предлагали немедленно уходить. Им было заявлено, что то, что происходит на семинаре, "уже проходит не по статье 190-1, а пахнет 64-й (т.е. "измена Родине" – Хр.), т.к. здесь передаются сведения".

В этот день дежурили и у квартиры Иоффе.

* * *

21 сентября двое сотрудников КГБ потребовали от Владимира Журавского, чтобы он прекратил преподавать иврит.

* * *

24 сентября милиционер и некто в штатском задержали Бориса Теплицкого, выходящего из своего дома.

В опорном пункте милиции "штатский" в течение получаса беседовал с Теплицким, требуя, чтобы тот прекратил преподавать иврит. "На Ваших уроках проводятся зачатки сионистской пропаганды", – заявил "штатский".

* * *

24 сентября Владимира Розина пригласили в РУВД.

Там некто в штатском сообщил Розину, что, если он хочет, чтобы его ходатайство о выезде в Израиль было когда-нибудь удовлетворено, он не должен писать "ненужных" заявлений в адрес советских инстанций, подписывать бумаги, не имеющие отношения к его выезду из СССР, и "встречаться".

30 декабря Розин и Валерия Бабаева были вызваны в Московское УКГБ.

С Розиным полтора часа беседовали двое; один назвался заместителем

начальника отдела В.В. Кузнецовым. Кузнецов заявил, что знаком с делом Розина, и, если тот считает, что его права кем-то нарушаются, пусть пишет жалобы и ходит по инстанциям, но не "составляет писем антисоветского содержания и не организовывает сионистских сборищ". Кузнецов напомнил Розину, что с тем уже беседовали – его "деятельность" находится на грани нарушения закона – "вот Чернобыльский преступил закон и был осужден". Розину сказали, что Лернер и В. Престин (Хр. 62) не получают разрешения на выезд за "деятельность", а П. Абрамович (Хр. 61) – просто "агент сионизма и империализма".

С Бабаевой беседовали в течение часа. Ее предостерегали от "активного участия в сионистских сборищах". Ее также предупредили, что ее "деятельность" находится на грани нарушения закона.

* * *

15 октября по делу арестованных в Свердловске Л. Шефера и В. Ельчина (см. ниже) были проведены обыски у Натальи Хасиной (Хр. 50), Юлия Кошаровского (Хр. 61) и Павла Абрамовича. После обысков были проведены допросы.

* * *

Обыск у Абрамовича, начавшийся взламыванием входной двери, проводил старший следователь прокуратуры Москвы С.Р. Андреев. В обыске участвовали два сотрудника КГБ (так сказал сам Андреев), записанные в протоколе как "инспектор МУР ГУВД Орлов Е.И." и "инспектор уголовного розыска Шаповалов Л.П.", а также "научный сотрудник Ин-та востоковедения Козлов А.П." Среди изъятого: учебники иврита, книги и газеты на иврите, магнитофонные кассеты, фотографии, слайды, фотопленки, письма, записные книжки, три магнитофона, кинокамера, фильмоскоп, приемник.

В протоколе Абрамович записал:

1. По существу, был произведен грабёж, т.к. были изъяты вещи, представляющие материальную ценность, как то: приемник, магнитофоны – м.б. они и есть "антисоветские материалы", которые искало следствие.

2. Протокол был составлен в нарушение всех законов, не были переписаны названия забранных книг, записей и тетрадей. Не будет удивительно, если после этого мне будут предъявлены материалы, которые, с точки зрения следствия, будут объявлены "антисоветскими" и которые были якобы найдены у меня.

После обыска следователь предложил Абрамовичу поехать на допрос. Абрамович попросил провести допрос дома. Когда выяснилось, что ни с Шефером, ни с Ельчиным Абрамович не знаком, допрос был прекращен.

(За несколько дней до обыска Абрамовича задержали около его дома "с целью выяснения личности". В отделении милиции с ним "беседовал" сотрудник КГБ. Он сказал, что Абрамович не уедет ни через 10, ни через 15 лет. "Вы приняли новую тактику – загреть жар чужими руками. Уговорили Чернобыльского скрыться, подготовили демонстрацию в Приемной ПВС СССР 12 октября, организовали поездку группы евреев в Киев, в Бабий Яр. У нас достаточно материалов против вас. Не думайте, что вас, как и других, будут судить по ст. 190-1. Мы вас будем судить как агента мирового сионизма". В конце от Абрамовича потребовали прекратить преподавать иврит.)

21 октября в прокуратуре Москвы Абрамовича допросил капитан Ю.А. Филатов.

Абрамович сказал, что не помнит, знаком ли он с Шефером (по словам Филатова, Шефер показал, что познакомился с Абрамовичем у Престина). Филатов заявил, что фотокопия журнала "Израиль сегодня", изъятая у Абрамовича на обыске, аналогична фотокопии, изъятая у Шефера. "Так называемый обыск в моей квартире прошел с нарушением УПК и изъятие на нем материалы и вещи не были описаны, поэтому в качестве изъятых мне могут предъявляться любые произведения", – ответил Абрамович. На вопросы, умеет ли он обращаться с фотоаппаратом и имеет ли доступ к светокопировальной аппаратуре, как не имеющие отношения к делу, Абрамович отвечать отказался.

В конце допроса Филатов сказал, что сделает все, чтобы из дела Шефера и Ельчина выделить дело Абрамовича.

* * *

Обыск у Кошаровского проводил следователь прокуратуры Москвы Боровик. Среди изъятых: книги на иврите и арабском языке, некоторые книги на английском языке, записные книжки, магнитофонные кассеты, магнитофон, фотоаппарат, кинопроектор, блок питания. После обыска Кошаровский в течение двух часов делал замечания к протоколу. Он написал:

К сожалению, во время обыска изымались материалы, не имеющие отношения к постановлению о производстве обыска по делу Шефера Л.Г. и Ельчина В.А. по ст. 190-1 УК РСФСР. Кроме того, допускались оскорбительные замечания по моему адресу клеветнического характера со стороны человека, который документы не предъявлял и в данном протоколе не фигурировал. Сославшись на то, что никто из присутствующих не знает иностранных языков, следователь изымал почти все для него непонятное, допуская при этом много неточностей. (Далее на 4-х страницах следует перечень материалов, не вошедших или неверно внесенных в протокол – Хр.).

Затем Кошаровского повезли на допрос в 119 о/м (ближайшее к дому).

Вначале Боровик и Кошаровский долго спорили, обязан ли следователь сказать, по какому делу допрашивается свидетель. Кошаровский стал отвечать на вопросы только после того, как Боровик сказал, что это дело Шефера и Ельчина. После написания протокола Боровик дал его Кошаровскому для прочтения. Кошаровский написал: "Содержание протокола настолько отличается от беседы, что я отвергаю его полностью". Тогда Боровик порвал протокол, принес новый и снова стал его заполнять.

Кошаровский сказал, что с Шефером он встречался 2-3 раза, обсуждали выездные дела. Клеветническую литературу Шеферу не давал и у того не брал. Знаком ли с Ельчиным, не помнит.

21 октября в прокуратуре Москвы Кошаровского допросил Филатов. Кошаровский заявил, что его родной язык – иврит и он хотел бы давать показания на этом языке, однако, учитывая сложности, связанные с переводчиком, он готов давать показания на русском языке "в порядке исключения, учитывая ваши сложности. Однако в следующий раз, говорю заранее, давать показания буду на иврите".

Филатова интересовало, знакомил ли Кошаровский Шефера с Абрамовичем, Престинным, Л. Виленской, Р. Зеличенком (см. ниже), Н. Розен (выехала из СССР в 1980 г.), что давал читать Шеферу, о чем вели беседы.

В конце Филатов выразил желание встретиться с женой Кошаровского.

* * *

У Хасиной обыск проводил следователь прокуратуры Москвы Лазарев, которого сопровождали 10 человек (трое – понятые). Было изъято четыре мешка материалов, книг, предметов; в частности: вся литература на иврите (два мешка), пластинки на иврите, идиш и английском языках, предметы культа, различные документы (мешок), магнитофонные кассеты, 5 магнитофонов, радиоприемник (по поводу английских пластинок Хасиной на допросе сказали: "Понравятся – себе оставим, нет – отдадим").

После обыска Лазарев допросил Хасину. Она сказала, что фамилию Шефера слышала, т.к. "Вы же такой шум в связи с этим делом по стране подняли". По поводу книг на иврите сказала: "Мы читаем на этом языке, разговариваем, изучаем его. Большинство книг получено по почте, а там сидят квалифицированные люди. И если бы эти книги содержали антисоветские высказывания или клевету, их бы на почте не пропустили".

19 октября супруги Наталья и Геннадий Хасины направили прокурору Москвы заявление с просьбой вернуть изъятые на обыске вещи.

22 октября в прокуратуре Москвы Хасину допросил Филатов.

Хасина заявила, что, пока она не получит ответ на заявление прокурору Москвы от 19 октября, она по данному делу давать показаний не будет. Отказ от показаний с объяснением причин она записала в протокол допроса. Филатов пообещал ей, что приложит все усилия, чтобы привлечь ее к уголовной ответственности на основании тех материалов, которые, по его словам, были обнаружены на обыске в квартире Хасиных. (Сле-

дует отметить, что, согласно повесткам, Абрамовича, Кошаровского и Хасину на допросы в прокуратуру вызывал Ю.А. Бурцев.)

* * *

3-5 ноября сотрудники КГБ провели "беседы" с женщинами-отказницами Еленой Дубянской, Юдифь Ратнер, Светланой Терлецкой-Кредовой, Фаиной Розиной, Людмилой Когановой. Одних вызывали в отделения милиции, к другим приходили домой.

Всех предостерегали от "антиобщественных" поступков на "националистической основе". Дубянской, заявившей, что она в рамках советских законов будет добиваться выезда в Израиль, сотрудник КГБ сказал: "Ходите, жалуйтесь, но не сбивайтесь в толпы". Всем говорили: если хотите уехать, не подписывайте клеветнических, националистических писем.

* * *

9 ноября в 54-м отделении милиции было сделано "официальное предостережение" по "тунеядству" Олегу Попову.

Попов ушел из Института нефтехимического синтеза АН СССР в августе 1979 г. после подачи документов на выезд. До марта 1981 г. работал ночным сторожем. В феврале 1981 г. получил отказ, после чего стал искать работу по специальности (он – кандидат физико-математических наук, специалист в области физики плазмы и газовой электроники). В июле Попов позвонил из ОВИРа и сообщил, что его ходатайство будет пересмотрено, в связи с чем рекомендовано ему на работу не устраиваться.

На вопрос Попова сотруднику милиции, оформлявшему "предостережение", "к чему такая спешка", тот ответил: "Начальство торопит".

* * *

7 декабря киноактриса Зоя Федорова была на приеме у одного из высших чинов ОВИРа, который подтвердил данный ей ранее отказ в разрешении поехать в США в гости к дочери Виктории Федоровой (бывшей советской киноактрисе).

11 декабря Зоя Федорова была убита днем в своей квартире. В некрологе, опубликованном 16 декабря в газете "Вечерняя Москва", сказано, что она скоропостижно скончалась.

Виктория Федорова пыталась приехать на похороны матери, однако в советском посольстве ей предложили визу лишь с условием, что она поедет в СССР как советская подданная (она имеет американское гражданство), – она отказалась.

* * *

24 декабря, в годовщину приговора "самолетчикам" (Хр. 17), у Биб-

лиотеки им. Ленина должна была состояться демонстрация солидарности (Хр. 60).

22 декабря Ирине Сапиро позвонил "доброжелатель" и сказал, что, если ее муж Владимир Вайль 24 декабря появится в центре Москвы, то "он домой вернется не скоро".

23 декабря Валерии Бабаевой, Людмиле Лубенской, дочери В. Магарика Анне Магарик и Ирине Якобсон звонили люди, называвшие себя сотрудниками милиции, и также предупреждали, чтобы те не ходили 24 декабря к Библиотеке им. Ленина, "иначе вернетесь домой через 15 суток".

24 декабря рано утром к Владимиру Розину пришел человек, показавший устное разрешение работника уголовного розыска, и предупредил, чтобы тот не являлся к Библиотеке им. Ленина. Этот человек и еще двое неотступно следовали за Розиным до 19 часов вечера. Аналогичной слежке подвергалась Лубенская. Ее "водили" часов до 14.

24 декабря на месте демонстрации находилось большое количество милиции и "штатских" (приблизительно 30-35 человек): у выхода на площадку из перехода через Калининский проспект и у выхода из метро "Библиотека им. Ленина", а также вокруг самой площадки перед входом в Библиотеку. У бокового выхода (он закрыт) из метро "Библиотека им. Ленина" стоял автобус.

До места демонстрации удалось добраться лишь Дмитрию Щиглику и Анне Магарик.

Щиглика задержали на площадке перед Библиотекой после опознания его "штатским" и сразу отвели в автобус.

Магарик вышла на площадку и сняла шапку. Подошел милиционер и предложил надеть головной убор. Она отказалась. Подошел второй. Затем оба милиционера отошли и начали советоваться с человеком в штатском, который во время операций, связанных с еврейми-отказниками, представлялся обычно как "Игорь Васильевич Анисимов". Они подошли втроем и предложили надеть головной убор, после чего "Анисимов" попросил предъявить документы. Магарик заявила, что предъявит документы только сотрудникам милиции. "Анисимов" отошел на несколько шагов и Магарик предъявила милиционерам документы. Подошел "Анисимов", заглянул в документы, спросил: "А где же папа?" и распорядился задержать ее. Подошли четверо "штатских" и потащили А. Магарик к административному корпусу Библиотеки. Магарик отчаянно сопротивлялась. Ее подняли на руки и поволокли, затыкая рот. Магарик доставили в одну из комнат административного корпуса. Там находился человек, который начал упрекать ее в хулиганских действиях, на что она потребовала назвать фамилию человека, изъявшего паспорт. Сделать это отказались и перевели ее в соседнюю комнату. Попытка Магарик позвонить по телефону была резко пресечена. Милиционеры начали писать протокол, "Анисимов" настаивал, чтобы был отмечен факт злостного хулиганства – нанесение удара ногой в лицо.

Около 12 часов ее отвели в автобус, где находился Щиглик.

Около 14 часов Щиглика и Магарик отвезли в опорный пункт 5 отделения милиции, где посадили в одну комнату.

Через некоторое время Щиглика отвели в соседнюю комнату, провели получасовую беседу и отпустили.

Затем вызвали Магарик. В комнате, кроме милиционера и двух свидетелей, находились двое, представившиеся "инспекторами уголовного розыска Николаевым и Брючковым". Магарик грозили 15-ю сутками, после чего отвели назад. Минут через 15 вызвали снова и начали беседу в доброжелательных тонах: обсуждали выездные дела ее и ее отца.

Около 16 часов Магарик вернули паспорт и отпустили.

* * *

Однодневную голодовку солидарности с узниками Сиона объявили 24 декабря 21 москвич и 6 одесситов.

* * *

24 декабря, когда Абрамович, Елена Дубянская и Виктор Фультмахт беседовали на почте с заграничным абонентом, к ним в кабину стали стучаться двое мужчин. Один из них оказался дружинником, а другой – "участник войны". Они кричали, что эти лица ведут "антисоветские разговоры". Тут же оказался сотрудник КГБ и милиционер, которые отвезли всех в 22-е отделение милиции Дзержинского района, где "граждане" оставили заявление, в котором выражали возмущение фактом ведения по телефону антисоветских разговоров.

С каждым из задержанных в отдельности сотрудник КГБ провел беседу.

Ленинград

Суд над Леиным

10 мая милиция блокировала квартиру Евгения Леина (в Хр. 62 фамилия – с ошибкой), не пустив к нему гостей на празднование Дня независимости Израиля.

15 мая Леин написал по этому поводу жалобу.

17 мая на заседании культурного семинара Леина арестовали (Хр. 62). Его обвинили в том, что он ударил ногой милиционера.

20 мая прокурор Запорожец поставил Леина перед выбором: признание обвинения, в этом случае – освобождение из-под стражи, иначе – заключение до суда.

В камере с четырьмя койками, где находился Леин, содержалось 8 человек. 40 дней он провел на полу.

В течение 53 дней содержания под стражей Леин не имел ни одной встречи со следователем. Затем дело было закрыто за три дня.

* * *

4-5 августа суд под председательством В.Д. Денисенкова рассматривал дело Евгения Борисовича Леина (1939 г.р.), обвинявшегося по ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор В.И. Новиков. В качестве защитника выступал сам Леин.

* * *

Суд был открытым.

Одного из присутствующих, пытавшегося фотографировать в зале суда, силой выволокли, заломив руки за спину, засветили пленку, отвезли в отделение милиции и там переписали его паспортные данные. Переписали данные и у трех его друзей, пришедших следом в отделение.

Вечером 4 августа один из друзей Леина, присутствовавший в зале суда, был избит около своего дома четырьмя мужчинами.

* * *

Леин обвиняется в том, что мешал участковому милиционеру капитану Семенову и членам комсомольско-оперативного отряда, прибывшим "по заявлению граждан", выяснить,

почему собрались граждане, которые нарушают общественный порядок, загрязняют лестничную площадку. Подсудимый Леин Е.Б. мешал выяснить это обстоятельство, кричал, шумел. На требование работников милиции предъявить документы ответил отказом, категорически отказался следовать в опорный пункт для выяснения личности, схватил Семенова за форменную одежду, надорвал погон, нанес ему удар по левому бедру, причинив повреждения без расстройства здоровья, оказывал сопротивление Желобову и Евсееву при доставлении в опорный пункт, отталкивая их от себя руками, вырывался, пытался освободиться ...

Прокурор потребовал для Леина трех лет условно с обязательным привлечением к труду.

В защитительной речи Леин отверг все пункты обвинения. Он сказал, что в прихожей площадью 4,5 кв. м, в которой скопилось 15-20 человек, невозможно нанести удар ногой, вызвавший "кровоподтек площадью 8 x 10 кв. см". Медицинская экспертиза была проведена лишь 5 июня (через 19 дней после инцидента), на экспертизу Леина не пригласили, таким образом он был лишен возможности задать эксперту вопросы. На суде выяснилось, что Леина в опорный пункт отправили на автобусе, а Желобов и Евсеев от лифта вернулись в квартиру, т.е. он не мог им сопротивляться при доставке в милицию.

Леин потребовал оправдания.

В последнем слове Леин, в частности, сказал:

Я не виновен. Обстоятельства моего ареста и ход следствия со всей очевидностью свидетельствуют, что обвинение пристрастно и готовит расправу надо мной и моей семьей за желание знать историю и язык еврейского народа, за желание выехать из СССР в Израиль. Три года назад, 3 июня 1978 года, я подал в ОВИР документы с просьбой разрешить мне и членам моей семьи выезд в государство Израиль, но получил отказ. За прошедшие годы намерение мое не изменилось, а укрепилось. Тюрьма не заставит меня изменить мое решение.

Приговор: 2 года лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду. Мера пресечения – до прибытия к месту работы оставить под стражей.

* * *

Леин – кандидат технических наук. Получил отказ по "секретности". Работал сторожем. Участвовал в работе ленинградского семинара по прикладной математике, организованного учеными-отказниками в 1977 г.

* * *

15 сентября Леин был отправлен в район Абакана.

22 сентября состоялось кассационное рассмотрение, оставившее приговор в силе.

* * *

В связи с судом над Леиным в Самиздате получил распространение следующий текст:

... началось это дело несколько ранее, когда работники МВД г. Ленинграда начали делать все возможное, чтобы пресечь встречи лиц, интересующихся еврейской историей и традициями. Участники бесед в полном составе доставлялись в милицию с целью выяснения личности; блокировались сотрудниками МВД квартиры, где предполагались эти встречи, с их участниками проводились неофициальные беседы по месту работы или учебы, их также вызывали в райкомы, где им объяснялось, что посещение таких бесед может иметь нежелательные для них последствия.

Изложив события, происшедшие 17 мая, следствие по делу Леина и ход судебного разбирательства, авторы в конце пишут:

Мы вину Евгения Леина считаем недоказанной, приговор – необоснованным и жестоким.

И невольно мы задаемся вопросом: ну, а что дальше? Интересоваться своей историей и культурой стало небезопасно. И кто мо-

жет поручиться, что кто-то в данный момент не решает также и судьбу кого-то из нас?

Кто же будет следующий на скамье подсудимых?

Разное

После событий 17 мая, в результате которых был арестован Е. Леин, М. Эльмана лишили секретности и уволили из института, в котором он работал.

* * *

22 ноября 1980 г. Нэлли Наумовна Сквирская написала заявление о выходе из КПСС:

В связи с намерением репатрироваться на историческую родину предков в государство Израиль полагаю безнравственным оставаться в рядах КПСС ... В соответствии с п. 8 Устава КПСС не считаю себя членом партии, т.к. я:

- а) в течение 8 мес. не платила членские взносы без уважительных причин;
- б) фактически утратила связь с партийной организацией.

27 января 1981 г. Сквирскую из КПСС исключили.

22 апреля Сквирскую уволили из Ленконцерта по п. 3 ст. 254 КЗОТ РСФСР ("совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы").

С 12 по 15 мая в суде Куйбышевского района рассматривался иск Сквирской к руководству Ленконцерта о незаконном увольнении. Судья – Л.А. Карпова, прокурор – Е.А. Васильева. Со стороны Сквирской выступал адвокат В.В. Назаров, интересы Ленконцерта защищал адвокат М.Я. Линде.

В ходе судебного заседания выяснилось, что на заседании местного комитета, обсуждавшем вопрос об увольнении Сквирской, отсутствовал кворум, а представители администрации и месткома дали по этому поводу ложные показания.

14 мая в Ленконцерте был издан приказ о восстановлении Сквирской на работе с 15 мая с полной оплатой вынужденного прогула. В связи с этим суд счел иск исчерпанным.

Через некоторое время местный комитет вновь санкционировал увольнение Сквирской (заседание проходило в ее отсутствие; она, находясь на бюллетене, прислала телеграмму с выражением недоверия составу месткома и отказалась явиться на заседание).

* * *

23 сентября у отказника Роальда Зеличенка был проведен обыск. Изъяли книги на английском языке и иврите (всего 32 пункта).

После обыска Зеличенка отвезли в отделение милиции, где проводившая обыск Акимова и сотрудник КГБ пытались с ним побеседовать. Только здесь Зеличенко узнал, что обыск у него проводился по делу Л. Шефера и В. Ельчина (см. ниже). Зеличенко отказался отвечать на вопросы, т.к. допрос формально не был оформлен.

15 октября Зеличенка с работы отвезли в Ленинградское УКГБ, где капитан Ю.А. Филатов (он же проводил допросы в Москве 21 и 22 октября – см. выше) допрашивал его в течение 5 часов.

По словам Филатова, Шефер показал, что познакомился с Зеличенком у Ю. Кошаровского (см. выше). Зеличенко сказал, что не помнит, знаком ли он с Шефером. Филатов показал Зеличенку машинописный текст и сказал: "Это письмо к Шеферу. Он Ваше, т.к. напечатано на той же машинке, что и Ваша жалоба по поводу телефона". (У Зеличенка 15 сентября отключили телефон.)

16 октября домой к Зеличенку приехало двое сотрудников КГБ, чтобы отвезти его жену Галину Бабрину на допрос. Через некоторое время приехал Филатов, прошедший допрос на дому.

Он спросил у Бабриной о степени ее знакомства с Шефером и Ельчиным, давала ли она им какую-нибудь литературу, что брала читать у них.

Бабрина заявила, что давать показания отказывается, т.к. в связи с этим делом против их семьи начались репрессии: отключили телефон, провели обыск-грабеж, на глазах сослуживцев мужа увезли в КГБ, в день обыска камнем разбили стекло в окне – чуть не погиб ребенок.

Филатов сказал, что с КГБ все это не связано и пригрозил посадить Бабрину.

Свердловск

Арест Шефера и Ельчина

1 сентября прокуратура Свердловска возбудила дело против Льва Шефера и Владимира Ельчина. 17 сентября дело было передано в Свердловское УКГБ. 22 или 23 сентября Шефера и Ельчина арестовали. Им предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР (4 года назад Шефер был осужден по ст. 70 УК РСФСР).

По этому делу в Москве были проведены обыски у П. Абрамовича, Ю. Кошаровского и Н. Хасиной, после чего все они были допрошены (см. выше). В Ленинграде был проведен обыск у Р. Зеличенка, после которого он и его жена Г. Бабрина были допрошены (см. выше).

По этому делу также были допрошены в Вильнюсе 5 октября Э. Финкельштейн (Хр. 54) и в Горьком Л. Вольвовский (Хр. 43, 44, 46, 50).

Новосибирск

5 марта Владимир Козицкий, Юрий Мироханов, Валерий Дедушев и Эмиль Горбман (Все – Хр. 61) обратились к председателю облисполкома В.А. Филатову с просьбой зарегистрировать демонстрацию, которую

они собираются провести 25 апреля от облизполкома до памятника Ленину (у театра оперы и балета) под лозунгами:

Вся власть Советам!

Да здравствует демократия! Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая собственную – Закон СССР от 1976 г. "Бюрократизму, черствости, чванству не может и не должно быть места в нашем советском образе жизни" – Постановление Пленума ЦК КПСС от 21 октября 1980 г., речь тов. Л.И. Брежнева.

"Хороших законов у нас, товарищи, принято немало. Теперь дело прежде всего за их точным и неуклонным осуществлением. Ведь любой закон живет только тогда, когда он выполняется – выполняется всеми и повсеместно" – Доклад тов. Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС 23 февраля 1981 г.

Авторы заявили, что цель их мирной демонстрации – обратить внимание общественности на вопиющие факты нарушения и игнорирования административными органами г. Новосибирска законов СССР.

Авторы заявления разослали в 55 партийных и административных советских инстанций г. Новосибирска, а также на имя Л.И. Брежнева, в ПВС СССР, Комитет народного контроля СССР и Политбюро ЦК КПСС информационное письмо, в котором сообщили о намечающейся на 25 апреля мирной демонстрации.

19 апреля эта же группа лиц направила по тем же адресам "Информационное письмо № 2", в котором авторы сообщили, что 15 апреля всех их вызвали в облизполком. Там с каждым из них в отдельности провела беседу комиссия из 9 человек, в составе представителей организационного отдела облизполкома, УВД, ОВИРа, помощника прокурора области, заместителя председателя областного суда, представителя отдела юстиции облизполкома. Председатель комиссии, заведующий организационным отделом облизполкома Ф.И. Жукевич сообщил, что комиссия от имени облизполкома запрещает демонстрацию по следующим причинам:

1. Заявлено мало участников.
2. Участники не представляют собой организацию.
3. Перечисленные выше лозунги антисоциалистические.
4. Кроме того, указанные лозунги – антисоветские.
5. Кроме того, предложенные лозунги – незаконные.

Последнее утверждение пытались обосновать, предъявив газету с напечатанными в ней призывами ЦК КПСС к демонстрации 1 мая. Указав на них, докладчик сообщил: "Вот они, законные лозунги!"

В письме авторы опротестовывают запрет на проведение демонстрации и заявляют, что считают доводы комиссии незаконными. В конце письма они ходатайствуют о переносе срока демонстрации предположительно на 5 июля.

За несколько дней до 24 апреля по городу пошли слухи о многотысячной демонстрации, намеченной на 24 апреля. В этот день с раннего ут-

ра квартиры авторов писем и районы их проживания были оцеплены милицией и сотрудниками в штатском. Районы предполагаемой демонстрации контролировались усиленными нарядами милиции и штатских. В течение дня вблизи предполагаемого маршрута демонстрации были задержаны многие пешеходы, по каким-либо причинам останавливающиеся около памятника Ленину, в том числе один журналист с фотоаппаратом.

Красноярск

Рабочий В. Суриков добывается выезд с 1973 г. (Хр. 51, 61). Ниже полностью публикуется его письмо:

Получив от двоюродной сестры Ирины Рихтер вызов на постоянное жительство в США, я обратился в феврале 1980 г. в ОВИР г. Красноярска за разрешением на выезд. Документы были приняты, было сказано ждать результатов рассмотрения. После этого, как стало известно, мной заинтересовались сотрудники госбезопасности: они опросили всех моих соседей – проживающих рядом, сверху и внизу. Несколько раз пытались проникнуть в мою квартиру. Похищали письма из почтового ящика.

15 апреля, когда я возвращался домой, меня задержали у дверей квартиры, обыскали, завернули руки и отвезли в КПЗ, поместили в отдельную камеру, где я провел некоторое время, а затем доставили в Красноярскую городскую психбольницу (ул. Курчатова 16-17). Доставкой занималась участковый врач Кудрина, в больнице принимал меня заведующий 1-м отделением Смирнов Виктор Дмитриевич. Посмотрев на меня, он сказал: "Будем лечить". Я спросил: "Почему лечить?" Он ответил: "У вас бред выезда за границу". Он назначил мне: трифтазин (две большие таблетки), аминазин (две средние) – три раза в день.

17 апреля моим лечащим врачом стала Лариса Александровна Новикова, которая добавила к аминазину и трифтазину сульфозин – пять уколов по три кубика. Она сказала, что у меня "рецидив бреда выезда".

От трифтазина меня сковало, нелепо стали выворачиваться ноги. Я потерял способность передвигаться, чувствуя в то же время двигательное беспокойство (неусидчивость) и испытывая сильную боль в ягодицах при каждом движении – это от сульфозина. Опухла поясница; начались обмороки и повторялись весьма часто, я падал, ударялся головой об пол, о кирпичные стены. От боли я не мог спать, есть, судороги сводили тело; от сульфозина поднялась температура и держалась все время 40°. Порой была мелкая дрожь, вываливался язык, не помогали и уколы новокаина. Кошмар этот продолжался неделю, до того как меня пригласили на беседу со студентами-психиатрами. Идти я не мог и меня понесли на руках; но в аудитории выяснилось, что я не могу шевелить языком. Тог-

да отнесли меня обратно и стали вводить корректор, от которого самочувствие немного улучшилось. Я по-прежнему страдал от сульфозина, сильно похудел, но в следующую встречу со студентами уже мог с ними беседовать. Доцент, проводивший беседу, сообщил им, что у меня "шизофрения политического характера". Эта терминология применялась постоянно. Врач Новикова сказала мне, что диагноз мне – "шизофрения простой формы" – поставил Владимир Янович Чистяков, а помещен я в больницу потому, что социально опасен. "Если ты не понимаешь, что при нашей системе выезд в США невозможен, – значит, ты больной", – сказала Новикова. Она дважды предлагала мне дать показания против моих знакомых. Моей матери она заявила: "У него мысли о выезде – его надо лечить". "Но от лечения он не изменится", – возразила мать. "Все равно без наказания нельзя – лекарствами мы стараемся отбить у него желание выехать за рубеж". Она расспрашивала мать, какие друзья и знакомые ко мне приходят, каких знакомых я имею в Москве. И заключила: "Ваш сын политически опасен". На мою просьбу о выписке она ответила: "У вас мысли подрывного характера – я не буду к вам добренькой".

Я отсидел два с половиной месяца и считал, что подошло время выписки, но 30 июня вдруг узнал, что есть приказ органов госбезопасности (основывающийся на приказе МВД СССР об усилении борьбы с инакомыслящими) содержать меня в больнице до окончания Олимпийских игр в Москве. Более того, режим содержания мне был усилен: я был отстранен от работы в мастерской. Врач Еремина объяснила: "Вы политически опасны, а у органов ГБ сейчас много дел в связи с Олимпиадой. Так что потерпите". Врач Новикова сказала мне: "Выпишу, а вы поедете в Москву давать показания своим друзьям". Моей матери она сообщила: "Поведение его нормальное, самочувствие хорошее, я б его выписала, но есть приказ о дальнейшем содержании. Выписка его от меня не зависит, ни от меня, ни от зав. отделением, ни от главного врача больницы, а от тех, кто его сюда поместил".

7 июля Новикова ушла в отпуск. Моим лечащим врачом стал Эдуард Иванович Русаков, между прочим – член Союза писателей, прозаик. "Выбирай, – сказал он, – или ты откажешься от выезда и будешь жить спокойно, или будешь настаивать на выезде и тем самым избереешь судьбу подвижника, не будешь вылезать из психбольницы". Затем он заявил: "При нынешней обстановке в Советском Союзе ваш выезд в США нереален. А так как вы этого не принимаете – вас лечат".

В провинции врачи прямее и откровеннее говорят о том, что лечат за инакомыслие. В.Я. Чистяков, врач по профессии, – палач по призванию. Новикова похожа на него, циничная особа. В.Д. Смирнов всей душой ненавидит диссидентов, он отвел на мне душу, приказав при поступлении остричь наголо – обычно это не практикуется в больнице, применено как мера унижения.

К общей картине больничной обстановки добавлю некоторые поразившие меня подробности. Когда меня ввели в отделение, я увидел слоняющихся из угла в угол оборванных, одетых в лохмотья людей, вшивых и больных чесоткой. Вши были у всех платяные и лобковые. Когда я увидел, как собирает их и давит сосед, то обратился к медсестре, попросил помыть и переодеть его. "Здесь все вшивые", – ответила сестра, и разговор был окончен. Вскоре я завшивел и сам. Зато зав. отделением Смирнов выглядел всегда тщательно одетым, наглаженным и напомаженным.

В тот момент, когда сотрудники КГБ схватили и поместили меня в больницу, я проходил курс лечения от хронического простата. В аптеке дожидались меня (так и не дождалась) заказанные и оплаченные дорогие лекарства. Эта болезнь из-за прерванного лечения, да еще простуда, полученная в больнице (насморк, кашель), причиняли дополнительные муки. Кроме того, когда меня били, повредили челюсть, и несколько дней я не мог есть.

Узнав, что я задержан КГБ и помещен в психбольницу моя мать заболела, у нее отнялась нога, и ей пришлось лечиться. В июле она посетила начальника ОВИРа и просила разрешить мне выезд к сестре Ирине. Начальник ответил: "Никто не выпустит его в США. Он псих, неполноценный. У него медицина признала политический бред. Мы его в больнице перевоспитываем и надеемся перевоспитать. Мы гуманны, не отправили его в лагерь, не уничтожили, мы действуем другими методами. Сестры у него такой нет, нам лучше знать. Если он оставит мысль о выезде в США, мы его трогать не будем. Мы не заинтересованы в выезде наших граждан за границу. Если он не будет держать язык за зубами, будет вести пропаганду, будем наказывать и наказывать очень строго".

4 августа сразу после окончания Олимпиады меня выписали. Мое заключение с принудлением длилось три месяца и двадцать дней.

Новикова: "В больницу тебя направили органы госбезопасности, а болезнь твоя заключается в том, что ты хочешь уехать за границу".

На судебные процессы над В. Бахминым и А. Подрабинком были вызваны врачи-психиатры, а не их жертвы.

27 июня 1981 г. неизвестный избил Цурикова возле его дома. Окровавленный Цуриков обратился в находящийся рядом РОВД Железнодорожного района. Дежурный милиционер ответил ему: "Ах, ты, сволочь! Ты еще жаловаться пришел!" Цуриков обратился к прокурору Анциферовой. Та, издевательски ухмыляясь в лицо, по словам Цурикова, ответила ему: "На Вас никто 27 июня не нападал, Вам ранения никто не нанёс, в РОВД Железнодорожного р-на Вы не обращались".

Из письма Цурикова:

Врач Шелетункина говорит: "Будешь жаловаться – посадим в психбольницу", а Петрова говорит: "Будешь жаловаться – лишим дееспособности".

Киев

Суд над Зубко

21 июля народный суд Дарницкого района г. Киева под председательством А.А. Дадковского рассматривал дело Станислава Алексеевича Зубко (1937 г.р.; арестован 16 мая – Хр. 62), обвинявшегося по ч. 1 ст. 222 УК УССР ("Незаконное ... хранение ... оружия ...") и ч. 1 ст. 229-6 УК УССР ("Хранение наркотиков без цели сбыта"). Обвинитель – прокурор Е.С. Жукова, общественный обвинитель (с последнего места работы Зубко) – В.Н. Веригин, защитник – адвокат Н.Н. Захаров.

* * *

Вход во двор здания суда был перекрыт милицией и "штатскими". Зал суда был заполнен "специальной публикой". В зал сначала пустили мать Зубко Анну Левицкую (Хр. 62), через некоторое время судья предложил ей выйти из зала, т.к. ее будут допрашивать в качестве свидетеля (повестку она не получала). После дачи свидетельских показаний она некоторое время находилась в зале, но была выведена по требованию судьи ("за крики с места").

* * *

Зубко рассказал, что, когда утром 16 мая пришли с обыском, он еще спал. Поэтому мать сначала его разбудила, а потом открыла дверь. Обыскивающий сказал, что обокрали квартиру, хозяйка которой заметила, что один из преступников с бородой. На вопрос, что будут искать, Зубко сказал: "Драгоценности и оружие". В комнате матери открыли сервант, вынули одну коробку из-под конфет, там ничего не оказалось, открыли другую коробку – там лежал какой-то маленький предмет, завернутый в фольгу, как конфета. Спросили: "Что это?" Зубко сказал, что, наверное, старая конфета, которую забыли съесть. На это производивший обыск сказал, развернув фольгу: "Нет, это гашиш – пахнет коноплей". Комнату самого Зубко, кладовую, ванную, туалет осматривали поверхностно. В кухне спросили: "Что под холодильником?" Затем обыскивающий лег на пол и достал из-под холодильника что-то в целлофановом кульке. Зубко иронически заметил матери: "Вот и оружие нашли". На этом обыск закончили.

Зубко заявил, что виновным себя не признает, т.к. эти вещи ему подбросили. "Почему именно Вам?", – спросил судья. "Потому что мы с мамой хотим эмигрировать в Израиль. Именно это послужило причиной все-

возможных преследований; в частности, в течение последнего года меня 6 раз подвергали административным арестам по сфабрикованным обвинениям, а вот теперь подбросили пистолет и гашиш”. На вопрос судьи, кто мог это сделать, Зубко ответил: ”Милиция или КГБ”. Он объяснил, что 14 и 15 мая его мать непонятно для чего вызывали к участковому милиционеру, причем первый раз того на месте не оказалось, а мать, тем не менее, около часа держали в милиции. Когда мать вернулась домой, замки были закрыты на один оборот, хотя обычно она закрывает на два оборота.

Один из двух лиц, проводивших обыск, допрошенный в качестве свидетеля, сказал, что не видел, как нашли гашиш и пистолет, т.к. писал протокол.

Другой обыскивающий (Леонтьук) сказал, что, войдя в квартиру Зубко, заявил, что будут искать драгоценности, про оружие ничего не говорил, гашиш определил ”по запаху и цвету”.

Дворник дома, бывшая понятой, сказала, что ее позвали, сказав, что будут искать ”оружие и драгоценности”.

Затем были зачитаны различные документы. По данным экспертизы, Зубко – не наркоман. В характеристике с последнего до подачи документов на выезд места работы подчеркивалось добросовестное отношение Зубко к работе. В качестве отрицательных моментов отмечалось, что он не принимал участия в общественной жизни и политических мероприятиях.

Прокурор, сказав, что показаниям матери Зубко доверять нельзя, т.к. она – заинтересованное лицо, потребовала для подсудимого наказания: 3 года за хранение оружия, 2 года – за хранение наркотиков без цели сбыта, а в сумме – 5 лет.

Общественный обвинитель сказал: ”Зубко хорошо работал, добросовестно относился к своим обязанностям. Мы требуем строго наказать его”.

Адвокат сказал, что на пистолете и гашише никаких отпечатков пальцев не обнаружено, а следствие проверило только одну версию, хотя эти вещи действительно могли быть подброшены (”Я далек от утверждения, что пистолет и гашиш подброшены работниками милиции, но они могли быть подброшены кем-то другим”). Адвокат потребовал для Зубко оправдательного приговора.

В последнем слове Зубко сказал:

Я прожил почти 44 года, за это время никаких преступлений не совершал, найденные в нашей квартире вещи мне не принадлежат. Я считаю, что мне нужно вынести оправдательный приговор, любой другой буду считать несправедливым.

Приговор: 4 года лагерей общего режима (2 года – по ст. 222, 2 года – по ст. 229-6).

* * *

30 июля 19 киевлян направили письмо Брежневу:

. . . Процесс Станислава Зубко – не первый несправедливый судебный процесс в г. Киеве. В течение последнего года по сфабрикованным обвинениям были приговорены к длительным срокам лишения свободы отказники Валерий Пильников, Ким Фридман и Владимир Кислик.

Мы требуем:

- положить конец преследованиям жителей Киева, которым отказано в разрешении на выезд в Израиль;
- немедленно освободить Станислава Зубко;
- немедленно освободить ранее осужденных В. Пильникова, К. Фридмана и В. Кислика.

20 августа Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 180 "Арест и осуждение Станислава Зубко".

* * *

27 августа кассационный суд оставил приговор в силе.

* * *

22 сентября Левицкая направила телеграмму Андропову и Щелокову:

Прошу оградить меня от преследований киевских властей. 18 сентября в мою квартиру вторглись два милиционера и один в штатском. Без предъявления фактов обвинили меня в пьянстве и непристойном поведении, не обратив внимания на мой преклонный возраст – 68 лет. Без санкций осмотрели квартиру и, не найдя следов пьянства и разгула, потребовали письменных объяснений. Боюсь за свою судьбу, т.к. такими приемами моего сына уже посадили в тюрьму на 4 года.

* * *

Зубко отбывает наказание по адресу: 245930, Сумская обл., Роменский р-н, с. Перекрестовка, учр. УС-319/56-7-72.

Разное

Киевские отказники продолжают пытаться заставить Верховный Суд СССР рассмотреть их иск к МВД СССР (Хр. 62).

14 июля они вторично запросили Верховный Суд СССР о сроках рассмотрения иска.

31 июля начальник канцелярии Верховного Суда СССР М.П. Миронова направила Марку Михлину (одному из 14 истцов) ответ:

Сообщая, что Верховный Суд СССР в соответствии с действующим законодательством проверяет в порядке надзора отнесенные к его компетенции конкретные судебные дела и не вправе разрешать вопросы, связанные с выездом лиц за границу.

(Это письмо истцы получили в конце августа.)

5 августа истцы направили Генеральному прокурору СССР Рекункову письмо, в котором требуют

призвать Верховный Суд принять решение по нашему исковому заявлению в ближайшее время в связи с истечением сроков, предусмотренных законом.

10 августа из Прокуратуры СССР был направлен ответ прокурора отдела писем, в котором сообщалось, что "жалоба направлена в МВД СССР".

С 31 августа по 17 сентября истцов порознь и группами приглашали в Киевский ОВИР. Там им заявляли, что их иск Верховному Суду "не подведомственен", а некоторым, кроме того, что "после пересмотра ходатайств о выезде им вновь отказано", т.к. "с ноября 1979 г. разрешения выдаются только лицам, имеющим в Израиле прямых родственников".

9 сентября (после получения письма Мироновой) истцы направили телеграмму Председателю Верховного Суда СССР:

"В соответствии со ст. 129 ГПК РСФСР вопрос о принятии иска должен решаться судьей, а не начальником канцелярии".

В этот же день в ПВС СССР было отправлено письмо, в котором истцы требовали "решительного вмешательства" в их тяжбу с Верховным Судом СССР и Прокуратурой СССР.

В письме Рекункову от 22 сентября истцы вновь настаивали на привлечении МВД СССР к ответу.

В этот же день Леонид Варвак, Александр Городецкий, Светлана Ефанова и Владимир Терещенко были вызваны в Украинский ОВИР, где К.Н. Федоров заявил им, что их дела были затребованы в Москву, в МВД СССР – "отрицательное решение осталось в силе".

26 сентября в новом письме (с приложением всей предыдущей переписки) председателю Верховного Суда СССР истцы, в частности, пишут:

Мы обратились в Верховный Суд не для того, чтобы получить или не получить разрешение на выезд в Израиль, а для того, чтобы установить, *действительно ли мы обладаем правом выбора места жительства.* ... Если мы таким правом не обладаем, то мы должны знать о своем крепостном положении, чтобы не жить в мире иллюзий.

В связи с изложенным мы настаиваем на рассмотрении нашего искового заявления в порядке судебного разбирательства.

* * *

А за два дня до этого, 24 сентября, Ефанова и Терещенко получили по 15 суток за "мелкое хулиганство". Вот как это произошло.

Около 14.30 Ефанова и Терещенко шли к станции метро "Левобережная". Внезапно на них налетел какой-то мужчина, ударил Ефанову в спину, пробежал метров 15-20, развернулся и пошел навстречу. Поравнявшись с Ефановой и Терещенко, он стал их толкать, осыпая нецензурной бранью. Тут же появилось человек восемь мужчин, заявивших, что они – из милиции. Они схватили хулигана, а Ефанову и Терещенко пригласили в качестве пострадавших и свидетелей. В милиции у них забрали паспорта, а примерно через час отказавшийся представиться старший лейтенант милиции предъявил им протокол, обвинявший их в хулиганстве, и потребовал объяснений. После этого Ефанову и Терещенко на автобусе отвезли в суд Дарницкого р-на. После того, как они изложили обстоятельства дела, судья В.И. Ермакова отправила их назад, потребовав вызова в суд свидетелей.

Вторично Ефанову и Терещенко повезли в тот же суд часа через полтора-два. Свидетелем выступил некто В.И. Ткаченко, в котором и Ефанова и Терещенко (их судили отдельно) узнали хулигана, пристававшего к ним около метро.

В спецприемнике Ефанову и Терещенко сразу же поместили в штрафной изолятор с питанием через день. Начальник спецприемника И.Н. Прокопенко через дежурного передал, что ни по какому поводу с ними беседовать не будет.

Прокурор Дарницкого р-на Кавешников в ответ на заявление Ефановой и Терещенко прислал письмо, в котором писал, что для опротестования постановления судьи оснований не находит.

3 декабря Ефанова и Терещенко обратились с заявлением к прокурору Киева.

30 декабря прокурор следственного управления прокуратуры Киева В.Н. Митин письменно сообщил Ефановой: "Оснований для опротестования постановления судьи ... не усматривается".

* * *

В начале августа сотрудники КГБ подполковник Шабля и майор Авилов приехали домой к Игорю Геращенко и отвезли его в КГБ Украины, где с ним беседовал генерал-майор Поскребышев.

Поскребышев сказал, что причина разговора – не желание Геращенко выехать на Запад, а то, что там склоняют его фамилию (Геращенко – сын украинского академика). "Ваши действия подпадают под измену Родине", – заявил Поскребышев и зачитал донос, из которого следовало, что Геращенко через некую женщину передавал за границу технологию изготовления советских подводных лодок, а также стихи своей жены Ирины Ратушинской, в которых содержится антисоветская пропаганда.

В конце Герашенко сделали предупреждение "по Указу". Подписать его Герашенко отказался.

На следующий день предупреждение было вынесено его жене И. Ратушинской. Подписать его Ратушинская отказалась.

* * *

11 ноября с просьбой о помощи в эмиграции в "Комитет по социальным и гуманитарным вопросам" ООН обратился инвалид 1 группы Леонид Бронфельд (1938 г.р.). У него отказ из-за "отсутствия прямого родства".

* * *

По неполным данным, в настоящее время в Киеве насчитывается около 7 тысяч евреев-отказников. Подавляющее большинство имеет мотивом отказа "отсутствие мотива воссоединения семей".

Харьков

Суд над Парицким

28 августа после обыска был арестован Александр Соломонович Парицкий (Хр. 47, 48, 52, 53). Среди изъятого на обыске: учебники иврита, письма из-за границы. Парицкому предъявили обвинение по ст. 187-1 УК УССР (аналог ст. 190-1 УК РСФСР). Его дело вел следователь С.М. Сторенко (он же вел дело Е. Анцупова).

В этот день были проведены обыски у А. Давида и Чудновского.

Суд над Парицким (1938 г.р.) проходил 11-12 ноября.

Основные пункты обвинения:

- размножение на пишущей машинке в двух экземплярах школьного сочинения дочери и отправка его за границу;
- заявление в ОВИР, ЦК КПСС, Прокуратуру СССР, Верховный Совет СССР;
- неотосланное письмо брату в Израиль, изъятое при обыске (написано в 1978 г.);
- использование каналов международной телефонной связи для передачи клеветнической информации на Запад;
- прием в своей квартире "сионистских эмиссаров" супругов Молайн;
- клеветнические жалобы на тяжелое материальное положение;
- использование заграничными радиостанциями сообщений Парицкого;
- подписание коллективного письма в ЦК КПСС о тяжелом положении отказников.

Выступая с защитительной речью, Парицкий, в частности, сказал:

Мне неоднократно задавали вопрос о мотивах, побудивших ме-

ня, человека достигшего высокого положения, имеющего много научных трудов, последователей и аспирантов, которые могли бы продолжать начатое мною дело, отказаться от всего этого, пожертвовав многими годами, возможно, самыми продуктивными в моей жизни, и уехать в Израиль, в страну, в которой я никогда не был. Но дело в том, что я решил посвятить оставшиеся дни жизни среди моего народа, в согласии с желанием моим и моей жены. Я всегда руководствовался библейским изречением "Не хлебом единым жив человек". Мой отец, член партии с 1917 г., участник гражданской войны, участник индустриализации и создания колхозов на Харьковщине, заплакал, когда я однажды спросил его с детской непосредственностью: "Какие они, еврейские буквы?" Я понял, что несу ответственность перед своими детьми и внуками. К. Симонов на 5-м съезде писателей сказал: "Мы дети одной национальности, не можем и не должны относиться с неуважением к детям другой национальности, их культуре, истории, национальным праздникам и национальным героям". Я понял, что я должен жить среди своего народа. Перед подачей заявления в ОВИР я заблаговременно уволился, чтобы не подводить руководство и сотрудников института. Вскоре после подачи заявления мне было отказано в выезде. Я был готов к отказу, зная, что моя работа была связана с режимом секретности, но я хотел твердо знать, на какой срок мне был объявлен в устной форме отказ. Срок отказа был определен до 1980 г., потом до 1981, а потом отказывали, не называя никаких сроков. Единственная цель, которую я преследовал своими заявлениями, это точно знать срок, когда я смогу выехать в Израиль. Мною были написаны многие десятки заявлений в ОВИР и в различные инстанции. Все они были возвращены в ОВИР и подшиты к моему делу. Оттуда обвинение выбрало 4 заявления, носящих якобы клеветнический характер. Хотя они были квалифицированы как клеветнические, они никакой клеветы в себе не несут и выражают главную мысль в общей для всех заявлений фразе "Прошу пересмотреть мой вопрос и решить его положительно".

В последнем слове Парицкий сказал:

Я принимал участие в созидательном труде на благо СССР, и мои действия были продиктованы отчаянностью положения, в котором я оказался с 1976 г., подав заявление на выезд. Неужели я стал бы теперь разрушать клеветническими нападками то, что на протяжении стольких лет создавал, вкладывая в это душу и все свои знания и способности? Я прошу суд иметь в виду, что я никогда не предпринимал, не предпринимаю и впредь не буду предпринимать никаких шагов против советских людей. Но я добивался, добиваюсь и буду добиваться выдачи мне разрешения на выезд в Израиль.

Приговор: 3 года лагерей общего режима.

* * *

Парицкий – кандидат физико-математических наук. После подачи заявления на выезд лишен степени.

Одесса

15 июля были проведены обыски у отказников с 1979 г. Марка Непомнящего и Аврелия (Валерия) Кофмана. Изъято: религиозная литература, предметы культа, два магнитофона. У Кофмана обыск проводился без ордера.

После обыска дочь Непомнящего Эду в административном порядке оштрафовали на 20 руб. за "хулиганское поведение" во время обыска.

19 июля Кофман направил заявление в отдел административных органов ЦК КПСС. Рассказав о прошедшем обыске, он пишет:

Прошу Вас разобраться и наказать виновных в многочисленных нарушениях советских законов. Прошу содействовать возвращению незаконно изъятых книг и вещей. Прошу также содействовать положительному решению вопроса о моем праве на переезд в государство Израиль. Прошу содействовать тому, чтобы впредь не нарушались конституционные права, с тем, чтобы я мог жить в соответствии со своими религиозными убеждениями, не подвергаясь репрессиям.

Жена Кофмана Ольга написала письмо в Международное общество Красного Креста:

...Тенденциозный подбор изъятой литературы и вещей наводит на мысль о том, что мы подвергаемся давлению со стороны отдельных должностных лиц г. Одессы за религиозные убеждения моего мужа и за наше желание выехать на постоянное место жительства в святую для нас землю, где зародилась еврейская религия и народ.

Все преследования привели к тому, что у ребенка, который при всем присутствии и ослаблен операцией, развился невроз навязчивых движений, нарушается нормальный режим, что грозит самыми худшими последствиями, так как послеоперационный период продолжается не менее трех лет.

Кроме того, я сейчас беременна, а визит милиции в седьмом часу утра, обыск квартиры, вызов мужа в КГБ разрушают мое здоровье и здоровье моего будущего ребенка. На нервной почве я совершенно лишилась сна и не могу ничего есть.

Находясь в полном отчаянии и не видя конца преследованиям, прошу представителей Международного общества Красного Креста вмешаться и помочь мне выводить первого ребенка после операции и сохранить жизнь и здоровье еще не родившегося ребенка. Прошу

воздействовать на сотрудников компетентных органов, чтобы они не превращали в ад жизнь нашей семьи.

3 октября в Одесское УКГБ были вызваны Кофман, Эда Непомнящая и ее мать.

Их обвиняли в "сионистской пропаганде", угрожали "посадкой".

* * *

16 ноября были проведены обыски у отказников Валерия Певзнера и Яна (Якова) Меша. Изъято: учебники иврита, письма из-за границы.

18 и 22 декабря сотрудники КГБ "беседовали" с Мешем. Ему вынесено предупреждение "по Указу". Подписать предупреждение Меш отказался.

21 и 23 декабря сотрудники КГБ "беседовали" с Певзнером. Ему вынесено предупреждение "по Указу" за "инспирированную деятельность и распространение сионистских взглядов в Одесской области". Подписать предупреждение Певзнер отказался.

* * *

По неполным данным, в Одессе имеется около 2 тысяч семей, получивших отказы. Из них только 200 имеют мотивировку, связанную с режимными соображениями. Остальным отказали в связи с "дальностью родства".

В июне в Одессу прибыл туристский пароход из Румынии, на борту которого было большое количество евреев-эмигрантов из СССР. Многотысячная толпа родственников стояла на берегу, но власти запретили эмигрантам сойти на берег.

Черновцы

Давид Токарь (Хр. 62) 30 октября написал заявление в ЦК КПСС:

... в июне 1981 г. я был исключен с 5 курса московского Горного института за академическую неуспеваемость – формально (формально, так как все время учился хорошо, занимался научной работой, а неуспевать стал лишь с 10 семестра), а за желание уехать в Израиль – фактически. Этот акт был обжалован мною в Октябрьский РК КПСС, МГК КПСС (ответов оттуда я не получил) и в Минвуз СССР, откуда мне ответили формальным отказом. С июня по октябрь 1981 г. я безуспешно пытаюсь найти работу. В десятках мест, куда я обращался, мне было отказано потому, что у меня в 24 года нет никакого документа о специальности, а моя пятилетняя учеба в институте во внимание не принималась. В этом вопросе мне не помогли ни Горком КПУ, ни отдел по труду Облисполкома, ни УВД г. Черновцы, куда я обращался...

... В настоящее время я призываюсь в армию, отправка 13 ноября. Естественно, что служба в армии может служить в дальнейшем препятствием к выезду. Поэтому убедительно прошу вас ускорить рассмотрение этого заявления...

2 ноября Токарь направил министру обороны СССР Устинову заявление с просьбой отсрочить призыв в армию в связи с желанием выехать и из-за плохого состояния здоровья.

Рига

С 1979 г. Фрида Бреслав с мужем и матерью пытаются выехать в Израиль, получая отказы в связи с "не прямым родством" (в 1980 г. в Израиль уехал брат матери, подавший документы одновременно с Бреславами).

5 августа 1981 г. Бреслав объявила голодовку, которую держала 48 суток. Вот что пишет она в "Обращении к прогрессивной мировой общественности":

... После двух лет, наполненных бесконечными обращениями во все инстанции СССР, в компетенции которых разрешить трагическую ситуацию, в которую попала моя семья, не получив ответа от кого-либо, я была вынуждена объявить голодовку протеста против незаконных действий со стороны государственных учреждений СССР. Как мне казалось, эта моя законная акция должна была принести желаемый результат.

... Я предупредила о начале голодовки все руководящие органы Латвии и СССР вплоть до Председателя Президиума Верховного Совета. Каждые 15 суток я объявляла о продолжении голодовки, надеясь получить какой-нибудь ответ. На протяжении 48 суток я не получила ответа ни от одного из тех должностных лиц, к которым я обратилась. На 49-е сутки по просьбе моей матери – старой женщины – я прекратила голодовку. Я сделала соответствующее заявление об этом и тут же была приглашена в ОВИР, где в очередной раз получила отказ на выезд к родственникам в Израиль с той же формулировкой.

48 дней компетентные органы ждали. 48 дней моей голодовки привели к новому иезуитскому шагу с их стороны.

А вскоре после этого я была уволена с работы якобы за прогулы, хотя предупредила руководство предприятия, на котором работала, о своем шаге своевременно и письменно. Более того, первые 23 дня голодовки я продолжала исполнять на службе свои обязанности. Меня уволили, несмотря на мое заявление о незаконности этой акции, т.к. право на свободу высказываний (а моя голодовка протеста и была соответствующим этой формулировке действием) оговорено Конституцией СССР.

Моя мать тяжело больна, голодовка не прошла бесследно и для меня. Декларирующий политику гуманизма СССР остался безучастным к моему шагу отчаяния.

Сейчас, вновь подав "прошение" о разрешении на выезд в Израиль, я уже не верю в справедливое решение. Я обращаюсь к прогрессивной мировой общественности с просьбой помочь мне в моей борьбе за соблюдение Советским Союзом Хельсинкского пакта. Я верю, что не только евреи в других странах, но и люди иных вероисповеданий, услышав меня, не останутся безучастными к призыву властей в СССР.

Вильнюс

10 июля пятидесятника Э. Булаха (Хр. 62) вызвали в милицию. Оттуда его отправили в психбольницу – на экспертизу. 21 июля, его, признав здоровым, отпустили из больницы. 9 сентября его арестовали за "уклонение от воинской службы" и дали 1 год лагерей общего режима.

* * *

4 января жительница Вильнюса Зита Малашавичюте (1947 г.р.) приехала в Москву и вышла на Красную площадь с плакатом "Требую права на эмиграцию". Ее поместили в психбольницу № 3, где "лечили" инсулином. Вернувшись в Вильнюс, Малашавичюте отказалась от советского гражданства.

Выезд Елизаветы Алексеевой

26 мая 1981 г. А.Д. Сахаров обратился с письмом к Брежневу:

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь моей невестке Елизавете Алексеевой выехать к моему сыну Алексею Семенову. Более трех лет назад Алеша был вынужден эмигрировать из СССР в США, и все это время Лиза (невеста, фактически – жена) безуспешно добивается воссоединения с ним. Она подвергается преследованиям, клевете в печати, шантажу и угрозам, ее стараются лишить надежды, довести до отчаяния, до гибели. Я убежден, что только ее причастность к нашей семье сделала это дело таким трудным и трагическим.

Елизавета Алексеева отправила свои документы в Мособл. ОВИР более полутора лет назад, после многих трудностей и задержек, вызванных противодействием властей. Она послала в Мособл. ОВИР также официальный вызов от Алеси ей как невесте, подтверждающий обоюдный характер их стремления к воссоединению. До последнего времени она вообще не имела никакого ответа из

ОВИРа. 12 мая этого года Алексеева была вызвана к начальнику Мосobl. ОВИРа т. Романенкову, который сообщил ей об отказе по причине "отсутствия мотива воссоединения". При этом Романенков и присутствовавший при беседе не назвавший себя человек добивались от нее письменного отказа от намерения выехать к Алексею Семенову... Сразу после объявления Алексеевой отказа ее дважды вызывали на допрос в КГБ: формально – по делу Ф. Сереброва, фактически – по поводу ее подписи под документом в защиту Татьяны Великановой и священника Якунина. Допросы сопровождались угрозами ареста и физической расправы, криками и недозволёнными по закону оскорблениями и запугиванием. Полученный Алексеевой отказ и последовавшие допросы – кульминация многолетних действий властей в отношении ее.

Лизе посвящены целых два фельетона в журнале "Неделя", полные клеветы, лжи и противоречий, перепечатанные в областных газетах и за рубежом в инспирированной прессе. Ей не дали закончить образование и незаконно уволили с работы. В мае прошлого года Лизу задержали на вокзале при поездке ко мне в Горький, сотрудники КГБ грубо угрожали ей; вслед за этим Алексееву вызвали в КГБ и сделали предупреждение по Указу об уголовной ответственности по ст. 190-1 УК РСФСР, хотя непонятно за что; недавно сопровождавшие ее неизвестные открыто и злобно заявили ей – убьем. Была также сделана попытка подготовить возможность психиатрического преследования – КГБ пытался получить у ее родителей соответствующие показания ...

... Я обращаюсь также с просьбой помочь в деле выезда Алексеевой к Главам ряда иностранных государств.

21 октября Сахаров послал Брежневу телеграмму:

Я обращался к Вам дважды с просьбой о вмешательстве в судьбу близкого мне человека – невесты, фактической жены сына, телеграммой в июле 1980 и письмом в мае 1981 г. Не получив никакого ответа от Вас, на который имею конституционное право как гражданин СССР, при продолжении трагической разлуки любящих, причиной которой считаю их близость мне, заложничество, находясь в крайнем положении, вынужден начать с 22 ноября 1981 года голодовку за воссоединение моей невестки Елизаветы Алексеевой и сына Алексея Семенова. Голодовку объявляет также моя жена, участник Великой Отечественной войны, лейтенант медицинской службы, инвалид войны 2-й группы Елена Боннэр. По-прежнему жду Вашего ответа, вмешательства.

В тот же день он послал телеграммы президенту АН СССР акад. А.П. Александрову и вице-президенту АН СССР акад. Е.П. Велихову:

Год назад я обратился к Вам и в Вашем лице к Президиуму Ака-

демии с просьбой способствовать прекращению заложничества в отношении члена моей семьи Елизаветы Алексеевой. Не имел от Вас даже ответа, никакой помощи в этом жизненно важном деле, равно как в общих вопросах моего положения и положения других репрессированных ученых. Считаю это недопустимым, недостойным. Сообщаю: находясь в крайнем положении, вынужден с 22 ноября начать голодовку за воссоединение Лизы с моим сыном Алексеем. Вместе со мной голодовку объявляет моя жена Елена Боннэр.

Вечером 23 октября, когда Сахаров и Боннэр ехали в своей машине по Горькому, у них забарахлил незадолго до этого привезенный из Москвы новый аккумулятор. По совету незнакомого им человека, учителя, они поставили машину во двор находящейся рядом школы. Это было в 20 час. 30 мин. На следующее утро, когда они пришли проведать машину, машины не было. От того же учителя Сахаров и Боннэр узнали, что, когда он вышел в 21 час. поглядеть на машину, ее уже не было. Они подали в милицию заявление на розыск машины.

3 ноября Е. Алексеева подала начальнику Московского областного ОВИРа В.И. Романенкову заявление:

12 мая 1981 года Вы сообщили мне об отказе в выезде из СССР для воссоединения с моим женихом. Одновременно Вы сказали мне, что я могу вновь обратиться за разрешением через 6 месяцев. Этот срок кончается 13 ноября, в связи с чем я вновь обращаюсь в ОВИР с просьбой выдать мне разрешение на выезд.

Считаю необходимым поставить Вас в известность, что 9 июня 1981 г. я вступила в брак с Алексеем Семеновым (согласно законам США, штат Монтана), однако его вызов мне (см. приложение к настоящему заявлению) советское консульство в Вашингтоне заверить отказалось. Поэтому я, так же как и в своем первом заявлении в ОВИР, вновь прошу выдать мне разрешение на выезд из СССР в государство Израиль по вызову близкой родственницы А. Семенова А. Фейгин Томор Самойловны, вызов от которой находится в Мосobl. ОВИРе.

16 ноября Боннэр передала иностранным корреспондентам заявление Сахарова:

22 ноября я и моя жена начинаем голодовку за воссоединение нашего сына Алеши и невестки Лизы...

Я и моя жена решились на крайний шаг – голодовку, чувствуя свою ответственность за судьбу двух близких нам людей и полностью исчерпав другие пути помочь им. Сделав Лизу заложником моей общественной деятельности, КГБ не только причиняет ей и Алеше многолетние страдания, но и превращает это дело из чисто

личного в общественное, даже политическое. Борьба за судьбу близких становится необходимой в моей многолетней защите прав человека, открытости общества, законности и гуманности, международной безопасности и доверия – становится ее логической неперменной составной частью. Мне очень важно, чтобы это понимали друзья во всем мире, выступающие в мою защиту. И пусть Алеша и Лиза, тоже понимая это, примут наше решение спокойно и с чистой совестью.

Я начинаю голодовку в канун поездки Брежнева в ФРГ, что неизбежно придает ей политическое звучание. Не я, а КГБ делает это. Беззаконию, жестокости и цинизму мы можем противопоставить только решимость в нашей ненасильственной открытой борьбе. Мы рассчитываем на помощь мировой общественности, наших друзей здесь и за рубежом, на помощь моих коллег-ученых, общественных и государственных деятелей во всем мире.

В дополнение считаю нужным сообщить, что один из двух допускаемых ко мне горьковчан К. 11 ноября был вызван в КГБ для беседы, в которой были затронуты две темы – о краже нашей машины и о голодовке. По первой теме (кража машины через два дня после того, как я отправил телеграммы Брежневу и Александрову о голодовке) сотрудник КГБ как бы вскользь сказал, что моя жена собирается покупать новую машину, а старую где-то бросила, и заметил, что к весне машина, наверное, найдется. Вторая тема – о голодовке – значительно серьезней. Сотрудник КГБ сказал, что она (имеется в виду моя жена) таким приличным, даже эффективным способом хочет убить мужа и избавиться от него. И далее было сказано, что во время голодовки К. запрещается ко мне ходить, нечего там делать.

Я считаю, что эти заявления сотрудника КГБ – прямая угроза, и он, конечно, знал, что содержание беседы будет передано мне, ради этого и была беседа, и смысл ее таков: если Сахаров умрет – в результате голодовки или с помощью КГБ, виновной будет объявлена Боннэр, при этом смерть или убийство произойдут без свидетелей и мир узнает об этом от КГБ, узнает угодную КГБ версию. Для тех, кто знает "язык" КГБ, это – угроза убийства. Я предаю гласности содержание беседы с К. в КГБ для того, чтобы в случае каких-либо неожиданных и опасных событий в дальнейшем, связанных с нашей голодовкой, были более ясны их скрытые причины и их возможная связь с действиями КГБ.

А не проще ли было бы вместо всех этих сложных действий и угроз отпустить Лизу? Тогда бы отпала необходимость голодовки.

... Я дважды обращался с просьбой о вмешательстве к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежневу. В июле 1980 года мною послана телеграмма, а в мае 1981 – письмо на его имя. Я не получил никакого ответа ни на телеграмму, ни на письмо. Я предполагаю, что оба мои обращения не дошли до Бреж-

нева, даже до его канцелярии, и блокированы КГБ, считаем, что, лишив меня звания трижды Героя Социалистического Труда и других наград, Президиум Верховного Совета СССР таким образом санкционировал любые беззакония в отношении меня. Именно поэтому я прошу своих иностранных друзей просить официальных лиц своих стран при контактах с Брежневым и другими высшими руководителями СССР довести до их сведения эту проблему и способствовать ее разрешению — это единственный способ прорвать блокаду КГБ. К сожалению, я пока не имею свидетельств о каких-либо усилиях в этом направлении.

Год назад я обратился с просьбой о защите меня от заложничества к Президенту АН СССР А. Александрову и Вице-Президенту Е. Велихову, но также не имею никакого ответа, равно как на повторные телеграммы и письма Я. Зельдовичу, с которым меня связывали долгие годы совместной работы и, как я думал, дружеских отношений, и академику Ю. Харитону, руководителю учреждения, в котором я проработал 18 лет. В июне 1981 года я обратился с той же просьбой о помощи в деле Лизы к академику Капице П. и академику Б. Кадомцеву, занимающимся проблемой управляемой термоядерной реакции. Я. Зельдович ответил письмом, в котором он категорически отказался помочь мне, ссылаясь (необоснованно, по моему убеждению) на неустойчивость своего положения, что якобы проявляется в том, что его "не пускают дальше Венгрии". Зельдович — академик, как и я, он трижды Герой Социалистического Труда, имевший такой же, как и я, допуск к секретной информации, но не занимавшийся общественной и правозащитной деятельностью. Просил же я его, как и остальных академиков, не о публичных, а лишь о "кабинетных" действиях. Академики Ю. Харитон, П. Капица, Б. Кадомцев вообще ничего не ответили мне на мои письма. Ответ Зельдовича, позиция других советских ученых были для меня горьким разочарованием не только в личном плане, но и как проявление пагубного ухода от ответственности, от возможности повлиять на события (я говорю не только о том, что связано со мной) — и притом вовсе не из принципиальных соображений, а по постыдно мелким причинам.

Я чувствую вокруг себя стену непонимания, безразличия и пассивности. Трагедия Лизы и Алеши продолжается и может — если ничего не изменится — продолжаться еще долго. В этом крайнем положении, после долгого и мучительного размышления, я и моя жена Елена Боннэр, инвалид Второй Мировой войны, приняли решение объявить с 22 ноября голодовку, требуя немедленного разрешения Лизе на выезд из СССР. Сообщая об этом решении, я надеюсь, что Вы правильно поймете мотивы нашего шага, его внутреннюю необходимость для нас в создавшейся трагической ситуации. В прошлом я держал голодовку в защиту узников совести СССР. Я считаю, что моя защита наших детей столь же правомерна, как и

других жертв несправедливости, но в данном случае именно я и моя общественная деятельность явились причиной человеческой беды. Я считаю также, что этот шаг есть продолжение моих многолетних выступлений в защиту права свободного выбора страны проживания, отсутствие которого в нашей стране приводит к многим трагедиям.

Я надеюсь на Вашу помощь!

Вечером 20 ноября Боннэр уехала из Москвы в Горький. 22 ноября Сахаров и Боннэр начали голодовку.

27 ноября Сахаров послал ответ на телеграммы от Нью-Йоркской академии наук и Федерации американских ученых (FAS):

Глубокая благодарность за Ваши энергичные усилия, заботу, внимание. Более двух лет добиваюсь решения проблемы чисто человеческой, бесспорной морально и юридически; обращался к Главе государства, к Академии Наук СССР, к советским ученым, иностранным коллегам, государственным деятелям. Сейчас единственная возможность прекращения нашей голодовки – выезд Лизы – прекращение акта государственного заложничества, опасного аналогичностью, безответственностью, жестокостью, беззаконием. Никаким обещаниям властей, не подкрепленным делом, я уже не могу верить! Прошу правильно понять и учитывать это.

В те же дни в Москве была получена записка Сахарова и Боннэр от 28 ноября:

Мы держимся, настроение решительное и чувствуем себя пока вполне прилично, все симптомы и показания – согласно книгам. Мы знаем о заявлении Государственного департамента и резолюции Сената и глубоко благодарны, но мы надеемся на аналогичную помощь правительств и государственных деятелей Европейских стран, Европейских сообществ ученых. И еще – спасибо Флоренции и ее мэру за его выступление. Достоверной является лишь информация, переданная Лизе. Сейчас мы в особенности озабочены отсутствием связи с Лизой, нет телеграмм от нее. По-видимому, таковы цели КГБ.

28 ноября С. Ходорович послал телеграмму в Политбюро ЦК КПСС:

А.Д. Сахаров и его жена Е.Г. Боннэр, оказавшись в искусственно для них созданной, невыносимой жизненной ситуации, объявили голодовку и тем самым поставили свое здоровье и жизнь в полную от вас зависимость. Хорошо представляя себе, что вы не питаете никаких добрых чувств к А.Д. Сахарову и его жене, я все-таки осмеливаюсь просить вас: "Не губите их. Не берите на себя еще и этот смертный грех".

1 декабря физики Я. Альперт, Б. Альтшулер и Ю. Гольфанд, математики И. Браиловская, А. Лернер, Н. Мейман и Г. Фрейман и биолог В. Соيفер обратились "К ученым мира":

Голодовка академика Андрея Сахарова и его жены Елены Боннэр продолжается уже 10 дней и принимает совершенно трагический характер.

Андрей Сахаров – основоположник одного из самых важных дел нашего времени – осуществления управляемого термоядерного синтеза. "Сахаров поднял нас на решение величественной атомной проблемы XX века – получения неисчерпаемой энергии путем сжигания океанской воды" – из книги И.Н. Головина "И.В. Курчатов" (Москва, Атомиздат, 1967, 1972 гг.). Уже более двадцати лет все исследования в этой области ведутся открыто и в тесном международном сотрудничестве. Совместимо ли такое сотрудничество с преследованием Сахарова и его семьи?

Мы призываем ученых поддержать Сахарова в самом широком масштабе и, в частности, повлиять на правительства и парламенты своих стран с целью оказать реальную поддержку Сахарову в нынешней трагической ситуации.

Академик Сахаров должен быть возвращен в Москву. Практика заложничества в отношении его близких должна быть прекращена.

Мы призываем к быстрым и решительным действиям, потому что через несколько дней может быть поздно.

2 декабря Ю. Шиханович послал фототелеграмму Брежневу:

Окажитесь гуманнее Маргарет Тэтчер: спасите жизнь академику Андрею Дмитриевичу Сахарову и его жене, инвалиду Великой Отечественной войны Елене Георгиевне Боннэр – отпустите из СССР Елизавету Алексееву.

В эти же дни в Москве была получена записка Сахарова от 1 декабря:

Десятый день мы продолжаем голодовку за выезд нашей невестки к сыну. Это – не только защита права на любовь и жизнь наших близких, когда все обращения к властям, ученым Академии, государственным деятелям, все апелляции к законам и международным обязательствам СССР оказались безрезультатными. Это также борьба за общее право на свободный выезд из страны и свободное возвращение, борьба за свободу вообще. И это защита моего личного достоинства и чести в условиях незаконной ссылки и изоляции. Никакое изменение состояния нашего здоровья, никакие голословные обещания властей не прекратят нашей голодовки. Лишь выезд Лизы.

2 декабря Сахаров послал ответ на телеграмму американского физика С. Дрелла:

Дорогой Сидней! Мы тронуты заботой, усилиями. Знаем, что всем друзьям, маме, детям бесконечно трудно, страдаем за них. Но мы не имеем другого пути. Мы не стремимся к самоубийству. Трагический конец означает только убийство, санкционированное КГБ и полным молчанием моих коллег из советской Академии наук. Перед лицом коварной машины мы можем прекратить голодовку лишь при выезде Лизы.

2 декабря Алексеева около 3 часов провела в проходной Президиума АН СССР, пытаясь попасть на прием к А.П. Александрову или Е.П. Велихову.

3 декабря она послала Александрову телеграмму:

Вчера, 2 декабря, безуспешно пыталась попасть на прием к Вам или вице-президенту Велихову. Голодовка Андрея Дмитриевича Сахарова продолжается почти две недели и сейчас каждый день грозит ему смертью. Умоляю Вас не допустить этого. Хочу встретиться с Вами лично. Буду ждать ответа завтра, 4 декабря, утром в Приемной Президиума АН.

Утром 4 декабря Алексеева поехала в Президиум. Позвонив из проходной по внутреннему телефону, она услышала от секретарши Александрова его ответ: "Я сделал все, что мог. Пусть сама едет в Горький и кончает все это безобразия". После такого ответа она долго плакала у телефона. Потом она поехала на вокзал и купила билет в Горький на вечер 5 декабря.

В это же утро Президиум посетили 2 французских физика, официально посланных Французской академией наук, чтобы добиться встречи с Сахаровым. Александров сказал им, что встреча с Сахаровым невозможна, т.к. он голодает, и что, по-видимому, он будет госпитализирован.

Днем 4 декабря Алексеева послала телеграмму Брежневу:

Уважаемый Леонид Ильич!

Голодовка академика Андрея Дмитриевича Сахарова продолжается почти две недели. ...

Прошу также учесть, что любая попытка насильственного кормления может привести к немедленной смерти. ...

Одновременно она послала аналогичные телеграммы Главному ученому секретарю Президиума АН СССР акад. Скрыбину и вице-президентам АН СССР акад. Овчинникову и акад. Велихову.

Днем 4 декабря, когда Сахаров и Боннэр гуляли в лоджии (их квартира – на первом этаже; во время голодовки они не выходили из квартиры; с работниками отделения связи, принесившими им телеграммы,

они общались через "цепочку"), сотрудники ГАИ затеяли, уже не в первый раз, с ними разговор: "Найдена машина, похожая на вашу. Вам надо пойти посмотреть". В это время 8 человек (сотрудники КГБ и медики), сорвав дверную цепочку, взломали дверь и ворвались в квартиру. Видя, что сопротивление бесполезно, Боннэр сказала: "Только вместе!", на что ей ответили: "Да-да, конечно". Однако, когда они вышли из дома, их посадили в две машины и развезли по разным больницам.

Вечером 4 декабря москвичи прочли в московском вечернем выпуске газеты "Известия" статью "Очередная провокация" (подписи – Л. Григорьев, В. Нилин).

Статья переполнена ложью. Один пример: в статье написано "... нетрудоспособные родители Алексеевой категорически возражают против выезда их дочери из СССР"; на самом деле, отец Алексеевой работает, и летом, когда родители Е. Алексеевой узнали, что их дочь оформила (заочно) брак с А. Семеновым, они послали письмо Брежневу с просьбой, чтобы ее отпустили из СССР.

(В статье написано также "... в Советском Союзе действуют не американские, а советские законы, которые не допускают ... заочного бракосочетания". Однако в ст. 162 Кодекса о браке и семье РСФСР сказано: "... в тех случаях, когда ... браки советских граждан с иностранцами заключены вне пределов СССР с соблюдением формы брака, установленной законом места его совершения, эти браки признаются действительными в РСФСР ...".)

После статьи было напечатано информационное сообщение:

По сообщению лечащих врачей, Сахаров и Боннэр госпитализированы. Им оказывается профилактическая медицинская помощь по предупреждению каких-либо осложнений в состоянии их здоровья.

5 декабря Е. Алексеева попыталась поехать в Горький, однако на Ярославском вокзале "люди в штатском" посадили ее в машину, увезли километров за 20-25 от Москвы и высадили. В Москву Алексеева вернулась на попутной машине.

6 декабря она отправила Александрову вторую телеграмму:

По Вашему совету вчера пыталась поехать в Горький, но была задержана. Уверена, что принудительная госпитализация и полная изоляция не заставят Сахаровых снять голодовку, что означает либо скорую смерть, либо долгосрочную пытку насильственного кормления. Снова прошу Вас о личной встрече.

7 декабря, в 16 час. нарочный принес Алексеевой повестку в Московский областной ОВИР – на 11 час. 8 декабря.

В 18 час. Алексеева пошла в Приемную КГБ СССР. Там сотрудник КГБ Соколов сказал ей, чтобы она пришла к ним в 12 час. 8 декабря.

8 декабря, в 10 часов Алексеева позвонила Александрову. Секретарша Александрова попросила ее перезвонить через час: "Сейчас Анатолий Петрович не может с Вами говорить – он разговаривает с Кремлем".

Через час секретарша соединила Алексееву с Александровым. Александров сказал, что вопрос с голодовкой Сахарова решается на высшем уровне и, вероятно, будет решен сегодня вечером или завтра.

– Все осложняется тем, что Андрей Дмитриевич в очень тяжелом состоянии. Неужели нельзя было решить ваш вопрос как-нибудь по-другому?

– Андрей Дмитриевич в течение двух лет неоднократно обращался к Вам и другим коллегам и Вы ему даже не ответили. Ответил один Зельдович, но так, что этот ответ лучше никому не показывать. Почему Вы не ответили на письмо Сахарова?

– Ну, это такой вопрос...

С разрешения Александрова Алексеева прочитала ему записку Сахарова от 1 декабря (см. выше). Весь разговор с Александровым продолжался 10-15 минут.

В ОБИРе Алексеевой сказали, что накануне вечером инспектор, у которого находится ее дело, заболел.

В 12 час. в приемной КГБ СССР Соколов сказал Алексеевой, что ее делом занимается Баранов и что Баранов просил ее придти в 18 часов.

Днем Алексеева послала 25 советским академикам заявление Сахарова от 1 декабря и его ответ Дреллу от 2 декабря.

В 18 час. Баранов принял Алексееву и спросил ее: "Так чего же Вы хотите?" Алексеева в ответ передала ему записку Сахарова от 1 декабря.

В больницах Сахарова и Боннэр поместили в палаты, в каждой из которых было еще по 2 человека. Врачи уговаривали их снять голодовку: "Вам не 20 лет, в любой момент возможен коллапс". Врачи отказывались сообщить Сахарову, где его жена и что с ней, и Боннэр – о ее муже, хотя обоих посещали одни и те же врачи. Сахаров и Боннэр отказывались от обследований и процедур, требуя объединения. Сопалатники Сахарова питались в палате. Перед Сахаровым сестры также ставили еду – он тут же выносил ее из палаты. Боннэр настояла, чтобы ей еду не ставили. Боннэр случайно узнала, что ее поместили в больницу под чужой фамилией; она тут же громогласно объявила, кто она такая. Ее пробовали не выпустить из палаты, но она добилась права гулять по коридору.

Днем 8 декабря врачинсценировали намерение начать принудительное кормление Боннэр. Она категорически заявила, что согласия не дает.

В тот же день утром врач с угрозой сказал Сахарову: "Вы должны принять решение снять голодовку. В вашем распоряжении лишь несколько часов".

Днем к Сахарову неожиданно вошел человек, назвавшийся сотрудником КГБ майором Рябининым: "По Вашему делу принято положительное решение. Вы должны снять голодовку". Сахаров ответил, что решение о голодовке принято им с женой совместно и только вместе они могут принять решение о ее прекращении. Через несколько часов Рябинин пришел к Боннэр с тем же сообщением и получил аналогичный ответ.

Вечером 8 декабря Боннэр отвезли к Сахарову. На "очную ставку" Сахарова привезли на кресле. Рябинин повторил им, что принято решение выпустить Алексееву. Сахаров и Боннэр согласились поверить и снять голодовку.

После "очной ставки" Боннэр отвезли обратно. Вечером этого дня Сахаров и Боннэр выпили по несколько ложек сока.

Утром 9 декабря Боннэр по ее настойчивой просьбе перевели к Сахарову. Их поместили в отдельную палату.

Утром 9 декабря нарочный пригласил Алексееву прийти в 15 час. в приемную КГБ СССР (этот же нарочный приносил ей повестку в ОВИР). В 15 час. Баранов сказал Алексеевой, что "вчера" принято решение разрешить ей уехать; вчера же Сахаров и Боннэр сняли голодовку; вопрос о ее поездке в Горький решается.

Утром 10 декабря нарочный снова пригласил Алексееву в приемную КГБ СССР – на 11 час.. Там Баранов сказал ей, что срок ее отъезда зависит от ее поведения (имелось в виду ее общение с иностранными корреспондентами; все эти дни они ежедневно приходили к Алексеевой "за новостями"); медики разрешили ей в понедельник 14 декабря навестить Сахарова и Боннэр.

Выйдя из приемной КГБ, Алексеева позвонила в ОВИР – ей ответили, что ничего нового ей сказать не могут. Тогда она созвала в 12 час. иностранных корреспондентов и заявила им, что информацию КГБ о снятии голодовки принимать всерьез нельзя: "Нет никаких данных о положении Сахарова и его жены, кроме тех, которые дали в КГБ. Они использовали меня для какой-то своей игры. Я прошу прощения у мира, что невольно сыграла роль рупора КГБ".

В 13 часов Алексеевой принесли повестку в ОВИР – на утро 11 декабря.

В 16 часов Алексеева позвонила Александрову. Александров сказал ей, что Сахаров действительно прекратил голодать вечером 8 декабря и сейчас пьет фруктовые соки.

11 декабря в ОВИРе Алексееву встретили начальник ОВИРа Романенков и Баранов. Романенков сказал Алексеевой, что ей будет выдан советский общегражданский заграничный паспорт (это означало, что ее выпускают не "в Израиль", а в США, и она в момент выезда не потеряет советское гражданство); она должна сфотографироваться и в понедельник явиться за паспортом. Когда Алексеева возразила, что в понедельник она будет в Горьком, вмешался Баранов: "Нет-нет, поезжайте сегодня же – медики разрешили Вам завтра, в субботу, посетить Сахарова и Боннэр".

Вечером 11 декабря Алексеева получила из Горького две телеграммы. Первая была отправлена днем 10 декабря:

Безмерно рады.
Вместе поправляемся.
Целуем тебя, всех друзей.

Вторая – днем 11 декабря:

Восьмого вечером кончили пить боржоми.
Ждем тебя четырнадцатого.
Целуем.

12 декабря Е. Алексеева и Н. Гессе посетили в больнице Сахарова и Боннэр. Случайно они узнали, что в "приемных документах" Сахаров и Боннэр значатся под чужими фамилиями.

Вечером 12 декабря москвичи прочли в московском вечернем выпуске газеты "Известия" короткое информационное сообщение:

В ОВИР МВД СССР

В связи с тем, что родители Е.К. Алексеевой сняли свое возражение против выезда их дочери из СССР, принято решение, в виде исключения, выдать ей документы на выезд.

14 декабря Алексеевой выдали заграничный паспорт со сроком выезда из СССР 21 декабря (обычный срок для лиц, получающих такой паспорт – 3 месяца).

16 декабря Боннэр приехала в Москву. Из больницы ее выпустили только после того, как она и Сахаров расписались, что ответственность они берут на себя. 13 декабря Боннэр съездила в квартиру Сахарова; в квартиру ее впустили под присмотром сотрудника милиции, который сказал, что отвечает за сохранность имущества Сахарова; ее заставили составить список вещей (ее личные вещи), которые она взяла.

В Москву Боннэр привезла заявление Сахарова от 15 декабря:

Мы бесконечно благодарны всем, кто поддержал нас в эти трудные дни – государственным, религиозным и общественным деятелям, ученым, журналистам, нашим близким, друзьям – знакомым и незнакомым. Их оказалось так много, что невозможно перечислить. Это была борьба не только за жизнь и любовь наших детей, за мою честь и достоинство, но и за право каждого человека быть свободным и счастливым, за право жить согласно своим идеалам и убеждениям и в конечном счете борьба за всех узников совести.

Сейчас мы рады, что не омрачили Рождество и Новый год своим близким и всем нашим друзьям во всем мире.

Желая счастливого пути Лизе, я надеюсь на воссоединение всех разлученных и вспоминаю прекрасные слова Михайлы Михайлова, что родина – не географическое понятие, родина – это свобода.

19 декабря Алексеева улетела из СССР.

* * *

22 декабря Сахарову стало плохо с сердцем. 24 декабря его неожиданно выписали из больницы (лечащий врач – профессор Вагралик), хотя

до этого его собирались выписать 25 декабря, когда за ним приедет жена. Объяснение неожиданной выписки: не хватает места, нужна свободная койка.

25 декабря Боннэр приехала в Горький.

В квартире Сахарова все "бумажки" целы. (Сумку с документами Сахаров взял с собой в больницу и она была все время при нем.) Испорчен радиоприемник.

26 декабря у Сахарова возобновились боли в сердце.

Уехали

В начале июля из Ленинграда уехал, освободившись из ссылки, Ю.И. Федоров (Хр. 42, 45, 46).

16 июля СССР покинул москвич Леонид Макар-Лиманов (Хр. 60-62).

В августе из Ленинграда уехал художник Лев Сергеев (Хр. 54).

Из СССР уехал, освободившись из лагеря, Василий Шаталов (см. "Освобождения" в разделе "В тюрьмах и лагерях").

Из СССР уехали в ФРГ Петер Хеннекер, Виктор и Лидия Эбель (31 марта 1980 г. все трое выходили на Красную площадь – Хр. 56), Бруно Бирк, Рудольф Капис, Артур Эберт и Рудольф Якоб (31 марта 1980 г. всех четверых задерживали в Москве).

5 ноября из СССР улетел Борис Мухаметшин (см. "В ссылке").

В ноябре из Москвы уехал активист движения евреев за выезд, давний отказник Бараз.

22 декабря СССР покинула Евгения Нартова (см. "40 лет Бабьему Яру").

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Суд над Айрикяном

С 26 августа по 15 сентября Пермский областной суд под председательством В.М. Хреновского рассматривал дело политзаключенного Паруйра Айрикяна (Хр. 60-62), обвинявшегося по ч. 2 ст. 174 УК РСФСР ("Дача взятки"), заключенного Владимира Свердлова (Хр. 52), обвинявшегося по ч. 2 ст. 174 УК РСФСР и ч. 2 ст. 174-1 УК РСФСР ("Посредничество во взяточничестве") и вольнонаемного мастера Владимира Жилина, обвинявшегося по ч. 2 ст. 173 УК РСФСР ("Получение взятки"). Обвинитель – Ю.В. Наборщикова. Защитники: у Айрикяна – П.Б. Абрикосов (из Москвы), у Свердлова – В.С. Яславский, у Жилина – А.С. Демениев (оба – из Перми).

Согласно обвинительному заключению, в 1979 г. начальник цеха металлообработки в рабочей зоне 35 пермского лагеря Жилин вступил в не-

дозволенную связь с находившимся в его подчинении Свердловым: Жилин получал посылки и бандероли с продуктами питания и вещами, затем он, используя свое служебное положение, приносил их в зону и отдавал Свердлову, а тот давал ему, в качестве вознаграждения, часть продуктов и вещей (всего Жилин получил для Свердлова 7 посылок и получил от Свердлова вознаграждение на сумму 135 руб. 26 коп.) и отдавал для отправки в обход цензуры письма родным и знакомым. Кроме того, Жилин при посредничестве Свердлова получил две посылки для Айриякяна; из этих посылок Свердлов по указанию Айриякяна передал Жилину продукты и вещи на сумму 102 руб. 88 коп.

На 27 августа в суде был объявлен перерыв для ознакомления Айриякяна с переводом обвинительного заключения на армянский язык. 1 и 2 сентября в суде проходил допрос свидетелей, 7 сентября состоялись прения сторон.

15 сентября был зачитан приговор: Айриякяна приговорили к 3 годам лагерей строгого режима *с присоединением* неотбытых по предыдущему приговору 3 месяцев лагерей и 3 лет ссылки (начало нового срока – 28 октября 1980 г); Свердлова приговорили по ст. 174 к 4,5 годам, по ст. 174-1 – к 3 годам, по совокупности к 6 годам лагерей строгого режима *с зачетом* неотбытых по предыдущему приговору 3 лет лагерей; Жилина приговорили к 3 годам лагерей условно.

23 сентября Айриякян послал в Верховный суд РСФСР кассационную жалобу. В ней Айриякян, признавая получение двух посылок от Свердлова, опровергает существование договоренности между ним и Свердловым или между ним и Жилиным о вознаграждении Жилина.

Суд над Овсиенко

В августе Житомирский областной суд приговорил Василия Овсиенко (Хр. 62) по ч. 2 ст. 62 УК УССР (аналог ст. 70 УК РСФСР) к 10 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Его отправили в Пермские лагеря.

Суд над Стрельцовым

Незадолго до конца двухлетнего срока (25 октября – Хр. 55) член Украинской группы "Хельсинки" Василий Стрельцов получил по ст. 62 УК УССР новый срок – 6 лет лагерей строгого режима.

Отбывающего ссылку Е. Пронюка (Хр. 55) допрашивали о Стрельцове.

Суд над Лесивом

Незадолго до конца двухлетнего срока (15 ноября – Хр. 56) по ч. 1 ст. 229-6 УК УССР (хранение без цели сбыта наркотиков) бывший политзаключенный (он в свое время отбыл срок по ч. 1 ст. 62 УК УССР – ана-

лог ст. 70 УК РСФСР) Ярослав Лесив осужден по ч. 2 ст. 229-6 на 5 лет. Свидетели – сокамерники и представители администрации.

Арестовали Лесива в мае. До суда, состоявшегося в ноябре, он держал голодовку.

Лесив находится в лагере около Львова, работает грузчиком.

Дело Василия Сичко

3 декабря, за 7 месяцев до конца трехлетнего срока (5 июля 1982 г. – Хр. 55), у члена Украинской группы "Хельсинки" Василия Сичко в тумбочке нашли коробочку из оргстекла. Сичко заявил, что среди его вещей такой коробочки не было, и потребовал, чтобы с нее сняли отпечатки пальцев. Этого не сделали. Сичко поместили в следственный изолятор.

10 декабря Приднепровский РОВД г. Черкаска возбудил против Василия Сичко уголовное дело по ч. 1 ст. 229-6 УК УССР (Хранение наркотиков без цели сбыта). 17 декабря ему предъявили обвинение. В обвинительном заключении сказано: "На протяжении с сентября-декабря 1981 г. Сичко В.П. незаконно хранил наркотическое вещество гашиш. 3 декабря 1981 г. в его ящике для хранения продуктов было обнаружено 12,4 грамма гашиша". Согласно обвинительному заключению, заключенные А. Парферов и В. Сливко показали, что 26 сентября, когда они вместе с Василием Сичко находились в больнице, он угостил их папиросами с наркотиком.

Дело Кукобаки

В конце 1979 г. М. Кукобаке дали 6 месяцев ПКТ (Хр. 56). Освободился он в очень плохом состоянии. Через несколько месяцев ему еще раз дали 6 месяцев ПКТ. В мае 1981 г. Кукобаку перевели в тюрьму (Липецкая обл., Елец, учр. ЮУ-323/СТ-2; в этой же тюрьме сидел К. Подрабинец – Хр. 61).

В тюрьме Кукобаку поместили в "пресс-камеру" (Хр. 61), где заключенные Вадим Киселев, Юрий Гуков и Сергей Ломакин избивали его, пока он под их диктовку не написал письмо к заключенным лагеря, из которого его перевели в тюрьму. Кукобака переписал заготовленный текст, но адрес лагеря и фамилию начальника лагеря умышленно искажил.

16 июня, как только сокамерники Кукобаки передали написанное им письмо начальнику отряда ст. лейтенанту В.Н. Мальну, Кукобака записался к нему на прием. Там он рассказал, как выбивалось "его" письмо (в доказательство указал на допущенные им искажения), потребовал уничтожить его и отказался возвращаться в "пресс-камеру". Кукобаку перевели в другую камеру.

17 июня Кукобака написал прокурору Липецкой области жалобу – администрация тюрьмы не отправила ее.

В июле начальник тюрьмы подполковник Тарасов заявил Кукобаке, что подобные меры к нему применяться больше не будут.

В октябре, незадолго до конца срока (19 октября), Кукобаке предъявили новое обвинение – снова (Хр. 53) в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих ..."

30 октября ("День политзаключенного") и 10 декабря ("День прав человека") Кукобака держал голодовку.

Чистопольская тюрьма

Сюда прибыли из 3 мордовского лагеря Р. Назарян (до конца срока – 22 декабря 1982 г.; затем ему предстоит еще 2 года ссылки – Хр. 51), из 35 пермского лагеря А. Шаранский (в ноябре) и из 36 пермского лагеря Климчак.

В октябре, в связи с окончанием второй тюремной "трехлетки", В. Балагонова перевели в лагерь (см. "Пермские лагеря").

18 декабря С. Ковалева этапировали в Магаданскую область (конец лагерного срока у него – 27 декабря). Ему предстоит трехлетняя ссылка. 28 декабря Ковалев телеграфировал, что его доставили в пос. им. Матросова (тут отбывал ссылку В. Стус – Хр. 45, 54, 58).

В ответ на запрос о свидании с М. Казачковым его мать Д. Казачкова получила ответ, что это будет зависеть "от его поведения". Ответ подписал Николаев.

21 октября надзиратели во главе со ст. лейтенантом Чашиным в прогулочном дворике избili Ю. Шухевича. После того, как его вернули в камеру, он стал требовать врача – ему дали 10 суток карцера.

На "переговорах" в Ленинграде сотрудники КГБ требовали от Огурцова (Хр. 61), чтобы он выступил на пресс-конференции, подобной пресс-конференции Якира-Красина (Хр. 40). От него не требовали особого показания – он должен был рассказать о ВСХСОНе и судьбе его освободившихся и выехавших членов. Ему обещали, что после этого он немедленно выедет во Францию. Огурцов соглашался, если до пресс-конференции ему покажут указ о помиловании и на пресс-конференции будет присутствовать французский консул. "Переговоры", казалось, двигались к соглашению, но потом они, неизвестно из-за чего, прервались и через некоторое время Огурцова "дернули" на этап в Чистополь.

Мордовские лагеря

3 лагерь

В мужскую политзону (учр. ЖХ-385/3-5) прибыл инженер Григорий Ничипоренко (4 августа его в Днепропетровске по ст. 62 УК УССР /аналог ст. 70 УК РСФСР/ осудили за украинский национализм; срок "Хронике" неизвестен. В конце 40-х годов его уже сажали по тому же обвинению, в 50-е годы реабилитировали).

15 июня, в годовщину введения советских войск в Литву, В. Скуодис держал голодовку. В июне он заработал на "ларек" 1 руб. 70 коп.

27 октября местный суд постановил направить Р. Назаряна до конца срока в тюрьму. Протестуя против этого, В. Осипов 28 октября объявил трехдневную голодовку.

29 октября к голодовке присоединились Ничипоренко и Чан Кан Хо (Хр. 60), 30 октября – Бадзьо, Мазур, Анцупов, Скуодис, Янулис и Зариньш.

9 голодающих написали аналогичные заявления, в которых было сказано, что они отмечают День политзаключенного, требуют аннулирования ст. 70 УК РСФСР и аналогичных статей УК других республик, требуют реабилитации всех осужденных по этим статьям и протестуют против направления Назаряна в тюрьму. Чан Кан Хо добавил протест против руссификации корейцев.

За неявку на торжественное собрание 7 ноября Осипов был лишен посылки и ларька.

В конце ноября Назаряна отправили в тюрьму.

Перед 10 декабря Осипов, Анцупов, Бадзьо, Мазур, Крайник, Ничипоренко, Скуодис и Янулис написали заявления, в которых объявили, что 10 декабря, в связи с Днем прав человека, они будут держать голодовку с требованиями: аннулировать ст. 70 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других республик; реабилитировать всех осужденных по этим статьям; советское правительство должно публично высказать свое отношение к сталинизму, создать комиссию по разоблачению злодеяний в сталинскую эпоху, дать свободу выступлениям по "сталинской" тематике, пресечь негласные тенденции к реабилитации Сталина и его методов во внутренней политике.

* * *

7 августа в женскую политзону (учр. ЖХ-385/3-4) вернулась из Иваново-Франковска, с "профилактики", Оксана Попович (Хр. 62). В конце июля сотрудники КГБ возили ее домой – на свидание с сестрой и матерью.

* * *

11 сентября в лагерь приехала Раиса Руденко (суд – в наст. вып.). При отправке из Киева у нее отобрали все бумаги. На запрос ей ответили, что защитительная речь и выписки из дела уничтожены, остальное выслано. Отдали ей только последнее слово. На вторичный запрос (где обвинительное заключение, приговор, опись имущества) ей ответили, что все выслано 4 сентября в Явас, в управление Мордовских лагерей. Р. Руденко сказала об этом только в середине декабря – после того, как она написала жалобу в ГУИТУ.

Незадолго до прибытия Р. Руденко в лагерь, ее мужа Н. Руденко от-

правили из мужской политзоны в Пермские лагеря – в параграфе 34 Правил внутреннего распорядка сказано:

”Свидания между осужденными, содержащимися в различных исправительно-трудовых учреждениях, не допускаются”.

С 25 сентября по 13 ноября Р. Руденко была в больнице – на обследовании. У нее больное сердце, нефрит, холецистит и язва желудка, поэтому она около 10 лет на строгой диете – без соли, мяса и рыбы. Иначе сразу отеки. В Киеве, в следственном изоляторе КГБ ей готовили отдельно. В лагерной больнице диеты ей не давали – давали только добавку в виде масла, молока, сахара, белого хлеба и компота. В результате в больнице она почти ничего не ела. При выписке из больницы ей сказали, что обострения сейчас нет, язвы нет вообще.

Женщины, частично – из-за Р. Руденко, частично – из-за невкусной и однообразной пищи (на ужин практически всегда рыбный суп), добиваются возможности готовить самим.

* * *

21 июля Осипова написала заявление в прокуратуру Мордовских лагерей по поводу ее неотправленной жалобы в ГУИТУ (Хр. 62) – это заявление тоже не было отправлено.

Когда И. Ковалев в июле приезжал на (несостоявшееся) свидание с женой Т. Осиповой (Хр. 62), капитан Гайниченко (Хр. 62) разрешил ему передать для Осиповой передачу – передачу у Ковалева взяли, но Осипова ее не увидела.

9 июля Ковалев отправил Осиповой с Барашевской почты бандероль – Осиповой вручили ее 12 августа.

6 августа И. Ковалев снова приехал на свидание с Осиповой. Свидания ему не дали, – сказали, что объявлен карантин по дизентерии (карантин был объявлен 27 июля). Замполит Н. Брезгин (Хр. 62) сказал Ковалеву, что 31 июля он, Брезгин отправил Ковалеву телеграмму Осиповой о том, что свидание откладывается. У Ковалева отказались принять привезенный им проигрыватель, хотя до этого Брезгин разрешил родственникам Т. Великановой привезти его. ”Я сказал, что решу вопрос, но не сказал, что решил”, – заявил он. (В письме, полученном Ковалевым по возвращении, Осипова просит привезти проигрыватель.) О разрешенной тогда же Библии Брезгин сказал, что такого разрешения не давал.

В начале августа сотрудник КГБ Тюрин сказал Осиповой:

”У Вас, кажется, были претензии к нам по поводу свидания?”

”К Вам? А какое вы можете иметь отношение к свиданию?”

”Мы, если захотим, можем ко всему иметь отношение. Какое хотим – такое и имеем”.

* * *

Газеты "Правда" и "Известия" доставляют в женскую политзону с опозданием на 4-6 дней. Журналы часто пропадают, так как они идут сначала в уголовную зону (учр. ЖХ-385/3-1) и там их разбирает кто-то из заключенных.

2 декабря Великанова и Осипова написали по этому поводу жалобы – подтверждение отправки жалоб принесли через две недели.

Пропадает без всяких актов о конфискации много писем (в ноябре пропало не менее 6 писем, адресованных Великановой); из 13 писем, отправленных Раисой Руденко мужу Н. Руденко в январе-апреле, он получил одно.

Заявления на почту о розыске пропавших заказных писем не отправляются.

Цензором в 3 мордовском лагере работает Т. Гайниченко – жена капитана Гайниченко.

15 сентября Осипова отправила в прокуратуру Мордовских лагерей заявление:

15 августа с.г. цензором Гайниченко было конфисковано мое письмо, адресованное мужу, Ковалеву И.С. Предлогом для конфискации послужил следующий отрывок: "Моя личная подпись на уведомлениях, я думаю, вполне возможна; просто, как ты помнишь, в разных лагерях разные традиции. Не знаю, от кого они зависят, может от личного разумения цензора. Я помню, что из одних лагерей всегда приходили уведомления, подписанные заключенными, например, из особого, из Перми – когда как, а как будет отсюда – не знаю. Но, разумеется, я буду всегда сообщать тебе, от кого я получила письма, а ты сообщай о получении моих, т.к. уведомления могут затеряться".

Официальный мотив: "Сведения, не подлежащие оглашению"; устное заявление: "Я упомянула цензора, чем разгласила секретное сведение". Между тем, о цензоре прямо сказано в ИТК РСФСР, ст. 22: "Корреспонденция осужденных подлежит цензуре". Моя ссылка на ИТК вызвала содержательный ответ: "Ну, и что!" Видимо, гр-ка Гайниченко считает ИТК секретным документом, не подлежащим оглашению.

В письме ко мне от 20 августа муж спрашивает, пришли ли мне 300 рублей от ... – фамилия вычеркнута цензором Гайниченко. Мотив: упоминать какие-либо фамилии в письмах запрещено. По моим сведениям, ограничение в упоминании фамилий относится только к письмам заключенных: им запрещено сообщать фамилии должностных лиц ИТК, а также фамилии других заключенных.

11 сентября цензор Гайниченко сообщила о конфискации моего письма Каллистратовой С.В. (копию прилагаю). Причем акт о конфискации не позволила прочитать, несмотря на мое прямое требование и несмотря на всю обязательность предъявить акт о конфис-

кации для личного ознакомления, а предложила расписаться на обороте, что я ознакомлена, — от этого я, естественно, отказалась. Официальный мотив, сообщенный цензором Гайниченко: сведения, не подлежащие оглашению. Устное объяснение: я упоминаю письмо об аресте мужа, чем разглашаю.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, факт ареста секретом отнюдь не является.

Конфисковав письмо, Гайниченко лишила меня возможности оказать помощь в подготовке передач мужу.

Я предлагаю Вам ввести "творческую инициативу" цензора Гайниченко в рамки соблюдения законности и дать ей распоряжение отправить конфискованные письма адресатам.

6 августа Великанова и Осипова написали начальнику 3 мордовского лагеря майору Павлову заявления с просьбой придти к ним на личный прием или ответить к нему. Никакого ответа они не получили, хотя у начальника лагеря один день в неделю декларирован для приема заключенных.

В начале сентября из Ленинграда для беседы с Силивончик и Листвиной приезжал сотрудник КГБ. Он высказал сожаление, что, когда брат Г. Силивончик Ю.В. Васильев (Хр. 54) приезжал в отпуск в Ленинград, он не обратился к ним.

С конца сентября около месяца давали хлеб горького вкуса и с запахом ДДТ. В первый день все, включая больничные зоны, отказались взять его.

17 ноября Великанова и Осипова направили в ПВС СССР заявление:

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание общественности на содержание в лагерях Советского Союза женщин-инвалидов и престарелых (см. д-т Группы № 109). В 1982 г. кончается срок лишения свободы у четырех заключенных нашей зоны ЖХ-385/3-4: Галины Силивончик, Оксаны Попович, Александры Хвотковой и Марии Семеновой. Всем им предстоит еще и ссылка — от 3 до 5 лет.

Между тем, все они, кроме Силивончик, здоровье которой также расшатано 13 годами заключения, инвалиды 2-й группы и нуждаются в постороннем уходе по состоянию здоровья, подорванному многими годами лагерей, начиная еще со сталинских времен. У Оксаны Попович это 2-й срок (8 лагеря и 5 ссылки), у Александры Хвотковой (1906 г.р.) — 3-й (10 лагеря + 3 ссылки), у Марии Семеновой (1923 г.р.) тоже 3-й (10 лагеря + 3 ссылки), в общей сложности она отсидела 30 лет. Многонедельный этап и условия ссылки — всегда тяжелые как в климатическом, так и в бытовом отношении (см. д-т Группы № 116), могут привести к трагическому исходу. Что это именно так, подтверждает история Красновой Татьяны Карповны, которую отправили в ссылку, несмотря на ее

75-летний возраст. Она умерла менее чем через 3 месяца после прибытия.

Для Хвотковой и Семеновой пребывание в ссылке осложняется еще и тем, что, будучи членами ИПХ (истинно православные христиане), они отказываются получать какие-либо официальные документы, а без них им не выдадут ни посылку, ни денежный перевод. По советским законам, пенсия им не положена. Таким образом, они будут лишены каких-либо средств к существованию. Все это делает для них ссылку гораздо более тяжелой, чем даже пребывание в лагере.

Мы просим отменить ссылку Силивончик, Семеновой, Хвотковой, Попович, что было бы разумным и гуманным шагом со стороны Правительства.

Великанова Т.М., член Инициативной группы защиты прав человека в СССР.

Осипова Т.С., член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Администрация лагеря сообщила, что заявление отправлено не будет, т.к. согласно параграфу 33 Правил внутреннего распорядка "Осужденный подает жалобы и заявления только от своего имени и по вопросам, касающимся лично его ..."

10 декабря Великанова, Осипова, Руденко и Попович держали голодовку.

Пермские лагеря

35 лагерь

Здесь находится около 70 человек.

В конце августа – начале сентября у А. Щаранского, сидящего в ПКТ (Хр. 62), был обморок. Его поместили в больницу. В ноябре его перевели в Чистопольскую тюрьму.

Здесь находятся пятидесятник из ст. Старотитаровской дьякон Н. Бобарыкин (Хр. 57; арестовали его в ноябре 1982 г.; по ст. 70 УК РСФСР он получил 6 лет строгого режима и 5 лет ссылки; 20 января 1981 г. в газете "Советская Кубань" была напечатана статья В. Петрова "Поставщики клеветы" – о Н.П. Горетом – Хр. 58 и Бобарыкине), А. Зинченко (суд – Хр. 61), В. Мейланов (суд – Хр. 60), С. Хмара (суд – Хр. 60) и В. Калеп (суд – Хр. 62).

В сентябре из Чистопольской тюрьмы сюда доставлен М. Казачков (Хр. 61, 62).

* * *

17 декабря сюда вновь (см. "Суд над Анатолием Марченко") доставили Анатолия Марченко.

Он еще не успел получить место в бараке, валенки и рукавицы, как его направили расчищать снег на запретной полосе. Марченко отказался, сказав, что он страдает глухотой в такой степени, что может не слышать предупреждающего окрика охраны. Заместитель начальника лагеря по режиму Чайка стал оформлять ему взыскание. На указание Марченко, что судом ему назначен строгий режим вместо особого именно в связи с плохим состоянием его здоровья, Чайка возразил, что у него нет данных об ограничениях для Марченко по здоровью. Недавно назначенный молодой врач сказал, что определить трудоспособность Марченко может лишь комиссия, а она посетит лагерь в июне; до тех пор Марченко можно направлять на любые работы.

Марченко направили на одну из наиболее тяжелых работ в лагере – истопником в кочегарку.

36 лагерь (особый режим)

Здесь находится 29 человек.

В июле к Б. Гаяускасу приезжали из Вильнюса сотрудники КГБ. Они спрашивали Гаяускаса, не нуждается ли он в чем-нибудь, нет ли у него претензий к условиям содержания.

И. Гель и А. Тихий в августе получили по 15 суток ШИЗО.

После трехмесячного кровотечения Тихого положили в лагерную больницу. Там ему поставили диагноз – язва двенадцатиперстной кишки. В ноябре Тихого отправили в Пермскую больницу, где он был с 18 ноября по 24 декабря. В этой больнице врачи у Тихого язвы не обнаружили; ему давали атропин, корвалол, валокардин, цитрамон, витамины В1 и В12, делали внутривенные вливания. При росте 178 см Тихий весит 60 кг. Перед выпиской Тихий снова почувствовал себя плохо – болели сердце, желудок, печень; на теле появились пятна, стали разрушаться ногти на руке. По возвращении в лагерь Тихого поместили в одиночку. Его лишили посылки на 1982 год.

А. Бердник куда-то этапирован.

Сюда возвращен переведенный ранее на строгий режим (Хр. 61) Ю. Федоров. У него болят десны – авитаминоз. На свидании с матерью он не мог есть. Истошен так, что мать его "с трудом узнала". По словам Ю. Федорова, после высылки Э. Кузнецова (Хр. 53) режим очень ухудшился, администрация всячески придирается, хотя он и "ходит по нитке". После свидания Ю. Федорову дали 15 суток ШИЗО.

С момента высылки Э. Кузнецова (апрель 1979 г.) А. Мурженко отбыл в ШИЗО 90 суток. С 25 ноября по 5 декабря он был в ШИЗО. Через несколько дней после выхода ему снова дали 15 суток ШИЗО.

21 декабря московские отказники А. Лернер, В. и Б. Елистратовы, Г. и Н. Хасины и А. Иоффе, мать А. Щаранского И. Мильгром, жена

Л. Терновского Людмила Терновская, члены Московской группы "Хельсинки" Е. Боннэр, С. Каллистратова и Н. Мейман (тоже отказник), жена А. Мурженко – Л. Мурженко и мать Ю. Федорова выступили с обращением:

24 декабря – одиннадцать лет приговора по ленинградскому самолетному делу. ... Только что окончилась голодовка академика Сахарова, которой он, по его собственному заявлению, стремился еще раз привлечь внимание мировой общественности к важности соблюдения одного из ключевых прав человека – права свободного выбора страны проживания, права покинуть свою страну и возвращаться в нее.

Сегодня мы призываем всех, кто поддержал Сахарова в его смертной борьбе, выступить в защиту Федорова и Мурженко.

Под обращением подписалось еще 29 москвичей.

* * *

Летом Пяткус, Лукьяненко и Евграфов находились в камере № 18, Гаяускас и Стус – в камере № 20, Яшкунас и Федоренко – в бараке (Хр. 57).

36 лагерь (строгий режим)

Здесь находится 70 человек.

Сюда доставлены Виктор Нийтсоо (суд – Хр. 62), Николай Руденко (из 3 мордовского лагеря) и Василий Овсиенко.

Здесь находится Вячеслав Черепанов, показания которого подтвердили один из пунктов обвинения А. Терляцкасу (Хр. 58). Черепанов говорил жене Терляцкаса, что за эти показания сотрудники КГБ обещали ему разрешить выезд в Канаду к жене (Хр. 52). После того, как они не сдержали своего обещания, Черепанов пытался бежать из СССР и получил за "измену Родине" 12 лет лагерей и 4 года ссылки. Черепанова поместили в одну секцию барака с Терляцкасом.

* * *

11 августа к Алтуняну приехали на свидание родственники. Одна комната для "личных" свиданий и комната для "общих" свиданий были свободны. Тем не менее, зам. начальника лагеря подполковник Федоров два дня не давал свидания. 13 августа объявили карантин.

Алтунян обратился к прокурору с жалобой на Федорова.

Через несколько дней ему объявили о лишении свидания (не уточнив – какого) "за организацию выступления заключенных" (во время просмотра телефильма замполит вошел в зал и выключил телевизор; поднялся шум; Алтунян и Некипелов стали успокаивать товарищей; после

этого Алтунян подошел к замполиту и сказал, что тот сознательно провоцирует людей к подобным выходкам).

Алтунян объявил сухую голодовку до приезда прокурора. На третий день его поместили в ШИЗО. На пятый Алтунян начал пить воду. На девятый ему сообщили "соломоново решение" (так и было сказано) – лишить *общего* свидания.

* * *

А. Шевченко послал Генеральному прокурору СССР заявление, в котором говорится, что он остается верным убеждениям, которые имел до ареста, и свое заявление председателю КГБ Федорчуку (после суда – Хр. 60 – А. Шевченко послал Федорчуку заявление с просьбой о смягчении участи) просит считать недействительным.

21 мая Некипелов послал Сахарову телеграмму, поздравляющую его с днем рождения. Телеграмму конфисковали. Через несколько дней Некипелову дали 15 суток ШИЗО за то, что за 20 минут до окончания смены он, уже выполнив норму (800 панелей от утюга), ушел с рабочего места.

Дневник

(Июнь – Октябрь)

2 июня. Объявлены наряды вне очереди Алиеву – за недобросовестный труд, Сафронову – за невыполнение нормы, Клымчаку – за отказ от работы. Последний за то же длящееся нарушение режима лишен очередного свидания.

4 июня. Клымчак за отказ от работы водворен на 15 суток в ШИЗО. у Жгенти (суд – Хр. 61) конфисковано его письмо в газету "Литературная Грузия", в котором он затрагивает национальный вопрос.

5 июня. В связи с окончанием 25-летнего срока этапирован из зоны О. Кулак.

9 июня. Осипов прекратил голодовку после обещания пересмотреть его дело в судебном порядке (впоследствии отказано). Симокайтис временно объявил частичную голодовку (принимает только ужин) в связи с ужесточением по отношению к нему режима содержания (оценка Симокайтиса). По поручению Донецкого УКГБ следователь Пермской прокуратуры Щукан провел допрос Ю. Залепы по делу Ю.А. Мельника; последний Залепе неизвестен, о чем он и заявил следователю. Огородников водворен на 1 сутки в ШИЗО за конфликт с дежурным лейтенантом Серковым.

10 июня. Огородников объявил голодовку, протестуя против необоснованного водворения в ШИЗО; ему продлен срок содержания в ШИЗО еще на 4 суток. Вышел на зону Олесь Евгеньевич Шевченко.

16 июня. Огородников прекратил голодовку.

17 июня. Боровой этапирован в неизвестном направлении.

18 июня. Из 37 зоны (большой) прибыл Ю. Федоров.

19 июня. Вышли на зону Генрих Ованесович Алтунян и Вячеслав Черепанов.

23 июня. Голодовка с требованием признать в законодательном порядке статус ПЗК и с протестом против национальной, культурной и религиозной дискриминации. Приняли участие Алтунян, Алиев, Аренберг, Бердничук, Бочин, Григорян, Засимов, Маринович, Монаков, Некипелов, Огородников, Терляцкас, Федоров, Шевченко, Загирняк, Сафронов, Лубман. За невыполнение нормы водворен в ШИЗО Алиев.

24 июня. Капитан Рак и прапорщик Самокар применили к Клымчаку физическое насилие во время проверки тетради, хотя Клымчак сопротивления не оказывал. Алтунян, Аренберг, Бердничук, Бочин, Григорян, Жгенти, Засимов, Загирняк, Маринович, Монаков, Некипелов, Огородников, Сафронов, Федоров, Черепанов, Шевченко отказались выйти после обеда на работу до вызова врача и освидетельствования Клымчака. Врач был вызван, установил наличие ссадин на лбу. Состоялась беседа с начальником лагеря Журавковым, после чего з/к вышли на работу. Забастовка длилась с 13.40 до 15.30.

2 июля. Симокайтис направил поздравительную телеграмму президенту Рейгану по случаю Дня независимости. 7 июля ему объявлено об ее конфискации, как содержащей условности.

3 июля. Аренберг направил поздравительную телеграмму премьер-министру Израиля Бегину по случаю его победы на выборах.

4 июля. Сафронову и Загирняку подполковником Федоровым объявлены наряды вне очереди за мелкие нарушения (незастегнутая пуговица и др.). Аренбергу за то же обещано ШИЗО.

6 июля. Аренберг помещен в ШИЗО на 15 суток. Помещен в ШИЗО Клымчак. Взят с вещами Григорян; как оказалось, в Пермь – на свидание с родными.

7 июля. Утром при подъеме капитан Рак сделал замечание Алтуняну за то, что он якобы гулял до подъема. Возникло предположение, что подъем и, соответственно, построение на завтрак проведены с опозданием на несколько минут. При следовании на завтрак Маринович (позже к нему присоединились Алтунян, Некипелов, Сафронов) попытался выяснить у прапорщика Самокара точное время, но последний отказался сообщить его. Позже им был составлен ложный рапорт о том, что Маринович ему "выкручивал руки", а остальные кричали, призывая заключенных к неповиновению и массовым беспорядкам.

8 июля. Алтунян, Бочин, Загирняк, Лубман, Маринович, Монаков, Сафронов, Огородников, Федоров направили начальнику лагеря заявления протеста по поводу того, что Аренберг водворен в ШИЗО фактически за то, что подал телеграмму Бегину. Алтунян и Некипелов получили наряд вне очереди по ложному рапорту прапорщика Самокара об инциденте 7 июля. Огородников лишен ларька за различные мелкие нарушения (раздевался до пояса и загорал в воскресенье, был без головного убора на рабочем месте).

9 июля. Сафронов по тому же ложному рапорту помещен в ШИЗО на 5 суток.

10 июля. Прибыл Бумейстер Юрий Карлович (ст. 64 и ст. 83 УК Латв. ССР; арестован 8 ноября 1980 г., срок – 15 лет).

13 июля. Алтунян, Бочин, Загирняк, Маринович, Некипелов, Огородников направили протесты начальнику лагеря по поводу помещения Сафронова в ШИЗО по ложному, искажающему события рапорту Самокара. Алиев помещен на 1 сутки в ШИЗО за пререкания с нарядом. Возвратился со свидания Григорян (из Перми).

14 июля. Алиеву продлено пребывание в ШИЗО на 6 суток. Помещен на 15 суток в ШИЗО Лубман за невыполнение нормы и сон на рабочем месте. Вышел из ШИЗО Сафронов.

15 июля. Приезд представителя Украинского КГБ п-ка Гончара. На "профилактические беседы" вызывались Залепа, Маринович, Черный, О. Шевченко.

16 июля. Продолжение вызовов украинцев: Лазарук, Стронець. Состоялся суд, постановлением которого Клымчак помещается на 3 года в тюрьму. Черепанов помещен на 15 суток в ШИЗО. Мотив (по его словам): "Вынашивал планы о побеге" (были предъявлены акты о том, что однажды он сел в кабину машины, из парника разглядывал охранную вышку).

18 июля. Подполковник Федоров, прибыв в цех за несколько минут до съема с работы, сделал выговор Мариновичу за то, что тот окончил работу, хотя и выполнил дневную норму раньше, чем по распорядку. За это же им были "взяты на карандаш" все, находившиеся в умывальнике (Алтунян, Брага, Некипелов, Симокайтис).

20 июля. Огородников помещен в ШИЗО на 10 суток за мелкие нарушения (был без головного убора на рабочем месте и др.). Из ШИЗО вышел Алиев, отбыв 7 суток.

21 июля. Помещен в ШИЗО на 5 суток Некипелов за окончание работы раньше, чем предусмотрено распорядком дня 18 июля и 20 июля (в оба эти дня он выполнил норму). Беседа подполковника Сташкевича, представителя КГБ Литвы, с Терляцкасом, Симокайтисом и Черепановым.

22 июля. За окончание работы раньше времени Бочину, Григоряну, Мариновичу и Симокайтису объявлены наряды вне очереди. Маринович выполнить наряд отказался.

23 июля. Повторная беседа подполковника Сташкевичюса с Терляц-касасом.

26 июля. Некипелов вышел из ШИЗО.

29 июля. Из ШИЗО вышел Лубман. Приезд на зону представителей УКГБ Ленинграда, 3 чел. Беседы с Аренбергом, Лубманом, Лешкуном и Овесом.

30 июля. Из ШИЗО вышел Огородников.

3 августа. За отказ от рабочего места объявлен наряд вне очереди Григоряну, Мариновичу, Огородникову. Маринович выполнять работы отказался.

5 августа. За отказ грузить решетки, предназначенные для ограждения зоны, водворены в ШИЗО Бочин и Огородников, однако через два часа оба освобождены. В зону переведены с особого режима 3 человека: Иваненко Дмитрий Андреевич (1912 г.р., ст. 64; арестован в 1970 г.; 15 лет), Лозинский Иван Михайлович (1922 г.р.; ст. 61 УК БССР; арест – в 1973 г.; приговорен Гродненским областным судом в 1973 г. к расстрелу; через 14 месяцев заменено на 15 лет), Кнап Остап Федорович (1922 г.р.; те же данные – подельник Лозинского).

11 августа. Огородников помещен в ШИЗО на 15 суток за различные нарушения режима. На зону вышел Нийтсоо Виктор (по делу с ним Тийт Мадиссон и Вельо Калеп, хотя осуждены отдельно). Увезен в больницу О. Шевченко. Привезен из 35 зоны и помещен в ШИЗО для продолжения отбывания 15 суток Ведута Богдан (ст. 58 УК УССР, в заключении с 1968 г.).

12 августа. В ШИЗО помещен на 15 суток Алиев. Мотив (по его словам): "За то, что принял большое количество снотворных таблеток".

13 августа. Вывешено объявление о наложении карантина и отмене до особого распоряжения свиданий. На зоне действительно имеется несколько случаев какого-то желудочно-кишечного заболевания.

20 августа. Ведута вышел на зону.

23 августа. Голодовка Нийтсоо в День национального траура – 42-й годовщины подписания пакта Молотова – Риббентропа, лишившего независимости прибалтийские страны.

25 августа. Подал заявление в ПВС об отказе от гражданства Засимов.

26 августа. Огородникову добавлено 10 суток ШИЗО якобы за вы-

пуск недоброкачественной продукции и другие нарушения. Взят на этап Терляцкас; сообщено, что в больницу.

28 августа. Некипелову объявлено о конфискации сразу 6 писем от жены, сына, невестки и др., Алтуняну – трех.

31 августа. Алтуняну объявлено о лишении его очередного свидания, в связи с чем он объявил сухую голодовку. История лишения свидания Алтуняна: его родственники (4 чел.) прибыли на свидание 11 августа, когда еще не было карантина; им было отказано в свидании якобы из-за отсутствия комнаты, хотя комната была (в одной имел 10 августа свидание Сафронов, другая была свободна); родственники ждали до 13 августа, после чего им было объявлено о карантине и отказано даже в общем свидании; узнав об этом, Алтунян подал, наряду с жалобами прокурору, в суд на администрацию, требуя возместить семье понесенные убытки; ему было отказано в отправлении этого заявления в суд по разным причинам, одновременно были набраны акты о якобы имевших место нарушениях режима Алтуняном, которые он считает тенденциозными и фальсифицированными; например, что он якобы "терроризировал ПНК Галедина, требуя возврата изъятых на обыске тетрадей" (на самом же деле Алтунян лишь осведомлялся, когда ему будет показан акт изъятия). Голодовка была объявлена Алтуняном с 18.00 31 августа с требованием либо отмены наказания, либо приезда прокурора. 31 августа Аренберг осужден на 3 года тюрьмы.

2 сентября. К Алиеву приезжали родственники, но в свидании было отказано (даже в краткосрочном) из-за карантина.

3 сентября. Объявлено о снятии карантина. На самом деле, как стало известно позже из ответов прокурора Алтуняну, карантин был снят еще 30 августа.

5 сентября. Алтунян прекратил сухую голодовку, т.к. стало резко ухудшаться зрение, но продолжает обычную. Огородникову добавили еще 10 суток за нарушения в ШИЗО; он уже отбыл подряд 25 суток.

8 сентября. Алиев получил 10 суток ШИЗО за плохой труд.

9 сентября. Алтунян снял голодовку после обещания администрации предоставить ему личное свидание.

12 сентября. Алиев из ШИЗО перемещен в санчасть: 11 сентября прапорщик Махмудов обозвал Алиева нецензурными словами и отнял нагальный пояс, который предыдущий дежурный офицер разрешил ему иметь при себе. Протестуя против таких действий, Алиев объявил голодовку, а также пытался повеситься, используя для этого собственную одежду.

14 сентября. Алиев снял голодовку.

15 сентября. Прибыл Руденко Николай Данилович из Мордовии и Бе-

дарьков Анатолий Михайлович (1940 г.р.; ст. 62 УК УССР, срок – 5 + 3) из Чернигова. Прибыли также из больницы на 35 зоне Терляцкас и О. Шевченко. Обоим было предоставлено там личное свидание. Вышел из ШИЗО Огородников, отсидев подряд 35 суток. Забрали на этап в неизвестном направлении Тарасенко.

17 сентября. Освобожден Степан Петриев, отбыв 25 лет. В первой половине сентября прибыл Пушкарь Вячеслав Аксентьевич (1938 г.р.; ст. 56 УК УССР; срок – 10 лет) из Киева. Увезли Клымчака, ранее осужденного на 3 года тюрьмы. 17 сентября Некипелова поместили в санчасть из-за резких болей в области почек и мочеиспускательного канала. В санчасти медпомощь не оказывалась, не был установлен диагноз. В вину Некипелову вменялись ночные вызовы врача. Ради того, чтобы Некипелову сделали обезболивающий укол, заключенным на зоне несколько раз приходилось предупреждать администрацию о возможности забастовки. Положение Некипелова все время ухудшалось, тогда как врачи не произвели даже экспресс-анализ мочи.

25 сентября. Объявлена забастовка с требованием приезда квалифицированного врача-уролога. Участники: Алиев, Алтунян, Бердничук, Бочин, Григорян, Загирияк, Засимов, Маринович, Огородников, Сафронов, Руденко, Нийтсоо, Осипов, Терляцкас, Федоров, О. Шевченко. В тот же день водворены в ШИЗО на 15 суток Алтунян, Руденко, Федоров.

26 сентября. Водворены в ШИЗО Бердничук на 7 суток, Маринович – на 10 суток, Нийтсоо – на 7 суток.

27 сентября. В связи с отсутствием даже местного врача в момент критически обострившейся болезни Некипелова объявлена голодовка (участники – те же, кроме тех, что в ШИЗО). Сафронов водворен в ШИЗО на 5 суток.

29 сентября. Водворены на 10 суток в ШИЗО Огородников и Шевченко. Позже в тот же день была прекращена голодовка (Огородников продолжал ее до 1 октября). После разговора с администрацией прекратил голодовку и вышел на работу Засимов.

30 сентября. Приехал врач-уролог. Некипелову установлен диагноз и оказана помощь.

1 октября. В связи с этим забастовка прекращена.

9 октября. Водворены в ПКТ Алтунян на 4 месяца, Руденко – на 6 месяцев.

10 октября. Помещен в ПКТ Огородников на 6 месяцев. Вышел на зону В. Балахонов, отбыв 3 года в тюрьме г. Чистополя.

14 октября. Взят на этап в неизвестном направлении Сафронов.

16 октября. Взят на этап в больницу Некипелов.

20 октября. Увезен в больницу Загирняк.

28 октября. В связи с возобновлением работы Мадридского совещания начата трехдневная голодовка по таким вопросам: в первый день – вопросы режимного террора, административной мести и произвола отдельных представителей администрации; во второй день – вопросы обслуживания и быта; третий день – день ПЗК СССР, требование статуса ПЗК. Участники первых двух дней: Балахонов, Бердничук, Маринович, Нийтсоо, О. Шевченко. На третий день к ним присоединились Алиев, Лубман, Осипов и Черепанов. Участниками этой голодовки были и находящиеся в ПКТ Алтунян, Огородников и Руденко. Во время голодовки больному сердечной недостаточностью О. Шевченко врачи дважды отказали в просьбе дать таблетку валидола.

37 лагерь

В "большой" зоне находится 40 чел., в "малой" – 20.

Сюда прибыли Т. Мадиссон (суд – Хр. 62), Марзпет Арутюнян (суд – Хр. 62), латыш Виеструс Полис-Аболиньш (осужден за листовки) и Роберт Аникеев (в 1980 г. он вернулся из Италии, по ст. 64 УК РСФСР он получил 12 лет).

Из Чистопольской тюрьмы сюда в январе 1981 г. переведен Николай Ивлишкин (Хр. 57; по ст. 64 УК РСФСР он получил 6 лет лагерей) и его подельник А. Юрьев (Хр. 57; срок – 5 лет).

Из 36 лагеря, с особого режима, сюда в декабре 1980 г. переведен Сергей Корехов (Хр. 47, 51). Первый раз Корехов (1956 г.р.) был арестован 9 июня 1974 г. в Нижнем Тагиле; за изготовление и распространение листовок, требующих демократизации общественной жизни, Свердловский областной суд приговорил его по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР к 2 годам лагерей строгого режима (в Хр. 47 – неточности). 1 мая 1977 г. Корехов снова был арестован за листовки; по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР он получил 6 лет.

В октябре 1980 г. А. Цуркова на 15 суток посадили в ШИЗО, потом ему добавили еще 15 суток, затем его на 4,5 месяца поместили в ПКТ. Из ПКТ Цурков вышел 25 марта.

Карпенко с ноября 1980 г. по март 1981 г. находился в ПКТ.

В конце марта администрация изъяла из личного пользования книги и собиралась их отправить за зону, на склад. В ответ на это Ю. Федоров, А. Цурков, В. Читанава, М. Лукьянович (арестовали его в июне-июле 1979 г. и за распространение листовок приговорили к 5 годам строгого режима), Н. Ивлишкин, В. Кузнецов, Белов, Магдеев, И. Извеков и Сургучев написали в ЦК КПСС и Брежневу жалобы, в которых заявили, что, если распоряжение насчет книг не отменят, они объявят голодовку. Через несколько дней начальник управления КГБ Помаз и его заместитель Афанасьев попытались убедить заключенных, что администрация права. Те стояли на своем. Тогда администрация пошла на компромисс и обещала доступ к книгам.

22 апреля Читанава, Лукьянович, Ивлюшкин, Кузнецов, Магдеев и Сургучев объявили голодовку протеста против нарушения правил техники безопасности на заводе и против отсутствия должного профтехобразования. Заявления об этом они направили в ЦК КПСС и в Прокуратуру СССР.

За отказ выполнять неоплачиваемую работу Ивлюшкина на 15 суток посадили в ШИЗО. Он объявил сухую голодовку — его кормили искусственно. За это же на 10 суток посадили в ШИЗО Сургучева.

4 мая Ю. Орлов, Г. Якунин, Ю. Федоров, А. Цурков, С. Корехов, М. Карпенко, М. Лукьянович, В. Читанава, А. Нилов, Н. Ивлюшкин, А. Юрьев, В. Кузнецов, Белов, Магдеев, И. Извеков и Сургучев объявили голодовку, протестуя против нарушений прав человека в СССР и требуя политического статуса.

Орлов, Якунин, Федоров, Цурков, Читанава, Нилов, Ивлюшкин, Кузнецов и Извеков подписали следующее письмо Мадридскому совещанию:

Уважаемые главы делегаций!

Ваше совещание проходит на фоне разгрома правозащитного движения в СССР, большинство участников которого, в том числе Хельсинкских групп, возникших в СССР на основе заключительного акта Хельсинки, томятся ныне в концлагерях.

В ближайшее время Вам предстоит подписать Заключительное коммюнике Совещания. Одним из важнейших аспектов Хельсинкских соглашений явилось признание правительствами стран-участниц торжественного обязательства соблюдать права человека в своих странах, отраженного в "третьей корзине" Хельсинкских соглашений.

Одним из наиболее вопиющих нарушений прав человека в СССР является режим содержания заключенных в местах лишения свободы и, особенно, политзаключенных и узников совести. Даже при беглом знакомстве с недавно введенным, так называемым "Исправительно-трудовым кодексом" любому непредвзятому взгляду видны его антигуманность, жестокость, а также отсутствие статуса политзаключенных в СССР.

Но и те куцые права, которые предоставляются ИТК РСФСР, постоянно нарушаются представителями власти. Особенно возмутителен духовный, религиозный, культурный геноцид, которому систематически подвергаются в том числе и политзаключенные в СССР. Особенно губительно это сказывается на лицах, отбывающих длительные сроки заключения. Жестокая цензура и задержка переписки заключенных; практическое лишение доступа к необходимым книгам и литературе; полное запрещение пользоваться в концлагерях религиозной литературой, в том числе Библией и Евангелием; насильственная, унижающая человеческое достоинство стрижка волос и бороды, в том числе и у священнослужителей;

обязательное ношение униформы с биркой на груди, что напоминает фашистские лагеря смерти; оскорбительная для человеческого достоинства мера наказания в виде лишения питания на определенный срок, в частности, за отказ от принудительного труда.

Особенно унижительным является режим в концлагерях для политзаключенных, в том числе и узников совести, которым Советское руководство отказывает в предоставлении соответствующего статуса. Печальный опыт и драматическая история правозащитного движения в СССР, которое было разгромлено властями в период от торжественного подписания Хельсинкской договоренности до Мадридского совещания, наглядно показывает, что высокие и красивые слова за подписью ответственного руководителя делегации СССР явились лишь демагогически удобным прикрытием для грубого попрания прав человека в жизни.

Мы, политзаключенные и узники совести, пережившие трагедию крушения правозащитного движения в СССР, обращаем Ваше внимание на печальный опыт недавних событий в нашей стране, дабы Мадридское совещание не превратилось в "Правозащитный Мюнхен". Мы призываем Вас подписывать Заключительный Акт Совещания лишь при наличии твердых гарантий и уверенности в том, что СССР прекратит дискриминацию своих граждан в области прав человека.

Мы извещаем Вас о проведенной в канун открытия заключительной стадии Совещания, 4 мая 1981 г., голодовке протеста и о том, что в канун завершающей стадии, июня 1981 г., еще раз в знак протеста против нарушения прав человека в СССР и в поддержку своих требований объявляем голодовку протеста.

16 сентября Якунин объявил голодовку, протестуя против изъятия у него религиозных книг. 26 сентября его начали принудительно кормить. В разное время голодовки солидарности с Якуниным держали Орлов, Корягин, Корехов, М. Арутюнян, Лукьянович, Читанава, Ивлюшкин, Юрьев, Кузнецов и Белов.

3 октября 19 заключенных объявили забастовку, требуя убрать из зоны провокатора. Среди них был Ю. Орлов. Ему сначала дали 15 суток ШИЗО, а 31 октября на 6 месяцев поместили в ПКТ. Это – его третья ПКТ (Хр. 54, 60). Из письма его жены И. Валитовой:

Второй раз мой муж был наказан за жалобу. Администрация лагеря готовила против него провокацию. Орлов узнал об этом и написал жалобу в Прокуратуру СССР, в которой разоблачил намерения администрации. Орлова обвинили в клевете и снова поместили в тюрьму на шесть месяцев.

В октябре Виталия Шевченко за "нарушение режима" лишили свидания. Его поставили работать посудомоем.

В других тюрьмах и лагерях

Владимир Сергеевич Фоканов (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 663950, Красноярский край, ст. Решеты, пос. Поконаевка, учр. 235/4 "Е". Его арестовали 10 июля 1980 г.

Его сестра Любовь Сергеевна Фоканова (1959 г.р.) отбывает наказание по адресу: 155400, Ивановская обл., г. Кинешма, учр. ОК-3/3 "Г". Ее арестовали 30 июля 1980 г. По ст. 190-1 УК РСФСР ей дали 3 года лагерей общего режима.

Другая его сестра Мария Сергеевна Чулкова (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 370068 Ереван, 68, учр. 10. Ее арестовали 7 декабря 1980 г. (см. также "Освобождения").

Витаутас Вайчюнас (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 456902 Челябинская обл., г. Бакал, 2, учр. ЯВ-48/9-10-100.

Мечисловас Юрвичюс (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 456870 Челябинская обл., г. Кыштым, учр. ЯВ-48/10-3.

В сентябре Ольга Матусевич находилась в Киеве в Лукьяновской тюрьме. В декабре она снова (Хр. 58) находилась в Одессе, в лагере.

Владимир Кислик (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 343552 Донецкая обл., г. Дзержинск 2, учр. ЮЕ-312/2А-1.

В декабре Станислав Зубко (суд – в наст. вып.) написал матери, что не знает, с кем он переписывается – с нею или с оперчастью: его переписка "фильтруется", письма задерживаются, выдержки из них зачитываются на собраниях отряда. Начальник отряда угрожает Зубко уголовной ответственностью за "клевету на администрацию", содержащуюся в его письмах.

Павел Кампов (см. "События на Украине") отбывает наказание во Львове – учр. ВЛ-315/30. В письме в ООН, кусок из которого приводился выше, он пишет:

... Я узник лагеря во Львове. Тут замполит Повшенко упрекает меня в том, что он меня кормит. Капитан Саватимов пинает меня ногами, ибо вечером я не могу ходить в производственную зону. Надзиратель Ставрин бьет меня, ибо я не могу быстро выйти из столовой, а Шпек кричит, ибо я не вижу, как пришить бирку к груди. Я – калека, не могу работать и передвигаться самостоятельно. ... Меня держат в карцере 10 суток. Я объявил 160-дневную голодовку, но на карателей ничто не влияет.

...

Уже 38 лет каждый месяц вывозят в лагеря из Закарпатья по 6 вагонов заключенных. Когда это кончится?..

...

Я обращаюсь ко всем народам планеты, ко всем государствам,

ко всем Главам государств и правительств, к инвалидам мира. Защищите меня. Выкупите или обменяйте меня с советской неволи!

Лариса Лохвицкая (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: Харьков, 124, учр. ЮЖ-313/54-6.

Инна Чернявская (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: 270059, Одесса, 59, учр., ЮГ-311/74.

Леонид Милявский (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: Херсонская обл., Голопристанский р-н, с. Ст. Збурьевка, учр. ЮЗ-17/7-11-40. Он плетет сетки. В начале сентября из-за избиений и плохого питания заключенные подожгли помещения библиотеки, цензуры и продовольственного склада, камнями бросали в часовых на вышках – одного сбили насмерть. Вызванные солдаты подавили бунт. Наиболее активных его участников увезли в Херсон.

Сергей Набока (суд – Хр. 62) отбывает наказание по адресу: Хмельницкая обл., Хмельницкий р-н, с. Райковцы, учр. МХ-324/78-12-121 (начальник лагеря – Ребезнюк). Он работает в гальваническом цехе завода, изготавливающего трансформаторы.

В конце его пребывания в Лукьяновской тюрьме (Киев) сотрудники администрации вызывали отдельных заключенных и говорили им:

”Там у вас есть один антисоветчик (называлась фамилия Набоки, давалось его внешнее описание) – так вы избежите его как следует, вам за это ничего не будет – ему скоро на этап”.

Когда он прибыл в лагерь, администрация потребовала от него, чтобы он ни с кем не говорил о своей статье и за что сидит, и ни с кем долго не разговаривал. В первый же день у него отобрали дневник и запретили вести записи.

У Набоки – большое сердце. В первый же день врачи дали ему освобождение, но зам. начальника лагеря Козак заявил:

”Ну, раз Вы – такой больной, будете работать на вредном производстве, дышать испарениями кислот в гальваническом цеху. Не надо было клеветать!”.

В октябре врачи распорядились перевести Набоку на легкое производство, но администрация игнорировала их указание.

В декабре Набока держал голодовку, требуя перевода на работу, соответствующую его здоровью, и перевода в политический лагерь.

Еще до голодовки Набока посылал жалобу в УИТУ УССР. Приехавший из Киева чиновник заявил ему:

”Напрасно жалуетесь: в деле перевода на другую работу вам ничто не поможет, а что касается политлагеря, то Вы – уголовник”.

23 декабря Набоку на 15 суток поместили в ШИЗО. Его лишили свидания.

* * *

30 ноября Решата Джемилева (Хр. 62) взяли на этап. В середине декабря он прибыл в новый лагерь – Ташкентская обл., пос. Зенги-Ата, учр. УЯ-64/2. Конец срока у него 4 апреля 1982 г.

В августе Леонард Терновский (Хр. 62) был уже в новом лагере – Омск, 35, учр. УХ-16/8-15.

В октябре в тот же лагерь перевели Серафима Евсюкова (Хр. 61).

Иосиф Дядькин (Хр. 62) работает уборщиком в школе. В августе ему назначили диетпитание.

* * *

В ночь с 17 на 18 июля Ишхан Мкртчян (суд – Хр. 62) и два его сокамерника бежали из пересыльной камеры Ростовской тюрьмы (в Хр. 62 – опечатка). 18 июля лейтенант и младший лейтенант МВД, не назвавшие своих фамилий, добываясь сведений о бежавших, избили металлическими предметами, скрытыми в перчатках, подельника Мкртчяна Марзпета Арутюняна, находившегося в той же камере. В результате у Арутюняна оказались сломанными 3 ребра и отбитыми почки. Когда Арутюнян потерял сознание, избивавшие удалились. Несмотря на просьбы заключенных соседних камер, медицинская помощь Арутюняну оказана не была.

Через несколько дней Арутюняна этапировали в Волгоградскую тюрьму. Там по требованию заключенных ему сделали рентгеновский снимок. Затем его забинтовали простынями и отправили в Пермскую тюрьму, оттуда – в Чусовскую.

Администрация Чусовской тюрьмы, ввиду тяжелого состояния Арутюняна (с момента избиения прошло уже полмесяца), отказалась принять его и вернула его в Пермь.

Из Пермской тюрьмы его отправили снова в Чусовскую, оттуда – в Соликамскую, оттуда – опять в Чусовскую, затем – в 37 пермский лагерь.

В заявлении Генеральному прокурору СССР от 25 декабря жена М. Арутюняна Ануш Мкртчян пишет:

...

Я настоятельно требую сурово наказать насильников из Ростовской тюрьмы, варварски избивших моего мужа без всяких на то оснований, а также привлечь к ответственности администрацию Ростовской, Волгоградской, Пермской, Чусовской и Соликамской тюрем, проявивших бесчеловечное отношение к моему мужу, не оказавших ему даже элементарной медицинской помощи.

...

* * *

Вячеслава Бахмина (Хр. 62) поставили мойщиком посуды на кухне. Заключенные работали там по 13 часов в сутки. Бахмину удалось добиться увеличения числа мойщиков так, что на каждого выходит 8 рабочих часов в день.

10 августа у него на обыске изъяли записи-воспоминания о пребывании в Лефортовской тюрьме.

В конце августа его сделали грузчиком.

В начале сентября Вячеславу Бахмину было предоставлено двухсуточное свидание с братом. Перед свиданием брат был тщательно обыскан. В 2 часа ночи в помещении, в котором проходило свидание, неожиданно был проведен еще один обыск. (Согласно "Комментарию к Исправительнотрудовому кодексу РСФСР" /М., "Юридическая литература", 1979/, осмотр комнат для длительных свиданий производится только до и после свидания.)

* * *

В октябре С. Гримм, жена Юрия Гримма, приехала к нему на свидание. Считая Ю. Гримма хорошим работником, начальник отряда Лукьянов обещал С. Гримм похлопотать перед начальником лагеря Кашкаровым, чтобы Ю. Гримму предоставили внеочередное "личное" свидание. Кашкаров отказал Лукьянову.

Тогда к Кашкарову пошла сама С. Гримм. Кашкаров сначала разыграл забывчивость:

"А, этот ... Да-да, припоминаю. Этот, которому письма идут отовсюду. Даже из-за границы идут. Антисоветчик. Ну, как я дам ему свидание, когда у меня такая очередь, у которых положенное свидание подошло. Если я Гримму дам льготное, эти люди бунт поднимут".

Кашкаров рассказал, что недавно Ю. Гримму пришло письмо от Дудко: "Такая антисоветчина!" (письмо Гримму не отдали).

С. Гримм предоставили "общее" свидание – по телефону, через стекло.

* * *

23 июля сотрудники администрации лагеря в кабинете ДПНК осыпали Валерия Абрамкина нецензурной бранью и угрозами физической расправы. Они издевались над чувствами и убеждениями Абрамкина, провоцировали его. Обращение Абрамкина к дежурному офицеру с просьбой призвать его подчиненных к порядку было проигнорировано. Абрамкин подал начальнику лагеря заявление об этом.

Ст. инспектор оперативной части Гундов угрожал В. Абрамкину "организовать дело, чтобы до конца жизни на свободу не вышел".

Письма, адресованные Абрамкину, цензура держит от недели до 6 недель, хотя ИТК дает на это 3 дня. После нескольких безрезультатных обращений по этому поводу к администрации Абрамкин в октябре объявил двухдневную голодовку. После голодовки зам. начальника лагеря Армянинов принял Абрамкина и обещал ему, что впредь положенные 3 дня будут соблюдаться.

30 октября, в День политзаключенного, Абрамкин подал заявление об однодневной голодовке "в знак солидарности с заключенными всего мира". По этому поводу в лагерь приехали пом. прокурора Алтайского края Н.И. Кротов и начальник отдела по надзору за ИТК Н.П. Глухачева. Они часа два беседовали с Абрамкиным, спрашивали, не имеет ли его голодовка отношения к польской "Солидарности". Вечером они потребовали, чтобы Абрамкин шел в столовую: можешь не есть, но ходить в столовую с бригадой обязан.

31 октября Абрамкин написал заявление о продолжении голодовки в знак протеста против издевательства и оскорблений. Его вызвали к начальству и пообещали, что "с оскорблениями разберутся". Вечером 31 октября Абрамкин снял голодовку.

10 декабря, в День прав человека, Абрамкин снова подал заявление о голодовке; при этом он сказал, что в столовую, чтобы не нарушать режим, он пойдет, но вынужден будет объяснить там, почему не ест. Администрация не стала настаивать, чтобы Абрамкин шел в столовую.

Администрация не отправила 12 открыток Абрамкина с новогодними поздравлениями. Сообщивший ему об этом инспектор оперчасти Кветный "объяснил" Абрамкину причину: он пишет "не как все". Кветный добавил, что впредь Абрамкину запрещено посылать стихи, сказки (сказки он посылал своему трехлетнему сыну) и вообще какие-либо "рассуждения со смыслом".

Из писем, адресованных Абрамкину, были изъяты выдержки из произведений Л. Толстого и Достоевского.

В ноябре, во время "планового обыска", вещи Абрамкина осматривал "сам" Кветный (других обычно обыскивают солдаты и прапорщики). В тумбочке, которой кроме Абрамкина пользуются еще два человека, Кветный обнаружил самодельный электрокипяtilьник. Один из солагерников Абрамкина написал, что видел, как Абрамкин пользовался этим кипяtilьником. 18 ноября Абрамкину объявили за это выговор.

* * *

16 июля А. Лавут направил районному прокурору жалобу с просьбой опротестовать постановление о лишении свидания (Хр. 62) как вынесенное в противоречии с фактами и с нарушением закона.

24 июля его жена С. Мостинская направила аналогичную жалобу в УВД Хабаровского края. В жалобе говорилось также, что она не получает от мужа писем.

Вскоре она получила от мужа сразу несколько писем, написанных в

разное время, но отправленных из лагеря в один день. Одновременно Лавут получил большую партию задержанных ранее писем.

В августе Мостгинская получила от администрации лагеря письмо (орфография подлинника) :

На Ваше заявление сообщая, что письма гражданина Лавут А.П. администрацией учреждения не задерживаются и направляются адресатам.

Дисциплинарным взысканиям наложены правомерно, в связи с чем 25 июля 1981 года комиссией отказано ему в условном освобождении.

Очередное длительное свидание может быть предоставлено в январе месяце 1982 года.

Состояние здоровья гр-на Лавут удовлетворительное.

30 октября Лавута посадили на 11 суток в ШИЗО, затем ему добавили 5 суток. Во время нахождения в ШИЗО его лишили "ларька" за ноябрь и посылки – за то, что он пытался получить сигареты.

16 ноября Лавута на 3 месяца посадили в ПКТ. Через несколько дней его положили в санчасть (тромбофлебит). 15 декабря он еще не мог становиться на больную ногу.

* * *

8 июня К. Подрабинек прибыл в лагерь в Ульяновской обл. (Хр. 62). Из ответа прокурора Ульяновского р-на А.И. Аникина отцу К. Подрабиника П.А. Подрабинеку: К. Подрабинек

По прибытии в ИТК был трудоустроен, но к работе относился плохо, не выполнял сменные задания, нарушал правила внутреннего распорядка, за что водворялся в ШИЗО, где также продолжал нарушать режим содержания.

Лицам, находящимся в ШИЗО, свидания с родственниками не предоставляются.

Однако он после выхода из изолятора на путь исправления не встал, учинил драку с одним из осужденных. На данный проступок постановлением начальника ИТК от 20.07.81 Подрабинек водворен в ПКТ сроком на 4 месяца.

Постановлением начальника колонии от 18.07.81 за нарушение режима содержания он лишен очередного свидания с родственниками.

П.А. Подрабинек написал заместителю прокурора Ульяновской области А.А. Шинкареву:

...

Мой сын, Подрабинек К.П., осужденный 9.01.81 к трем годам лишения свободы, был этапирован в апреле 1981 г. из Усмани, че-

рез Саратов и Ульяновск, в Новоульяновск, учреждение ЮИ-78/2, где находится с 8 июня.

В июне же я получил от него два заявления Генеральному прокурору СССР, которые передал по назначению, присоединив к ним собственное заявление. Эти заявления были оттуда пересланы Вам для проверки, и вот получаю Ваше письмо от 8 августа.

В четырех кратких предложениях Вы отмечаете все жалобы, предъявленные сыном и мной Генеральному прокурору.

”Установлено, что за допущенные нарушения в ИТУ Ваш сын Подрабинек К.П. законно и обоснованно подвергался мерам дисциплинарного взыскания”.

Значит, 16 мая он был помещен в Ульяновске в карцер на 10 суток с продлением 26 мая срока еще на 10 суток не за то, что протестовал против избияния осужденных по команде лейтенанта, сотрудника оперативной части. Лжет, значит, сын, лгут свидетели Леонид Иванов и Королев.

”Никаких недозволенных мер воздействия к нему не применялось”.

Сын же был избит в Саратове конвоем за то, что потребовал квитанцию на отобранный ремень, не было свидетелей Василия Иванова и Ахмеда Колдуева. Не было и раны в паховой области размером 3 x 5 см, нанесенной сапогом ретивого конвойного и зарегистрированной протоколом; она себя сама выдумала.

Те же конвойные похитили у сына плавки и мыло, изъятые потом у них из карманов при майоре ЦапLINE, санкционировавшем обыск. Но не было ни плавков, ни мыла, ни обыска воров, ни майора ЦапLINE.

”Необходимая медицинская помощь Подрабинеку К.П. оказывалась и оказывается”.

Утверждаю и могу документально подтвердить, что сын заболел туберкулезом в тюрьме, что заболевание диагностировано с опозданием более чем на год; лечение, требующее длительного стационарного режима, проводилось несистематически, недостаточно, а большую часть времени отсутствовало так же, как необходимая диета и условия содержания. Но проверку на месте проводили Вы, а не я, потому я лгу.

”С учетом состояния здоровья подобрана ему и работа”.

Оказывается, работа с металлической и масляной пылью, от которой разрывается грудь сына, особенно вредная для его больных легких, это и есть подобранная с учетом его здоровья.

...

К. Подрабинека перевели в новый лагерь: 152620, Ярославская обл., г. Углич, учр. ЮН-83/3. Администрация этого лагеря сообщила родственникам, что туберкулез, которым болен К. Подрабинек, находится ”в стадии рубцевания”, но сам Подрабинек отказывается принимать анти-

бактериальные препараты. Администрация сообщила также о времени ближайшего свидания – июнь 1982 г.

В декабре суд отправил К. Подрабинека на 1 год в тюрьму. В конце декабря он прибыл в тюрьму: 626100, Тюменская обл., Тобольск, учр. ЯЦ-34/СТ-2.

* * *

В июне в лагере, где содержится А. Подрабинец (Хр. 61), 20 заключенных, в том числе он, отказались выполнять работы по созданию контрольно-следовой полосы. А. Подрабинеку дали за это 15 суток ШИЗО. Затем за то, что он спал днем, ему дали еще 7 суток ШИЗО. 2 июля его на 4 месяца поместили в ПКТ (в Хр. 62 – ошибка). 25 августа его поместили на 14 суток в ШИЗО, выпустили на 4 дня, снова поместили в ШИЗО, где, непрерывно продлевая срок содержания, безвылазно продержали до конца года.

Зам. начальника Якутского УИТУ подполковник Щелчков заявил А. Подрабинеку, что против него может быть возбуждено дело по ст. 77-1 УК РСФСР ("Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений").

Осенью А. Подрабинец сообщил родным, что он срочно нуждается в адвокате – против него готовится дело по ст. 70 УК РСФСР. В это время адвокат Н.Я. Немеринская (Хр. 53, 57, 58) хотела встретиться с А. Подрабинеком по поводу написания надзорной жалобы, но ей заявили, что срок подачи надзорной жалобы истек (согласно УПК, срок подачи надзорной жалобы не ограничен).

В декабре зам. прокурора Якутской АССР Демин ответил А. Подрабинеку на его жалобу, что администрация правильно не разрешила ему подписаться на журнал "Социалистическая законность" и Бюллетени Верховного суда СССР и РСФСР – "Вам они ни к чему".

* * *

В августе 1980 г. в лагере "учр. 233/23" огласили список поданных лагерной администрацией на амнистию по указу от 27 июня 1980 г. (Хр. 57). В списке был и В. Михайлов (Хр. 56). Через неделю после оглашения списка Михайлова перевели в Архангельск – в "учр. УН-42/1-1".

Только через полгода, после многочисленных жалоб, прокуратура Архангельска сообщила Г. Михайловой, что ее муж не подлежит амнистии "как злостный нарушитель дисциплины".

В новом лагере сотрудники КГБ часто допрашивают Михайлова, угрожают ему возбуждением дела по ст. 190-1 УК РСФСР, если он не "раскается и не пересмотрит свои убеждения".

5 мая 1981 г. Михайлову было положено очередное свидание с женой – администрация лагеря подтвердила это телеграммой. Приехав, Г. Михайлова узнала, что ее муж за "нарушение внутреннего распорядка" посажен в ШИЗО.

Свидание состоялось 19 июня. Предварительно власти сообщили Г. Михайловой, что свидание дается ей в качестве льготы, полуофициально, и просили "повлиять на мужа во время свидания".

В июле Михайлов был лишен посылки. Кроме того, в настоящее время он фактически лишен переписки, т.к. его жена живет в деревне и вынуждена получать корреспонденцию "до востребования", а пересылать письма таким образом администрация отказывается.

* * *

По прибытии в лагерь А. Стасевич (Хр. 56) отказался от работы, за что получил 6 месяцев ПКТ. По выходе из ПКТ он снова отказался от работы, за что еще раз получил 6 месяцев ПКТ. По втором выходе из ПКТ он еще раз отказался работать – в марте 1981 г. его перевели во Владимирскую тюрьму (Хр. 62).

* * *

Вячеслав Черновол (суд – Хр. 57) отбывает наказание по адресу: Якутская АССР, пос. Табага, учр. ЯД-40/7.

Из следственного изолятора его привезли в лагерь 13 августа 1980 г. в состоянии длительной (с момента ареста 9 апреля; в Хр. 56 – неточность) голодовки. На вахте Черновола поместили в камеру предварительного содержания, где он пролежал два дня на загаженном плевками и экскрементами полу. Потом Черновола на 3 дня перевели в "культкомнату", где не было воды. В туалет ему надо было спускаться во двор со второго этажа. Не имея сил, Черновол полз на четвереньках, терял сознание. Его отливали водой. У Черновола началась дизентерия (в лагере свирепствовала ежегодная эпидемия). Только после этого его отнесли в санчасть, где впервые в лагере к нему подошел врач (в частности, искусственного кормления, проводившегося вплоть до отправки из тюрьмы, не проводили). Врач предъявил Черноволу ультиматум:

"Если не прекратишь голодовку, от дизентерии лечить не будем – протянешь всего несколько дней".

Черновол прекратил голодовку.

С 5 по 21 ноября 1980 г. Черновола, по указанию начальника Центральной больницы (она находится в одной ограде с лагерем) капитана Ю.М. Пахальского, держали в инфекционном изоляторе (Хр. 60).

28 апреля 1981 г. майор Тумаков и капитан Терешкин (в Хр. 62 его фамилия с ошибкой) изъяли из личных вещей Черновола все материалы его "дела". Почти одновременно был проведен обыск во Львове у жены Черновола Алены Пашко.

16 июня в столовой, где Черновол работает подсобным рабочим, его без всякого повода несколько раз ударил по лицу заключенный Аминев ("бич", несколько судимостей). Вскоре Черноволу было предъявлено по-

становление о лишении очередного свидания за то, что он "учинил драку". Предъявить ему объяснение Аминова по поводу инцидента начальник отряда ст. лейтенант Мирончук отказался "по оперативным соображениям". Старший повар смены дал объяснения, изобличающие Аминова.

19 июля Черновол объявил голодовку, протеста против изъятия у него материалов "дела" и нападения на него лагерного провокатора. На пятый день голодовки Черновола водворили на 10 суток в ШИЗО "за невыход на работу". К постановлению о наказании была приобщена справка врача о том, что по состоянию здоровья Черновола можно содержать в ШИЗО. Справка была выдана заочно, без обследования. Черновола раздели и бросили на голые нары карцера. Врач появился и измерил давление только на десятые сутки голодовки. "Помощь" ограничилась выдачей постели. За 21 суток голодовки Черновол не получил никакой медицинской помощи. Когда Черновол под угрозой применения искусственного кормления прекратил голодовку, ему дали кусок черного хлеба и штрафную баланду. Черновола продолжали держать в ШИЗО, настаивая, чтобы он взял эту пищу. В ответ на это Черновол проголодал еще два дня.

* * *

5 марта в Хабаровске суд под председательством Чебанова приговорил китайца Чу Найбо по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР ("Хищение государственного ... имущества, совершенное путем присвоения ...") и ч. 2 ст. 156 УК РСФСР ("Обман ... заказчиков") к 6 годам лагерей. Обвинитель – Демченко, защитник – Рыжков.

Найбо (1934 г.р.) окончил Харбинский институт иностранных языков по специальности "русский язык и литература". В 1962 г. он бежал из Китая в Советский Союз. Ему было предписано жить в Биробиджане.

В 1965 г. он добился разрешения съездить в Москву. Там Найбо сдал экзамены и был зачислен с предоставлением общежития на вокальное отделение Института им. Гнесиных, но в московской прописке ему отказали, т.к. он "плохо вел" себя в Биробиджане – спорил с властями. Найбо вернулся на Дальний Восток.

С 1974 г. Найбо работал разъездным фотографом.

В 1979 г. Павел Чухрай пригласил Найбо для съемок в фильме "Случай в океане". Найбо отказался, сказав, что образы китайцев в фильме фальшивые. Чухрай предложил Найбо переработать сценарий, что Найбо почти и сделал, но выяснилось, что сценарий утвержден высокими инстанциями и менять в нем ничего нельзя.

В феврале 1980 г. Найбо арестовали. Сначала его 5 месяцев держали в тюрьме КГБ (из них – 3,5 месяца – в одиночке), не предъявляя обвинения, но регулярно допрашивая. Затем его перевели в общеуголовную тюрьму, где держали около месяца, обвиняя в хищении при работе фотографом.

В июле 1980 г. суд направил дело на доследование, а Найбо освободили под подписку о невыезде. Обещали вскоре прекратить дело.

Найбо написал большое письмо Брежневу о своем аресте и деле. Тогда ему "объяснили":

”Вы неправильно себя повели и будете осуждены”.

5 марта суд приговорил Найбо к 6 годам общего режима. 14 мая кассационная инстанция утвердила приговор.

Наказание Найбо отбывает по адресу: 682731, Хабаровский край, Солнечный р-н, пос. Мавринск, учр. ЯБ-257/16-3. Работая в строительной бригаде, он в начале августа надорвался, поднимая бревно (грыжа). Его перевели на более легкую работу (вяжет сетки).

Письма и заявления политзаключенных

Ешмантас (суд – Хр. 60) обратился к руководителям европейских компартий с просьбой, чтобы они, с участием адвокатов из европейских стран, добивались у Генерального прокурора СССР [пересмотра] ”сфабрикованного его группе дела”.

Он обратился также к молодежи Литвы:

Благодарю за гражданскую и моральную поддержку, оказанную вами мне во время суда. Особенно радует ваша смелость и решимость в борьбе за свободу и правду. Вы – наша надежда и будущее! Жаждаю одного – пусть ширится движение за свободу и независимость Литвы!

* * *

Заключенные 3 мордовского лагеря В. Осипов, Е. Анцупов, Ю. Бадзьо, Д. Мазур, В. Скуодис, А. Янулис и Зариньш написали 2 обращения:

К Мадридскому совещанию

Просим создать Всемирную конференцию по Правам Человека, привлечь ООН, МАЮД, любые общественные организации, устроить фронт против диктатур. Принять статус политзаключенного (определить хотя бы примерный).

Требуем пересмотреть наши ”дела” любой международной комиссией юристов. Готовы дать любые показания людям, которые способны быть объективными.

Информируем о событиях 30 октября и о том, что мы в отчаянии от заговора молчания вокруг наших усилий, мук и судеб.

К Польше

Приветствуем вашу борьбу за вашу и нашу свободу, ваше стремление построить общество демократического социализма. Русская, украинская, литовская и латышская оппозиция выражают вам солидарность.

Осипов, Анцупов, Бадзьо, Мазур, Скуодис и Г. Ничипоренко написали обращение:

К общественности ФРГ и США в связи с визитом Л. Брежнева в ФРГ и возобновлением переговоров (30 ноября) по ракетам среднего радиуса действия.

Брошенные за колючую проволоку советского концлагеря, потому что пытались сказать правдивые слова о нуждах и чаяниях наших народов, мы обращаем внимание общественности названных стран на диктаторский и тоталитаристский характер режима в СССР. Считаем такой режим источником международной напряженности.

Г. Якунин. *Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу* (12 мая 1981 г.)

28 августа 1980 г. Мосгорсудом я был приговорен к лишению свободы и в апреле м-це с.г. прибыл в учреждение ВС-389/37 УВД Пермского облисполкома для отбывания наказания.

Сюда, в исправительно-трудовую колонию, мне позволено было привезти для моего личного пользования религиозную литературу, которую я получил и которой я пользовался в следственном изоляторе КГБ СССР по разрешению администрации и следственных органов. По прибытии в колонию я подал заявление в адрес администрации с просьбой разрешить мне пользоваться этой литературой (религиозной) и, в частности, изданными в Сов. Союзе официально Московской патриархией: Библией, православным молитвословом, Псалтирью, православным календарем на 1981 год и Журналом Московской патриархии № 1 за 1980 год. Прошел месяц, как я уже в зоне, но указанные книги остались в руках администрации и моя просьба вернуть их мне – удовлетворена не была. Главной причиной моего ареста, предания суду и лишения свободы было учреждение мною в Москве "Христианского комитета защиты прав верующих в СССР", руководство работой этого Комитета, широкая публикация мною на Западе его материалов и документов. В приговоре суда говорится о том, что в этих документах и публикациях содержатся "клеветнические измышления", в частности – на внутреннюю политику СССР в области религии. Но не является ли прямым доказательством правоты моих утверждений о нарушении прав верующих в нашей стране тот факт, что меня, священника русской православной церкви, в течение многих лет добивавшегося осуществления со стороны государства права верующих и церкви на свободу религиозной жизни, ныне находящегося в заключении, лишают возможности пользоваться Библией, молитвословом и др. Для меня, как для священника и христианина, Библия и книга молитвенных правил являются тем необходимым минимумом духовной жизни, пищи, без которой я не могу жить. В случае, если мои жалобы в официальные государственные

инстанции на изъятие у меня религиозной литературы останутся без удовлетворения, я буду вынужден прибегнуть к крайнему средству – голодовке, дабы обратить внимание христианской мировой общественности на попрание моего права на свободу совести.

В. Некипелов. *Депутату Верховного Совета СССР, Главе Русской Православной Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену* (29 апреля 1981 г.)

Ваше Святейшество!

Христианин, находящийся в узилище, прошу Вас о духовной помощи.

В нарушение Основного закона государства – Конституции СССР – и международных документов о правах человека, администрация лагеря, в котором я содержусь, лишает меня права на свободу вероисповедания, не разрешив мне (изъяв ее у меня по прибытии) пользоваться личной Библией.

Никакого вразумительного объяснения, почему заключенный не может иметь при себе Библию, мне не дано. Прокуратура же (письмо прокурора Пермской обл. Язева от 27.02.81 г.) ссылается на то, что заключенные, согласно ИТК (Исправительно-трудовому кодексу), имеют право якобы приобретать литературу только через книготорговую сеть, хотя очевидно, что такой поистине казуистический ответ ничего не проясняет, поскольку Библия, как известно, в книготорговую сеть в СССР не поступает, а, во-вторых, речь идет не о приобретении мною Библии, а пользовании мною личной Библией, которая есть у меня, которая была со мной при моем аресте, и теперь, отнятая, лежит где-то на складе в личных вещах.

Как христианин, считаю своим долгом сообщить Вам, Ваше святейшество, что в точно такой же ситуации находится сейчас мой соузник Александр Огородников, у которого при поступлении в лагерь также была изъята личная Библия. Добиваясь ее выдачи, а также права на некоторую свободу православного обряда в лагере, в частности, допуска к нам священника для совершения исповеди, Огородников пошел на крайнюю, очень трудную для христианина меру – начиная с 16 марта и по 26 апреля, т.е. в течение 40 дней, держал голодовку протеста.

Насколько мне известно, в лагере есть и другие заключенные, которые хотели бы получить возможность иметь личную Библию.

Я прошу Вас, Ваше Святейшество, использовать весь авторитет Вашей духовной власти, а также Ваши депутатские полномочия, содействовать тому, чтобы мне и Огородникову были выданы личные Библии, т.е. восстановлено наше духовное, дарованное Богом и признанное Конституцией право на свободу совести, свободу общения со Словом Божьим, свободу исполнения православного обряда.

Я просил бы Вас также поставить вопрос перед высшими инстанциями МВД о том, что Библия ни в коей степени не может быть причислена к другим книгам, поскольку она является высшей духовной книгой, книгой книг, т.е. чтобы для нее было сделано исключение в системе внутренних инструкций МВД.

Храни Вас Бог. Поскольку это письмо написано мною в неделю праздника Пасхи Христовой, то я закончу его пасхальным приветствием: "Христос воскрес!"

С почтением, смирением и надеждою

(Администрация 36 пермского лагеря это заявление конфисковала.)

Н. Руденко. *Адвокату Н.Я. Немеринской* (5 ноября 1981 г.)

...

Мне стало известно, что в числе нескольких советских граждан я был выдвинут кандидатом на Нобелевскую Премию Мира за 1981 г. Нобелевский Комитет объявляет свои решения 18-21 октября ежегодно. Следовательно, присуждение уже состоялось и Лауреаты объявлены. Однако, я нахожусь в таких условиях, что у меня нет возможности узнать, кто именно является Лауреатом Нобелевской Премии Мира за 1981 год.

Я обратился с этим вопросом к администрации – и компетентные лица мне разъяснили, что у меня есть законное право получить интересующий меня ответ непосредственно в Нобелевском Комитете и что обращаться нужно именно туда.

Считая данный ответ разумным и с правовой точки зрения вполне грамотным, убедительно прошу Вас помочь мне в этом благородном деле.

...

В защиту политзаключенных

22 апреля зять Марка Морозова (суд – Хр. 61) А. Готовцев (Хр. 62) написал

*Всем людям доброй воли
Международным общественным
организациям
Советскому правительству*

Письмо в защиту Марка Морозова

...

Марк Аронович Морозов болен тяжелой формой полиартрита, он едва передвигается, почти совсем оглох, незадолго до ареста у него начались приступы удушья. 6 декабря 1980 года он пытался покончить с собой, вскрыв вены.

Суд под председательством Ермилова (прокурор Щербаков) вынес, по существу, смертный приговор, ибо, зная состояние М. Морозова, я не могу быть уверенным в том, что он жив уже сейчас, когда я пишу эти строки.

Во время сбора информации по делу Морозова я столкнулся с определенными явлениями, носящими открыто репрессивный характер по отношению к лицам, проходившим по воркутинскому делу в качестве свидетелей, в связи с чем я открыто заявляю, что намерен помогать всем поправленным в своих правах свидетелям воркутинского процесса всеми доступными мне способами, до полного восстановления законности в отношении этих людей.

Немногие, наверное, понимают, как унизительно, как стыдно обращаться к тем, кто крутит ручку этой мясорубки.

(См. также "Поправки и дополнения".)

День политзаключенного

24 октября член Московской группы "Хельсинки" Н. Мейман сделал *"Заявление для прессы ко Дню политзаключенных в СССР"*:

В период с 1977 по 1981 годы были арестованы и томятся в тюрьмах, лагерях и ссылках Юрий Орлов, Анатолий Щаранский, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Виктор Некипелов, Александр Подрабинек, Татьяна Осипова, Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский, Ирина Гривнина, Иван Ковалев, Владимир Кислик, Ида Нудель, Владимир Слепак, Мальва Ланда, Виктор Браиловский.

Со всеми ними я был связан в течение ряда лет и поэтому могу, со знанием всех обстоятельств и полной ответственностью за свои слова заявить, что вся их деятельность имела чисто гуманитарный характер. Они добивались абсолютно открытыми, легальными методами соблюдения элементарных прав человека, зафиксированных советской Конституцией, в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Соглашении в Хельсинки.

Все они в самом точном и высоком значении этих слов являются Узниками Совести. Я призываю всех, для кого права человека не являются пустой формулой, сделать все зависящее от них для освобождения названных выше самоотверженных, благородных людей.

28 октября А. Сахаров выступил с заявлением *"День политзаключенного 1981 года"*:

Семь лет назад мы впервые собрались, чтобы отметить День политзаключенного. Среди нас были Сережа Ковалев, Таня Великанова, Мальва Ланда, Саша Лавут, Володя Слепак. Сегодня все они лишены свободы, разделив в самой полной мере судьбу тех, о ком

говорили тогда. К сожалению, все те жгучие проблемы, которые волновали нас семь лет назад – репрессии за слово и мысль, за бескорыстную защиту жертв несправедливости, жестокий режим, бесправие и произвол в местах заключения – все так же злободневны. Эти проблемы даже стали еще острее, затронули еще больше людей. Особенно жестоки приговоры осужденным повторно.

Сегодня мы знаем много о новых репрессиях и ужасных несправедливостях последних месяцев. И все так же мы – всей силой души – настаиваем на всемирном освобождении узников совести, на уничтожении недостойного современности режима бесправия, жестокости и произвола в местах заключения, настаиваем на прекращении использования психиатрии в политических целях. По-прежнему мы призываем к законности и разуму.

30 октября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 185 "30 октября – День политзаключенного в СССР" (подписи – Е. Боннэр и С. Каллистратова) :

Седьмой раз отмечаем мы сегодня День политзаключенного в СССР.

...

Сегодня, через семь лет, положение не только не улучшилось, но и резко ухудшилось.

...

Но приговор суда – это только начало. Далее следует отбывание заключения, которое администрация лагерей, тюрем и психбольниц чаще всего превращает для политзаключенных в настоящую пытку.

...

В последнее время определилась новая и все более явная установка властей – *превратить узников совести в вечных заключенных*, т.е. – не выпускать из лагерей и ссылок тех, кто туда попал, и – вернуть в лагеря тех, кто уже отбыл срок.

...

Сегодня, в День политзаключенного 1981 года, мы вновь требуем

– *всеобщей политической амнистии*

...

В этот день на московской квартире А. Сахарова состоялась традиционная пресс-конференция.

Освобождения

В мае, отбыв 1,5 года за отказ от службы в армии, освобождился Василий Шаталов (Хр. 55). Вскоре он получил разрешение на выезд и уехал из СССР.

В июне из 36 пермского лагеря освобожден "двадцатипятилетник" Онуфрий Кулак.

В июле по концу годовичного срока освобожден Владимир Выркин (Хр. 57).

30 июля по концу срока освобожден Повилас Бузас (суд – Хр. 60).

В августе по концу срока освобожден Георгий Шепелев (суд – Хр. 62). Полугодовое заключение он отбыл в Бутырской тюрьме, работая в хозобслуге.

В августе по концу срока освобожден Александр Максимов (Хр. 62). Из его письма:

После выхода из заключения я еще больше укрепился в своем решении никогда и ни при каких обстоятельствах не связывать себя с этим обществом и не вносить никакого вклада в дальнейшее осуществление его идеалов (таких, как "труд на благо общества", служба в армии и т.д.). Я трезво осознаю, что своими поступками могу навлечь на себя самое жестокое возмездие со стороны властей, но это не останавливает меня, и я готов к любым испытаниям. Но состояние здоровья моей матери настолько критическое, что арест ее, который может произойти в любой момент, равносителен для нее смерти.

В конце августа по концу срока освобожден сын Сергея Солдатова (Хр. 62) Александр Солдатов (Хр. 45, 58).

В сентябре из 36 пермского лагеря освобожден "двадцатипятилетник" Степан Петриев.

В октябре из лагеря в Паневежисе по концу срока освобождена Она Виткаускайте (суд – Хр. 60).

6 ноября по концу трехлетнего срока освобожден Владислав Бекко (Хр. 53, 54, 56).

20 ноября по концу восьмилетнего срока в Вильнюсе был освобожден привезенный из Чистопольской тюрьмы Пятрас Плумпа (Хр. 34, 60).

В декабре по концу трехлетнего срока освобожден Иосиф Зисельс (суд – Хр. 53).

По амнистии освобождены Геннадий Боголюбов (арест – Хр. 60) и Мария Чулкова (суд – Хр. 62).

* * *

Осенью 1980 г. по амнистии условно освободили "с обязательным привлечением к труду" Виктора Монбланова (суд – Хр. 53). Отбывать "обязательное привлечение" его послали в Дрогобыч. Через два месяца за попытку съездить в выходные дни в Киев его вновь заключили в лагерь.

Летом 1981 г. в лагерь несколько раз приезжал сотрудник КГБ из Киева. В беседе с Монблановым он сказал, что в МВД УССР пришел запрос из швейцарской группы "Международной Амнистии": как лагерная администрация относится к Монбланову? не придирается ли к нему? не нарушает ли его права? Он спросил Монбланова, не выйдет ли тот снова на площадь, если его освободят.

25 декабря Монбланов получил условно-досрочное освобождение; согласно справке, "на 1 год 2 месяца и 12 дней раньше срока" (это означает, что время пребывания на "обязательном привлечении" ему не зачли).

Ему предписано в двухнедельный срок устроиться на работу.

В ССЫЛКЕ

Оксана Мешко (суд – Хр. 61) прибыла на место ссылки только 3 июля (в Хр. 62 – ошибка). Здесь же кончает отбывать ссылку ее сын Александр Сергиенко (Хр. 52).

Из ее письма (стиль и орфография подлинника):

...Прибыла 3 июля пароходом в дождь и до сих пор не просыхаю. Вы, конечно, знаете о стихийном бедствии Хабаровского, оно нас тоже не обошло. В Аяне непрерывные страшные дожди как перед потопом: аэродром снесло и авиосвязь – это единственная наша связь с миром прекращена – одно время и телеграфная – также была прервана. Более 80 телеграфных столбов были повалены или размыты горными потоками, теперь все идет через Охотск. За два месяца было три пассажирских парохода, ожидают четвертого и последнего, так как эти пароходы в сентябре уже не смогут курсировать в Охотском море, а другие не запланированы для Аяна – жителей на этом Аянском пятачке не более 1.5 – 1.7 т., значит, не экономно. Начальство с пересадками летает вертолетом. Мой сын заканчивает 4 августа и мы еще не знаем, как он отсюда выберется, а ехать он должен непременно. Его жена тяжело больна после вторых родов – у меня теперь есть, кроме 10-летнего внука Устыма, и внучка Оленька, рождения 28 марта с.г. – почти не ходит. Я остаюсь одна почти в полной изоляции. Зимы тут такие страшные, и люди местные меня пугают, что одной мне прожить невозможно. Тут три проблемы: дрова, вода, продукты. Когда задует пурга, то снег заносит дома и проездные дороги, из дому не выберешься. И хотя наша халупа близко продуктового магазина, и вообще, в центре никто не придет на помощь. Просила поставить мне телефон и к председателю райисполкома обращалась, отказал: "... нет номеров, только в порядке очереди", а очередь мне выпадает года через два-три, а сколько мне осталось прожить, никого здесь не интересует. С 17 марта начался мой длинный маршрут по

европейско-азиатским просторам необъятной: видела все достопримечательные с остановками Харьков, Свердловск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Николаев-на-Амуре. Не могу пожаловаться лечили и готовили к дальнейшему следованию. За 9 месяцев получила гипертонию третьей степени. Уже все медикаментозное лечение испробовано, но безрезультатно. Акклиматизироваться в этом кагорически противопоказанным мне климате и по возрасту и по болезни невозможно. Перезимовать мне здесь одной, что на Еверест взойти ненадтренированному спортсмену. Но ... Что делать? Хочеш не хочеш – должен.

Я радуюсь возвращению домой моего сына, мы с ним прощаемся. Думаю, что добрые люди будут мне хотя бы писать – беда, что со связью теперь со всем стало плохо, хотя и до наводнений было тоже плохо из-за нелетной погоды и т.п.

С пенсией у меня получился казус. Согласно закона лишаются пенсии на время отбытия основного срока. У меня он определен в полгода, а в ссылке пенсии возобновляются. Я подала в собес заявление 8 июля, на запрос Аянского Киевский ответил, что "не числится на учете". Послали второй розыск пенсионного дела местного собес. Вот так со мной "шутят". С продуктами здесь очень тяжело, и овощи и фрукты в консервированном виде завоза прошлого года, в этом сезоне раз привозили картофель (давали по 2 кг) и капусту свежую. Обещают привезти капусту для квашения. Молоко есть, но зимой его не будет, хлеб только белый, гречневой тоже нет. Через мой диабет мне трудно. Рыбу я засолила на зиму, но опять-таки соленая, мне с гипертонией нужно воздерживаться. Сын дрова завез, расплылил, теперь рубит. Крыша хибары течет, Олесь ее перекрывает, но дожди мешают. Печь дымит. Но мы побелили внутри и это тоже была радость спать не под цементным кожухом. Мучит ревматизм, который возобновился за время там ...

* * *

Весь свой срок (1,5 года) Юлюс Саснаускас (суд – Хр. 58) содержался в Вильнюсе – в тюрьме КГБ. Ему разрешались ежемесячные передачи. От него усиленно добивались письменного "покаяния". По концу срока (11 июня 1981 г.) он спецэтапом (самолет, наручники) был доставлен в Томскую область для отбывания пятилетней ссылки. Он живет в с. Парабель, в общежитии (Советская ул. 147-а), работает сантехником.

Петр Сартаков (Хр. 54) отбывает ссылку в д. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края.

Размик Зограбян (Хр. 34, 57) отбывает трехлетнюю ссылку в г. Алзамай Иркутской обл.

3 сентября в Целиноградском аэропорту милиция обыскала Марину Ребрик (21 год), возвращавшуюся от отца Богдана Ребрика (Хр. 62).

Ей было сказано, что она похожа на одну из членов "банды, орудующей в Целинограде".

Ивана Светличного (Хр. 51-54) оперировали по поводу височно-теменной опухоли.

В июле Мальву Ланду (Хр. 57) пытались допросить по делу И.Ф. Христюка, обвиняемого по ст. 190-1 УК РСФСР. Она сделала заявление об отказе от участия в следствии:

...

Ст. 190-1 УК РСФСР (так же, как и ст. 70 УК РСФСР – "анти-советская агитация и пропаганда") представляет собой явное преследование за убеждения, почему-либо неугодные власти; при этом эти убеждения безапелляционно объявляются властями (следственными органами и судом) "клеветой", "ложными измышлениями".

...

Нарушение любой статьи Всеобщей декларации прав человека ООН, в особенности статьи 19-й, провозглашающей право на свободу убеждений, – есть угроза человечности и человечеству – как об этом обстоятельно сказано в преамбуле Всеобщей декларации.

Мой отказ от участия в данном следствии – это отказ от соучастия в преступлении, предусмотренном Всеобщей декларацией прав человека ООН.

В ноябре ее пытались допросить по делу И. Ковалева (см. "Арест Ивана Ковалева").

* * *

В марте Василий Ткачук (1921 г.р.), отбыв 15 лет в 35 пермском лагере за участие в украинском освободительном движении, прибыл в ссылку: 636400, Томская обл., Чаинский р-н, с. Подгорное. Ткачук страдает диабетом, гипертонией и атеросклерозом и уже в течение 23 лет является инвалидом 2-й группы. Однако во время пребывания в ссылке, когда Ткачку оставалось до 60 лет 2 месяца, областной ВТЭК г. Томска снял с него 2 группу и дал 3-ю, оставив его без пенсии и без права отмены ссылки, которым, согласно закону, должен пользоваться инвалид 2-й группы.

Арест Храмова

Из письма Юрия Храмова, отбывающего ссылку в психоневрологическом доме-интернате в Казахстане (Хр. 60):

... Пропали 7 писем к Вам, в т.ч. два заказных с уведомлением. Даже в самые плохие времена, когда я сидел в лагере, и то не бы-

ло такого, чтобы вот так просто, беспричинно были захвачены письма... На почте мне сегодня сказали, что все почтовые отправления для инвалидного дома получает и отправляет культорг и что начальство инвалидного дома ругает их за то, что они принимают от меня лично письма и телеграммы... Все к моей переписке относятся подозрительно. Даже уборщица, когда я сажусь писать письмо, распахивает дверь в комнату. На вопрос, зачем она это делает, ответила: "Так директор приказал". Эта ссылка будет для меня тяжелее, чем заключение. Было бы куда лучше, если бы я оказался в лагере. Директор так и сказал: ты здесь на общих основаниях. А это значит, что захотят, то и сделают, я ведь для них – больной. Директор инвалидного дома уже несколько раз предупреждал меня, что если я буду выходить за территорию интерната, тогда он разденет меня догола и посадит в клетку...

... "госопекаемые" шатаются день и ночь. Готовят плохо. Если не успел поесть в первую очередь, придется есть из грязной посуды. В бараке шум день и ночь. Первое время никак не мог прироваться к этой жизни, даже письмо не мог написать. В первые дни, не зная еще, что это за заведение, пробовал наладить отношения, но оказалось, что все абсолютно больные люди...

... Здесь невозможно что-либо готовить самому – строго-настрого запрещено. Поэтому когда наступает унылое самочувствие, беру щепотку чая, пожую, запью холодной водой – вот и чаепитие.

Когда меня везли сюда, произошла авария, в результате которой я сломал руку и был сильно ушиблен бок, думал, что не выживу, если бы не сокамерники – умер бы. Сейчас стало лучше, рука срослась. Неправильно, но двигается, только силы в ней уже нет. В день аварии зашел ко мне в камеру тюремный врач, уже под вечер, и сказал: "Сегодня смотреть тебя мне некогда, а завтра и послезавтра у меня выходной, потом посмотрю, а будешь стучать в дверь – посадим в карцер". Так он и не заходил. Они все такие, тюремные врачи...

В сентябре Храмцова арестовали в Москве. Против него возбудили дело за "побег с места ссылки".

Суд над Коставой

В ноябре, когда двухлетняя ссылка Коставы (пос. Квиток Тайшетского р-на Иркутской обл.) заканчивалась (в Хр. 57 – ошибка), его арестовали: милиция пришла проверять документы у его гостя, затем гостя увели в милицию, Костава пошел выручать его. Там его арестовали. В декабре Тайшетский суд осудил его за "злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР) на 5 лет и 1 месяц (за неотбытую ссылку) лишения свободы.

30 декабря А. Сахаров телеграфировал первому секретарю ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе:

В последние месяцы ссылки вновь арестован Мераб Костава, ранее осужденный на три года лагеря и два года ссылки, узник совести. Я считаю его благороднейшим человеком. Ваше отношение может быть иным. Но он отбыл наказание. Причина нового ареста – протест Коставы против задержания органами милиции в доме Коставы его гостя – ранее ему неизвестного человека, расцененный как оскорбление милиции. Во имя славной грузинской традиции гостеприимства, во имя справедливости, во имя чести грузинского народа я умоляю Вас о помощи в деле Коставы.

Суд над Сквирским

19 февраля Владимир Сквирский (Хр. 56) был задержан милицией на территории Байкадамского райколхоза с двумя ведрами угля. Был составлен протокол о задержании.

В марте Сквирский подал директору автотранспортного предприятия (АТП), в котором он работал токарем, А. Мустафину заявление:

Прошу дать указание бухгалтерии оформить накладными уголь, взятый согласно Вашему разрешению на отопительный сезон 1980/81 года и оплаченный в сумме по естественной убыли на 32 руб.

Мустафин подписал это заявление.

В конце июля против Сквирского возбудили уголовное дело о хищении угля.

8 августа на его квартире провели обыск по делу о хищении угля. Изъяли письма, фотографии, 2 бюллетеня СМОТ.

20 августа была проведена очная ставка Сквирского с Мустафиным и зав. складом Ж. Комекбаевым. Сквирский сказал, что в октябре 1980 г. он договорился с Мустафиным о том, что он будет брать на АТП уголь и в конце каждого месяца будет его оплачивать. Мустафин утверждал, что он разрешил Сквирскому взять только одно ведро угля.

22 августа следователь Саулебаев закончил следствие и передал дело в суд, но суд не принял дело "за отсутствием состава преступления". Тогда дело было направлено в народный суд города Жанатас.

* * *

27 августа сотрудник Джамбулского УКГБ ст. лейтенант И. Черноморский допросил Сквирского по делу В. Кувакина (суд – в наст. вып.). Сквирский показал, что знаком с Кувакиным; Кувакин – глубоко порядочный человек и истинный патриот, клеветы от Кувакина он никогда не слышал, с момента своего ареста он с работами Кувакина не знаком, он дал Кувакину "право своей подписи с широкими полномочиями". На вопросы о друзьях и знакомых Кувакина, о взаимоотношениях Кувакина с

Файнбергом и Борисовым, о связях Кувакина с иностранцами, о способах получения и распространения книг и об авторстве писем он отвечать отказался.

* * *

С 8 по 10 октября выездная сессия народного суда г. Жанатас Джамбульской обл. под председательством М.А. Орловского в помещении Сарысуйского районного народного суда рассмотрела дело Сквирского, обвинявшегося по ч. 2 ст. 77 УК Каз. ССР ("Мелкое хищение государственного ... имущества"). Государственный обвинитель – прокурор К. Ташенова, общественный обвинитель (от АТП) – С. Тасыбаев, защитник – московский адвокат А.В. Рахмилович (Хр. 53).

Сквирский обвинялся в хищении 2616 кг угля на сумму 35 руб. 41 коп. в АТП и в хищении 180,9 кг угля на сумму 2 руб. 77 коп. из райкомхоза.

По словам Сквирского, уголь он брал с разрешения руководителей АТП и райкомхоза. Ущерб он возместил: 35 руб. 41 коп. он заплатил в марте (заплатил с трудом – у него не хотели их брать), а 2 руб. 77 коп. он послал переводом – когда, ознакомившись с делом, узнал об иске на эту сумму.

Мустафин показал, что разрешил Сквирскому взять одно ведро угля, а его заявление он подписал потому, что думал, что речь идет о наступающем сезоне. Комекбаев показал, что Мустафин разрешил ему дать Сквирскому только два ведра угля и он дал Сквирскому два ведра. Начальник райкомхоза Я.А. Фрик на предварительном следствии (в дни суда он был болен) показал, что не разрешал Сквирскому брать уголь.

Главный механик АТП А.А. Фрик (брат Я.А. Фрика) показал, что Сквирский зимой в его присутствии отчитывался перед Комекбаевым, сколько он взял ведер. Сторож Нарымбаев показал, что Комекбаев говорил ему, что Сквирский берет уголь с разрешения начальства и потом за него расплатится.

Суд отклонил ходатайства адвоката о вызове свидетелей, подтверждающих показания Нарымбаева, и о вызове ревизоров, в присутствии которых Мустафин подписал заявление Сквирского.

Прокурор просила дать Сквирскому 2 года лишения свободы и 1 год неотбытой ссылки.

Адвокат потребовал оправдать Сквирского за отсутствием состава преступления.

Суд приговорил Сквирского по ч. 2-й ст. 77 УК Каз. ССР к 1 году и 6 месяцам лишения свободы. К этому сроку суд присоединил еще 4 месяца – взамен неотбытой, по расчету суда, ссылки. Суд постановил взять Сквирского под стражу и началом срока считать 10 октября 1981 г.

После зачтения приговора Сквирского взяли под стражу.

В ноябре Джамбулский областной суд, рассмотрев кассационную жалобу, изменил приговор, оставив только 18 месяцев и 10 дней лише-

ния свободы (неотбытая ссылка была сосчитана неверно).

В конце декабря Сквирский еще был в тюрьме.

Освобождения

В июле кончилась ссылка у В. Лапениса (Хр. 55). Он вернулся в Вильнюс.

В августе кончилась ссылка у А. Сергиенко.

2 сентября в Москву из ссылки прибыл Б. Мухаметшин (Хр. 55, 62). 16 сентября милиция взяла с него подписку, что он в течение 72 часов покинет Москву. 30 сентября на квартиру к его сестре Р. Федякиной (Хр. 60-62), где он ночевал, явилась милиция и взяла с него еще одну подписку о выезде. Затем Мухаметшина отвели в милицию, где продержали 40 часов. Мухаметшин выехал из Москвы в г. Боровск Калужской области и прописался там. В конце октября сотрудник КГБ посоветовал ему срочно ехать в Московский УВИР. Там ему на основании документов, поданных еще в 1974 г., до ареста (Хр. 34), выдали визу на выезд со сроком 1 неделя. 5 ноября он улетел из СССР.

Кончилась ссылка у И. Сеник (Хр. 52).

В конце декабря кончилась ссылка у З. Антонюка (Хр. 52-55, 57, 61). Он вернулся в Киев.

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

В специальных больницах

Казанская СПБ

Иосифа Михайлова (1934 г.р.) уже 10 лет (он здесь с 1971 г. – ср. Хр. 62) непрерывно "лечат" лекарствами (врач – капитан Мария Николаевна Реус). Переносит он их тяжело. Условие прекращения "лечения" – отказ от веры.

Черняховская СПБ

Летом Федора Сиденко (Хр. 62) начали усиленно "лечить" лекарствами. Жена, приехавшая к нему на свидание, не уверена, что он узнал ее. (См. также "Поправки и дополнения".)

Ташкентская СПБ

В декабре сюда перевели из Сычевской СПБ Валиахмеда Тимохина (Хр. 41, 44).

Биографии

Н.И. Баранов

(В основном по самиздатскому очерку В. Фефелова и В. Черна "18 лет неволи Николая Баранова", сентябрь 1981 г., 7 стр.)

Николай Иванович Баранов родился в 1936 г. в Ленинграде.

Начало войны его семья: мать, он и сестра (они – близнецы) – прожила в Ленинграде. В июле 1942 г. они эвакуировались, осенью 1944 г. вернулись в Ленинград.

В ноябре 1963 г. Ленинградский суд рассмотрел дело Баранова, Терентьева и Фанер-Зайцева, обвинявшихся по ст. 70 УК РСФСР. Баранова приговорили к 5 годам лагерей строгого режима.

Срок Баранов отбыл в Мордовских лагерях. После отбытия срока Баранова со справкой формы "В" (получение документов по месту жительства и административный надзор) направили в Таллин.

20 апреля 1968 г. Баранов прибыл в Таллин и обратился в городское управление милиции. Посмотрев на справку, майор МВД, эстонец, сказал: "А, бродяга! Чтоб сегодня твоей ноги здесь не было". Баранов обратился в городскую прокуратуру. Прокурор Бранд посоветовала ему пойти в Министерство охраны общественного порядка (так тогда называлось МВД). Зам. министра МООП ЭССР Волочанов сказал Баранову, что у него "таких своих хватает". Баранов поехал в Москву.

24 апреля 1968 г. Баранов обратился в приемную МВД СССР – его переадресовали в ГУИТУ. Оттуда его отфутолили в спецприемник, откуда опять направили в Эстонию. Баранов обратился в ПВС СССР – безрезультатно. Он уехал в Ташкент.

Заработав в Ташкенте за 20 дней 114 рублей, Баранов поехал в Крым. В Керчи его задержали и за "бродяжничество" осудили на 1,5 года; кассационная инстанция снизила срок до 6 месяцев.

В Москве Баранов снова пошел в ПВС СССР. Принявшая его женщина стала кричать ему: "Москья, лающая на слона. Мы Гитлеру хребет сломали, а тебе и подавно ломаем!" По словам Баранова, ему оставалось "броситься под колеса трамвая или совершить преступление, получив тем самым кров и пищу". Баранов выбрал второе: он подал в приемную ЦК КПСС заявление, в котором сравнил прошлое и настоящее России; копию заявления он опустил в почтовый ящик шведского посольства. Баранова отвезли в приемную КГБ при СМ СССР. Вызванный дежурный психиатр отправил Баранова в психбольницу им. Ганнушкина. Затем его перевели в следственный изолятор КГБ (Лефортово), откуда – в Институт им. Сербского. В Институте им. Сербского Баранова признали невменяемым. В июне 1969 г. Московский городской суд признал Баранова совершившим "общественно опасное деяние, подпадающее под признаки ч. 2 ст. 70 УК РСФСР" и направил его на принудительное лечение в психбольницу специального типа.

Баранова отправили в Ленинградскую спецпсихбольницу (Хр. 18). В 1972 г. его перевели оттуда в Ташкентскую СПБ (Хр. 27). В 1974 г. его за убийство, совершенное во время побега двумя уголовниками, перевели в Казанскую СПБ, где подвергли интенсивному "лечению" нейролептиками (Хр. 39, 47). Главврач Казанской СПБ Алмаз Резаевич Мердяев заявил Баранову: "У нас к тебе кровная месть!"

В июне 1977 г. народный суд Советского р-на г. Казани признал Баранова недееспособным – его мать была назначена его опекуном.

Из Казанской СПБ Баранова перевели в Орловскую СПБ (Хр. 52), откуда в конце 1979 г. перевели в Алма-Атинскую СПБ (Хр. 56).

В октябре 1979 г. мать Баранова умерла, так и не дождавшись сына. В декабре 1979 г. его опекуном назначили его сестру Елену Моисееву-Баранову, проживающую в Ленинграде.

В сентябре 1980 г., когда Баранов после тяжелого плеврита (ему сделали пункцию и выкачали около 5 л жидкости) находился в 13-м (лечебном) отделении, санитары привязали его к кровати и избивали его, били по голове, свернули нижнюю челюсть, искривили нос. Более двух месяцев Баранов не мог встать с постели, не мог писать письма. Лечащий врач 9 отделения А. Алексеев, где сейчас находится Баранов, отказался объяснить его сестре происшедшее, мотивируя это так, что избивание произошло не в его отделении.

В 1980 г. Баранова долго держали в наблюдательной палате (по мнению Баранова, причина этого в том, что он передал в другое отделение автобиографическое письмо), 7 раз в день кололи аминазином и галоперидолом (главврач А. Породнов объяснил это сестре Баранова тем, что он передал в другие отделения два письма с планами побега, но письма эти показать отказался).

Летом 1981 г. Баранову сбавили дозу лекарств и одно из сильнодействующих лекарств заменили слабым. Он сразу почувствовал себя лучше: уменьшилась скованность, появилась реакция на разговор, взгляд стал более заинтересованным и выразительным, состояние – более бодрым.

2 сентября Е. Моисеева-Баранова побеседовала с А. Алексеевым по поводу очередной комиссии, состоявшейся 30 июля:

- Почему комиссия не выписала Баранова?
- Потому что он социально опасен.
- Кому и чем он опасен?
- Опасен, т.к. болен.
- Чем болен?
- Шизофренией.
- Пожалуйста, конкретнее – в какой форме и в чем она у него выражена?
- В параноидальной форме. Он нумерует и пишет стереотипные письма: одно и то же письмо – по 2-3 раза, не любит нас, врачей, придиричив к расценкам своего труда – норовит их проверять, контролировать. Кроме того, в его голове постоянные замыслы об организации побега. Да и Вас он, выйдя, не будет жалеть – будет обузой.
- Какие прогнозы выписки Баранова?

- Неблагоприятные, а потому и неизвестные.
- Нельзя ли снизить дозу даваемых брату лекарств, а если возможно, хотя бы на время, вообще отменить их?
- Отменить вообще нельзя, так как у него появятся идеи, а сбавить можно.

* * *

В ночь с 29 на 30 сентября, сказав "Телеграмма!", в квартиру к Моисеевой-Барановой ворвались 2 милиционера и 2 "штатских". Не предъявив никаких документов, они закрыли за собой дверь и начали что-то искать. Ничего не найдя, они потребовали у хозяйки паспорт, переписали паспортные данные, записали место ее работы. В конце один из милиционеров извинился за вторжение: "Двери нам не открывают, а ломать их мы не имеем права".

* * *

*Гражданину Вороне Александру
Петровичу, Новосибирская область,
Новосибирский р-н, село Каменка,
ул. Новокаменская, дом 2*

Сообщаем, что Ваше заявление от 4.X.1981 года о "незаконном" обыске в квартире Моисеевой (Барановой) Елены Ивановны по адресу: Ленинград, пр. Ярославского, дом 38, кв. 28 в ночь с 29 на 30 сентября 1981 года и причастности к нему сотрудников госбезопасности, нами проверено.

Обыск у гражданки Моисеевой (Барановой) Е.И. по указанному Вами адресу и розыска названных Вами Воронова Геннадия Петровича и Вороны Александра Петровича сотрудниками Управления КГБ СССР по Ленинградской области не производился.

Сотрудник УКГБ СССР по Ленинградской области Кондратьев к посещению квартиры Моисеевой (Барановой) в ночь с 29 на 30 сентября 1981 года никакого отношения не имел и не имеет.

Игнатьев и Кононов в УКГБ СССР по Ленинградской области не работают.

Начальник следственного отдела
УКГБ СССР по Ленинградской обл.

В.И. Третьяков

Освобождения

В августе из Краснодарской психбольницы освобожденный переведенный туда в январе из Черняховской СПБ Иван Федоренко (Хр. 60).

В апреле из психбольницы общего типа освободили жителя Новорос-

сийска пятидесятника Евгения Мартынова (1943 г.р.). Арестовали его 7 августа 1978 г. Инкриминировали ему его дневники, изъятые у него на обыске 18 июля 1978 г., и хранение самогона. В определении народного суда Ленинского р-на г. Новороссийска, направившем Мартынова на принудительное лечение в психбольницу специального типа (диагноз экспертизы – "шизофрения"), фигурировал только самогон. С марта 1979 г. по август 1980 г. Мартынов был в Черняховской СПБ (врачи СПБ прямо говорили ему, что к ним его направили из-за его дневников – в этих дневниках он описывал различные злоупотребления и преступления представителей власти, бывшие в городе).

НА "ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ТРУДУ"

Суд над Ермолаевым

В июле С. Ермолаеву (Хр. 60), отбывающему "обязательное привлечение к труду" в г. Гусиноозерске Бурятской АССР, за пятнадцатиминутное опоздание из кино на вечернюю проверку объявили так называемый "третий надзор" (дополнительные ограничения): в течение месяца ему запрещено выезжать из города и ежевечерне он должен являться на дополнительную проверку. Двоим, опоздавшим вместе с ним, никаких ограничений наложено не было.

18 июля Ермолаев написал письмо:

...

Дела мои опять идут, скажем прямо, очень неважно. Похоже, меня собираются опять вернуть в лагерь. На днях мне вынесли третий по счету надзор ("дополнительные ограничения"), как всегда ни за что. Втроем опоздали на 15 минут из кино на вечернюю проверку. Двоим, разумеется, ничего, а мне – "распишитесь". Ограничения, в сущности, незначительны: запрещение выезжать из Гусиноозерска, да ежевечерняя дополнительная отметка в течение всего срока надзора (в моем случае – месяца). Беда в другом. Надзор – наказание не уголовное, а административное, нечто вроде выговора с занесением для вольных, а следовательно, и не регламентируется сравнительно доступным и известным уголовным законодательством. Это не тот надзор, за нарушение которого по ч. 2 ст. 198 УК РСФСР год дают. Мой надзор – мера, формально, "профилактическая". Но хотя четкого юридического закона на сей счет, как я уже сказал, в природе не существует, недостаток этот с лихвой восполняется кипой всякого рода ведомственных приказов, указов, положений, разъяснений и инструкций (в подавляющем большинстве своем мало- или вовсе неизвестных простой серой скотинке вроде меня), предоставляющих администрации ши-

рокие полномочия для инициативы и ставящих нас в юридически двусмысленное положение: все, вроде бы, можно, а на поверку – ничего нельзя (бывает и наоборот, но реже). Приказам и циркулярам этим несть числа, от них же несть спасения... Даже любопытно – каждый день узнаешь что-нибудь новенькое! По наивности я считал раньше американское законодательство образцом запутанности вследствие многочисленных поправок и самостоятельности на местах. Куда там! – далеко от образца...

Поэтому-то и можно при желании влить надзор за 15-минутное опоздание – формально все правильно. А что было бы, если бы, например, как другие-некоторые, "нарезал" домой на полгода, или по три ночи на неделе проводил в вытрезвителе, или бегал с ножом по Гусиноозерску? Смешно, конечно, но что было бы тогда? Надо думать, расстреляли бы на месте.

Сам по себе надзор мне не страшен, но говорят (а как проверить? да и похоже на правду), что третий надзор дает административное право возвратить "химика" в лагерь. Ну, пусть не третий, пусть четвертый, пятый, шестой наконец – но ты видишь сам, трудно ли его вменить при желании, а впереди у меня еще полтора года! Между прочим, в соответствии с действующим законодательством, в случае возврата "химика" в лагерь "... суд может частично или полностью засчитать в срок отбытого наказания (читай: "а может и не засчитывать вовсе" – С.Е.) срок, фактически отработанный на стройках народного хозяйства из расчета день за день..."

Попросту говоря, теоретически возможна такая ситуация: "прохимичит" какой-нибудь "терпигоре" из пяти, скажем, лет четыре с половиной года, его возвращают, срок почему-либо не засчитывают, и он "трубит" еще почти пять лет в лагере, что называется – "во славу юстиции". Пять не пять, а по году-полтора оттяпывают частенько...

Жаловаться и апеллировать можно, но, сам понимаешь – бесполезно: четких юридических нормативов-то на этот случай тоже не завели! Закон-то – "гибок и гуманен", подход-то "дифференцированный, с учетом личности"!

... Куда повернешь, туда и вышло... Ладно, если еще новый срок не дадут, как, например, Болонкину и (чуть было не) Марченко! У уголовников это явление обычное и даже привычное: "Попал раз и покатило нас". Боюсь этого.

Вот свежий и очень характерный случай. Забрали одного "химика" за хранение порнографии. Не думаю, чтобы этого добра было у него много, но все-таки. Сроку не добавили, просто вернули в лагерь. Дело, по-моему, личное – каждому свое, кто на что способен... Знаменательно другое: на следующий день иду я по улице с книгами и журналами подмышкой. Навстречу один из начальников: "Что несешь? Покажи!" Цепь рассуждений такова: порнография – Запад (кстати, почему именно Запад?) – я.

Это лишь маленький эпизод. Скоро здесь созреет распрокля-

тая индийская конопля – "гашиш", "марихуана", "травка", "план", "масло", "зеленка", "дурь", "драп", "дрянь" – называется эта гадость по-разному. Измеряется она граммами, а срока, получаемые из-за нее – пятилетками. Никакой ловкости рук не нужно, чтобы засунуть, скажем, при личном обыске, кусочек этой "анаши" в карман обыскиваемому. (Если, не дай Бог, придется, требуй, чтобы обыскивающий предварительно засучил рукава по локти, растопырил пальцы и показал ладони с внешней и тыльной стороны!) Не знаю, чего ждать: этого или того, что под окном у меня завизжит какая-нибудь малолетняя и меня обвинят в изнасиловании, или того, что под подушкой у меня найдут финский нож, в чемодане – иностранную валюту, а в шкафу – самогонный аппарат? Как царь Лодон, жду врагов со всех сторон!..

Поистине – эта система тысячами плодит рецидивистов и парасихов!

Прости, что утомял тебя этим экскурсом, но мне хотелось бы на всякий случай иметь материалы для защиты.

11 августа Ермолаева арестовали. 18 августа его "за систематические нарушения требований режима" на 1 год и 3 месяца вернули в лагерь.

У Ермолаева язва желудка, хронический гастроэнтероклит и пневмосклероз. За последний год он несколько раз лежал в больницах, но каждый раз, в результате административного вмешательства, его выписывали раньше времени (Хр. 61). Операцию ему так и не сделали.

Освобождения

18 июля кончилось "обязательное привлечение" у В. Попкова (Хр. 56, 60). Перед освобождением ему сделали "предупреждение по Указу"; претензии в "протоколе предупреждения" близки к ст. 70 УК РСФСР (Хр. 61). Его на 1 год прописали в Москве.

8 августа кончилось "обязательное привлечение" у В. Бурцева (Хр. 56, 60, 61).

24 августа кончилось "обязательное привлечение" у Ромэна Костэрина (Хр. 60). Его направили на прежнее место жительства – в г. Советск Калининградской области.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Прибывшему в г. Советск Р. Костэрину жена отказала в прописке. В то же время начальник городской милиции подполковник Касаткин сказал Костэрину, что получил указание отпустить его за границу, но не по вызову от родственников в Нью-Йорке, а по израильскому вызову.

Костэрин поехал в Москву. 25 сентября в КГБ, куда он обратился за подтверждением разрешения на отъезд, ему обещали, что препятствовать в прописке и отъезде не будут, но прописаться он должен в Советске.

* * *

Плумпу (см. "Освобождения" в разделе "В тюрьмах и лагерях") на 1 год поставили под надзор: в будни ему разрешается выходить из дома с 9 до 18 час., в выходные дни – с 12 до 17 час.

В характеристике из Чистопольской тюрьмы сказано, что он не отказался от политических и религиозных убеждений.

* * *

С. Сапеляк и его невеста Н. Матюшенко (Хр. 62) уехали в Комсомольск-на-Амуре.

В середине мая его вызвали в милицию и предупредили об установлении над ним неофициального надзора; он не должен рассказывать о статье, по которой он сидел, и о месте, где он сидел.

"Ставим Вас в известность, что за переписку с Западом будете иметь неприятности. Лучше не пишите – все равно не пропустим. Если не будете посещать собрания, будете уволены. На отметки не приходите, но проверять Вас будем – Вы должны быть по вечерам дома. Проверять будут дружинники".

Сапеляка предупредили об обязанности вступления в профсоюз (Сапеляк не вступил, но взносы с него берут).

12 августа Сапеляка вызвали в РОВД к участковому и гражданскому лицу. Примерное содержание беседы:

- Нам известно, что Вы проявляете недовольство в отношении власти.
- Это неправда, этого не было.
- По нашим сведениям – было ... будем пресекать ... Вас не застали дома на проверке.
- Я был вызван по аварии; работаю электриком.
- Какие вопросы, претензии?
- Никаких.
- Вам надо постоянно быть дома. Мы должны всегда знать, где Вы находитесь.

В частной беседе после разговора в РОВД один из сотрудников сказал Сапеляку, что еще не видел "таких тисков" и очень не хотел, чтобы Сапеляк жил в его районе, т.к. он предвидел "такие хлопоты".

* * *

В июне Шагену Арутюняну (Хр. 60, 62) продлили на полгода надзор. В качестве причины указали, что он не изменил своего преступного образа мыслей.

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В Москве отключили телефон у жены С. Ковалева (см. "В тюрьмах и лагерях") Л. Бойцовой, у сестры Т. Великановой (см. "В тюрьмах и лагерях") К. Великановой и у ее сына Ф. Бабицкого, у Н. Лисовской (см. "Арест Ивана Ковалева"), у Е. Сиротенко (Хр. 60) и у соседки Е. Боннэр (Боннэр несколько раз разговаривала по этому телефону с советскими гражданами на бытовые темы).

В Киеве отключили телефон у жены Ю. Бадзьо (суд – Хр. 55) С. Кириченко, во Львове – у жены В. Черновола (суд – Хр. 57) А. Пашко.

* * *

В августе жена А. Мясникова (суд – Хр. 61) Н. Омельченко (Хр. 60-62) уволилась "по собственному желанию" из Института международного рабочего движения, куда ее взяли временно на должность ст. лаборанта, после того, как зам. директора Института, узнав, что ее муж осужден по ст. 190-1 УК РСФСР, сказал ей, что ее уволят, если она не подаст заявления об уходе.

На этой должности Омельченко проработала всего два дня.

ПОСЛЕ СУДОВ НАД ЛАВУТОМ И ОСИПОВОЙ

26 декабря 1980 г. закончился суд над А. Лавутом (Хр. 60), 2 апреля 1981 г. – над Т. Осиповой (Хр. 62).

После этого в Центральной геофизической экспедиции (ЦГЭ), в которой до ареста работали Лавут (в 14 тематической партии) и Осипова (в 6 тематической партии; она же – "партия цифровой обработки" /ПЦО/, она же – "вычислительный центр"), развернулась кампания против их сослуживцев, подписавших в июне 1980 г. письма в их защиту (Хр. 57).

Письмо в защиту Лавута подписали 4 сотрудника 14 партии (А. Романенко, Л. Рудакова, Н. Михалева и Г. Полетаева), 6 сотрудников 6 партии (Г. Степанец, зять Лавута В. Кронрод, Л. Тертицкий, Т. Герус, А. Дева и Л. Андреева) и В. Брудно. Письмо в защиту Осиповой подписали 4 сотрудника 6 партии (Г. Степанец, В. Кронрод, Т. Герус и О. Шайдулин), Л. Рудакова и дочь А. Лавута, жена В. Кронрода Т. Лавут.

Начало кампании описано в Хр. 61, 62.

* * *

* * *

Тертицкому (он также выступал в качестве свидетеля на суде над Лавутом) было предложено написать заявление с просьбой перевести его с руководящей должности "главный геолог" на типичную для ЦГЭ должность "старший геофизик". Он сделал это.

Бюро ВЛКСМ обсудило персональное дело Тертицкого. Ему предложили раскаяться, пригрозив исключением из комсомола. Тертицкий отказался каяться. По неожиданному предложению парторга ЦГЭ Ю. Татаренко бюро рекомендовало комсомольскому собранию вынести Тертицкому строгий выговор с занесением в личное дело.

* * *

Комсомольское собрание 6 партии по персональному делу Тертицкого готовилось около месяца и состоялось 25 мая (в Хр. 61 его дата и результат указаны неверно).

Комсорг 6 партии Закариев заявил, что, написав письмо в защиту арестованного Лавута, группа сотрудников ЦГЭ совершила идеологическую диверсию; среди подписавших был и комсомолец Тертицкий, который, тем самым, проявил политическую близорукость и идейную незрелость. Закариев сообщил собранию о предложении бюро.

Представители бюро ВЛКСМ и парторганизации пытались настоять на том, что не надо вдаваться в содержание письма, которое подписал Тертицкий, и в обсуждение того, в чем обвинялся Лавут, – надо только осудить поступок комсомольца Тертицкого.

Однако большая часть присутствовавших считала, что для принятия объективного решения и то, и другое необходимо знать.

Их точка зрения взяла верх – Тертицкий прочитал письмо и подробно изложил свою точку зрения на арест Лавута и суд над ним; он сказал, что его участие в суде в качестве свидетеля укрепило его в уверенности, что Александр Павлович Лавут не виновен в "заведомо ложных измышлениях, порочащих ...".

Собрание продолжалось около двух часов. В результате за предложение бюро не было подано ни одного голоса – собрание вынесло Тертицкому выговор (простой без занесения).

* * *

27 июня состоялось профсоюзное собрание 6 партии. На повестке – "Меры по усилению политико-воспитательной работы в коллективе"; докладчик – начальник 6 партии Е. Соколинский (Хр. 57,61).

Соколинский заранее предупредил руководство ЦГЭ, что он принесет на собрание магнитофон и будет записывать происходящее. Когда собрание началось, выяснилось, что в комнате, в которой оно происходит, нет света. Соколинский прервал собрание и сказал, что, если в короткое время свет не починят, он перенесет собрание в другую комнату. Свет быстро починили.

Соколинский: ” ... Приблизительно месяц тому назад состоялось заседание партбюро ЦГЭ, на котором рассматривался мой отчет о состоянии идейно-воспитательной работы в коллективе партии. В прошлом году работа была признана удовлетворительной, в этом году – неудовлетворительной. Руководству ЦГЭ было предложено через месяц рассмотреть состояние идейно-воспитательной работы в коллективе и, в случае отсутствия коренного и резкого изменения стиля руководства, рассмотреть вопрос о соответствии начальника партии должности. Теперь этот месяц прошел. Собрание является, в некотором смысле, рубежным событием для нас, для меня, а значит, и для вас.

Каковы причины того, что моя работа была признана неудовлетворительной? ... На самом деле реальной причиной являются следующие два обстоятельства: группа сотрудников ЦГЭ, в частности – группа сотрудников из нашей партии, подписали письма ... в поддержку арестованных сотрудников (на тот период времени – арестованных) ... Александра Павловича Лавута, который работал в 14 партии, и Татьяны Осиповой, которая работала у нас и которую, надеюсь, многие здесь знают; второе обстоятельство – состоялось довольно бурное комсомольское собрание ..., на котором не было поддержано предложение комитета комсомола о вынесении строгого выговора с занесением в учетную карточку комсомольцу ... Тертицкому за то, что он был одним из тех, кто подписал это письмо. Причем следует отметить, что комсомольцы дружно не поддержали предложение комитета ... за предложение комитета не было ни одного голоса...

Есть еще одна причина, пожалуй – самая главная. Это – то, что я не согласен был с позицией партбюро и до тех пор, пока меня не переубедят, наверное, и не буду согласен с той позицией, которую, скорее всего, партбюро в дальнейшем займет.

Я не считаю, что кто-нибудь из людей, подписавших письмо, с одной стороны, и не осудивших в должной мере Тертицкого, с другой стороны, сделал хоть что-нибудь неверное. Я считаю, что нормальный, что ли, человеческий нравственный процесс ... заключается в том, что во всех случаях, когда есть хоть какие-то сомнения, а даже и в тех случаях, когда нет сомнений, но, в силу тех или иных причин, справедливо или несправедливо, какой-то человек какими-то обстоятельствами угнетается, нравственной позицией человека является попытка помочь ...

Более того, если уж говорить об оценке моей работы и считать, что я должен заниматься воспитанием коллектива ..., то, в общем, мне немножко стыдно за коллектив: когда, скажем, Татьяна исчезла, ни один человек не подошел и у меня не спросил, что, собственно говоря, произошло... И вот с этой точки зрения, может быть, действительно моя работа была недостаточной.

Я считаю, что комсомольское собрание прошло в высшей степени замечательно... Если по первой части, по отсутствию интереса к пропавшему сотруднику... считаю это своей недоработкой, то то, как прошло комсомольское собрание, считаю, что это плюс коллектива и, в общем, мой как руководителя. Потому что собрание прошло бурно, множество народа

выступало, эмоции выплескивались через край... Это много лучше равнодушного молчания.

Я полагаю и руководствуюсь этим в своей работе ..., что не может быть нормального коллектива, если люди не будут пытаться знать все обстоятельства, касающиеся их работы, а может быть даже напрямую и не касающиеся ...

Вот, вкратце, корень моих разногласий с партбюро и причина оценки нашей работы как неудовлетворительной”.

М. Тертицкий (отец Л. Тертицкого, член партии с более чем тридцатилетним стажем) : ”Сегодня мы обсуждаем ... вопросы, связанные с отношением наших людей друг к другу, к тем событиям, которые у нас здесь произошли. И тот факт, что значительное число наших сотрудников имеет свое собственное мнение на этот счет, высказывает его, – это говорит о достаточной зрелости коллектива и нельзя сказать, что это – минус в воспитательной работе.

Более того, я здесь вполне согласен с Евгением Александровичем, что было бы гораздо лучше, если бы еще больший круг людей ... нашел в себе силы и желание высказать откровенно свое отношение к этому делу.

Неважно, какое оно будет. Одни, может быть, по тем или иным соображениям могут солидаризоваться с теми, кто подписал письмо. Другие считают для себя, предположим, неприемлемой форму. Третьи могут считать неприемлемым и содержание. Но когда человек никак не высказывает свою позицию, то для внешнего мира ее просто нет.

Человек должен научиться привыкнуть вырабатывать свой взгляд на вещи, свое собственное отношение. Это трудно, это непривычно, это нельзя сделать сразу... Тысяча есть, а может быть, миллион есть мотивов – не сказать и только один мотив подлинный – сказать: это когда человек не может не выразить своего отношения к тому или иному вопросу.

Тот факт, что в нашей тематической партии есть люди, которые высказывают свое отношение к делу, к другим людям, к событиям, что, подчеркиваю, выразилось в известном нам письме, я считаю не отрицательным элементом в воспитательной работе...

Я думаю, что работать над воспитанием и самовоспитанием нам еще нужно, нужно много, и в то же время нет оснований считать, что у нас с этим делом существенно хуже, чем в других подразделениях экспедиции”.

А. Кашик (начальник ЦГЭ) : ”... Я думаю, что здесь, в этом зале, найдется человек, работавший с Александром Павловичем Лавутом... столько времени, сколько работал я, ... достаточно мало ... И все, что написано в этом письме, касающееся его морально-нравственной стороны, его облика, его поведения в коллективе, – это не подлежит никаким сомнениям ... А вот форма, в которой было подано это письмо, она не удовлетворяла ни администрацию, ни партийную организацию, ни, естественно, государственные всякие органы...”

Степанец: "... Лавута обвиняют все-таки в некотором нравственном преступлении – в том, что он занимался клеветнической ... деятельностью. Вы считаете это обвинение совместимым с тем обликом, который Вы видите?"

Кашик: "Я могу сказать про Александра Павловича Лавута ровно то, что я знаю, и это я сказал. Если к нему есть государственные претензии по каким-то другим линиям, которых я не знаю, то, я думаю, что никто из здесь присутствующих не вправе сомневаться в том, что вред, который он, очевидно, принес государству, существовал. ... Чтобы мне понять, что этого вреда не было, что он на самом деле везде был такой же, не клеветал, не сочинял, не лгал, – я должен знать, глубоко знать всю информацию по второй стороне его деятельности ... Насколько это было вредно, я не знаю. Наверное, на 3 года, а Осиповой – наверное, на 5. Вот так я считаю. Оснований считать по-другому у меня пока нет ..."

Л. Тертицкий: "Я так понял, что Вы все-таки не считаете его клеветником, а считаете, что он занимался некоторой деятельностью, катастрофически вредной для Советского государства".

Кашик: "... Мы имеем и имели очень много врагов, откровенных врагов (я не говорю об арестованных сейчас), которые приносили колоссальный вред государству, ничего не выдумывая и не клеветая... Приговор, который я смотрел, достаточно резок и обличителен. Человек, который прочитает приговор, не может даже в голову себе взять, что человек при этом может быть не виновен..."

Романенко: "... Очень грустно слышать здесь сейчас, что Вы проработали с человеком около 10 лет, знаете его с безупречной стороны и в то же время абсолютно верите чудовищному приговору, который Вы получили ..., бумаге, которую написали люди, которые его не знают".

Кронрод: "Я считаю, что одним из главных людских пороков является равнодушие. Если все будут равнодушны, когда у твоего товарища, соседа, происходит несчастье, то жить будет плохо. Поэтому, когда Таню Осипову забрали... и когда было ясно, что руководство Экспедиции, а также и партии, не слишком-то приветствует выступления в защиту арестованного человека, когда все-таки в профком идут люди и говорят, что мы не уверены в том, что наш товарищ, которого мы хорошо знаем, может заниматься клеветой, – когда такое происходит, становится очень приятно за тех людей, с которыми судьба привела работать..."

Теперь разрешите мне сказать ... свою оценку результатов этих судов. Я, конечно, не верю в то, что, когда человека обвиняют в совершенном тяжелом преступлении (если оно действительно совершено), ... есть какая бы то ни было нужда загораживать двери суда, а на другой день не пускать даже и на улицу, которая ведет к суду. А если дверь закрывают, да еще так плотно, то я ... , не зная даже того, что происходило на суде, всегда останусь при своем мнении, что этот человек не виновен ..."

...

Степанец: "Тем, кто подписал письма, ставилось еще в вину, что с этими письмами не были ознакомлены многие, которые тоже знали Лавута и Осипову. Сейчас, воспользовавшись тем, что здесь находятся многие, работающие в 6 партии, в том числе и представители администрации, я хочу зачитать обращение к Президиуму Верховного Совета СССР:

Мы, сотрудники Центральной геофизической экспедиции, вновь обращаемся к Вам в защиту Александра Павловича Лавута и Татьяны Осиповой, наших товарищей по работе, несправедливо осужденных за общественную деятельность в защиту прав человека в нашей стране.

Судебные процессы над А.П. Лавутом и Татьяной Осиповой не только не изменили наше отношение к ним, но и еще больше убедили нас в их невиновности. Оба процесса были фактически закрытыми, судебное разбирательство велось крайне необъективно, совершенно не касалось существа затронутых обвинением вопросов и было ограничено, в основном, перечислением отдельных документов, под которыми стояли подписи А.П. Лавута и Татьяны Осиповой. Ни на одном из процессов не удалось добиться возможности выступить для свидетелей защиты. Более того, ни на процессе А.П. Лавута, ни на процессе Татьяны Великановой не присутствовали даже главные свидетели обвинения. Все ходатайства обвиняемых, поддержанные защитой, были отклонены.

Приговор, вынесенный по делу Татьяны Осиповой и прочитанный на заседании суда в день закрытия процесса, гласил: пять лет лагерей общего режима и пять лет ссылки. Некоторое время спустя, уже после того, как Татьяна Осипова получила текст приговора, она узнала об изменении окончательного приговора: пять лет лагерей строгого режима и пять лет ссылки. На жалобу, направленную ею Генеральному прокурору СССР в связи с подменой приговора, ей ответили, что изложенные ею факты просто не подтвердились.

Наша попытка выдвинуть на процесс Татьяны Осиповой общественного защитника была пресечена администрацией Экспедиции в самом начале. Сотрудники экспедиции, вызванные на процесс А.П. Лавута в качестве свидетелей обвинения и получившие благодаря этому хоть какую-то возможность увидеть происходящее на суде, по-прежнему убеждены в невиновности А.П. Лавута.

Вот почему ни судебные процессы, ни вынесенные обоим обвиняемым приговоры невозможно считать справедливыми.

Мы глубоко убеждены, что Александр Павлович Лавут и Татьяна Осипова прежде всего – честные люди, и их место – среди нас, на свободе.

Я считаю, что те, кто согласен с текстом такого письма, могут поставить свои подписи, выражая тем самым свое согласие с его содержанием.

Кроме того, предлагается направить в адрес Александра Павловича Лавута и Татьяны Осиповой приветственные адреса:

Сейчас, после профсоюзного собрания Вычислительного центра Центральной геофизической экспедиции, на котором были затронуты вопросы, имеющие прямое отношение к вашим судьбам, нам хочется, что бы вы, Александр Павлович и Таня, услышали наши теплые слова приветствия, и сказать вам, что мы помним и любим вас.

Я предлагаю всем желающим, согласным с текстом обращения и приветственных адресов, подписаться под ними”.

Кашик: ”...Когда мы говорили на партийном собрании, что речь идет об идеологической диверсии, мы ведь не шутили... Считается, что в общем где-то там есть идеологическая работа, идеологическая диверсия, а у нас тут тихо-спокойно работают. На самом деле этот фронт, эта борьба проходят прямо между нами ...

Когда мы организуем трибуну, чтобы выступить с таким вот заявлением, это означает (и вы все должны это хорошо понимать), что каждый из вас ставит подпись сразу под несколькими документами, в том числе – под документами, каким-то образом регламентирующими наше, так сказать, пребывание здесь; то есть все крайне серьезно...

Значит, какие шансы у Соколинского удержаться здесь? Единственный шанс – выполнить решение партийного бюро...

Не ждал вот такого. Всего ждал, а вот такого – нет”.

Собрание приняло резолюцию, в которой был такой пункт:

4. Общее профсоюзное собрание ПЦО ЦГЭ не считает обоснованной оценку партийным бюро состояния идейно-воспитательной работы в ПЦО как неудовлетворительной и просит партбюро ЦГЭ пересмотреть это решение.

После принятия резолюции снова выступил Кашик: ”У меня есть вот какое предложение. Я по-прежнему считаю, что такое выступление с заранее подготовленным текстом письма на нашем собрании является провокационным. ... У меня есть предложение в адрес профсоюзного собрания – ввести 5-й пункт постановления вашего собрания, который я бы сформулировал так:

Учитывая, что у свидетелей, бывших на суде Лавута, не сложились впечатления о полноте и правильности проведенного разбора дела, просить администрацию и профсоюзную организацию пригласить на следующее профсоюзное собрание ПЦО компетентных лиц, включая журналистов, бывших на том и другом процессе, с тем, чтобы с нами провели беседу, доподлинно освещающую все стороны деятельности на профессиональном и специальном уровне.

Вот после этого, если нас не убедят, тогда можно подумать о форме обращения с тем или другим письмом в вышестоящие инстанции... Я считаю, что это справедливо, прежде чем хаять так огульно...

Вот когда мы его проведем..., тогда каждый с полным сознанием того, что он делает, подпишется ровно под тем документом, за который он готов отвечать жизнью, семьей, работой и прочим”.

5-й пункт был единогласно принят в следующем виде:

Учитывая, что у лиц и свидетелей, которые от ЦГЭ были на процессе Лавута, и у лиц, не попавших на процесс Осиповой, не сложилось полного представления о справедливости вынесенных там приговоров, просить администрацию и партийную организацию пригласить компетентных в этих процессах лиц для проведения объяснительных бесед.

Срок исполнения – в течение ближайших двух месяцев.

Сразу после собрания под обращением в ПВС СССР подписались Степанец и Кронрод; под приветствием, посланным Лавуту, – Степанец, Кронрод, Л. Тертицкий, М. Тертицкий, Деева, Шайдулин, жена Е. Соколинского И. Соколинская, Романенко и Б. Гольдфарб (Лавут получил это приветствие); под приветствием, посланным Осиповой, – Степанец, Кронрод, Л. Тертицкий, Шайдулин, Соколинская, Романенко и Гольдфарб.

* * *

Вскоре после профсоюзного собрания М. Тертицкий обратился в партбюро ЦГЭ с письмом, в котором высказал мнение, что для нормального развития общества необходимо дать возможность высказывать свою точку зрения всем, в том числе и диссидентам. По поводу суда над А. Лавутом М. Тертицкий написал, что одно из трех: либо предъявленные ему обвинения подтверждаются материалами дела – тогда не было необходимости устраивать фактически закрытый суд, широкое привлечение общественности на суд имело бы большое воспитательное значение и устранило бы все сомнения в справедливости приговора; либо Лавут распространял информацию, взятую из источников, содержащих клеветнические утверждения, – тогда к ответственности надо привлечь тех, кто предоставляет такую информацию, и, опять, в закрытом суде необходимости не было; либо Лавут распространял правдивую информацию – тогда к ответственности надо привлечь организаторов суда над ним. М. Тертицкий написал, что он хорошо знает Лавута как честного человека, и это заставляет его усомниться в справедливости обвинения и приговора; когда он узнал об обстановке, в которой проходил суд, его сомнения усилились.

Через некоторое время Кашик пригласил М. Тертицкого и предложил ему забрать письмо – М. Тертицкий отказался.

* * *

17 июля в ЦГЭ состоялось открытое партийное собрание с повесткой: "О работе партийной организации ЦГЭ по борьбе с буржуазной идеологией". На собрание пришли двое беспартийных: начальник 14 партии И. Чуринова и сотрудник этой партии Романенко. Еще до начала собрания зам. парторга ЦГЭ С. Птецов вызвал в коридор Чуринову и сказал ей, что, хотя собрание – открытое, присутствие на нем беспартийных нежелательно; он попросил Чуринову уйти и увести Романенко. Чуринова сделала это.

На собрании по существу разбиралось персональное дело М. Тертицкого в связи с его письмом в партбюро. По предложению Кашика, собрание, учтя большой партийный стаж М. Тертицкого, "за потерю бдительности" объявило ему строгий выговор с занесением в личное дело.

* * *

15 октября Ворошиловский РК КПСС исключил М. Тертицкого из партии.

Его, как и сына, перевели на должность "старший геофизик".

В ноябре Ворошиловский РК ВЛКСМ исключил Л. Тертицкого из комсомола.

* * *

Дав Степанцу строгий выговор за опоздание на работу 31 марта (Хр. 62), Кашик вызвал Степанца и предложил ему уволиться "по собственному желанию". Степанец отказался. Кашик сказал Степанцу, что все равно сумеет его уволить, и даже объяснил, как это сделает – направит его в командировку в пос. Малаховку; ездить туда каждый день тяжело – дорога отнимает много времени, обстановка там плохая.

8 июня Степанец был на месяц командирован в Малаховку, в 16 партию. 29 июня начальник партии А. Горин подал рапорт о том, что 16, 17, 26 и 29 июня Степанец отсутствовал на работе.

Утром 17 июля Кашик вызвал Степанца и снова предложил ему уволиться "по собственному желанию"; в противном случае он будет уволен за "прогулы" – Степанец отказался.

18 июля Степанец подал в профбюро ЦГЭ заявление:

На протяжении всего периода моих взаимоотношений с администрацией Экспедиции, сложившихся в результате моего участия в выступлениях в защиту арестованных и осужденных сотрудников Экспедиции А. П. Лавута и Татьяны Осиповой, со стороны профсоюзной организации Экспедиции не было ни серьезных попыток разобрататься в происходящем, ни стремления соблюдать, хотя бы внешне, общепринятые нормы, когда речь идет об увольнении по инициативе администрации.

Нет, я не исключал бы – при определенных условиях – возможность увольнения с работы по идеологическим мотивам, и по отношению к себе считал бы соответствующее решение совершенно приемлемым, но сейчас это делается со ссылкой на неоднократные нарушения трудовой дисциплины с моей стороны, и я считаю это вопиющей несправедливостью.

Зная, что тем, кто отвечает за работу профсоюзной организации Экспедиции, хорошо известны настоящие причины действий администрации против меня, я не могу расценивать их отношение к происходящему иначе, как сознательное – и отнюдь не молчаливое – соучастие в сокрытии истинных мотивов предстоящего для меня увольнения, о котором на сегодняшний день я знаю только изустно.

Я заявляю о своем выходе из профсоюзной организации Центральной Геофизической Экспедиции.

...

20 июля профбюро дало согласие на увольнение Степанца.

21 июля Кашик уволил Степанца за "прогулы".

29 июля Степанец подал в народный суд Ворошиловского р-на г. Москвы исковое заявление о восстановлении на работе:

...

Я неоднократно ездил в основное здание Экспедиции как в связи с моей основной работой, так и в связи с командировкой. В частности, из указанных в рапорте А.З. Горина четырех дней 16, 17 и 29 июня я работал в основном здании, а 26 июня – в филиале в Малаховке. Мое присутствие на работе в эти дни может быть подтверждено данными системы Таймкон, журналом заданий, выполненных на ЭВМ в эти дни, свидетельством начальника моей партии Е.А. Соколинского и руководителем группы математического обеспечения, в которой я работал, В.А. Кронродом.

...

Суд проходил 4 и 5 августа. 4 августа в течение всего заседания в зале присутствовали два человека, не знакомых ни одному из непосредственных участников дела. Суд отказал Степанцу в иске.

...

Истец подтвердил, что вопрос его отсутствия в тематической партии № 16 с Гориным А.З. он не согласовывал, поступал по своему усмотрению, руководствуясь интересами производства. При таких обстоятельствах суд расценивает отсутствие истца на рабочем месте 16, 17, 26 и 29 июня 1981 года как прогул.

...

* * *

* * *

12 августа в ЦГЭ состоялось собрание партийно-хозяйственного актива (Соколинский, Кронрод и Романенко были в это время в отпуске). Собрание приняло следующую резолюцию:

Собрание партийно-хозяйственного актива и весь коллектив Центральной геофизической экспедиции единодушно осуждает провокационную деятельность сотрудников ЦГЭ Соколинского Е.А., Кронрода В.А., Романенко А.Ю. и бывшего сотрудника ЦГЭ Степанца Г.Ф., совершивших идеологическую диверсию против нашей Родины и запятнавших доброе имя нашей организации.

Грязная возня кучки никого не представляющих лиц вокруг осужденных советским правосудием Лавута и Осиповой, клеветавших на наше социалистическое общество, вызывает у всех сотрудников ЦГЭ чувства негодования и возмущения.

Коллектив Экспедиции считает, что этим отщепенцам не место в нашем коллективе.

Давая отпор этим провокационным и безответственным действиям, мы еще более целенаправленно будем работать над выполнением больших задач по развитию нашей нефтяной промышленности, по досрочному завершению плана 1981 года и XI пятилетки в целом.

Коллектив ЦГЭ под руководством своей партийной организации еще теснее сплотит свои ряды и даст достойную отповедь любым попыткам очернить наш строй, наш образ жизни, нашу Родину.

Решение обсуждено на общих собраниях всех подразделений и единогласно принято.

18 августа Романенко, вернувшись из отпуска и узнав о собрании коллектива и о его резолюции, направил Кашику письмо:

Я с восторгом услышал, что Вы прекрасно подготовили и провели спонтанное и неподготовленное общее собрание, где сила выражения заведомо верного мнения большинства сотрудников ЦГЭ смяла отдельные человеческие возгласы всяких-там присутствовавших, а в основном, отсутствовавших отщепенцев, и слава этого собрания, я уверен, сметет и раздавит жалкую славу "подготовленного" отщепенцами во главе с Соколинским какого-то профсоюзного собрания оболваненного ВЦ.

Вы сделали это после блестяще проведенного увольнения Гарика Степанца, где Вы продемонстрировали, что эту сторону жизни и правила ведения судебного процесса Вы знаете гораздо лучше, чем "другую сторону деятельности А.П. Лавута".

В своем выступлении на общем собрании Вы очень точно показали, как эта группа отщепенцев посягает на одну из коренных сво-

бод сотрудника ЦГЭ – свободу свободно ходить на работу, вызвав справедливый гнев присутствующих.

Только мне кажется, что такого собрания и какого-то бумажного коллективного доноса, распространяемого сейчас в ЦГЭ, недостаточно, чтобы увековечить славу организации и формирование нового человека, о котором Вы мне так вдохновенно говорили, дошло уже до такого уровня, что можно было бы организовать костер, на котором предать очищающему пламени всех этих предателей и отщепенцев. И сделать это надо всем вместе, безо всякого самоустранения, как правильно отметил в своем выступлении один из лучших представителей нового, нарождающегося на наших глазах, мира Виталий Дмитриевич Груба.

Я направляю Вам это письмо, чтобы у Вас случайно не возникло сомнений в моей позиции.

Приношу свои извинения за излишне резкий тон, но письмо направлено не столько Вам лично, сколько той роли, которую Вы скорее невольно играли в последние полгода.

24 августа Кронрод отправил Кашику заявление:

...

В последнее время произошли события, затронувшие не только судьбы отдельных сотрудников ЦГЭ, но и всей экспедиции. Это – аресты и суды над Александром Павловичем Лавутом и Татьяной Осиповой, это – наши письма в их защиту, это – выговоры Степанцу и Нагле за то, что они попытались попасть на суд, это – профсоюзное собрание 27 июня, это – история с командировкой Степанца в Малаховку и последующее его увольнение.

Конечно, действия любого человека так или иначе затрагивают и судьбы других. Мы старались учесть это, когда писали письма в защиту Александра Павловича и Тани. Например, наше первое письмо, занявшее чуть больше одной страницы, мы писали почти месяц (совсем не стараясь превратить его в "идеологическую диверсию", в чем нас потом обвиняли). Но писали мы правду. А то, что произошло за последний год, я бы расценил как торжество неправды на нашей работе.

...

На собрании Вы говорили, что не знаете, какой вред принесли государству Лавут и Осипова, что, наверное, он оценивается теми сроками, какие они получили. Я думаю, что это не так. А тот вред, который принесли Вы, вероятно, Вы сможете сами оценить по достоинству в будущем, в той Экспедиции, которую Вы строили, строите и скоро благополучно достроите.

Сейчас я нахожусь в отпуске, который кончается 6 сентября. Я бы не хотел больше выходить на работу в ЦГЭ и прошу освободить меня от этой обязанности – если это возможно – прямо с 7 сентября.

31 августа подал заявление об увольнении "по собственному желанию" Романенко.

* * *

4 сентября Министерство нефтяной промышленности издало приказ:

4-5 августа с.г. Нарсудом Ворошиловского р-на г. Москвы был рассмотрен иск бывшего сотрудника ЦГЭ Степанца Г.Ф., уволенного за прогул, о восстановлении его на работе. При рассмотрении спора был вскрыт ряд серьезных нарушений в организации работ и состоянии трудовой дисциплины в коллективе ЦГЭ и, в частности, в тематической партии (т.п.) № 6. Так, некоторые сотрудники т.п. № 6 пользовались, на основании разрешения начальника партии, правом выполнения рабочих заданий без контроля за фактически отработанным временем. Учет рабочего времени осуществлялся формально, проверка присутствия работников на рабочих местах должным образом не была организована. В течение длительного времени журнал регистрации местных командировок в т.п. № 6 не велся.

В вычислительном центре в пос. Малаховка также имеют место нарушения дисциплины, в том числе опоздания на работу.

При рассмотрении дела было установлено, что начальником т.п. № 6 Соколинским Е.А. для системных математиков был установлен бесконтрольный режим работы, что является грубым нарушением трудового законодательства.

Руководством ЦГЭ, в свою очередь, состояние режима работы сотрудников т.п. № 6 фактически не контролировалось.

К работе т.п. № 6 имеются справедливые и серьезные претензии пользователей ЭВМ — инженерно-технических работников других тематических партий ЦГЭ.

Факты нарушений трудовой дисциплины и недостатки в деятельности т.п. № 6 явились следствием серьезных упущений в руководстве партией со стороны ее начальника т. Соколинского Е.А. и главного инженера т. Гапеенкова Л.А., и слабой воспитательной работой в коллективе партии.

В связи с вышеизложенным приказываю:

...

3. т. Соколинского Е.А. — начальника т.п. № 6, не обеспечившего соблюдение норм трудового законодательства в части режима работы во вверенном ему коллективе, освободить от занимаемой должности в соответствии со ст. 254 п. 1 КЗОТ РСФСР.

...

5. Начальнику ЦГЭ т. Кашику А.С. увольнение т. Соколинского Е.А. произвести по возвращении его из отпуска.

...

В октябре Соколинский уволился "по собственному желанию".

* * *

В начале ноября уволилась "по собственному желанию" И. Нагле (Хр. 62). В трудовой книжке после записи об увольнении ей сделали запись: "6. 02.11.1981. Выдана справка в ОВИР для выезда в Израиль".

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

В Воркуте уже многие месяцы, прошедшие после суда над Марком Морозовым (Хр. 61), то и дело проводятся беседы и лекции об идеологической борьбе, на которых лекторы постоянно упоминают фамилии воркутян Месяцовой, Богатыревой, Ступникова (Хр. 61), Рязанова.

Валентина Месяцева и Александр Ступников проходили по делу Морозова свидетелями, Игорь Рязанов и Татьяна Богатырева – воркутинские знакомые Морозова. За время, прошедшее после суда, Месяцовой на работе уже было объявлено три выговора. О Богатыревой лекторы утверждают, что она "скандалила" в зале суда. В действительности же ее в зал суда не впустили, как и других знакомых Морозова, и Богатырева написала заявление на имя председателя суда Ермилова с просьбой допустить ее на открытое судебное заседание. Заявление осталось без ответа.

В ближайшее время состоится кассационное разбирательство по делу Геннадия Хармца, осужденного Воркутинским городским судом по обвинению в получении взятки за фальшивый больничный лист для М. Морозова. Основными свидетелями по этому делу выступали Ольга Гамбург и ее мать (Хр. 61).

* * *

В начале октября несколько крымских татар обратились в приемную ЦК КПСС.

Они передали в ЦК обращение с ходатайством о возвращении в Крым. Обращение подписали около 1000 крымских татар. Подобные ходатайства возобновляются крымскими татарами ежегодно.

По телефону татары беседовали с ответственным работником ЦК М.Л. Ишковым. Ишков сообщил им, что он сам был в Самарканде и Ташкенте, опрашивал крымских татар – оказалось, что все довольны, а восемь из десяти опрошенных не признали своих подписей под очередным ходатайством в ЦК. Ишков потребовал, чтобы звонившие уезжали "домой" и не мешали "работать", так как их народ "живет хорошо". Татары уехали. С некоторыми из них позднее проводились "беседы" в КГБ.

* * *

Уже несколько лет в Мубареке (Кашкадарьинская обл. Узбекской ССР) происходит инспирируемая "сверху" концентрация крымских татар. В этом поселке, расположенном в безводной пустыне, выходят

3 газеты на крымско-татарском языке; на многие руководящие должности назначаются крымские татары; при распределении из учебных заведений и других направлениях на работу многие крымские татары попадают в Мубарек.

В настоящее время крымские татары оценивают численность своего народа около 1 млн. чел. Однако в официальных советских изданиях и при переписи национальность "крымские татары" вообще игнорируется. При переписи, например, в графе "национальность" писали просто "татарин", несмотря на протесты опрашиваемого. На этнографической карте Малого атласа, где указаны места расселений национальностей в несколько сот человек, крымские татары также не упоминаются.

* * *

31 августа в Москве на квартире П. Старчика (Хр. 42) состоялся традиционный музыкально-поэтический вечер, посвященный годовщине со дня смерти Марины Цветаевой. В 22.30 в квартиру позвонили два милиционера. Они заявили хозяевам дома, что им велено в порядке проверки соблюдения паспортного режима переписать всех присутствующих в квартире. Один из них встал у дверей, а другой, по фамилии Селиверстов, начал проверять паспорта у сидящих в комнате. Тем временем П. Старчик позвонил в отделение милиции и спросил, чем вызван такой визит в его квартиру. Однако начальник милиции отказался взять на себя ответственность за происшедший инцидент. Селиверстов, подойдя к телефону, заявил, что ему это было поручено, но объяснять по телефону он не может, просил узнать у дежурного в другом отделении. Вскоре после этого милиционеры быстро покинули квартиру, так и не закончив проверки документов.

Через 2 дня Старчик пошел в отделение. Там ему сказали, что милиционеры были из их отделения, что входит милиция может в любую квартиру в любое время, но до 23 часов. Старчик спросил, как же будут воспринимать подобные визиты его гости, жена, дети. Ответ был: "Пусть привыкают".

7 сентября Старчика вызвали в милицию. Ему сказали, что вызов обусловлен необходимостью постоянного надзора за ним, проверкой его на "уголовную лояльность". Намекали, что где-то в их районе произошло убийство, "так вот, надо наблюдать за состоящими на учете..."

* * *

4 июля на собрании Советской (Московской) группы "Международной Амнистии" в группу были приняты С. Сорокина (Хр. 58), П. Подрабинек, В. Гершуни, О. Попов (Хр. 62), С. Гитман, А. Луспеков и Ф. Кизелов (Хр. 56). Была избрана также Исполнительная группа: председатель – Г. Владимов (Хр. 47), секретарь – С. Сорокина, члены – П. Подрабинек и О. Попов (Хр. 62).

В октябре Сорокину вызвали в милицию г. Пушкино Московской обл., где она проживает, и вынесли ей предупреждение "по Указу". Ей ставились в вину хранение литературы, изъятой на обысках в январе (Хр.52) и декабре (Хр. 55) 1979 г., участие в демонстрации 10 декабря 1978 г. (Хр. 52) и "антисоветская агитация и пропаганда" среди агитаторов, уговаривавших ее идти на выборы.

* * *

18 декабря М. Петренко в отделении милиции сделала предупреждение "по Указу". Ее "грехи" – хранение материалов, изъятых у нее на обыске в мае 1980 г. (Хр. 57). "Предупреждающие" выразили недовольство, что у Петренко "собирается молодежь". Петренко не подписала протокол предупреждения.

* * *

5 сентября отдел Ассоциации еврейских издателей США на Московской международной книжной выставке-ярмарке был закрыт на час раньше, после чего на выходе из павильона милиция стала отбирать у выходящих каталоги этого издательства.

Известны случаи, когда сотрудники милиции и КГБ задерживали советских граждан после посещения ими выставки и проводили личный досмотр, в результате которого отбирали у этих граждан проспекты с выставки, в частности – из американского и израильского павильонов.

Алексея Магарика, сына Владимира Магарика (Хр. 61, 62), отвезли в отделение милиции, где держали до выяснения места его работы.

* * *

В сентябре жителям Киева рассылали отпечатанные типографским способом открытки:

Уважаемый товарищ!

Общественные пункты охраны порядка и органы внутренних дел много усилий прилагают к наведению в нашем районе образцового общественного порядка.

Достижению этой цели во многом будет способствовать своевременное реагирование на каждое правонарушение и привлечение виновных к ответственности. В этом необходима широкая поддержка и участие всего населения. Чем быстрее станет известно о правонарушении или преступлении, тем быстрее будут приняты меры.

О всех известных вам нарушениях общественного порядка и правил социалистического общежития, о лицах, ведущих антиобщественный образ жизни, не работающих, злоупотребляющих спиртными напитками, неблагополучных семьях, подростках, бро-

сивших учебу, просим, не называя своей фамилии, сообщать в Совет общественного пункта охраны порядка микрорайона "Ждановский" с 19.00 до 23.00 час. по тел. 27-41-01, в другое время суток в отдел внутренних дел Зализничного района по тел. 76-70-21, 77-31-00.

*Совет общественного пункта
охраны порядка
микрорайона "Ждановский"*

В некоторых случаях стояла подпись: "Общественность ... района" (например, так было в Московском районе: "Общественность Московского района").

* * *

Павловск Ленинградской обл.

Вечером 2 июля к двум молодым рабочим Павловского механического завода Игорю Цапурину и Владимиру Бебихову в автобусе пристал неизвестный в штатском с требованием "угостить" его водкой (молодые рабочие везли с собой нераспечатанную бутылку). На конечной остановке автобуса они были вынуждены угостить неизвестного. Товарищем в штатском оказался следователь горотдела милиции Мартемьянов, которого "очень огорчил" недостаток уважения со стороны его собеседников. Поэтому он тут же по телефону вызвал наряд милиции. Прибывшая группа милиции в составе пяти человек застала ребят еще на площади. Их сбили с ног и стали избивать сапогами. Вокруг начала собираться толпа прохожих. Один из парней потерял сознание. Женщина с ребенком пыталась остановить избиение, схватив за руку одного из милиционеров. Тот выхватил пистолет и прицелился в ее ребенка: "Стой, сейчас уложу..." В это время остальные милиционеры затолкали пострадавших в милицкий автобус, где продолжали избиение. Избиение продолжалось также и в горотделе милиции. В это время оба задержанных были без сознания. Ночью Бебихов пришел в сознание на полу камеры и услышал фразу Мартемьянова: "Надо их раздеть – я люблю бить голых". В эту минуту Мартемьянов и неизвестный милиционер выходили из камеры, оставив дверь открытой. Раненый Бебихов выполз в коридор – дежурный милиционер в этот момент отсутствовал, дверь на улицу оказалась отпертой.

Цапурин был освобожден только через 15 суток.

Известие о происшедшем широко распространилось на Павловском механическом заводе. Стало известно, что милиция передает дело в суд по обвинению Цапурина и Бебихова в сопротивлении властям. Председатель зав. комитета Бычков, Герой Социалистического труда, обращался в горком КПСС с целью добиться справедливости, где ему дали понять, что "все происходит как надо" и посоветовали не вмешиваться, если он не хочет получить неприятности сам.

Суд проходил 5 ноября. Перед судом Цапурин подвергался угрозам

со стороны милиции: если будет обвинять милицию на суде, то его убьют. Бебихов был арестован на трое суток, где его пытались шантажировать таким же способом. Судебное заседание состоялось в полуподвальном помещении в здании городского суда.

В процессе участвовали, кроме основных, два общественных защитника, рабочих ПМЗ. Все свидетели обвинили милицию в садизме и изощренном издевательствах, а также в том, что милиционер, угрожавший пистолетом, и следователь Мартемьянов, распорядившийся избивением, были в нетрезвом состоянии. Во время заседания суда в адрес милиции раздавались крики с мест: "Сволочи! Фашисты!" Общественный защитник потребовал, чтобы на скамью подсудимых были посажены сотрудники милиции, а подсудимые – немедленно освобождены, а также выразил недоумение в отношении оснований, послуживших предлогом для организации суда. Крики из зала: "Судье так приказали сверху!", "Мы с вами рассчитаемся, гестаповцы!", после чего судья потребовал удаления публики из зала. Публика не подчинилась. Цапурин был явно запуган, отвечал односложно и очень тихо. Бебихов – четко, ясно, по существу, обвинив милицию в преступной фабрикации дела. Благодаря его показаниям и энергичной защите и реакции публики оба подсудимых получили условные сроки: Цапурин – 2 года условно, Бебихов – 3 года условно.

* * *

29 августа в 15 час. на территорию посольства США въехали на своем автомобиле Василий Назаров (54-х лет) и его мать Наталья Назарова (74-х лет); оба из Солнечногорска Московской области. После этого представитель консульского отдела посольства сообщил собравшимся у посольства иностранным корреспондентам и сотрудникам КГБ и милиции, что Назаровы прибыли в посольство по своему личному делу и не собираются просить политического убежища. Позже их автомобиль был выведен с территории посольства, а в 18.30 Назаровы вышли из посольства в сопровождении одного из его служащих. Они успели поведать окружившим их корреспондентам о деле, приведшем их в посольство, следующее:

После долгих лет беспорочной работы Василия Назарова несправедливо, по его мнению, уволили с занимаемой должности. Он обжаловал свое увольнение в различных инстанциях, однако удовлетворяющего его результата не достиг. Безрезультатны оказались и жалобы его матери, старшейся помочь сыну. В то же время она подверглась избивению неизвестными лицами. После этого Назаровы решились предать свою историю гласности, для чего и прибыли в посольство.

Через несколько минут после выхода из посольства Назаровы были задержаны и доставлены в 11 о/м г. Москвы. Наталья была через несколько часов отпущена, а Василий арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Его обвиняют в "незаконном переходе границы".

* * *

4 сентября в посольство Франции пыталась прорваться Марина Питакурия с дочерью 6 лет и семимесячным сыном. Она намеревалась там обсудить возможность своего выезда во Францию для лечения дочери. Милиция не пропустила ее на территорию посольства, однако ей было позволено в течение трех часов беседовать с работниками посольства в присутствии милиционеров и кагебешников. После этого Питакурия с детьми была увезена в автомобиле. Увозившие ее люди в штатском сообщили французским дипломатам, что намерены "поместить ее в московскую гостиницу".

* * *

Вечером 10 октября во двор бельгийского посольства через забор перелезли двое 15-летних молодых людей – Степан Джигарханян (сын известного актера) и Хачатур Мурадян (сын скульптора). Они просили предоставить им политическое убежище, мотивировав свою просьбу нежеланием "потерять свою молодость" в СССР и неприятием лжи (особенно о западном мире), которую они вынуждены слушать в школе. Служащие посольства вызвали по телефону родителей ребят, которым и передали юных посетителей.

* * *

11 октября в 9.15 утра на территорию американского посольства въехал Борис Леснов (42-х лет) из Ульяновска, имевший при себе ружье. Покинув посольство в 15 час., он за несколько минут до своего задержания успел сообщить иностранным корреспондентам (милиция в это время запрещала снимать его на кинолентку), что он – механик, некоторое время назад уволенный с работы; ранее он 4 года провел в Казанской СПБ, где виделся с Ильиным; в январе 1981 г. он пытался в Горьком навестить А.Д. Сахарова, но был задержан у его дома; удрученный невозможностью нормальной жизни, решил просить политического убежища, а ружье захватил в посольство, чтобы покончить с собой, если американцы откажутся удовлетворить его просьбу. "Теперь всю остальную жизнь я проведу в психушке", – сказал он. После того, как сопровождавший его сотрудник посольства покинул его, Леснов был задержан.

Негласные обыски

В октябре, когда В. Тольц (Хр. 56, 60, 62) временно оставался дома один (жена и сын уехали), его однажды утром срочно вызвали в милицию, где явно нарочито продержали несколько часов. В это время у него на квартире был проведен негласный обыск.

В те же дни В. Гершуни (Хр. 57) однажды вечером задержали на работе под явно надуманным предлогом. Вернувшись домой, он обнаружил, что в его комнате кто-то был.

В те же дни А. Романова (Хр. 62 и "Дело Болонкина" в наст. вып.) обнаружила у себя в комнате неизвестно кому принадлежащее "Пособие по математике для поступающих в вузы".

24 ноября, когда к С. Ходоровичу пришли на обыск (см. "Обыски, допросы"), обыскивающие сразу же позвали его тещу: "Пойдемте посмотрим, что у вас в холодильнике лежит".

День прав человека в Москве

10 декабря в 19 часов у памятника Пушкину ожидалась традиционная молчаливая демонстрация (Хр. 43, 48, 52, 55, 60).

На этот раз вокруг памятника не было никаких заборов, как в 1978 и в 1979 годах, можно было свободно всюду проходить, но "подозрительных" милиция и "штатские" начиная с 16 часов мгновенно погружали в микроавтобусы и развозили по ближайшим отделениям милиции и "опорным пунктам".

Общее число задержанных оценивается в несколько сот человек.

Вот рассказ одной из задержанных:

...

— Это не допрос, но отвечать Вы все равно должны...

Так как я продолжала молчать, они наперебой сыпали:

— Где Вы работаете?

— Почему не отвечаете?

Капитан: Может быть, у Вас нет работы? Тогда мы Вам поможем трудоустроиться.

Штатский: Может быть, Вы уклоняетесь от трудовой обязанности?

Я повернулась к нему и тихо (честное слово, очень тихо и очень спокойно) начала:

— Послушайте, Вы...

— А Вы не грубите, — заорал он. Точнее, не заорал, а сказал голосом второгодника-хулигана, назначенного дежурным. — Если будете грубить, мы Вас быстро успокоим...

— Так Вы работаете или нет? — продолжал капитан. — Ну что ж, — добавил он, помолчав, — придется с Вами побеседовать участковому по Вашему месту жительства. И еще один вопрос: что Вы делали на площади Пушкина? Это ведь довольно далеко от Вашего дома.

"Он что, Орвела цитирует специально?" — подумала я; вслух, разумеется, только удивилась странному вопросу.

Штатский: Так что Вы там делали? И вообще, почему мы Вас задержали?

– Вот это я и хотела бы выяснить.

Капитан: Ну что ж, не хотите идти домой – Ваше дело.

Меня отвели в пустую комнату, выдержали там некоторое время и предложили убираться.

Только выйдя на улицу, я почувствовала, как мне противно.

Через несколько часов всех, кроме приехавших в Москву супругов-киевлян И. Герашенко и И. Ратушинской (Хр. 60, 62), отпустили. "Гостям столицы" дали по 10 суток. (Рассказ Ратушинской о ее "10 сутках" напечатан в "Информационном бюллетене СМОТа" № 25.)

20 декабря Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 188 "Традиционная демонстрация 10 декабря на площади Пушкина в Москве".

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

38 подписей. *Главам правительств Союза ССР и северных стран* (10 октября 1981 г.)

Общественность и правительства стран Северной Европы в настоящее время всесторонне взвешивают выраженную председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР идею создания в Северной Европе безъядерной зоны. Настоящим мы выступаем с предложением включить в эту безъядерную зону и Балтийское море и прибалтийские страны – Эстонию, Литву, Латвию.

...

Подобный шаг – освобождение одного региона от ядерного оружия – был бы весомым этапом на пути к исполнению величайшего ожидания народов мира – ПОЛНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ.

Достопочтенному лауреату Нобелевской премии мира А.Д. Сахарову

В обращении литовских католиков, опубликованном в "Хронике ЛКЦ" № 48 (29 июня 1981 г.), говорится:

Мы, литовцы доброй воли, в сердцах своих сопутствуем с Вами на пути страдания и жертвы. О Вашем славном юбилее 60-летия, которое Вы праздновали 21 мая, мы узнали по радио. Вместе со всеми людьми мира мы поздравляем Вас, молимся за Вас и желаем крепкого здоровья и неустанной энергии бороться за униженных и бесправных.

И. Нагле. Прокурору г. Москвы (14 июля 1981 г.)

1.7.81 г. старший следователь следственного отдела УКГБ СССР по г. Москве и Московской области Левченко Анатолий

Алексеевич допрашивал меня в качестве свидетеля по делу Кувакина Всеволода Дмитриевича (Хр. 62 – Хр.).

I. Большая часть вопросов, заданных мне следователем, была обращена ко мне не как к свидетелю, а как к обвиняемому или подозреваемому; при этом следователь не только не объяснил мне, в чем состоит дело Кувакина В.Д., но даже наотрез отказался называть статью Уголовного кодекса, по которой тот обвиняется.

II. Свои вопросы следователь записывал искаженно и неполно. Мои же ответы почти вовсе не записывал, заменяя их немотивированными отказами от дачи показаний. Отказался следователь также достаточно полно описать в протоколе предъявленный мне по ходу допроса документ. Словом, составленный А.А. Левченко протокол совсем не отражает действительного содержания допроса, и я такой протокол не подписала. Когда же я хотела написать добавления на последнем листе протокола, следователь силой вырвал у меня авторучку на середине фразы!

III. Когда уже допрос был окончен, в кабинет неожиданно вошли двое неизвестных, и Левченко вышел, оставив меня с ними наедине. Мой пропуск при этом остался у следователя; таким образом, допрос был использован для незаконного принуждения меня к неофициальному разговору с так и оставшимися "инкогнито" сотрудниками.

IV. Вне протокола гр. Левченко позволял себе высказывания, дискредитирующие советское правосудие, как то: "Я записываю так, как считаю нужным, а не так, как Вы будете говорить", "Я имею право Вам грубить", "Будете здесь сидеть столько времени, сколько я найду нужным" и т.п. Не чуждался старший следователь УКГБ и угроз, и обмана, и печально известных высказываний типа: "Следствие ошибается оч-чень редко" ...

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на проявленный гр. Левченко произвол и потребовать принятия предусмотренных Законом мер.

Е. Грицяк. *Открытое письмо по поводу нашего равноправия* (10 октября 1981 г.)

Автор (Хр. 43, 45) написал письмо "Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу, товарищу по фронту, по перу и по единому советскому гражданству". Он написал воспоминания (поэтому он называет Брежнева "товарищем по перу"), они были изданы за границей, сотрудник Ивано-Франковского УКГБ майор Петренко угрожал ему за это.

...

Вы опубликовали свои воспоминания как в Советском Союзе, так и за границей, я – только за границей. Но Вас не вызывают, как

меня, в КГБ и не спрашивают, каким путем Вы передали за границу свои воспоминания; от Вас не требуют отречения от своего труда. Вам не угрожают судом, на Вас не ставят провокационные силки. Наоборот, Вас прославляют и Вами восхищаются.

Теперь я хочу спросить Вас: почему получается так, что два одинаковых действия двух равноправных граждан так неодинаково расцениваются?

...

Почему меня собираются судить?

Вас ведь никто не судит?!

Документы Московской группы "Хельсинки"

- № 175 (31 июля 1981 г.) *Суд над Ириной Гривниной* (см. наст. вып.).
- № 176 (29 июля 1981 г.) *Осуждение последнего члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Феликса Сереброва* (см. наст. вып.).
- № 177 (8 августа 1981 г.) *Суд над Михаилом Зотовым* (Хр. 62).
- № 178 (9 августа 1981 г.) *Суд над Анатолием Корягиным* (Хр. 62).
- № 179 (12 августа 1981 г.) *Преследование семьи Рауш*.
- № 180 (20 августа 1981 г.) *Арест и осуждение Станислава Зубко* (Хр. 62 и наст. вып.).
- № 181 (29 августа 1981 г.) *Арест члена Московской группы "Хельсинки" Ивана Ковалева* (см. наст. вып.).
- № 182 (5 сентября 1981 г.) *Репрессии против желающих выехать из СССР*.
- № 183 (6 сентября 1981 г.) *Суд над Анатолием Марченко* (см. наст. вып.).
- № 184 (23 октября 1981 г.) *40-я годовщина массовых расстрелов евреев в Бабьем Яре* (см. "События на Украине").
- № 185 (30 октября 1981 г.) *30 октября – День политзаключенного в СССР* (см. "В тюрьмах и лагерях").
- № 186 (20 ноября 1981 г.) *Арест и осуждение Раисы Руденко* (Хр. 62 и наст. вып.).
- № 187 (18 декабря 1981 г.) *Арест и осуждение Александра Магидовича* (Хр. 61).
- № 188 (20 декабря 1981 г.) *Традиционная демонстрация 10 декабря на площади Пушкина в Москве* (см. "Разные сообщения").
- № 189 (21 декабря 1981 г.) *Суд над Борисом Чернобыльским* (см. "Право на выезд").
- № 190 (21 декабря 1981 г.) *Преследования Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям* (см. наст. вып.).

...

...

В настоящее время власти усилили "внимание" к Фонду. Давление оказывают на многих, кто принимает участие в его работе. У многих (в частности, у Н. Лисовской и А. Романовой) отключили телефоны, постоянно проводят обыски с изъятием вещей, продуктов и денег; вызывают на допросы в КГБ, увольняют с работы, угрожают административной и судебной расправой. Угрозы начинают приводить в исполнение.

9 декабря Бауманский райсовет принял не основанное на законе решение об административной высылке из Москвы сроком на 2 года Рушании Федякиной, принимавшей участие в деятельности Фонда. Федякина имеет семилетнего сына.

8 декабря в Ленинграде арестован Валерий Репин, также участвовавший в работе Фонда. Утром 8.12.81 г. к Репину пришел неизвестный и передал ему пакет с самиздатом. Вслед за этим человеком явились сотрудники КГБ и после 10-часового обыска арестовали Репина. По неподтвержденным сведениям ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР ("Антисоветская агитация и пропаганда"). Сейчас Репин находится в следственном изоляторе КГБ.

У распорядителя Фонда Сергея Ходоровича в течение последнего года проведено три обыска, на которых изымались все бумаги и документы, касающиеся деятельности Фонда, что сильно расстроило учет финансовой деятельности за 1981 год.

Действия властей явно направлены на пресечение работы Фонда — единственной благотворительной организации в СССР.

НОВОСТИ САМИЗДАТА

Вспомним о забытом! (4 стр.)

Анонимный автор рассказывает о Василии Спиненко (Хр. 52, 62).

По утверждению автора, весной 1978 г. Спиненко был освобожден из Макеевской психиатрической больницы. По освобождении Спиненко

... попал в руки ... бывшего соратника и единомышленника, бывшего курсанта спецшколы МВД, бывшего политзаключенного В. Семилетова и ... В. Новосельцева. Последний ... уговорил В. Спиненко написать письмо с критикой некоторых действий А.Д. Сахарова...

В результате вышеизложенного и из-за провокационной деятельности В. Новосельцева Спиненко вновь упрятали в психбольницу, где он находится по сей день.

Результаты приема на мехмат МГУ выпускников пяти московских школ

В 1981 г. на механико-математический факультет МГУ из пяти веду-

ших физико-математических школ Москвы (№№2, 7, 57, 91, 179) поступало 64 человека – 49 чел., "среди родителей, дедов и бабушек которых нет ни одного еврея", и 15 чел., не удовлетворявших этому условию. Из первой группы принят 41 человек, из второй – 2 (одна – дочь профессора мехмата, второй – сын известного физика-теоретика, члена-корреспондента АН СССР; он, победитель 43 Московской математической олимпиады, был принят после многочисленных апелляций и жалоб).

Об аналогичных документах см. в Хр. 51 (про 1978 год), Хр. 53 (про 1979 год) и в Хр. 60 (про 1980 год).

Наборы задач, предлагавшихся на устном экзамене по математике на мехмате МГУ в 1981 г.

Этот документ является приложением к предыдущему. В нем приводятся 10 "русских" наборов и 10 "еврейских" наборов задач.

Об аналогичных подборках задач см. в Хр. 51, 53, 57.

Бюллетень № 12 Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (30 июля 1981 г., 29 стр.)

На титульном листе – Ю. Киселев, В. Фефелов, О. Зайцева и Ф. Хусинов (ср. Хр. 62).

В бюллетене – информация о Всеевропейском обществе содействия инвалидам, документы Инициативной группы № 23 "Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех" (реферат статьи из "Курьера ЮНЕСКО" за февраль 1981 г.) и № 24 "Международный год инвалидов в СССР" (в приложении – автобиографическое письмо М. Зотова – Хр. 62), обращение Инициативной группы к Брежневу и министру социального обеспечения РСФСР о создании в СССР Всесоюзного общества инвалидов, письма Инициативной группы во Всемирный Совет Церквей, к архиепископу Брюссельскому и митрополиту Сурожскому, д-ру Классу, леди Мэшам и инвалидным обществам других стран, "Еще раз об отдыхе и лечении инвалидов в СССР" (дополнение к документу № 15 – Хр. 57), письмо в Крымский облисполком об инвалиде 1 группы Клавдии Корниенко.

Бюллетень № 13 Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (25 декабря 1981 г., 20 стр.)

В бюллетене – сообщение Инициативной группы об итогах Международного года инвалидов в СССР, открытое письмо Инициативной группы Брежневу, Шмидту, членам правительств СССР, ФРГ и ГДР (о положении в психбольницах ФРГ), документ № 25 Инициативной группы о транспорте для инвалидов, письмо члена Инициативной группы В. Фефелова в Ассоциацию инвалидов Швеции (о положении инвалидов в СССР), "В защиту инвалида Николая Баранова" (см. "В психиатрических больницах").

Информационный бюллетень СМОТа № 14 (1981 г., 9 стр.), № 15 (май 1981 г., 14 стр.), № 16 (июнь 1981 г., 21 стр.), № 17 (июль 1981 г., 35 стр.), № 18 (август 1981 г., 39 стр.), № 19 (сентябрь 1981 г., 30 стр.), № 20 (октябрь 1981 г., 51 стр.), № 21 (октябрь 1981 г., 42 стр.), № 22 (ноябрь 1981 г., 28 стр.), №№ 23-24 (ноябрь 1981 г., 51 стр.), № 25 (декабрь 1981 г., 29 стр.).

В № 14 – “Красная суббота” (о субботниках), “Свидетельствуют они сами”, “Заявление для печати” В. Кувакина от 12 марта (Хр. 62), “Заявление СМОТ” об аресте Кувакина (в нем Кувакин назван членом “рабочей комиссии СМОТ”), “Письмо в защиту Марка Морозова” А. Готовцева (см. “В тюрьмах и лагерях”), отрывок из “Записок постороннего”.

В № 15 – материалы о событиях в Польше, очерк об инвалидном лагере (Хр. 62), письмо христиан из г. Асино Томской обл.

В № 16 – “Разговор о психиатрическом терроре продолжается”, “Загадочный документ”.

В № 17 – “Советский дипломат о Франсуа Миттеране – за год до избрания”, письмо в защиту Михаила Зотова (суд – Хр. 62), “Еще одно дело” (о допросе И. Нагле по делу Кувакина – Хр. 62), заявление Нагле прокурору (см. “Письма и заявления”), “Открытое письмо всем, кто знает Владимира Гершуни” Р. Лерт (о “психиатрическом аресте” Гершуни летом 1980 г. – Хр. 57), письмо в защиту Гершуни, “Письмо в один из дней вынужденной свободы” Гершуни, “Дело о защите человека” Гершуни, “Защитить ребенка Ирины Каплун!” (Хр. 62), написанная несколько лет назад статья “О московском ядре Демократического движения (критический анализ деятельности)”.

В № 18 – “Засекреченная гласность”, письмо П. Подрабинека зам. прокурора Ульяновской обл. (см. “В тюрьмах и лагерях”), “Грустный фельетон”, “Суд над историком Анцуповым” (см. “События на Украине”), резолюция партийно-хозяйственного актива ЦГЭ от 12 августа (см. “После судов над Лавутом и Осиповой”), “Обличительный психоз или нераскрытая игра?”, “Заявление для общественности” С. Белова (Хр. 54), “К общественности” (о суде над М. Морозовым – Хр. 61).

В № 19 – обращение съезда “Солидарности” к трудящимся Восточной Европы, “О возрождении в органах КГБ сталинско-ежовских методов расправы”, “Еще кое-что о гласности, о ‘зрелом социализме’ и о многом другом”, “Преступление сотрудников МВД СССР”, “Положение Владимира Сквирского” (см. “В ссылке”), “Разгон клубов самодельной песни”.

В № 20 – “О шестой судебной расправе над Анатолием Марченко” (см. “Суд над Анатолием Марченко”), “О психиатрическом приговоре Михаилу Зотову” (суд – Хр. 62), “Пытки в коммунистических застенках” (об избииении Марзпета Арутюняна – см. “В тюрьмах и лагерях”), “Дело Сквирского”, “Черносотенная республика”, “Дело ... Шпенглера” (о суде над Анцуповым), “Некоторые сведения о бунтах уголовников и

из закулисного быта тюрем и лагерей”, ”Психиатрический террор” (о В. Цурикове – см. ”Право на выезд”), ”О нашей просвечиваемой и прослушиваемой жизни”, ”Очередное наступление КПСС на религию”.

В № 21 – ”заметки о повышении цен”, ”Их быт, их нравы”, ”Из сегодняшних споров о дряхлеющем новом классе”.

В № 22 – ”Пушки вместо масла, да масло не масляное”, ”Пытки в коммунистических застенках” (о Н. Баранове – см. ”В психиатрических больницах, об избияниях в Сычевской СПБ), ”О положении узников совести в мордовских лагерях”, ”Из тюремных записок” Ю. Вознесенской.

В № 23-24 – ”О демографии, геополитике и народном хозяйстве”, ”В коммунистических застенках”, ”Эстония борется”, ”Россия и Польша”, ”О положении трудящихся баптистов”, ”Ветераны труда или бесправные нищие”, ”Открытое письмо о создании безъядерной зоны в Северной Европе” (см. ”Письма и заявления”), ”Из тюремных записок” Ю. Вознесенской, ”Беспорядочная литература”, ”О разнообразии запретов”, ”Судороги советской культуры”.

В № 25 – ”Сталинисты, руки прочь от Польши!”, ”Новые планы – старые методы”, ”Оптом и в розницу”, ”Недремлющее око” С. Белова, рассказ И. Ратушинской (Хр. 60, 62) об отбывании ”10 суток” после 10 декабря (см. ”Разные сообщения”), ”Суд над В.Д. Кувакиным” (см. наст. вып.).

Бюллетень Советской группы организации ”Международная Амнистия” №№ 1, 2

В № 1 – отрывки из ”Руководства для групп”, справка о создании и функционировании Советской группы, статус Советской группы, статья П. Подрабиника ”Смертную казнь необходимо отменить”, письмо В. Лапина в Верховный Совет СССР об отмене смертной казни (Хр. 17) и ответы на него из официальных инстанций.

В № 2 – статья П. Подрабиника ”Размышления о Международной Амнистии”, сведения об узниках совести, опекаемых Советской группой, резолюции Международной Амнистии и других общественных организаций об ответственности за отказ от службы в армии, информация о положении отказчиков в Греции, обращение Исполнительной группы Советской секции Международной Амнистии к 6 сессии Верховного Совета СССР – призыв провести в СССР амнистию узников совести.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Президиум АН СССР

12 ноября 1981 г.

Постановление № 1369

О статье "Этнические контакты и окружающая среда", опубликованной в журнале "Природа"

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Признать ошибочным опубликование в журнале "Природа" статьи кандидата философских наук Бородая Ю.М. (Институт философии АН СССР) "Этнические контакты и окружающая среда" ("Природа", № 9, 1981 г.), дающей неправильное освещение этнических процессов.

2. Обратить внимание главного редактора журнала "Природа" академика Басова Н.Г. на необходимость более тщательного отбора материалов для публикации (в журнале популярном нельзя распространять среди широких читателей дискуссионные материалы).

3. Указать заместителю главного редактора журнала "Природа" Гончарову В.А., исполнявшему обязанности главного редактора по выпуску указанного номера журнала, на грубое нарушение порядка публикации материалов при прохождении в редакции рукописи статьи Бородая Ю.М.

4. Поручить академику Басову Н.Г. в двухнедельный срок представить на утверждение Президиума АН СССР новый состав редколлегии журнала "Природа", согласованный с секциями Президиума АН СССР.

5. Поручить редколлегии журнала "Природа":

5.1. Опубликовать статью, содержащую научно обоснованную критику ошибочной публикации, а также научное освещение этнических процессов.

5.2. Обсудить нарушения в прохождении рукописей в связи с появлением статьи Бородая Ю.М., а также определить общий порядок подготовки материалов, обеспечивающий публикацию научно проверенных и обоснованных статей.

6. Поручить Ученому совету Института философии АН СССР обсудить безответственное отношение сотрудников Института к подготовке и рецензированию указанной статьи.

7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на Бюро Редакционно-издательского совета АН СССР.

Президент Академии наук СССР
академик –

А.П. Александров

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук
академик –

Г.К. Скрябин

ПОПРАВКИ ДОПОЛНЕНИЯ

П.П. Лиденко, об аресте которого "Хроника" 62 сообщала в разделе "События на Украине", и П.П. Диденко, о суде над которым сообщалось в разделе "Преследования верующих" того же выпуска – одно и то же лицо. Правильно – Диденко.

Жанис Скудра (Хр. 52) был арестован 7 июня 1978 г.

А. Хвоткова приговорена к 10 годам лагерей (а не к 7, как сообщалось в Хр. 60) и к 3 годам ссылки. На ссылку она переходит в 1982 г.

Из письма Марка Морозова (суд – Хр. 61), написанного в 1980 г. во время следствия по его "воркутинскому делу":

...после избиений в тюрьме у меня начались сильные боли в спине и в ногах. Мне два месяца отказывали в лечении в тюрьме и прокуратура не расследовала дело об избиении, т.к. мой следователь рекомендовал меня не лечить, чтобы факт медицинского вмешательства не подтвердил факт избиения. Лечение начали слишком поздно, когда я уже не смог ходить. Поэтому осталась боль и постоянная хромота. Это значит, что мой следователь виновен в моем увечье. Это начальник следственного отдела КГБ Коми АССР подполковник Туркин Г.Т.

Меня допрашивали о Тане Осиповой, но ничего не получили от меня.

Юрий Гримм родился в 1935 г. (а не в 1938, как в Хр. 58). В 1964 г. он был арестован за распространение по Москве фотолитовок с портретом Хрущева в обнимку с каким-то африканским вождем и написанных на них текстом о положении в стране (а не за карикатуру на Хрущева, как в Хр. 58). До этого ареста Гримм работал на стройках машинистом башенного крана, после освобождения – заведующим фотолaborаторией в проектном институте (а не рабочим на стройках, как в Хр. 58). С 1975 г., когда его за намерение эмигрировать уволили из института, он работал рабочим в магазинах.

Дело Сиденко

Из определения Краснодарского краевого суда от 18 января 1980 г. (Хр. 56, 62) :

...

Начиная с 1976 г. Сиденко занимался распространением клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в устной форме среди жителей ст. Старотитаровской.

Так, в декабре 1976 года в беседе с директором школы № 1 Котовым А.Н. он клеветал на советское государство и руководство нашей страны. В частности, говорил, что "Совет от сатаны, а не от Бога"; ждет, когда Китай закончит изготовление атомной бомбы и начнет войну против СССР.

В марте 1977 года в беседе с учителем школы Толоконниковой Н.В. Сиденко клеветал на коммунистическую партию, на руководителей нашего государства, говорил: "Все коммунисты бесчестны: в годы войны они отсиживались в тылу, а на передовую под пули посылали миллионы других. Все правители – бандиты".

В июле 1977 г. Сиденко сказал жителю станицы Кутенко: "Я ненавижу этот строй, где люди живут, как в концлагере, ненавижу коммунистов. Если бы была война, взял бы автомат и стрелял бы в коммунистов".

2 сентября 1977 г. в беседе с жителями станицы Шевченко П.И., Троц Л.В., Филоновой Л.В. клеветнически утверждал, что "Советская власть плюет в души верующим, везде беззаконие и несправедливость".

В мае 1978 г. Сиденко направил в адрес редакции газеты "Советская Кубань" письмо, в котором допустил клеветнические измышления о преследовании в СССР верующих за их религиозные убеждения, о государственном строе в нашей стране, о правах и свободах советских граждан. Он писал: "На бумаге мы свободные, а на деле – крепостные рабы".

...

По заключению судебно-психиатрической экспертизы Сиденко страдает психическим заболеванием в форме непрерывно текущей умеренно-прогредиентной шизофрении (параноидный вариант).

...

Дело Якунина

Последнее слово на суде (ср. Хр. 58) :

В своем последнем слове, которое будет кратким, я хочу сказать о причинах, побудивших меня заниматься диссидентской дея-

тельностью, которая ныне вменяется мне в преступление. Главная религиозная заповедь, обязательная для выполнения каждым верующим, заключается в двуединой и нераздельной формуле: "Возлюби Бога Твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего как самого себя". Согласно этой заповеди, любовь к Богу неотделима от любви к ближнему, служение ближнему – одна из форм служения самому Богу. "Кто мой ближний?" – спросил однажды у Христа законный знаток и толкователь религиозного законодательства пророка Моисея (Лк., гл. 10). В ответ Христос рассказал притчу, согласно которой ближний – это единоверец-соплеменник, впадший в беду, несчастье. Вся моя правозащитная деятельность, в том числе создание "Христианского комитета в защиту прав верующих в СССР" и участие в его работе – была направлена на оказание помощи моим ближним – православным, католикам, баптистам, пятидесятникам, адвентистам – христианам России, оказавшимся в напастях. Защищать их право на свободу веры – религиозный императив моей совести. Кроме того, защита интересов Церкви – мой религиозный долг священника, ибо Христос сказал: "Пастырь добрый душу свою полагает на овцы". Суд подошел к концу, остается вынести приговор. Каким бы он ни был, я встречу его со спокойной совестью и благодарностью Богу за мою судьбу, за то, что я имел счастье стоять у истоков религиозного возрождения России, за то, что мне выпала честь защищать права верующих, за этот жизненный путь, который мне еще надлежит пройти. Итак, суд заканчивается. Но ни этот суд надо мной, ни другие суды над диссидентами, ни публичное отречение малодушного Дудко не в силах опровергнуть правду – правду об истинном положении в нашей стране религии, Церкви, верующих.

Из замечаний к протоколу суда:

Я сказал: "Я считаю, что вся моя деятельность до ареста сводилась к оказанию помощи верующим. В процессе следствия я убедился, что мои документы и материалы использовались НТС во враждебных Советскому Союзу целях. С этими целями НТС я категорически не согласен. Считаю вредным использование религиозного возрождения в политических целях, в том числе – и в антисоветских". В протоколе же выглядит так: в первой фразе не "считаю", а "считал" – в прошедшем времени. Вторая же фраза – "я убедился" и т.д. превращена в следующую фразу: "В процессе следствия я понял, что эта деятельность является вредной для государства". На основе этой фальсифицированной фразы суд сделал вывод в приговоре, что я будто бы "осудил свою деятельность".

Заявление от 24 сентября 1980 г.:

Ознакомившись 16 сентября с протоколом судебных заседаний,

я обнаружил, в частности, несоответствие протоколов с некоторыми моими показаниями в суде, на что я сделал свои замечания. Так как при свидании со мной 21 августа мой защитник адвокат Попов Л.М. обещал со своей стороны направить в суд свои замечания на протокол в случае, если ... несоответствие протокола с моими показаниями в суде, но свои обещания не выполнил, данным заявлением извещаю о том, что отказываюсь от дальнейших услуг адвоката Попова Л.М. Прошу сообщить моей жене Якуниной И.Г. о том, что я поручаю ей заключить контракт с другим адвокатом для моей защиты в Верховном суде РСФСР.

Дополнение к кассационной жалобе от 12 ноября 1980 г.:

24 сентября коллегия по уголовным делам Мосгорсуда под председательством Лубенцовой своим определением отклонила мои замечания на протокол судебных заседаний по моему делу, утверждая, что они "не правильные". Тот факт, что во время судебных заседаний официально велась магнитофонная запись процесса, представляет возможность исправить случайные ошибки в контексте протокола. Отказ утвердить мои замечания на протокол, которые в точности соответствуют действительности происходящего, означает, что протокол судебного заседания был умышленно искажен, фальсифицирован, что является вопиющим нарушением элементарной нормы правосудия.

* * *

В дни суда над Г. Якуниным (Хр. 58) священник Кирилл Чернецкий во время богослужения в храме Казанской Божьей Матери (Москва, Коломенское) обратился к пастве:

"Сейчас в Москве судят праведника, священника отца Глеба. Я прошу вас всех со мной вознести молебен к Богу о здравии отца Глеба".

И он отслужил молебен. Вскоре после этого его перевели в дальний угол Московской области.

Дело Калепа

Из обвинительного заключения: Калеп (суд – Хр. 62)

В 74-75 гг. систематически изготовлял и вывешивал на виду по месту своей работы плакаты, порочащие советский общественный строй.

Весной 78 года составил документ, датированный 11 апреля 78 года, содержащий клеветнические измышления, под названием

”Основной закон и запрет профессии”, размножил его на пишущей машинке, минимум в 9 экз., которые распространял, показывая сослуживцам, передав представителю иностранного государства, рассылая в средствах массовой информации и опубликовав в нелегальном сборнике антисоветского содержания ”Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации” (Хр. 57 – Хр.), 6 экземпляров хранил в целях дальнейшего распространения по месту своего жительства в Пярну до 20 октября 1980 года.

В конце 78 года составил документ ”Заявление на разрешение на выезд № 5”, датированный 5 декабря 1978 года, искажающий советскую действительность, размножил его на пишущей машинке минимум в 10 экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, рассылая в государственные органы, передав представителю иностранного государства и опубликовав в нелегальном сборнике ”Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации”. 7 экземпляров этого документа он хранил в целях дальнейшего распространения по месту жительства и работы до 20 октября 1980 года.

Летом 1979 года составил документ ”Заявление на разрешение на выезд № 6”, датированный 10 августа 1979 года и содержащий клевету на советский строй. Размножил его на пишущей машинке минимум в 6 экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, рассылая в государственные органы, передав представителю иностранного государства и опубликовав в нелегальном сборнике ”Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации”. 3 экземпляра хранил для дальнейшего распространения до 20 октября 1980 года.

Весной 1980 года составил документ ”Заявление на разрешение на выезд № 7”, датированный 25 марта 1980 года и содержащий клеветнические антисоветские измышления, размножил его на пишущей машинке в 7 экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, передав представителю иностранного государства и рассылая в государственные органы. 3 экземпляра хранил в целях распространения по месту жительства до 20 октября 1980 года.

В 1979-1980 гг. размножил на пишущей машинке минимум в 3-х экземплярах ”Интервью А.И. Солженицына Би-Би-Си летом 1979 года”, 2 экземпляра хранил в целях распространения по месту работы до 20 октября 1980 года.

Летом 1980 года размножил на пишущей машинке минимум в -х экземплярах текст на английском языке под названием ”Открытое письмо”, порочащий советское правосудие, эстонский текст которого был напечатан в нелегальном сборнике антисоветского содержания ”Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации”, распространял его путем передачи представителю иностранного государства и 2 экземпляра

хранил в целях дальнейшего распространения до 20 октября 1980 года (по месту жительства).

В 1974-1980 гг. в беседах с сослуживцами Э. Метсалу, Х.Э. Ланге, А. Паюсалу, И. Пыхьяла, И. Алтнуу, Р. Тигане, Х. Тоомингом в Пярнуской колхозной строительной конторе систематически распространял клеветнические измышления относительно руководящей роли компартии СССР в советском обществе, марксистско-ленинской идеологии и экономической политики Советского Союза. А летом 1979 года призывал работников к дезорганизации работы.

Дело Нийтсоо

Из приговора: Нийтсоо (суд – Хр. 62)

16 апреля 1980 года в г. Тарту на вечере в кафе Дома молодежи "Дружба" Нийтсоо распространял среди участников клеветнические измышления о советском государстве и обществе, призывал к насилию против коммунистов, к свержению советской власти и восстановлению буржуазного порядка в Эстонии.

22 октября 1980 года в телефонном разговоре по месту своей работы в Тартуском секторе госпроектного института памятников культуры в присутствии других лиц распространял вымышленные и извращенные данные об антисоветских выступлениях, якобы имевших место в Тарту. Кроме того, Нийтсоо хранил в целях распространения на своем рабочем месте в Тарту машинописи "Большая игра в Афганистане" и "Совет Запада в час смертельной опасности", а также две магнитофонные записи с записями передач 1980 года на эстонском языке Шведского радио и радиостанции "Свобода" в Мюнхене, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй...

Нийтсоо не признал себя виновным в антисоветской пропаганде и утверждает, что, хотя 16 апреля 1980 года в кафе "Дружба" он и высказывался неподобающим образом по поводу комсомольских работников и хранил у себя на работе и дома некоторые письменные материалы, но делал это не в целях распространения.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аборин	120	Аникеев Роберт	183	Барашников	84
Абрамкин Валерий	17, 32, 189-190	Аникин А.И.	191	Барышев Ю.В.	43
Абрамович Павел	130-133, 135, 139	Анисимов Игорь Васильевич	134	Басараб Дмитрий	97
Абрикосов П.Б.	166	Анничкина В.И.	125	Басов Н.Г.	244
Авилов	148	Аниленис	103, 107, 108	Бахмин Виктор	19
Авторханов А.	62	Антонюк Зиновий	209	Бахмин Вячеслав Иванович	8, 15, 19, 55, 143, 189, 200
Айрикян Паруйр	42, 70, 166-167	Анциферова	143	Бебихов Владимир	233-234
Акимов	139	Анцупов Евгений Михайлович	80-81, 149, 170, 196, 197, 242	Бекбо Владислав	202
Александр Самойлович	24	Аренберг Вадим	178-181	Белановский С.	17
Александров Анатолий Петрович	155, 157-158, 161-164, 245	Армянинов	190	Бегин Менахим	178-179
Алексеев А.	211	Арутюнян Мрзапет	183, 185, 188, 242	Бедарьков Анатолий Михайлович	182
Алексеева Елизавета	154-165	Арутюнян Шаген	216	Белов	71
Алешин	120	Астрахан Павел	93	Белов	183-185
Алиев	177-183	Афанасьев	183	Белов А.И.	63
Алла Подмосковная	56	Ахутин Андрей	28	Белов С.	55, 57, 59, 242, 243
Алтнуу И.	250	Бабаева Валерия	129-130, 134	Белоцерковский	83
Алтунян Генрих Ованесович	81, 176-183	Бабель Исаак	37	Бени	56, 58
Альбрехт Владимир	65	Бабицкий Ф.	217	Бердник О.	82, 175
Альперт С.	129	Бабрина Галина	139	Бердничук Аполинарий	178, 182, 183
Альперт Я.	129, 160	Багдавадзе Марина	98	Береговых В.	64
Альтшулер Б.	160	Бадзю Ю.	82, 96, 170, 196, 197, 217	Бизякин А.В.	71-72
Амальрик Андрей	55	Бажанова М.	56, 60	Бирк Бруно	166
Амвросий	113	Балахонов Владимир	169, 182, 183	Бирюков А.	56
Аминев	194-195	Балюнас Ф.	102	Бобарькин Н.	174
Андреев С.	70-71	Банровский	84	Богданов В.В.	7.14
Андреев С.Р.	130	Бараз	166	Богатырева Татьяна	230
Андреева З.Ф.	95	Баранов	163-164	Боголюбов Геннадий	202
Андреева Л.	217	Баранов Николай Иванович	210-212, 241, 243	Богораз Лариса Иосифовна	35, 37, 40-43
Андропов Ю.В.	41, 146			Бойцова Л.	31, 217

Болонкин Александр	Бурцев В.	215	Вольвовский Леонид	
64,66-69,236	Бурцев Ю.А.	69,124,		139
Бондарчук 39		133	Вольскис	109
Боннэр Елена Георги-	Бутов Петр	95	Воробьев Ю.А.	70,
евна 25,26,125,	Бухарин Николай	65		72,73
155-166,176,201,	Буцевичоте Н.	102	Ворожев И.М.	67
217	Бучина Л.И.	44,54	Ворона Александр	
Борин А.А.	Бычков	233	Петрович	212
Борисенко 126			Вороноа Геннадий	
Борисов Владимир73,			Петрович	212
208	Вагралик	165	Вуль Леонид	57,
Боровик 131-132	Вайль Владимир	134		65,69
Боровой 178	Вайсберг Ю.	65	Въркин Владимир	202
Бородай Ю.М.	Вайтекунас	103	Вышинский А.Я.	50
244	Вайчунас Витаутас	186		
Бородин Леонид 61	Вайчюс А.	107	Гайдамачук Е.	64,68
Бочин 178-180,182	Валитова Ирина	185	Гайниченко	171
Брага 179	Вальдхайм Курт	121	Гайниченко Т.	172
Браиловский Виктор	Ван-Гог	13	Галедин	181
129,200	Варвак Леонид	94,	Галич Александр	
Браиловская Ирина		147		65-66
129,160	Варякойис	106	Гамбург Ольга	230
Бранд 210	Васильев Ю.В.	173	Гамсахурдиа Звиад	
Брежнев Леонид Иль-	Васильева Е.А.	138		98,101
ич 94,98,110,	Ведута Богдан	180	Ганнушкин	210
117,128,140,146,	Великанова К.	217	Гапеенков Л.А.	229
154,157,161,162,	Великанова Татьяна		Гаяускене Ирена	102
183,195,197,238,	Михайловна 8,		Гаяускас Балис	42,
241	15,21,23,55,155,			102,175,176
Брезгин Н.	171-174,200,217		Гейбельс	91
171	Велихов Е.П.	155,	Гель Иван	175
Бреслав Фрида 153		158,161	Георгиенко Владимир	
Бречко А.	Веригин В.Н.	144		93
114-118	Вернега	123	Герасименко Г.А.	44,
Бродский 90-92	Веселый Артем	37		46
Бронфельд Леонид	Виленская Л.	132	Герашенко Игорь	94,
	Винуловас Альфонсас	106		148-149,237
149	Витзон Михаил	29,30	Геринг	91
Брудно В.	Вилькович	114	Герус Т.	217
217	Виткаускайте Она	202	Гершуни Владимир	
Брючков 135	Владимов Георгий	231		59,231,236,242
Бугайчук Юрий 121	Власенко	93	Гессе Н.	165
Бузас Казимир 102	Вознесенская Юлия		Гинзбург Александр	
Бузас Повилас 102,		243		82
202	Волков Павел Василь-		Гинкуте Аудроне	106
Буковский Владимир	евич	109	Гитлер Адольф	210
55,74	Волчанов	210		
Булах Эдуард 154				
Булгаков 22,65				
Бумейстер Юрий Кар-				
лович 179				
Бурмистрович Илья				
65-67				

Гитман С.	231	Гримм Юрий Л.	7-8,	Джеджелава	99
Глазунов Илья	62		17,32,55,73,189,	Джемилев Решат	188
Глухачева Н.П.	190		245	Джигарханян Степан	
Гогебашвили Яков		Гринев Виктор	41,71		235
	101	Грицак Е.	238	Дзюба Юрий	81,95
Гоголь Н.В.	37	Гришин	121	Диденко П.П.	245
Головин А.А.	8,14,	Гришкявичюс	105,	Дмитриева Галина	95
	55		106	Добрик В.Ф.	88
Головин И.Н.	160	Громько	91	Долинина Н.Г.	47
Голубенко	95	Груба Виталий Дмит-		Дорош В.М.	88
Гольдфарб Б.	224	риевич	228	Достоевский Ф.И.	13,
Гольдштейны Григо-		Губинский	62		190
рий и Исай, братья		Гуков Юрий	168	Дрелл Сидней	161,
	115	Гундов	189		163
Гольфанд Ю.	160	Гуннар	11	Дубьянская Елена	133,
Гомон Виталий Алек-		Гуреев Геннадий	55,		135
сандрович	110		60	Дуда Ольга	112
Гончар	179	Гурьянов Г.Г.	120	Дудко Дмитрий	113,
Гончаров В.А.	244				189,247
Горбань Андрей	96	Давид А.	149	Дядькин Иосиф	188
Горбань Татьяна	96	Давид Строитель	98,		
Горбман Эмиль	139		101	Евграфов Николай	
Горетой Н.П.	174	Давыдов Г.	43		176
Горин А.З.	225-226	Давыдов Ю.	47	Евсеев	136
Городецкий Алек-		Дадиани Цотна	98,	Евсюков Серафим	188
сандр	147		101	Егоров Б.Ф.	45,46,
Горский И.В.	44	Дадковский А.А.	144		54
Горынь Михаил Нико-		Данилюк Иван	56-	Елистратов Виктор	
лаевич	79-80,		-58,61		175
	85-88	Даниэль Александр	69	Елистратова Батшева	
Горынь Ольга	88	Данко Иван Гаврило-			175
Готовцев Александр		вич (Георгиевич)		Ельчин Владимир А.	
	242		109		130-132,139
Гражулис К.	107	Данко Мария Иванов-		Емельянов Ю.	114,116
Грачиков Юрий Алек-		на	109	Еремина	142
сеевич	109	Дедушев Валерий	139	Ермакова В.И.	148
Гречаник Я.	129	Дедюлин С.	43	Ермилов	200,230
Гречко	116	Деева А.	217,224	Ермолаев	213-215
Гривнина Ирина Вла-		Дейч Л.Г.	44	Есип Роман	112
димировна	7-16,	Деменев А.С.	166	Ефанова Светлана	90,
	23,55,200,239	Демин	193		147-148
Григоренко П.Г.	74	Демина С.	36,39	Ефремов О.Н.	17
Григорьев Л.	162	Демченко	195	Ешмантас Гинтаутас	
Григорян	178-180,	Денисенков В.Д.	136		196
	182	Денисов И.Н.	44		
Гримм С.	189	Денисов Юрий	55-		
			-58,60,61,73		

Жгенти Важа	177	Зубко Станислав		Кандыба Иван Алексеевич	79-80,82,86
Желобов	136	Алексеевич	89,		
Жемайчюс К.	107		144-146,186,239		
Живаго	20			Каневский Валерий	90
Жилин Владимир	166-			Капис Рудольф	166
	-167	Иванаускас Р.	107	Капица Петр Леонидович	37-39,42,158
Жилоте Ядвига	106	Иваненко Дмитрий Андреевич	180	Каплун Ирина	242
Жукевич Ф.И.	140	Иванов Анатолий	62-	Карпенюк М.	183-
Жукова Е.С.	144		-63		-184
Журавко		Иванов Василий	192	Карпова Л.А.	138
Журавский Владимир	129	Иванов Леонид	192	Касаткин	73
		Иванов-Скуратов Анатолий Михайлович	27,61-62	Касаткин	215
Загирняк Александр	178-179, 182,183	Иванова Л.	8,68	Катюшкин Александр	30
Зайцева Ольга	218	Ивинскис	102	Кауныцкас Ионас	104,106
Закиров	120	Ивлюшкин Николай	183-185	Кашик А.С.	220-221,223,224-229
Залепа Ю.	177,179	Игнатъев	212	Кашкаров	189
Запорожец	135	Извеков И.	183-184	Кветный	190
Зариньш Владис	170,196	Иконников М.	56,57,60	Кейна Алгимантас	103
Засимов Валентин	178,180,182	Ильин Анатолий	235	Кейпшас С.	107
Захаров Н.Н.	144	Иоффе А.	129,175	Кенжеев Бахыт	63
Зверева Елена	24	Ишков М.Л.	230	Кернер Е.	124
Здоровый А.	81	Ищенко В.П.	85	Кибальник Ю.Д.	97
Здрилюк Петр	112-113			Кибальчич Н.И.	38
		Кабакадзе Нана	98	Кизелов Ф.	63-64,69-71,231
Зекунов Е.В.	85	Кавешников	148	Кириченко Светлана	96,217
Зеличенко Рюальд	132,138-139	Кадомцев Б.	158	Крикшюкайтис Кясутис	103
Зельдович Я.	158,163	Казаманов	124	Киселев Вадим	168
Зиновьев Александр	19	Казачков Михаил	169,174	Киселев Юрий	76,241
Зинченко	92,123	Казачкова Д.	169	Кислик Владимир	89,92,146,186,200
Зинченко Анатолий	81,174	Калеп Велью	174,180	Кислина О.	8
Зисельс Иосиф	202	Калиниченко Сергей	96	Клаес	241
Зограбян Размик	204	Каллистратова Софья Васильевна	25,26,34,63,69-71,172,176,201	Класс Тор	11
Зотов	77			Климантович Николай	63
Зотов К.И.	125	Калугина Капитолина Алексеевна	27	Климчак	см. Клымчак
Зотов Михаил	239,241,242	Кампов Павел	82-83,186	Клюц Борис	126
Зрюмов	32				
Зубко Анна	95				

Клымчак Богдан	169, 177-179,182	Корсунская Ирина	68	Кукобака Ми хаил	168-169
Кнап Остап Федорович	180	Корягин Анатолий	80, 95,185,239	Кулак Онуфрий	177, 202
Ковалев Иван	7,18-34,63-64,81,97,171-172,200,205,217, 239	Костава Мераб	206-207	Кулалаев	114
Ковалев Олег Иосипович	109	Костерин А.Е.	67, 75	Курадзе А.	101
Ковалев Сергей	22-23, 169	Костерин В.Е.	67	Курбатова И.Н.	43, 54
Ковалева Елена	19, 28	Костерина М.Е.	67	Курганская Ольга	27, 62
Ковалева Мария	29	Костемна Елена	67-68	Курганский Олег	73
Кавацив Иосафат (Василь)	112	Костэрин Ромэн	215-216	Курносов Валерий	121
Коганова Людмила	133	Котелянский	83	Курчатов И.В.	141, 160
Кожевин В.А.	64, 65-69	Котов А.Н.	246	Кутенко	246
Козак	187	Кофман Аврелий (Валерий)	151-152	Кучай Лев	23
Козакаускис	105	Кофман Ольга	151	Кушнир Александр	93
Козицкий Владимир	139	Кошаровский Юлий	130-133,139	Лавут Александр Павлович	7,14,15,21, 23,65,190-191,200, 217-228,242
Козлов А.П.	130	Кошкадзе Маринэ	98	Лавут Т.	217
Козловский Евгений Антонович	63	Козн	65	Лазарев	132
Колдуев Ахмет	192	Кравченко	84	Лазарук	179
Колосов Н.Н.	35	Крайник Николай	170	Лазуткин	103
Комекбаев Ж.	207-208	Красин Виктор	169	Ланге Х.Э.	250
Конабас Сергей	112-113	Краснова Татьяна Карповна	173	Ланда Мальва Н.	25, 32,200,205
Кондратьев	212	Кривцов В.Н.	51	Лапенис В.	209
Конев Иван Александрович	109	Крикшюкайтис	103	Лапин Владимир	243
Кононов	212	Кронрод В.А.	217, 221,224,226-228	Ларуков	27
Корехов Сергей	183-185	Кроток Н.И.	190	Лауринавичюс Бронюс	102-103
Корзун	38	Круглов	62	Лебедева Надежда Васильевна	110
Корниенко Клавдия	241	Кувакин Всеволод Дмитриевич	8,10, 12,15,55-61,73,207-208,238,242,243	Левицкая Анна	144, 146
Королев	192	Кувакина Анна	55, 60	Левицкий В.О.	44
Королева А.С.	67	Кудрина	141	Левченко Анатолий Алексеевич	237-238
Королева И.М.	67	Кузнецов В.	183-185	Леденева Татьяна	24
Коротич Виталий	93	Кузнецов В.В.	130	Леин	70
		Кузнецов Р.А.	126	Леин Евгений Борисович	135-138
		Кузнецов Э.	175		
		Кузнецова Н.А.	11		
		Куклев Е.Н.	28-29, 30,32-34		

Лен Владислав	63	Лялютайте	105	Матвеева Т.Д.	44,
Ленин Владимир Ильич	40,134,140-141	Ляшко	96		54
Лентин	65	Магарик Алексей	232	Матросов Александр	169
Леонов А.	129	Магарик Анна	134-135	Матусевич Ольга	186
Леонтьев Д.	66,68	Магарик Владимир	90-92,116,121,123-125,134,232	Матюшенко Н.	216
Леонтьюк	145	Магдеев	183,184	Махмудов	181
Лернер Адександр	91, 128,130,160,175	Магидович Александр	239	Машкова В.	62
Лерт Р.Б.	242	Мадиссон Тийт	180, 183	Мейланов Вазиф	174
Лесив Ярослав	167-168	Мазур Дмитрий	23, 170,196,197	Мейман Н.Н.	115, 128,160,176,200
Лесниченко Н.	43, 74	Макар-Лиманов Леонид	166	Мельгунов	64
Леснов Борис	235	Макаренко М.	82	Мельник Ю.А.	177
Лешкун	180	Макарий	96	Мердяев Алмаз Ре-заевич	211
Линде М.Я.	138	Мак-Доналд	124	Месяцева Валентина	230
Лисовская Н.П.	64, 66,68,217,240	Максимов Александр	154	Метенко	84
Листвина	173	Малашавичюте Зита	154	Метсалу Э.	250
Литвин Ю.	110	Маликов	77-78	Меш Ян (Яков)	93, 152
Лихачев	90-91	Мальцев	71	Мешко Оксана	82,110, 203
Лозинский Иван Михайлович	180	Малын В.Н.	168	Милериус А.	106
Ломакин Сергей	168	Мандельштам О.Э.	37, 72	Милетич Николай	25, 26,32,34
Лоренсзон Алексей	93-95	Маргарита	113	Миллер Генрих	70
Лохвицкая Лариса	187	Маринович Мирослав	178-180,782,183	Мильгром И.	175
Лубенская Людмила	134	Маркин О.И.	120	Милявская Ирина	95
Лубенцова В.	248	Маркозиа А.	98	Милявский Леонид	95-96,187
Лубман Леонид	178-180,183	Маркс Карл	23	Мини Джордж	37
Лукаускайте-Пошке-не Она	103	Марсал Артур	70	Миняков Дмитрий Ва-сильевич	110
Лукьяненко Лев	42, 82,176	Мартемьянов	233-234	Миронова М.П.	146-147
Лукьянов	189	Мартынов Евгений	213	Мирончук	195
Лукьянович М.	183, 185	Марченко Анатолий Тихонович	23,24, 35-43,64,77,175, 239,242	Мироханов Юрий	139
Лурье С.А.	44-46, 54	Марченко Валерий	96-97	Митин В.Н.	148
Лурье Я.С.	45-47, 54			Миттеран Франсуа	242
Луспеков А.	231			Михаил, св.	105
Любарский Кронид	25-26,64			Михайлов	71
				Михайлов Владимир	193-194
				Михайлов Михайло	165
				Михайлов Иосиф	209

Михайлова Г.	193-194	Набока Сергей	95, 187-188	Новосельцев В.	240
Михайлова Н.	36	Наборщиков Ю.В.	166	Ногин	55
Михалева Н.	217	Навалыный	80	Норкунас	106
Михеичев В.	116-117	Нагле Ирина	228, 230,237,242	Нудель Ида	200
Михлик Марк	146	Назаров Василий	234	Образцов	41
Михлин Марк	94, 146	Назаров В.В.	138	Овес М.	180
Мицкевич Валентин	24-34	Назарова Наталья	234	Овсенко Василий	167,176
Мицкевич Наталья	34	Назарян Роберт	169, 170	Овчинников	161
Мицкевич О.В.	33	Назин-Распутин	36	Овчинников Николай Николаевич	27, 34
Миштаутас Э.	104	Найденович А.	8	Огородников Александр	177-183, 198
Мкртчян Ануш	188	Нартова Евгения	93, 166	Огурцов Игорь	169
Мкртчян Ишхан	188	Нарымбаев	208	Одинец Ольга	25,26, 34
Модебадзе Р.	99	Недобора В.	81	Одинцов В.Г.	89, 93
Моисеева-Баранова Елена Ивановна	211-212	Некипелов Виктор	23, 35,176-182,198, 200	Олег Михайлович	74-75
Моисей	247	Некишелов С.	36	Олейник Иван	92
Молайн	149	Немеринская Н.Я.	82, 193,199	Олешко	24
Молотов В.М.	180	Непелехович Владимир	8	Олиярник Анна	112
Монаков Михаил	178-179	Непомнящая Эда	151-152	Омельницкий Петр	30
Монбланов Виктор	202-203	Непомнящий Марк	151	Омельченко Н.	217
Мопассан Гюи	13	Нестеренко	83	Орвелл Дж.	236
Морозов Марк Аронович	57,59,199-200,230,242,245	Нийтсоо Виктор	176, 180,182,183,250	Орлов	36,38
Мостинская Серафима	190-191	Никлус	42	Орлов Е.И.	130
Мошарский Лев	30	Николаев	135	Орлов Юрий	8,25, 37,184-185,200
Мурадян Хачатур	235	Николаев	169	Орловский М.Л.	208
Мурженко Алексей	31,97,175-716	Нилин В.	162	Орлюк И.	113
Мурженко Любовь	31-32,97,176	Нилов А.	184	Осипенко Василий Давидович	109
Мустафин А.	207-208	Ничипоренко Григорий	169,170,197	Осипенко Любомир Давидович	109
Мухаметшин Борис	166,209	Новиков В.И.	136	Осипов Владимир	170, 177,182,183,196, 197
Мэшам	241	Новиков М.З.	10	Осипова Татьяна	8, 15,19,21-23,25,27, 29,30,32,34,55,171-58
Мясников А.	55, 217	Новиков Р.М.	89		
		Новикова Лариса Александровна	141-143		
		Новодворская В.	56, 58		

-174,200,217-228, 242,245	Повшенко 186	Пушкарь Вячеслав Аксентьевич 182
Остин 57	Подрабинец Алек- сандр 8,10,13, 15,143,193,200	Пушкин А.С. 236- -237,239
Островский Григорий 93	Подрабинец Кирилл 169,191-193	Пыхьяла И. 250
Острогляд 73	Подрабинец Пинхос 8, 68,191,231,242, 243	Пяткус В. 42,102, 176
Павилонис Л. 108	Покровская 115, 117	Равич Моисей 93,95
Павлов 173	Поленова В.Г. 11	Радин 116
Пазюк Феодора Роди- онова 109	Полетаева Г. 217	Райко 83
Панахидин 83	Полис-Аболиньш Виеструс 183	Рак 178
Парицкий Александр Соломонович 149- -151	Помаз 183	Ратнер Юдифь 133
Парфенов А. 168	Пономарев В.П. 120	Ратушинская Ирина 94-95, 148-149,237, 243
Пархоменко Наталья 95	Попков 77	Ратушный Анатолий Васильевич 109
Пахальский Ю.М. 194	Попков Владимир 215	Рауш Иоганнес 70, 239
Пацюкевич В.Г. 86	Попов 63	Рахленко Арон 126
Пашко Атена 194, 217	Попов 79	Рахмилович А.В. 208
Паюсалу А. 250	Попов В.И. 80	Ребезнюк 187
Певзнер Валерий 93, 152	Попов Л.М. 248	Ребрик Богдан 204
Пельоните Ирена 105	Попов Олег Алексе- евич 69,71-73, 90-92,114,116,133, 231	Ребрик Марина 204
Пестов Сергей 28	Попова Наталья Ми- хайловна 71-72	Резникова Е.А. 14
Петренко 238	Попович Оксана 170, 173-174	Рейган Роналд 178
Петренко М. 232	Породнов А. 211	Рекунков А.М. 76, 128,147
Петриев Степан 182, 202	Поскребышев 148	Ренев 25
Петров 174	Похил Ф.Г. 24,25, 28,31	Репин Валерий 62- -63,240
Петров В.И. 114- -115,117	Поярков В. 116	Репина Елена 63
Петрова 144	Престин В. 130-132	Репников В. 62
Пильников Валерий 89,146	Придоткас А. 106	Реус Мария Никола- евна 209
Пимен 198	Приколотин Игорь 24	Риббентроп 180
Питакурия Марина 235	Приселков М.Д. 46	Рихтер Ирина 141, 143
Плахотнюк Николай 84-85	Приходько Григорий Андреевич 79	Рогинский Арсений Борисович 43- -54
Плеханов Г.В. 44-45, 46,53	Прокопенко И.Н. 148	Розен Н. 132
Плешков Н.А. 35-36	Пронюк Е. 167	Розенштейн Г. 129
Плумпа Пятрас 202, 216	Птецов С. 225	Розин Владимир 126, 129-130,134
	Пугачев В.В. 44-47, 54	

Розина Фаина	133	Саулебаев	207	Сидоров В.	36
Романенко А.Ю.	217, 221, 224, 225, 227, 229	Сафронов	177-179, 181-182	Силивончик Галина	173-174
Романенков В.И.	155-156, 164	Сахаров Андрей Дмитриевич	42, 65, 69, 72, 82, 125, 154-166, 176, 177, 200-201, 206, 235, 237, 240	Силкина Н.Н.	11, 13
Романов В.Г.	55	Сашонок В.Н.	44, 46	Симискайте Я.	102
Романова Августа Яковлевна	64-66, 236, 240	Сваринскас Альфонсас	103, 104	Симокайтис Витаутас	177-180
Рудакова Л.	217	Светличный Иван	205	Симонов Константин	150
Руденко Николай Данилович	82, 170, 172, 176, 181-183, 199	Свердлов Владимир	166-167	Сирик	84
Руденко Раиса Афанасьевна	81-82, 170-172, 174, 239	Светлов Э.	113	Сиротенко Елена	34, 66, 217
Румачик Петр Васильевич	110	Селиверстов	231	Сичко Василий	168
Румшицкий Б.	64, 68	Семенов	136	Сквирская Нэлли Наумовна	138
Русаков Эдуард Иванович	142	Семенов Алексей	154-156	Сквирский Владимир	74, 207-209, 242
Рыжков	195	Семенов Т.П.	44	Скрябин	161
Рябинин	163-164	Семенова Мария	173-174	Скрябин Г.К.	245
Рябов	61	Семилетов В.	240	Скудра Жанис	245
Рязанов Игорь	230	Семянникова Е.	80	Скуодис Витаутас	170, 196, 197
Саватимов	186	Сендерова Ирина	29	Сладкявичюс Винцентас	103
Садунайте Нийоле	102	Сеник Ирина	209	Слепак Владимир	200
Садунас Йонас	102	Сенкевич	79, 87	Сливко В.	168
Сазонов А.И.	124	Сенчура Л.И.	44-45, 53	Слиптый Иосиф	112
Салганик Хэм	93	Сербский	85, 210	Смирнов Алексей	18-19, 31, 55, 74-75
Салтыков-Щедрин М.Е.	43-44	Сергеев Лев	166	Смирнов Виктор Дмитриевич	141-143
Сальнов С.Я.	35	Сергиенко Александр (Олесь)	203-204, 209	Смирнова Любовь	75
Самокар	178-179	Сергиенко Ольга	203	Смоленский И.	36
Самхарадзе Н.	101	Сергиенко Устым	203	Смольников В.И.	17
Сапеляк С.	216	Сергийчук	96	Соболев Г.А.	121-122
Сапиро Ирина	126, 134	Серебров Феликс Аркадьевич	8, 10, 12, 14-17, 23, 25, 32, 55, 73, 155, 239	Совков	128
Сарне-Рубанова А.А.	8	Серков	177	Сойферт В.	160
Саровский Серафим	113	Сибирин	57	Соколинская И.	224
Сартаков Петр	204	Сиденко Федор	209, 246	Соколинский Евгений Александрович	218-219, 223-224, 226-227, 229
Саснаускас Юлис	204			Соколов	162-163
				Соколов В.И.	84-85
				Сокульский Иван Григорьевич	79

Солдатов Александр	Теребилов	128	Трусова Т.	41,71
202	Терентьев	210	Тумакова	194
Солдатов Сергей	Терешкин	194	Туманова Л.	23
Солженицын А.И.	Терещенко Владимир	90, 147-148	Туркин Г.Т.	245
74, 249	Терлеца-Кедрова		Тымчик А.И.	96
Соловов М.	Светлана	133	Тютчер Маргарет	160
55	Треляцкас Антанас	176, 178-182	Тюрин	171
Солонин	Терновская Людмила		Уманская Екатерина	126
32	176		126	
Сорокина С.	Терновская Ольга		Устинов Д.Ф.	156
231-232	Леонардовна	10, 73		
Спиченко Василий	Терновский Леонард		Файнберг В.	56-60,73, 208
240	Борисович	8,10,15, 23,32,73,176,188,200	Фанер-Зайцев	210
Стабровский Сергей	Тертицкий Леонид	217-221,224,225	Федоренко Василий	176
74-75	Тертицкий М.	220,224-225	Федоренко Иван	212
Ставрин	Тесменицкий Леонид		Федоров, подполковник	176,178,179
186	90-92,114,116,122,124-125		Федоров К.Н.	147
Стакенас Вацлавас	Тигане Р.	250	Федоров Ю.И.	166
103	Тимофеев	73	Федоров Ю.П.	30,31, 175,176,178-179,182-184
Сталин И.В.	Тимофеев В.Ю.	63	Федорова Виктория	133
123,170	Тимохин Валиахмед	209	Федорова Зоя	133
Старчик П.	Типлицкий Борис	129	Федорова П.С.	30,31, 176
68,231	Титов	64,124	Федорчук	177
Стасевич А.	Тихий Алексей	42,175	Федякина Рушания	209, 240
194	Ткаченко В.И.	148	Фейгин В.А.	44
Сташкевичос	Ткачук Василий	205	Фейгин Тома	
179-180	Токарев	19	Соломоновна	156
Степанец Г.Ф.	Токарева Б.Е.	25	Фефелов Валерий	75-78,210,241
217,221-222,224-229	Токарева Елена	34	Филатов В.А.	139
Степанавичос	Токарь Давид	152-153	Филатов Ю.А.	131,132, 139
Юлионас	Толоконникова Н.В.	246	Филонова Л.В.	246
103-105	Тооминг Х.	250	Финкель Федор	73-74
Стороженко С.М.	Толстой Лев	190	Финкельштейн Э.	139
80, 149	Тольц В.С.	10,235	Фоканов Владимир	186
Стрельцов Василий	Томачинский Виктор	119-120	Сергеевич	
167	Третьяков В.И.	212		
Строцьень	Трикалец	86		
179	Троц Л.В.	246		
Ступников Александр				
230				
Стус Василь				
42,169, 176				
Сургучев				
183,184				
Тамара, царица				
98, 101				
Тамкявичос Сигитас				
103-104				
Тансканен Людмила				
Эйнеровна				
109				
Таран Р.Ю.				
65-66				
Таранюк Татьяна				
Васильевна				
109				
Тарасенко				
182				
Тарасов				
169				
Тарясис А.				
107				
Таьбаев С.				
208				
Татаренко Ю.				
218				
Ташенова К.				
208				

Фоканова Любовь	Цапенко П.	73	Черчик Евгений	
Сергеевна 186	Цаплин	192	Терентьевич	109
Фрадкин Л.Д. 35,42	Цапурин Игорь	233-	Чеснавичюс	18
Франк С. 65		-234	Чечеткин Б.И.	25-
Фрейман Г. 160	Царев	32		-28
Фридман Ким 89,146	Цветаева Марина	231	Чистяков Владимир	
Фрик А.А. 208	Цвигун С.	78	Янович	142
Фрик Я.А. 208	Церн В.	210	Читанава В.	183-
Фрумкина Наталья 43	Цуриков В.	141-143,		-185
Форд Джералд 37		243	Чихрадзе	99
Фрунзе Михаил 35	Цурков А.	183-184	Чу Найбо	195-196
Фульмахт Виктор 135	Цуртавели Яков	101	Чудновский	149
	Цыганков А.П.	28,30,	Чулкова Мария	
		31,33,34	Сергеевна	186,
				202
Хазин 36			Чуринова И.	225
Харитон Ю. 158	Чаадаев Петр	13	Чухрай Павел	195
Харитоновна Ольга	Чайка	175	Чхеидзе Тамара	98
Федоровна 109	Чаладзе Б.	99		
Хармц Геннадий 230	Чан Кан Хо	170	Шабля	148
Хасин Геннадий 132,	Чапковский И.	64,	Шабров А.	116
175		69	Шайдулин О.	217,
Хасина Наталья 130,	Чашин	169		224
132-133,139,175	Чебанов	195	Шалашов	77
Хвоткова Александра	Черепанов Вячеслав		Шальчев	122-123
173-174,245	176,178,179,183		Шаповалов Л.П.	130
Хеннекр Петр 166	Чернецкий Кирилл		Шаталов Василий	166,
Хижняк 97		248		201
Хлюпина Т. 34	Чернобай Г.С.	114-	Шатравка Александр	33
Хмара С. 174		-115		93
Ходорович Сергей 26-	Чернобыльская	114	Шварц Юлий	93
-27,64,66-69,159,236,	Чернобыльский		Швейский В.Я.	34,
240	Борис Моисеевич			55,61
Ходорович Татьяна	70,91-92,114-119,		Шеварднадзе Э.	98,
Сергеевна 24	125,130,131,239			206
Хозреванидзе М. 101	Черновол Валентина		Шевченко Александр	
Холоденков Г.Ф. 110-		85	(Олесь)	82,177,
-111	Черновол Вячеслав	85,	179,180,182,183	
Храмцов Юрий 205-	194-195,217		Шевченко Виталий	82,
-206	Черноморский И.	207		185
Хреновский В.М. 166	Черный	179	Шевченко П.И.	246
Христос 105,241	Черный Давид	94	Шекк	77
Христюк И.Ф. 205	Чернявская Инна	187	Шепелев Владимир	55-
Хромова Т. 65	Черняк Ю.	129		-57,73-74
Хрущев Н.С. 245	Черняускас Р.	105	Шепелев Георгий	73-
Хургина М. 34	Черпак М.П.	85,		-74,202
Хусаинов Ф. 241		87		

Шепетунина	144	Шелчков	193	Язев	198
Шефер Лев Г.	130-	Шенавичюс А.	106	Языков В.	67
	-132,139	Щербаков	200	Якир Петр	169
Шибает	76,78	Шиглик Дмитрий	134-	Якоб Рудольф	166
Шинкарев А.А.	191		-135	Якобсон Ирина	134
Шиханович Е.	65	Щукан	177	Яковлев Михаил	
Шиханович Ю.А.	64-			Юрьевич	17-18
	-67,160	Эбель Виктор	166	Якорева А.	74
Шлаен Александр	93	Эбель Лидия	166	Якунин Глеб	15,155,
Шмидт Гельмут	241	Эберт Артур	166		184-185,197,246-
Шовылин	78-79	Эйдельман Н.	47		-248
Шистко Ю.В.	95	Элькина Беатриса	94	Якунина И.Г.	248
Шпек	186	Эльман Михаил	93,	Якявичюс Ю.	107
Шпенглер Освальд	81,		138	Янкельсон Ж.	65
	242	Энгельс Фридрих	23	Янкус	107
Шульскене Лейма	102	Эпштейн Леопольд	62	Янтовский С.	129
Шурупов А.В.	73			Янулис А.	170,196
Шухевич Ю.	169	Юозенас	107	Ярмолович Акулина	
		Юрьев А.	183-185	Арсентьевна	109
Щаранский Анатолий		Юрявичюс Мечисловас	186	Ярым-Агаев Ю.	15
	169,174,175,200			Яславский В.С.	166
Щелокон Н.А.	63,			Ясюкявичюс	102
	146			Яценко Виктор	62
				Яценко Мария	62
				Яценко Николай	62
				Яшкунас Генрикас	
					176

\$9.00